

4И(МОНГ)
А-45-
57608-

В. Э. Раднаев

**Монгольское языкознание в России
в I половине XIX в.:
проблемы наследия**

4И.МОНГ
P-15-

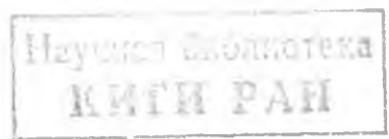
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

В. Э. Раднаев

**Монгольское языкознание в России
в I половине XIX в.:
проблемы наследия
(т. 1, ч. 1)**

- 57608 -

Ответственный редактор
чл.-кор. РАН, д-р ист. наук Б. В. Базаров
Научные редакторы
канд. филол. наук Б. Д. Цыренов
д-р филол. наук Е. В. Сундуева

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра СО РАН
2012

УДК 811.512

ББК 81.2

Р 15

Рецензенты

Л. Д. Шагдаров, д-р филол. наук, проф.

В. М. Егодурова, д-р филол. наук, проф.

П. П. Дамбуева, д-р филол. наук

Раднаев В. Э.

Р 15

Монгольское языкознание в России в 1 половине XIX в.: проблемы наследия (т. 1, ч. 1). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 392 с.

ISBN 978-5-7925-0357-1

В монографии изучена история монгольского языкознания в России в первой половине XIX в. В ней рассмотрены важнейшие направления – грамматическая теория, историческая лексикология и лексикография. Научные основы грамматик монгольских языков Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского, А. И. Бобровникова, А. В. Попова, А. А. Бобровникова исследованы детально. Историческая лексикология монгольского языка, разработанная в XIX в., рассматривается в тесной связи с исследованием национального сознания монгольских народов, форм их государственности. Становление и развитие монгольской лексикографии прослеживается с XIV по XIX в. в свете преемственности и взаимовлияния, в диалогическом диалоге Запад – Восток.

Книга адресована филологам-монголистам, бурятоведам и калмыковедам, а также тем, кому небезразлична судьба родной речи у монгольских народов.

УДК 811.512

ББК 81.2

© ИМБТ СО РАН, 2012

© В. Э. Раднаев, 2012

© Изд-во БНЦ СО РАН, 2012

ISBN 978-5-7925-0357-1

Мы стремимся взять у прошлого пламя, а не золу.

Жан Жорес

Светлой памяти моей матери

Норжимы Будаевны Чимитовой (Раднаевой)

посвящается

Введение

Создание труда по истории монгольского языкознания не только в России, но и за ее пределами, а также формирование мирового монголоведения с центром в Улан-Баторе продиктовано необходимостью подготовки новых поколений лингвистов-монголистов как в историко-научном, так и практическом плане. Объект исследования – история становления и развития монгольского языкознания в России с 30-х по 60-е гг. XIX в., в этот период представлявшее собой грамматическую теорию языка монголов, называемую тогда «языкоизучением», историческую лексикологию и лексикографию. Современное языкознание монгольских народов уходит своими корнями вглубь к направлениям лингвистики того времени. Историческая лексикология и лексикография в настоящее время также актуальны, первая из них была реанимирована на некоторое время, а вторая периодически востребована для нужд народного образования, о чем будет сказано ниже.

В период распада СССР и возникновения СНГ в силу резко изменившейся ситуации историческая лексикология стала востребованной по ряду сложившихся причин. Появились на карте мира новые суверенные государства. Бывшая МНР лишилась мощного спонсора в лице СССР, а новая Россия – дружественной в советское время Монголии, экономические связи между нашими странами резко сократились. Монголия в одночасье, неожиданно получив самостоятельность во всех сферах экономики и жизни, стала искать новые формы существования. Появились новые деловые люди. Они-то и основали индустрию туризма, стали изменять облик страны в целом, Улан-Батора в частности. Они обратили свои взоры на историческое прошлое – на Чингисхана. Он стал играть большую роль, сделавшись брэндом. Его именем названа одна из крупных гостиниц Улан-Батора. Вблизи столицы построен мемориальный комплекс, на вершине которого возвышается громадная фигура всадника – великого Чингисхана,

а внизу, в нише, создан историко-культурный музей Монгольской империи XIII–XIV вв. Малая родина завоевателя Дэлюн-Болдог «Холм-селезенка» и пантеон, где покоится прах великих монголов XIII в., превратились в своеобразную Мекку местных и иностранных туристов.

Стали издаваться научно-популярные и узконаучные работы с явно националистической окраской. С. Ш. Чагдуров возглавил изучение древней топонимики монголов, а историки Ш. Б. Чимитдоржиев и Б. Д. Цибилов стали адептами культурного национализма бурятского народа.

Буддизм в Калмыкии был ликвидирован в годы выселения калмыков как изменников с мест их обитания в Сибирь и восстановлен в годы перестройки. Бывший президент РК К. Н. Илюмжинов сыграл значительную роль в становлении и развитии буддизма, сделав его государственной религией наравне с христианством. Его Святейшество Далай-лама XIV Данцзин Джамцо посетил Калмыкию, Бурятию и Туву. Им было определено место для возведения главного хурула вблизи Элисты, где впоследствии и построили грандиозный храмовый комплекс высотой 60 метров. В хуруле сооружена монументальная 6-метровая статуя Будды, изготовленная непальскими мастерами, — это не только предмет культа, но и образец современного буддийского искусства. Группа гелюнов* совершает обряды и проводит буддийские праздники.

А. Ш. Кичиков инициировал возвращение народу давно забытого «ясного письма», приписываемого Зая-пандите Намхайжамцо, знаменитому просветителю ойратов и калмыков. Лексикография у монгольских народов, живущих в России и Китае, была актуальна в народном образовании и гуманитарной науке в условиях дву- и многоязычия как в практическом, так и научном плане. Однако грамматические труды прежних монголоведов в настоящее время устарели, кроме «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» (1849) А. А. Бобровникова. Уникальность его грамматики состояла в том, что она содержала выдающиеся идеи новатора, опережавшие время. Язык монголов с XIII в. составляет богатый ресурс истории монгольского языкознания, базирующегося на источниках уйгуро-монгольской, ойратской и квадратной систем письма. Субъектами монгольского языко-

* Гелюны — калмыцкие ламы.

знания являются сами творцы и их лингвистические труды в зеркале взаимосвязи с историей их создания, а также в научной критике современников-монголоведов и ученых последующих времен. Активными критиками работ монголоведов Казанской школы были Я. И. Шмидт, тюрколог В. В. Григорьев, в жанре некролога в научной прессе блистал П. С. Савельев. Несмотря на то что эти работы имеют давность, в исторической и утилитарной памяти современных филологов и лингвистов живы и сейчас, об этом свидетельствует обращение ученых наших дней к истокам монгольской лингвистики того времени.

Теперь перейдем к наиболее полному рассмотрению научного наследия монголоведов I половины XIX в. в России в таких аспектах, как общевостоковедная сфера науки, локальная и национальная персонология, народное образование монгольских этносов, находившихся на периферии России.

I

Таким образом, мы очертили возможный круг развития монгольского языкознания в России, являвшегося частью русского монголоведения и востоковедения в ту эпоху. Нам необходимо определить роль и место языкознания в системе Азиатского музея Петербургской АН и Казанского университета.

Группой востоковедов была издана наиболее полная в освещении становления и развития российского востоковедения, определившая его место и роль в мировой науке о Востоке, монография «История отечественного востоковедения» с XVIII столетия по 1917 г. в двух книгах [кн. 1, 1990; кн. 2, 1997]. Во вторую книгу включены богатейшая и исчерпывающая библиография работ по отечественному востоковедению, материалы архивов, которые объединяют эти книги в одно целое. В шестой главе первой книги помещен параграф по монголоведению, написанный А. Г. Сазыкиным [1990, с. 274–284]. Автор в целом охарактеризовал деятельность Я. И. Шмидта, работавшего в Азиатском музее Петербургской АН, затем О. М. Ковалевского и А. В. Попова, их учеников Д. Банзарова, А. А. Бобровникова. Мы берем во внимание лишь труды по монгольскому языкознанию и их авторов, указанных нами выше.

Я. И. Шмидт (1779–1847)

О. М. Ковалевский (1801–1878)

Доржи Банзаров (1822–1855)

А. Г. Сазыкин, отдавая должное заслугам Я. И. Шмидта, вполне справедливо писал: «Оценивая вклад Шмидта в монголоведение, следует прежде всего учитывать, что он был первым, кто ввел изучение монгольской истории и филологии в число научных, академических дисциплин» [1990, с. 275]. Эта точка зрения автора перекликается с основными доводами энциклопедических изданий постсоветского периода, в которые были включены сведения о Шмидте. Говоря о казанском периоде русской ориенталистики, А. Г. Сазыкин справедливо отмечал: «Сравнительно непродолжительный казанский этап в развитии научного монголоведения в России оказался очень важным для дальнейшей судьбы этой отрасли ориенталистики. За время существования монгольской кафедры в Казанском университете были определены основные направления в изучении истории, культуры, литературы монгольских народов. Были созданы монгольские грамматики, хрестоматии, словари, столь необходимые для успешной подготовки специалистов в данной области востоковедных знаний» [Там же, с. 283–284].

В «Историю Академии СССР» (1724–1971) А. Н. Кононов в раздел «Востоковедение» включил только тех, кто действительно работал в системе Академии наук. А. Н. Кононов [1958, т. 1, с. 406–410] изложил историю АН. Он привел свидетельства о том, как Я. И. Шмидт был принят в Академию наук и указал на его основные труды. Касаясь скандальных интриг Я. И. Шмидта, он писал так: «Известные научные заслуги Шмидта не могут заставить нас забыть, что иногда он переоценивал свои силы и возможности, недооценивал русское востоковедение и русских востоковедов, неоправданно превозносил успехи наук на Западе» [Он же, 1964, с. 222]. Во II части «Истории...» А. Н. Кононов описал период с 1860 по 1890-е гг. Затронув монголоведение этого периода, он упоминает лишь имена Б. Я. Владимирцова и С. А. Козина [Там же, с. 631], имя Н. Н. Поппе отсутствует.

Касаясь I половины XIX в., необходимо осветить, как шло развитие науки в русле того времени. Д. Банзарова вызвали в Петербург 19 ноября 1847 г. для решения вопроса об исключении его из казачества. Он прибыл в столицу России 18 января 1848 г., где с апреля по июнь выполнял различные поручения Петербургской АН, работая в Азиат-

ском и Этнографическом музеях. Тогда он близко сошелся с петербургскими учеными П. С. Савельевым, В. В. Григорьевым и др. Как известно, долгие споры Я. И. Шмидта с русскими востоковедами не закончились после его смерти. Обиженная русская партия ученых как раз нуждалась в поддержке своей правоты со стороны нового авторитета в науке. Таким человеком стал молодой кандидат наук Дорджи Банзаров. П. С. Савельев писал о нем так: «При светлой голове ему понятны были самые утонченные вопросы и требования эрудиции, и во всех своих суждениях и направлениях обнаруживал он чисто европейский склад ума, сочувствие к современным идеям, соучастие в жизни и движениях человечества» [1997, с. 37]. Он же назвал Банзарова «примечательной личностью». «Дорджи Банзаров сделался львом общества ориенталистов» [Там же], а В. В. Григорьев писал с большой радостью о нем так: «Но по складу, какой получил его ум через воспитание, он мог бы надеть с честью докторский колпак в любом европейском университете» [по: Раднаев, 1997, с. 29]. Д. Банзаров стал сенсацией в научных кругах Петербурга. Он сумел оправдать надежды своих новых друзей в столице, написав ряд содержательных и аргументированных статей, в которых раскрыта суть споров, возникших задолго до него в востоковедной среде, например, разрешены дискуссионные вопросы монгольской эпиграфики и исторической лексикологии. Краткосрочное пребывание Д. Банзарова на берегах Невы принесло большую пользу научной работе, возвысив его талант и авторитет на избранной им стезе филологии. О петербургском периоде жизни и деятельности Банзарова в истории монголоведения немало сказано В. В. Григорьевым, П. С. Савельевым и др.

И. И. Иориш издал обзорную статью по истории русского и советского монголоведения в связи с юбилеем Азиатского музея, преемника Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР [1972, с. 209–234] (ныне – Институт восточных рукописей РАН). Касаясь зарождения монголоведения, он писал: «Россия пришла в непосредственное соприкосновение с монголами, установила с ними торговые и политические связи» [Там же, с. 209]. Он отметил, что первые шаги донаучного монголоведения в России носили в целом практический характер. В целях общения с монголами составлялись краткие словари и разговорники. Некоторые из них дошли до нас

в архивах и фондах НБР (Санкт-Петербург). Автор упоминает учителя А. В. Игумнова – знатока местных законов, быта и жизни бурят. О Г. З. Байере и И. Иериге говорится скупо на основе библиографии О. Ливотовой, В. Португаль [1966, с. 11–12] и данных С. К. Булича [1904, т. 1, с. 402–403].

И. Иориш отметил значительный вклад Я. И. Шмидта, охарактеризовав его как исследователя языка памятников уйгуро-монгольской и квадратной письменностей, дав положительную оценку его анализу и переводу писем ильханов в Иране, публикации подлинного текста «Эрдэнийн тобчи» (Драгоценный свод) Саган Сэцэна Ордосского, выполненного Я. И. Шмидтом на основе точек зрения Г. Д. Санжеева. Казанский этап русского монголоведения определен автором как «комплексный до петербургского периода монголоведения» [1972, с. 212].

Б. Я. Владимирцов внес в монголоведение огромный вклад. Он был универсальным энциклопедистом. И. Иориш справедливо утверждал, что Б. Я. Владимирцов являлся, бесспорно, одним из крупных основателей сравнительно-исторического языкознания в монголоведении [Там же, с. 215].

Бурятские ученые занимались историей монголоведения в России в I половине XIX в. На этой стезе Д. Б. Улымжиев опубликовал серию статей о казанских монголоведах XIX в. [Шагдуров, Евдокимова, Дамдинов, 2000], см.: о Ковалевском – № 145–146, 156, 171, 178, 186, 222, 227; о Попове – № 14, 154, 172, 191, 231*; о Банзарове – № 131, 147, 157, 159, 167, 173, 185, 193, 198, 223–224, 227, 243–244, 265; о А. А. Бобровникове – № 164, 175 [Раднаев, 1997]. Книга Д. Б. Улымжиева «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» состоит из введения, очерков, заключения [1994]. Основная часть его книги представлена в семи очерках о жизни и деятельности О. М. Ковалевского и А. В. Попова, их учеников Д. Банзарова, А. А. Бобровникова, чьи научные труды вошли в основной фонд монгольского языкознания. Историко-филологические эссе об этих монголоведах носят науковедческий и библиографический характер. В них автором показано состояние русского монголоведе-

* Номера сохранены по источникам библиографии о Д. Б. Улымжиеве, воспроизводятся по оригиналу составителей.

ния в Казани той эпохи без дифференциации научных дисциплин. В целом его работа положительно в отношении изучения исторического и научного исследования. В. И. Рассадин пишет в своей рецензии так: «Книга Д. Б. Улымжиева представляет собой весьма ценное и современное исследование, актуальность которого ныне очень велика в связи с возрастанием интереса народа к своей истории и культуре, к истории науки своего Отечества. Она пробуждает у читателя добрые чувства к давно ушедшим людям, гигантам науки и знания, рождает законную гордость, что мы являемся потомками этих людей и продолжаем начатые ими дела. Книга учит молодежь никогда не забывать своих славных предков, своих сказителей и певцов, летописцев и ученых, хранителей фольклора, создающих и составляющих бессмертную славу народа» [1995, с. 3].

Отдельные монгольские ученые не обошли молчанием историю русского и зарубежного (западного) монголоведения. Группа монголоведов из бывшей МНР составила книгу «Зарубежные ученые, изучавшие Монголию», редактором которой был Б. Улзийсүрэн. В сборнике представлены научные портреты Я. И. Шмидта (авт. Д. Дамба), О. М. Ковалевского (авт. Ж. Цолоо), Д. Банзарова (авт. Г. Догсүрэн), А. А. Бобровникова (авт. Ж. Цолоо, с. 4–11), Б. Я. Владимирцова (авт. Х. Лувсанбалдан). Почти по всем биографиям даны списки трудов монголоведов. Научно-исторические портреты интересны и содержательны, авторами сделаны выводы о научном вкладе каждого ученого в соответствии с развитием монголистики того времени. Д. Дамба составил биографию Я. И. Шмидта, заимствовав у Ш. Лувсанвандана ценные данные по грамматике монгольского языка [1967, с. 71–72] без указания источника. Эти факты вводят в заблуждение читателей. Книга содержит ряд цельных и интересных портретов Г. И. Рамstedта (авт. Ж. Цолоо), П. Пелльо (авт. Ц. Шагдарсүрэн), П. А. Мостаэрта (авт. Б. Содном). Ч. Догсүрэн представил очень содержательный портрет Д. Банзарова, показав его феномен в контексте русской ориенталистики XIX в. Автор этих строк опубликовал рецензию на книгу, в которой дана положительная оценка работы [Раднаев, 1976, с. 63].

В 2004 г. М. И. Гольман издал весьма ценный историко-научный и науковедческий труд, в котором освещены неизвестные стороны деятельности Г. И. Рамstedта, Н. Н. Поппе (его период в США) и дру-

гих лингвистов и филологов. Несомненно, М. И. Гольман показал, насколько масштабно и колоритно мировое монголоведение в целом и богато в отдельности. Эта книга освещает проблемы западной монголистики, основанной на национальной культуре монголов, созданной на уйгуро-монгольской письменности, которая уникальна как духовное наследие прошедших эпох. Занимаясь любой областью монголоведения, серьезному специалисту необходимо учесть работу М. И. Гольмана. Старая монгольская культура уникальна как исторический феномен.

Однако монгольская культура постсоветской эпохи требует нового подхода. Очевидно, изучение старой, новой и новейшей культуры Монголии должно быть построено по-новому – с учетом веяний времени и с духом познаний общемировой культуры в быстро меняющемся мире.

Монголоведение в истории Казанского университета занимает почетное и важное место как связующая ступень развития монголоведения в Петербургском университете. Можно утверждать, что уже в то время монголоведение состоялось на этапе институционализации науки как таковой. По истории Казанского университета написано немало монографий, книг и статей, составлены справочные и библиографические пособия.

В. В. Бартольд читал лекции по истории русского востоковедения XIX в. в ЛГУ и ЛИЖВЯ, которые издавались отдельной книгой дважды (изд. 2-е, 1925). Позже они были инкорпорированы в его Сочинения (т. 9, 1977). В XIV главе книги освещена история организации кафедры монгольского языка на философском факультете Казанского университета. Автор сообщает о том, как «попечитель Казанского учебного округа принял решение об учреждении кафедры монгольского языка и литературы в Казанском университете в 1828 г.» [Бартольд, 1977, с. 453]. Ректорат университета назначил А. В. Игумнова учителем монгольского языка для обучения воспитанников О. М. Ковалевского и А. В. Попова [Там же, с. 452]. На основе изучения архивных данных он установил, что Ковалевский и Попов были назначены адъюнктами, сдав экзамены у Шмидта в Петербурге [Там же, с. 453]. М. К. Корбут [1930, т. 1], издав монографию по истории Казанского университета, стал авторитетным историографом знамени-

того высшего учебного заведения. Многие историки по праву считают его труд основополагающим. Автор, отведя немало места монголоведению в Казанском университете, отмечал большой и кропотливый труд Ковалевского по сбору книг, ксилографов и рукописей для Казанского университета [Там же, с. 116], об учебе Ковалевского и Попова в Иркутске, о занятиях и путешествиях по Западному Забайкалью [Корбут, 1930, с. 116, 145].

Автор в параграфе «О студентах», говоря о Банзарове, о его учебе и возвращении на родину, сделал одно любопытное замечание, в котором говорилось, что «университет никого не отпускал назад по политическим соображениям» [Там же, с. 121–122]. Этот прецедент позволил Банзарову оставаться в Казани на иждивении университета более трех лет, что дало ему возможность заниматься наукой: сотрудничать с научной прессой, участвовать в проекте издания «Библиотеки восточных историков» И. Н. Березина и других, ездить в Петербург, работать в Азиатском музее под руководством академика О. Н. Бётлингга. В книге «Казанский университет 1804–1979. Очерки истории» есть глава «Востоковедение», где дается описание деятельности О. М. Ковалевского и А. В. Попова, а также сообщается об их трудах [Михайлова, Шапов, 1972, с. 68–75]. Отмечается, что из числа студентов впоследствии «вышли в ученый мир – это Д. Банзаров, Г. Никитуев» [Там же, с. 74]. Авторы вполне справедливо отметили, что «научный авторитет казанской школы востоковедения был общепризнанным», а «учебники О. Ковалевского, А. Казем-бека, И. Березина переиздавались на Западе» [Там же].

В «Очерках истории Казанского университета» есть немало интересных фактов из жизни монголоведов. В этой книге нашла свое отражение масштабная организационная деятельность О. М. Ковалевского [2002, с. 48–50, 59–60, 68–69, 74, 80]. Как известно, О. М. Ковалевский был ректором Казанского университета, много лет работал заведующим кафедрой монгольского языка, директором одной из казанских гимназий, участвовал в группе по междисциплинарным связям [Там же, с. 68–69], являлся членом Комитета для испытания чиновников и проверял пригодность отдельных лиц для преподавания «восточных языков в школах» [Там же, с. 74]. Впрочем, сейчас понятно, откуда появился слух, будто бы Банзарова хотели устроить преподавателем истории в гимназиях Казани [Очерки..., 2002, с. 60].

Н. В. Ким [1992, с. 35] утверждал, что Д. Банзаров был не исключен из казаков, а послан к генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву вопреки правилам законодательства. Есть утверждение о том, что П. И. Котельников и Д. И. Мейер сумели освободить Д. Банзарова из казачьего сословия [Там же, с. 49]. (Возможно, по этому факту сохранились архивные данные.)

С. М. Михайлова в V главе своей книги подчеркнула научное значение речи О. М. Ковалевского «О знакомстве европейцев с Азией» (1837), прочитанной на торжественном собрании Казанского университета 8 августа 1837 г. [1991, с. 195–224]. Она также коснулась деятельности Попова [Там же, с. 218].

В монографии Н. А. Мазитовой в основном рассказывается о татарской филологии, попутно рассматривается организационная работа кафедры монгольского языка, деятельность Ковалевского и Попова [1972, с. 57–58] и диссертация В. П. Васильева [Там же, с. 61]. Н. А. Мазитова привела интересные факты об учебе М. Навроцкого, который серьезно занимался монгольским языком, что позволило ему преподавать язык учащимся I Казанской гимназии [Там же, с. 62–63]. Он хорошо усвоил и калмыцкий, благодаря чему написал статью по монгольскому и калмыцкому языкам в сопоставительном плане [Навроцкий, 1840, кн. 3, с. 160–176]. Весьма любопытен параграф книги «Постановка преподавания восточных языков в I Казанской гимназии», в которой автором рассмотрены организационные задачи и цели обучения учащихся [Мазитова, 1972, с. 205–210]. Гимназия была важной ступенью для поступления гимназистов в университет, но чаще их принимали на службу в административные учреждения ряда губерний. Ныне Казанский университет входит в число крупнейших старинных университетов не только России, но и Европы, благодаря славной традиции разнообразных школ во всех отраслях науки и высокого уровня образования. На примере востоковедения можно убедиться в том, насколько сильно была развита семантика самоорганизующихся систем, плоды которых отложились в несметных архивах Казани и Петербурга.

Р. М. Валеев издал весьма солидную монографию по истории казанского востоковедения почти за полтора века, включив в свое исследование масштабное развитие татарской филологии [1998]. Моно-

графия состоит из введения, шести глав и заключения, даны источники, библиография и приложения. Первые две главы посвящены вопросам истории науки и науковедения. Во второй определена специфика ориенталистики I половины XIX в. в Казанском университете. В главе «Казанский центр востоковедения в первой половине – середине XIX в.» освещается история становления, развития и зрелости востоковедных дисциплин в I Казанской гимназии (1769–1855 гг.), Казанском университете и КДА, в которых изучение предметов состояло из филологии и истории с элементами страноведения. Монгольскую словесность начинали изучать в гимназии по специально составленной расширенной программе, согласно которой гимназисты усваивали параллельные языки (для будущих монголистов обязательным было изучение татарского), на основе латыни предлагалось изучение английского, немецкого и французского. В университете предметы соответственно усложнялись: монголисты продолжали освоение монгольской филологии и истории Монголии, студенты изучали буддизм, философию России и западных стран, всеобщую историю, историю всемирной литературы. По окончании университета они представляли диссертацию, которая по содержанию и насыщенности материала превышала уровень дипломных работ. В Казанской духовной академии (КДА) основным предметом были догматы христианства. Но слушатели академии, изучая буддизм или ислам в целях их критики в пользу христианства, в итоге становились хорошими знатоками религий. В названной главе автор рассмотрел научные аспекты монгольской филологии, более узко – лингвистики на примерах научных трудов школы монголоведов во главе с О. М. Ковалевским. Впоследствии его незаурядные ученики добились значительных успехов, стали серьезными специалистами, а в некоторых случаях стояли выше своих наставников. После перевода в 1855 г. восточного разряда Казанского университета в Петербургский было сохранено изучение тюркских языков (дань уважения местным условиям и национальной среде). Этим вопросам посвящены главы V, VI вплоть до 20-х гг. прошлого века. Заключение венчает монографию исторически обоснованными выводами и содержательными наблюдениями над процессами науки в масштабах глубокой и планомерной институализации.

К сожалению, монография Р. М. Валеева при всех своих серьезных достоинствах не лишена недостатков. Научная литература, появляющаяся в монголоведных центрах (Улан-Удэ, Элисте и Улан-Баторе), автором учтена слабо, не даны соответствующие оценки с точки зрения казанского монголоведения с учетом закономерностей историзма и фактологии. В главе о П. Я. Петрове нарушена логическая составляющая; укажем лишь на то, что следовало бы сказать о переводе Петрова в Московский университет. В последнем абзаце следовало разделить текст на две части, так как сообщается о двух разных санскритологах [1998, с. 153]. Эти погрешности, скорее всего, относятся к редактированию. Однако обнаруженные нами мелкие замечания вовсе не умаляют ценности столь глубокого и широко задуманного исследования о казанском востоковедении, выполненного известным историком-востоковедом, а также организатором науки, хорошо знающим семантику самоорганизующихся систем Р. М. Валеевым.

Монография В. Д. Дугарова [2004, с. 87–126] тематически близка к обобщающему труду Р. М. Валеева по истории казанского востоковедения, в ней большую часть занимает тюркология в целом и татароведение, в частности. Вторая глава его монографии состоит из трех подглав – «Формирование основ российского монголоведения: конец XVII–XVIII в.»; «Роль иностранных ученых в развитии монголоведных исследований», «Российское монголоведение в I половине XIX в.: казанский период»; «Значение трудов исследователей Восточно-Сибирского региона в развитии монголоведения в России». Проблема изучения монгольского языка и истории Монголии затронута лишь в двух последних частях. В. Д. Дугаров, будучи историком, затрагивает все аспекты русского монголоведения, опираясь на многочисленные факты прошлого и современного. В его книге есть немало описательного, но присутствует обзорность, в которой мало основательных и метких выводов. Он избегает критики в адрес современных специалистов по истории монголоведения. Таковы его аналитические подходы к решению актуальных проблем современного монголоведения с учетом познаний монгольской филологии I половины XIX в. Проблемы того времени сейчас должны рассматриваться в ракурсах современности.

Г. Ф. Шамов был одним из зачинателей изучения становления русского монголоведения в России I половины XIX в. Он защитил диссертацию «Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (I половина XIX века)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Так, он стал историком монголоведения в России, освоившим огромный и до сих пор не тронутый богатейший, вместе с тем весьма разнообразный архив об образовании восточного разряда на философском факультете Казанского университета [1956, с. 5–8].

Г. Ф. Шамов поднял пласты малоизученных вопросов зарождения и становления русского востоковедения в едином комплексе. Однорядность и слабость изучения истории науки в советское время объясняется очень просто: все ее достижения до 1917 г. замалчивались или освещались схематично и всячески восхвалялись успехи советского научного развития. Обширный архив О. М. Ковалевского оставался не использованным. Логично встает вопрос о необходимости полного освоения этого уникального наследия в сугубо историко-научных целях.

Наследие О. М. Ковалевского предварительно изучено в диссертации Г. Ф. Шамова. Это и понятно, так как само монголоведение еще лишь находилось на стадии становления. Изучая труды бурятских, московских, бывших ленинградских монголоведов, он скрупулезно исследовал архивы Казани, Ленинграда и сумел написать содержательный ретроспективный труд о О. М. Ковалевском. Книга занимает в истории казанского востоковедения особое место. Разнообразная научная, просветительская и организационная деятельность О. М. Ковалевского вызывала внимание историков, философов, религиоведов и филологов.

В 1983 г. вышла монография Г. Ф. Шамова. На нее были даны рецензии Д. Б. Улымжиева [1986, с. 115–117] и В. Л. Успенского [1986, с. 205–207]. Рецензенты высоко оценили его труд: «Книга Г. Ф. Шамова, как пишет и сам автор, не является полным и завершенным исследованием о жизни и деятельности... О. М. Ковалевского. Еще многие стороны его многогранной деятельности ждут дальнейшего поиска и исследования. Научное наследие О. М. Ковалевского требует глубокого и конкретного анализа с учетом истории и со-

временного состояния востоковедения» [Улымжиев, 1986, с. 117]. Другой рецензент отмечал: «Автор хорошо систематизировал взгляды О. М. Ковалевского в различных аспектах монголоведения: в области истории, филологии, вопросов этногенеза народов Центральной Азии. Ковалевский внес вклад в буддологию» [Успенский, 1986, с. 207]. Оба рецензента единодушны в оценке книги Г. Ф. Шамова, ее актуальности, монография «представляет интерес не только для монголоведов, но и для всех тех, кто интересуется историей русского востоковедения и отечественной университетской наукой» [Там же].

Казанский университет по праву гордится славным прошлым своей истории. В нем создан и функционирует музей истории. Проводятся крупные научные мероприятия, в том числе конференции: «Казанское востоковедение: традиции, современность и перспективы» (1996), «Катановские чтения» (1998), «Мирза Казембек и отечественное востоковедение» (2000) и 2-й Всероссийский съезд востоковедов (1999). 22–23 июня 2001 г. была проведена международная конференция «Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность», посвященная 200-летию со дня рождения выдающегося русского ориенталиста. Она была организована Казанским государственным университетом (КГУ), Институтом востоковедения КГУ, Институтом языка, литературы и искусства им. Г. И. Ибрагимова, Институтом социальных и гуманитарных знаний, Татарстанским отделением Международной тюркской академии. В работе юбилейного форума участвовали востоковеды Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы и татарские ученые, которые составили главный костяк конференции. Я. М. Бергер – куратор фонда Сороса следил за ходом конференции как участник этого научного мероприятия. Обзор о конференции освещен в отчете В. Э. Раднаева [2001, с. 173–174].

Материалы конференции опубликованы в книге с одноименным названием [Валеев, 2002].

В 2004 г. переиздана с дополнениями, новыми фактами и материалами книга «Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878)» [Валеев, 2004]. В книгу вошли статьи ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Казани и Варшавы. Она состоит из введения, двух глав: I. «Биография О. М. Ковалевского в контексте российского востоковедения XIX в.», в которой опубликована содер-

жательная статья Ежи Тулисова и Р. М. Валеева, П. «Вклад О. М. Ковалевского в монголоведение и буддологию и его наследие», ставший лейтмотивом издания. Наряду с интересными статьями опубликована статья И. В. Кулиганек о филологических работах О. М. Ковалевского, в которой «Краткая грамматика монгольского книжного языка» профессора получила не историко-грамматическое освещение без критики его современников [Валеев, 2004, с. 181–187]. Говоря о лексикографическом пособии О. М. Ковалевского, она умалчивает о трудах своих предшественников, уменьшив этим глубину содержания своей статьи. Работы А. И. Хохлова и Т. В. Ермаковой основаны на ценных фактах и материалах. Эта книга о О. М. Ковалевском отличается новизной подхода к истории русского востоковедения, тем ценна и полезна она для читателя.

Цикл публикаций о О. М. Ковалевском завершает монография О. Н. Полянской [2004]. Книга дополняет монографию Г. Ф. Шамова и существенным образом отличается от предшественника своим позитивом. Работа О. Н. Полянской состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и библиографии. Экспедиции Ковалевского и Попова по Забайкалью, Монголии носили научный и познавательный характер. О. Н. Полянская охарактеризовала Ковалевского как просветителя и создателя казанской школы монголоведов, сумела раскрыть структуру организации не только кафедры монгольской филологии, но и самой замечательной школы казанского периода монголоведения в России как самостоятельной науки.

II

Проект О. М. Ковалевского по созданию школы монголоведов имел свою систему, начиная от учреждения русско-монгольской войсковой школы в Кяхте до создания кафедры монгольской словесности, в целом эти замыслы были реализованы. Но конечная цель О. М. Ковалевского не была достигнута, только отдельные его труды изданы, большая часть из них осталась в рукописи, которые навсегда утрачены для науки. Судьба О. М. Ковалевского в целом оказалась трагической.

О. М. Ковалевский как просветитель был противоречивой фигурой. Н. В. Ким, касаясь концепции о бурятах как о «счастливых дикарях» и колонизации Забайкалья русскими как акте необходимой мести за их «жестокость» к русским «служилым людям», считает, что «не избежал этого веяния» даже известный монголовед О. М. Ковалевский [1972, с. 437]. Изучив быт и культуру бурят, он «вместе с тем называет их дикарями, ленивыми и упрямыми детьми природы» [Там же].

Школа монголоведов О. М. Ковалевского быстро распалась, его ученики Д. Банзаров, Г. Гомбоев, А. А. Бобровников оказались лишними в науке, В. П. Васильева отправили в составе Духовной миссии в Пекин, где он пробыл 10 лет, вернулся в Казань, затем получил должность профессора Петербургского университета. Банзаров и Гомбоев ушли из жизни молодыми. А. А. Бобровников умер в нищете в Оренбурге. О. М. Ковалевский – опальный поляк, гонимый царскими властями, немало от них страдал. Николай I вычеркнул его фамилию из списка лиц, выдвигаемых в академики, хотя он по своим научным достижениям вполне этого заслуживал.

Книга О. Н. Полянской «Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (I половина XIX в.)» [2004] названа не совсем верно в историческом плане: в то время у бурят не было никакой государственности. Разумно было бы озаглавить книгу «Ковалевский и забайкальские буряты». Но в целом работа О. Н. Полянской заслуживает внимания монголоведов и научной общественности Бурятии.

Д. Банзаров уехал в Казань мальчиком, где прожил 16–17 лет, а вернулся на родину уже маститым ориенталистом. В своих письмах он с большой теплотой вспоминал этот город. Именно в Казани после окончания университета сложился небольшой кружок ориенталистов из числа его земляков и доброжелательных тюркологов. А. С. Шофман [1956] издал интересную книгу о казанском периоде учебы и трудов Доржи Банзарова. В ней автор рассмотрел годы жизни и деятельности Д. Банзарова в контексте истории Казани, где протекали гимназические и университетские годы бурятского ученого, на основе богатой мемуарной литературы и архивных источников, часть из них как наиболее важные даны в приложении книги. А. С. Шофману удалось весьма убедительно показать становление Д. Банзарова как ученого,

отметив положительную роль наставников в формировании научных и социальных взглядов его личности.

Автором данной работы составлена книга «Доржи Банзаров. Воспоминания, отзывы, рассказы современников, ученых и общественных деятелей XIX – начала XX в.» [Раднаев, 1997], в которой нашел отражение казанский период жизни и деятельности Д. Банзарова – это отрывки из брошюры О. М. Ковалевского о приеме бурятских мальчиков в I Казанскую гимназию [Там же, с. 7], из «Исторической записи о Первой Казанской гимназии» В. В. Владимирова [Там же, с. 9–11], воспоминания В. П. Васильева [Там же, с. 11–14] и писателя П. И. Мельникова-Печерского [Там же, с. 14–18], отрывок из воспоминаний Н. И. Ильминского [Там же, с. 18–20]. Эти материалы свидетельствуют о том, как Д. Банзаров жил интересами своего окружения, как он оказался в гуще научных событий Казани и местного университета – тогдашней колыбели науки. Самым близким другом Д. Банзарова стал бакалавр КДА, иркутянин А. А. Бобровников – впоследствии известный лингвист. Дед А. А. Бобровникова происходил из казаков Черниговщины, прибывших в Сибирь. Был женат на крещеной бурятке. Фотография А. А. Бобровникова не сохранилась, лишь имеется его описание по словам М. Н. Загоскина, где отмечается, что «заметен был отпечаток монгольского типа... лицо у него было смуглое и с веснушками, волосы густые, черные и прямые, голова значительно большая, рост средний, сложения он был крепкого» [Загоскин, 1865, № 42–43]. Алексей учился в Иркутской семинарии, закончив ее в 1842 г., был назначен учителем в уездное училище. Но в том же году открылась Духовная академия в Казани, куда он и поступил.

Казанский университет и Казанская духовная академия сыграли решающую роль в воспитании и научном развитии А. А. Бобровникова. В этом отношении велика заслуга О. М. Ковалевского, который направлял интересы молодого человека. Он, став монголоведом-грамматистом, поддерживал тесные отношения со всеми казанскими монголоведами.

Главным источником биографии А. А. Бобровникова, отражавшим его жизнь в КДА, является книга П. Знаменского. В его книге показана история КДА, передана атмосфера того времени и общества, рассказывается о людях, конкретных событиях и эпизодах.

П. В. Знаменский в своей книге по истории Казанской духовной академии отвел немало места жизни и годам учебы в этом заведении А. А. Бобровникова [1892, с. 75–78, 330–345]. Круг интересов ученого был обширным. Еще в Иркутской семинарии он увлекся философией под руководством инспектора и философа А. М. Благовидова, эту любовь к философии он сохранил на всю жизнь. В преподавании предметов профессорами КДА царили схоластика и рутинерство. Такие лекции не нравились Алексею, оттого он называл их «пузыристикой».

Кроме философии, Бобровников читал книги по логике, полемизировал с товарищами и преподавателями. Его интересы постепенно стали смещаться в сторону истории и философии буддизма, он написал ряд статей по этой проблеме, часть из них опубликована Н. И. Ильминским [1865, с. 415–450]. А. А. Бобровников под руководством Гусева изучал математику и демонстрировал значительные успехи. Когда перед КДА встал вопрос о преподавании в ней восточных языков для желающих студентов, то были приглашены А. К. Казембек и А. А. Попов. Возникла необходимость в КДА иметь своих преподавателей по восточным языкам. Для преподавания калмыцкого языка следовало составить учебник. Сначала осуществить эту работу предложили А. В. Попову, но он запросил весьма высокое вознаграждение.

Ректор КДА архимандрит Григорий (в миру Митькович) предложил А. А. Бобровникову написать грамматику. Сначала он колебался, потом согласился с предложением руководства. Ему требовалась командировка в калмыцкие степи для сбора материала. У А. А. Бобровникова появилась идея создать сопоставительную грамматику обоих языков на основе двух различных систем письменности. Он погрузился в работу и быстро написал «Граматику монгольско-калмыцкого языка» [1849], ставшую классической, в которой он сделал ревизию идей и установок предшественников. История ее создания ныне хорошо известна. А. А. Бобровников вошел в историю монгольского языкознания как пионер, предложивший новый подход к решению частей речи в монгольском языке, которые названы «классы слов».

Таким образом, Казанский университет и Казанская духовная академия сыграли большую роль в становлении и развитии научного

монголоведения в России и Европе, заложенные в них основы были успешно развиты в Петербургском университете.

III

Биографии монголоведов I половины XIX в., попав в состав энциклопедий, биобиблиографий, справочников и словарей, стали историко-культурным феноменом не только прошлого, но и настоящего. О. М. Ковалевский, его ученики Д. Банзаров, А. А. Бобровников стали объектом национальной персонологии и истории культуры народов.

О. М. Ковалевский был и остается знаменитым российским востоковедом. В книге Котвича «Josef Kowalewski – orientalista» [Kotwicz, 1948] показаны польские корни этого ученого-монголоведа, книга построена на польском материале и письмах самого Ковалевского. Г. Ф. Шамов, касаясь этой книги, писал о том, что «в научно-популярных журналах ПНР встречаются статьи, рассказывающие о Ковалевском, но они создаются, главным образом, на материале книги Котвича». Он же отмечал, что «Ковалевский в Казани превратился в типичного представителя академической науки» [1983, с. 5]. Е. Фролов [1958, с. 151–182] написал содержательную статью о вильнюсском периоде жизни и деятельности О. М. Ковалевского, интересные и достоверные факты из нее использованы Г. Ф. Шамовым [1983, с. 9–18]. В статье Е. Фролова подробно показана переводческая деятельность О. М. Ковалевского, тогда он занимался историей античности серьезно и основательно.

В книге «Монголовец О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878)» [Валеев, 2004] есть глава «Биография О. М. Ковалевского в контексте российского востоковедения XIX в.», в которой имеется статья «Основные этапы жизни О. М. Ковалевского: Вильнюс, Казань, Варшава». В ней отмечены доселе неизвестные факты и данные из жизни ученого: место рождения и детские годы. В литературе давались разные даты его рождения, что создавало путаницу в вопросах его биографии.

Поляки называют Ковалевского Юзеф Щепан Ковалевски. Он родился 9 января 1801 г., что запечатлено в надгробной надписи на

его могиле [Валеев, 2004, с. 95]. Если вильнюсский период жизни Ковалевского в достаточной степени освещен в научной литературе, то варшавский оставался до сих пор неизвестным. Ежи Тулисов признается: «О последнем периоде жизни Ковалевского писать нелегко, особенно монголоведу, да еще польскому. Этот период его жизни оценивается очень критически» [Там же, с. 122]. Мотивы переезда Ковалевского были разными, главный заключался в том, что в Варшаве жил его родственник Кароль Ковалевский – владелец типографии. Автор статьи описывает драматизм судьбы Ковалевского в Варшаве, в каких сложных условиях он жил и работал.

В статье Е. Тулисова много интересных фактов из жизни ученого. Он пишет, что «давно юбиляру полагались лавры Нестора польской литературы, ибо его первая печатная работа была опубликована на польском языке в 1822 г.» [по: Валеев, 2004, с. 113]. Далее следовало подробное изложение научной карьеры Ковалевского с особым упором на его польские публикации. А. Павинский написал статью о Ковалевском, которую зачитал на его юбилее. В начале 1863 г. в Польше вспыхнуло восстание, известное как январское. Е. Тулисов пишет, что «из дома ЗамоЙского в него было сделано несколько выстрелов и брошена бомба. Лица, находившиеся в доме ЗамоЙского, были арестованы, а само здание разгромили войска» [Там же, с. 126]. Вещи и имущество Ковалевского были сожжены. Основываясь на документах того времени, Е. Тулисов показывает, что Ковалевский потерял в огне дневники путешествий на Восток, материалы католических миссий в Китае, большую часть переписки, переводы по истории буддизма и «Чингисханова рода». «Особенно тяжелой была потеря дневника, который Ковалевский как раз собирался опубликовать в издательстве Завадского в Вильно» [Там же, с. 127]. Это стало еще одним испытанием после многих тяжелых утрат, постигших его в Казани. Таковы мрачные страницы последних лет жизни знаменитого монголоведа.

О. М. Ковалевский вошел в историю мировой исторической биографистики как русский монголовед и польский историк. Гении в жизни бывают несчастны и беспомощны. Их жизнь только после смерти обретает высокий смысл и значение, их имена благодаря трудам и открытиям обретают вечность.

В 20-х гг. XX в. имя Д. Банзарова стало символом национального движения бурятского народа (под влиянием идей большевизма, в период трех русских революций и особенно во время поисков национального самоопределения бурят в Забайкалье и Восточной Сибири). Образ Д. Банзарова – демократа и защитника угнетенного царизмом бурятского народа – ожил в период подъема народного самосознания бурят, их национального возрождения в условиях автономной государственности. Статус первого национального ученого, европейски образованного интеллигента Д. Банзарова сыграл немалую роль в культурном развитии бурятского народа. Через год после образования БМАССР и организации Бурятского ученого комитета (1923) было создано научное общество им. Д. Банзарова (1922), которое явилось предвестником нынешнего Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Б. Я. Владимирцов писал, что работы Д. Банзарова «продолжают жить, а для бурят являются знаменем-эмблемой» [по: Корбут, 1930, т. 1, с. 148]. Памяти Д. Банзарова были посвящены юбилейные конференции, «круглые столы» и научные чтения, при этом большое значение имела конференция 1955 г., по решению которой издано наиболее полное и тщательно подготовленное Собрание сочинений ученого историком Г. Н. Румянцевым под общей редакцией Г. Д. Санжеева.

Образ Д. Банзарова воплощен в сибирской (русской) и современной бурятской литературе и национальном искусстве. Издана диалогия «Доржи, сын Банзара» талантливого писателя Ч. Цыдендамбаева на бурятском и русском языках. Народный поэт Бурятии Н. Г. Дамдинов изобразил Д. Банзарова в поэме «Песнь о Д. Банзарове», исторической драме «Доржи Банзаров», прозе – коротких рассказах о гимназических и студенческих годах в Казани. Создано много прекрасных стихотворений, лирических песен о нем. Его образ воплощен в современной бурятской музыке и изобразительном искусстве. В бурятских школах дети изучают биографию ученого как пример жизни, имеющей познавательное и воспитательное значение. Учащиеся старших классов, знакомясь с историей современной бурятской литературы, изучают язык и стиль диалогии Ч. Цыдендамбаева, в которой показана жизнь и деятельность ученого в Казани и Петербурге. Касаясь сибир-

ской русской литературы, можно упомянуть историческую драму «Доржи Банзаров» П. Маляревского, в которой отражен трагический период жизни ученого в Иркутске.

В русской и советской библиографии Д. Банзаров занимает достойное место. Первым биографом Д. Банзарова был востоковед-историк и нумизмат П. С. Савельев, составивший список трудов ученого в хронологическом порядке [1997; Банзаров, 1955, с. 352–354]. На основе этого списка С. А. Венгеров составил аннотированную библиографию работ ученого [1891, т. 2, с. 85–88], являющуюся образцовой. Он также дал полный перечень литературы о Банзарове в «Источниках словаря русских писателей и ученых» (1900, т. 1, с. 154–155). Этот список его трудов и перечень литературы об ученом, сделанный С. А. Венгеровым, послужил началом библиографии Д. Банзарова. Библиограф-монголовед С. Н. Дорджинов для Собрания сочинений Д. Банзарова составил наиболее полную для того времени библиографию литературы о нем с краткими аннотациями [Банзаров, 1955, с. 355–371], дополнил ее Д. Б. Улымжиев [см.: Воспоминание, отзывы..., 1997, с. 7]. Кроме них библиографией Д. Банзарова занимались и другие библиографы, чьи списки остались вне поля зрения Д. Б. Улымжиева. К сожалению, дополнения последнего страдают неточностью, допущены досадные ошибки.

Именем Д. Банзарова названы колхоз на его малой родине в Джидинском районе, в Улан-Удэ и Кяхте есть улицы, носящие его имя; организованный в годы советской власти Бурятский педагогический институт (БГПИ) в 1947 г. был назван в честь первого бурятского ученого, а перед фасадом одного из корпусов института воздвигнут памятник Доржи Банзарову (скульптор А. И. Тимин). Однако в период реорганизации БГПИ в университет по решению ректора С. В. Калмыкова новый вуз стал именоваться просто Бурятским государственным университетом.

IV

Преподавание монгольского и калмыцкого языков в России, официальное и частное, в изучаемый период являлось одним из важных аспектов монголоведения. Этот вопрос изучен в достаточной степени

в трудах историка Н. И. Веселовского [1879], академика В. В. Бартольда [1924, 1925, 1977, т. 9], наиболее полно он освещен в книге бурятского ученого В. И. Андреева [1964] в свете школоведения и национальной педагогики.

Очевидно, первые сведения об изучении монгольского языка как предмете школьного образования дошли до нас с 1717 г.: «Иларион Лежайский с миссией ездили в Ургу и другие для знакомства с буддизмом, для изучения монгольского языка на месте в 1717 г. Но она провалилась, учащиеся вернулись в Тобольск» [Веселовский, 1879, с. 84].

А. Лиховицкий приводит исторические сведения о преподавании монгольского языка в Иркутске: «В 1724 г. архимандрит Вознесенского монастыря в Иркутске Антоний Платковский предложил организовать “мунгальскую школу”, которая готовила бы переводчиков» [1905, ч. 360, с. 25–29]. Школа открылась в 1726 г. А. Платковского назначили начальником миссии в Китай в 1727 г. Для продолжения занятий языками в Пекин с ним уехали трое учеников, в том числе И. К. Россохин. После него школа перешла в ведение иркутского епископа И. Кульчинского. Просуществовала она до 1729 г.» [Куликова, Кычанов, 1990, с. 62].

Краевед и историк Н. С. Щукин, касаясь преподавания монгольского языка, писал: «Всегдашняя мысль покойника (Игумнова. – В. Р.) была ввести преподавание монгольского языка в иркутских училищах. В 1822 г. он убедил тамошнего архиепископа Михаила открыть класс монгольского языка в семинарии, здесь несколько лет обучал он без возмездия за труды» [1838, с. 53–54]. А. В. Игумнов создал в Верхнеудинске частную школу, функционировавшую около 10 лет, не испытывая недостатка в учащихся. По свидетельству современников, он обучал бурятских детей русскому языку, а детей русских купцов – монгольскому.

О мастерстве учителя Игумнова говорит один красноречивый факт: сын хоринского тайши Г. Мардаева, «...обучавшийся долгое время без малейшего успеха в Онинской школе и у лам, поступивший к Игумнову с одним из родственников, выучился в один месяц читать и писать по-монгольски и по-русски, не имев до того времени ни малейших сведений об оных языках» [Андреев, 1964, с. 215]. По другим

сведениям, в 1815 г. «частное училище в Верхнеудинске имел с 1813 года отставной надворный советник Игумнов. По ведомости за I половину 1814 г. в училище состояло 4 бурята, 3 русских; во II половине – 9 человек, из них 5 бурят, 1 мещанин, 1 ясашный и 2 купца; возраст 12–15 лет. Обучались монгольскому языку» [Бурлаков, 1915, с. 425]. Этот факт был изложен в «Казанских известиях» [1816, № 21, с. 116], ученые Казанского университета знали Игумнова как опытного преподавателя и большого знатока монгольского языка.

А. В. Игумнов, как известно, был определен преподавателем монгольского языка для двух молодых воспитанников – О. М. Ковалевского и А. В. Попова. Тот же Н. Щукин писал об этой новости так: «Надобно было видеть, как восхищался он, узнавши, что монгольский язык введен в Казанский университет, с каким жаром вычислял он последствия, которые произойдут от введения монгольских познаний в европейский мир!», «он весьма сожалел, что не получал систематического образования» [1838, с. 94]. Успехи Ковалевского и Попова в изучении языка и культуры монголов вполне оправдали надежды Игумнова прорубить «окно в Европу» отблесками культуры этого народа. Их годы учебы были у Игумнова самыми насыщенными. Обучая, наставник сам учился у них, например монгольской лексикографии. О. М. Ковалевский, касаясь его словарной работы, писал об Игумнове положительно, но порою высказывал противоположное суждение о корнесловах, когда заканчивал свой трехязычный словарь. Ковалевский о своем наставнике отзывался с большим уважением. Прав был Н. С. Щукин, когда писал: «Найдутся люди, которые и теперь скажут, что обязаны Игумнову охотою к учению» [1838, с. 95].

В. И. Андреев на основе архивных материалов Бурятии и Иркутской области реконструировал картину истории школьного образования бурятского населения Восточной Сибири в достаточной степени полно и масштабно. Он писал: «Монгольская грамота изучалась в бурятских приходских училищах с разрешения Казанского университета, которому были подведомственны по уставу 1804 г. все сибирские училища, в том числе и бурятские» [1964, с. 39]. По его данным, бурятские училища открывались в такой хронологии:

1. Балаганское – 1804 г.
2. Онинское – 1806 г.

3. Идинское и Тункинское – 1816 г.
4. Селенгинское – 1818 г.
5. Аларское (Бажеевское) – 1835 г.
6. Аларское (Павловское) – 1836 г.
7. Агинское – 1842 г.
8. Баргузинское – 1844 г.
9. Балаганское (Григорьевское) в Нукутском улусе – 1844 г.
10. Басайское – 1846 г.

Эти училища не имели твердой материальной базы [Андреев, 1964, с. 18], поэтому часто закрывались, затем открывались или прерывали на некоторое время свою деятельность. Иногда на их содержание выделялись деньги из местных средств, но чаще школы существовали за счет частных пожертвований.

Бурятские приходские училища остро нуждались в учебниках и методических пособиях. По данным В. И. Андреева [1964, с. 46], в этих училищах пользовались «Грамматикой монгольского языка» (1832) Я. И. Шмидта. А вот в библиотеке Онинского училища имелись такие ценные пособия, как «Монгольская хрестоматия» Ковалевского, его трехязычный словарь, «Грамматика монгольского языка» [Там же]. Один из учителей Нерчинского уездного училища Л. Д. Шергин (1841) составил свою «Книгу для чтения», изданную с предисловием Я. И. Шмидта. Ж. Тумунов [1973] привел интересные сведения об Агинском училище, которое существовало на денежные средства, собираемые степной думой у населения за счет внутренних повинностей. Старшим учителем и учителем русского языка был назначен И. З. Гантимуров. С 1845 по 1865 г. в училище работал первый педагог из агинских бурят У.-Ц. Онгодов. Буряты пользовались монгольским письмом, так как язык забайкальских бурят был близок к монгольскому в отношении грамматики и отчасти лексики, но были существенные различия в фонетике и орфоэпии зарождающегося старобурятского письменного языка. По наблюдениям В. Андреева, приходские училища у забайкальских бурят оказались более устойчивыми, чем у иркутских [Там же, с. 22].

Одной из официально действовавших была русско-монгольская войсковая школа в Троицкосавске, открытая на средства казаков 23 сентября 1833 г. (по ст. ст.). Устав школы был составлен К. А. Уф-

тюшаниновым и О. М. Ковалевским как проект положения о русско-монгольской школе, а они осуществляли общий надзор за ее работой [Ким, 1992, с. 8]. Эта школа явилась одним из этапов проекта Ковалевского по осуществлению школы казанских монголоведов. Школа была инспектирована иркутским гражданским губернатором Н. П. Цейдляр, в чьем ведении находились все учебные заведения губернии. Он, по итогам проверок, дал весьма лестную характеристику деятельности школы и ее ведущим учителям [Там же, с. 10]. Как известно, эту школу окончил Д. Банзаров, поступивший в I Казанскую гимназию, а по окончании Казанского университета назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве. Судьба же остальных выпускников школы, посланных в Казань, оказалась незавидной: двое умерли по болезни, Г. Будаев за участие в избивании надзирателя Скорнякова был наказан розгами и исключен из гимназии, послан солдатом в Сибирский полк в Омск. Очевидно, там он и умер.

Касаясь общей истории названной школы, следует сказать, что из числа выпускников есть и немало выдающихся людей. Среди них, кроме Д. Банзарова, был консул в Урге Я. П. Шишмарев, сделавший немало хорошего в русской дипломатии того времени в Монголии и Китае. Такова весьма краткая история русско-монгольской войсковой школы, оставившей заметный след в истории народного образования Западного Забайкалья того времени.

В бурятских дацанах будущие ламы изучали буддизм и его догматы на тибетском и монгольском языках. Но это уже предмет специального исследования. Христианизация бурят и калмыков сопровождалась изучением этих языков в монастырях и миссионерских школах. Уже в последней четверти XVII в. царское правительство начало насаждать православие среди калмыков, для этого создавались в степях миссионерские школы. С этой целью в Ставрополе была открыта школа для обучения калмыцких детей русскому и калмыцкому чтению и письму. Такие же школы для калмыков создавались в Астрахани и других местах [Ташнинов, Эрдниев, 1967, с. 429]. С целью подготовки миссионеров открывались классы калмыцкого языка при Астраханском духовном училище в 1838–1840-х гг. Здесь учились от 5 до 10 калмыцких крещеных и более 70 русских мальчиков. Классы

калмыцкого языка в этом училище не дали миссионерам нужного результата [Ташнинов, Эрдниев, 1967, с. 429]. В некоторых христианских церквях были свои классы калмыцкого языка. Сохранились и рукописные пособия калмыцкого языка на основе «Грамматики монгольского языка» Я. И. Шмидта.

С 1819 по 1841 г. в Забайкалье действовали евангелисты из Англии, открывавшие частные школы бурятского языка, в которых преподавались предметы для начального образования. Англичане Р. Юль-Сван и другие насаждали среди бурятского населения христианство евангелистского толка, которое резко отличалось от русского христианства и поповщины. Впрочем, из этой сферы вышло немало образованных для того времени бурят. Один из них Р. Н. Ванчиков, побывал в Петербурге и Казани, был знаком с Я. И. Шмидтом, О. М. Ковалевским. Официальное и частное преподавание монгольского, калмыцкого и бурятского языков в России находилось в бессистемном состоянии и экономически в весьма тяжелом положении.

Такова история монгольского языкознания I половины XIX в., являющаяся частью развивающегося российского монголоведения, которая дана нами через призму историографического и историко-культурного обозрения.

ГЛАВА 1. Развитие грамматического учения в монгольском языкознании в России I половины XIX в.: грамматика Я. И. Шмидта, А. И. Бобровникова, О. М. Ковалевского, А. В. Попова и А. А. Бобровникова

§ 1. Индо-тибетская, монгольская и европейские лингвистические традиции.

Источники и составные части грамматик монгольских языков

1.1.1. Предпосылки зарождения грамматической теории у монголов. Роль индо-тибетской лингвистики в становлении монгольского языкознания. Истоки грамматической мысли в Монголии (XIV–XVIII вв.)

После создания монголами империи Чингисхана возникла настоятельная необходимость распространения грамотности среди населения страны. История письменности и языкознания в Монголии была окутана мифами, по-видимому, возникшими в результате идеологии высших лам тибетско-монгольского буддизма.

Тибетский буддизм, утвердившись достаточно прочно в Монголии, привел к тому, что развернулась не только проповедническая, но и издательская деятельность, охватывая практически все сферы общественной жизни монгольских племен. Ламы были распространителями идей буддизма, они несли с собой в Великую степь тибетскую культуру и образованность.

В этой связи возникла необходимость упорядочивания и разработки вопросов монгольской письменности в более тесном взаимодействии с общественными потребностями и интересами буддийской конфессии. Так, Сакья-пандита Гунгажалцан написал грамматическую работу «Зүрхний тольт» (Сердечный покров, или Оправа сердца). Точное время создания данного труда не установлено, предполагается 1237-й или 1243-й год. В этой работе, по мнению М. Н. Орловской, автор положил в основу уйгуро-монгольского алфавита принципы индо-тибетского письма, приспособив 14 уйгурских знаков для передачи на письме монгольской речи [1993, с. 87]. С именем Гунгажалцана тесно связана разработка грамматики и орфографии

монгольского языка. Монголы, как известно, пользовались уйгурским алфавитом задолго до времени Сакья-пандиты, об этом свидетельствуют, в частности, особенности надписи на стене Исунгке.

На основе замечаний Ю. Н. Рериха и Ц. Дамдинсурэна утвердилось мнение о том, что Гунгәжалцан «лишь составил букварь и сформировал основные фонетические правила уйгурского письма, для чего Гунгәжалцан использовал три монгольские неогубленные гласные: а, е, і, для обозначения которых в уйгурском алфавите были специальные знаки. Сочетая их с согласными, в соответствии с индо-тибетскими традициями образовал слоги-буквы: па, пе, пі; ва, вэ, ві; та, те, ті... Данзандамба говорил впоследствии, что Гунгәжалцан, составляя букварь, использовал мужской а, женский е, нейтральный і и образовал с ними слоги-буквы – всего 44». Уйгуро-монгольское письмо, как известно, является звуковым. «...Огубленные монгольские звуки, передающиеся сложными буквами из двух-трех уйгурских знаков, – пишет М. Н. Орловская, Гунгәжалцан в алфавит не включал, ограничившись всего 44-ми слоги-буквами» [1993, с. 88]. Монгольские грамматисты, слепо следуя индотибетской слоговой системе письма, не различали в своих работах букву, звук и слог.

Таким образом, мы получили основные сведения о звуковом строе среднемонгольского языка с помощью компетентных обобщений, сделанных М. Н. Орловской.

Все ученые единодушны в том, что сочинение «Зурхний тольт» было написано тибетским ученым Сакья-пандита Гунгәжалцаном, дядей Лодойжалцана пагба-ламы, создателя монгольского квадратного письма.

Д. Төмөртөгө считает, что в этом труде автор «присоединил к 14 уйгурским буквам: а, п, б, қ (к), т, л, г, s, d, t, у, љ. ѓ в качестве «одушевляющих», «оживляющих» три гласные а, е, і, дополнительно еще ввел wa, we, таким образом, у него получилось 44 буквы-слога [2002, с. 475]. В системе букв-слогов Гунгәжалцана нет «лабиальных гласных о, и, ө, ұ, а также соответствующих им букв-слогов», пытаюсь вскрыть причину исчезновения лабиальных гласных, которая заключалась в том, что в монгольском языке лабиальные гласные о, и, ө, ұ существуют с древних времен до наших дней. На согдийско-уйгурском письме были самостоятельные графемы для их обозначения. От-

дельные лабиальные гласные встречаются в тексте надписи на «Чингисовом камне» [Тѳмѳртогѳ, 2002, с. 476].

Ученый считает, что *wa*, *we* сочетаются только с гласными *a*, *e*, что, вероятно, указывает на различие лабиальных гласных по основным признакам: мужской, женский и нейтральный.

В алфавите Гунгѳжалцана с помощью *waw* обозначаются гласные *o/u*, посредством синтетического знака *waw* + *yod* обозначаются *ѳ/ѳ*, а с помощью *beth* согласный *w*. Гунгѳжалцан считает, что лабиальные гласные и согласный *w* являются аллофонами. Поэтому буквы *waw*, *beth* не являются самостоятельными. Отсюда явствует, что Гунгѳжалцан составил «алфавит из 44 букв-слов, или 16 букв-знаков, способных обозначать 100 звуков... Из всех согласных только звук *w* обладает свойством “полугласного”, т. е. *semi-vowel*» [Там же, с. 477]. Это положение звуко сочетаний *wa*, *we* Тѳмѳртогѳ обосновал наглядно в эволюции лабиальных гласных на фактах, взятых из источников древнемонгольской речи и квадратной письменности, которые показывают наличие преемственности согласных и лабиальных гласных в древнем и среднем периодах монгольского языка.

В 1308–1311 гг. Чойджи-Одсер написал грамматический труд под названием «Зѳрхний толтын тайлбар», в котором нашло свое продолжение учение о звуковой системе монгольского языка, начатое Гунгѳжалцаном.

Ц. Дамдинсурѳн [1957, с. 111] считал, что в научной литературе существует три одноименных трактата под общим названием «Зѳрхний тольт», принадлежащие перу Сакья-пандиты Гунгѳжалцана (XIII в.), Чойджи-Одсера (XIV в.), Гунгѳ-Одсера, жившего во времена Лигдѳн-хана. В 2002 г. Д. Цѳрѳнсодном издал труд «Монгол номын зѳрхний тольт хѳмѳэх нѳрт зуун найман ѳзѳг» (Сто восемь букв под названием «Зѳрхний тольт»), автором которого будто бы был сам Чойджи-Одсер. У исследователя было два списка этого старинного сочинения. Данная находка вызвала сенсацию в научных кругах монголоведов. Возник вопрос, был ли этот оригинал в руках грамматиста XVIII в. Данзандагбы. Д. Цѳрѳнсодном считает, что рукописи эти являлись копией сочинения Чойджи-Одсера, переписанные кистью в XVII в. на толстой хорошо сохранившейся бумаге [2002, с. 9]. Эти бесценные сокровища были переданы Д. Цѳрѳнсодному. Издавая их,

он написал предисловие [Цэрэнсодном, 2002, с. 3–15, 16–24, 26–43], дал транскрипцию текста с факсимиле.

Труд Чойджи-Одсера «Зүрхний тольт» состоит из трех глав. В первой говорится о распространении в Монголии буддизма, составлении монгольского письма Сакья-пандитой Гунгәжалцаном и квадратного письма Пагба-ламой Лодойжалцаном. Во второй даны классификация звуков и букв, рассмотрены вопросы фонетики монгольского языка, лексики, синтаксиса, стилистики, объяснены основы орфографии. Выше была представлена фонетическая система Чойджи-Одсера в интерпретации М. Н. Орловской на основе показаний и изысканий современных монгольских лингвистов, главным образом фонетистов. В третьей освещены вопросы толкования звуков монгольского языка на основе элементов (махбодь), взятых из древнеиндийской философии. Т. Пагба [1957, с. 18] указал, что положения по фонетике монгольского языка, изложенные Чойджи-Одсером, впоследствии помогли в фонологии раскрыть звуковую форму человеческой речи, имеющей физический (высота, сила, тембр звука, тон, шум и резонанс) и биологический (органы речи, связанные со звукообразованием) аспекты речи, исследуемые экспериментальным методом .

М. Н. Орловская на основе труда равжамбы Данзандагбы, изданного П. Б. Балданжаповым (1967) и Т. Пагбой (1957), сделала наиболее достоверный анализ фонетической системы классического монгольского языка в интерпретации Чойджи-Одсера. «Развивая дальше учение своего предшественника о звуковой системе монгольского языка, Чойджи-Одсер к трем неогубленным гласным (а, е, і) добавляет четыре огубленные (о, и, ө, ү), которые, несомненно, имелись в самом монгольском языке, но для обозначения которых не было специальных букв в уйгурском алфавите. Ученый образовал две первые из них из имеющихся в уйгурском алфавите ʃ aleph и waw, а вторые из ʃ aleph, waw и yod. Так же, как Гунгәжалцан, следуя индотибетской звуковой системе, каждую согласную соединил теперь уже с семью гласными. Таким образом, появился новый монгольский алфавит, состоящий из 123 слогобукв, точнее, из 7 гласных, 114 слогобукв к которым добавились сочетания -ng и -iyag.

* Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. – Л., 1948.

Один из «стихийных» фонологов Чойджи-Одсер (1214–1292)

«Чойджи-Одсер ввел многие тибетские понятия для обозначения звуков и букв, а также их дистрибуции: эгшиг ‘гласный’, гийгүүлэгч ‘согласный’, эм ‘женский’, эр ‘мужской’, саармаг ‘нейтральный’ звуки, он впервые сформулировал правила гармонии гласных, имеющие важное значение в фонологической системе монгольского языка. Эти правила сингармонизма, несколько уточненные в последующих работах, существуют и поныне» [Орловская, 1993, с. 89]. Она также считает важным открытие Чойджи-Одсера о дебискерах, буквах, заимствованиях из тибетского языка, когда «некоторые согласные употребляются в конце слова без гласных, и выявил 11 таких согласных: *p, m, l, r, ʏ, j, d, b, s, y, w, ng*» [Там же]. В. М. Надеяев [1972, с. 163] объяснял слова *debiskerlekü* ‘подстиланье’, *debisker* ‘подстилка’. М. Н. Ор-

ловская [1993, с. 90] отмечает, что *debisker üsüg* ‘постланная буква’ (досл.), пять остальных: *g, t, k, j, ɕ* были названы недебискеры ‘*debisker ügei üsüg*’. Это наблюдение, как замечает М. Н. Орловская, стало «главным законом в дистрибуции согласных как слогозакрывающих и неслогозакрывающих в древнем и современном монгольском языках» [Там же].

Г. Д. Санжеевым [1964, с. 41] этот закон с небольшими коррективами был как бы заново открыт, согласно чему соответствующие согласные были названы им непревокальными (*н, нг, г, т, б, д, л, м, р, с*, в очень редких словах и единичных случаях – *ш*) и превокальными (*х, т, ч, дж, j, л*).

Т. Пагба совершенно правильно отметил исторические заслуги Чойджи-Одсера: «Разработав правила семасиологии монгольского языка, открыв всю звуковую систему языка, Чойджи-Одсер действительно сумел совершить реформу письменности и языка» [1957, с. 13].

Несколько слов о личности Чойджи-Одсера. Ю. Н. Рерих опубликовал в Калькутте в 1945 г. очень интересную статью «Кункхен Чойджи-Одсер и происхождение монгольской письменности», вышедшую на английском языке. Отсюда мы узнаем весьма любопытные и тайные сведения из биографии этого ученого. Очевидно, не случайно, что весьма скудные данные о жизни Чойджи-Одсера имеются в монгольских источниках.

Ю. Н. Рерих писал: «Нашим главным источником должно быть жизнеописание – намтар Чойджи-Одсера, написанное его учеником Кунпангжангом, но ... этот труд, существующий только в рукописи и чрезвычайно редкий в Тибете, недоступен за пределами этой страны. Этот намтар был главным источником для краткой биографической справки о Чойджи-Одсере, содержащейся в “Синем дебтере”». Голоцава Бутон Ринпоче в своем «Демчог чойджунге» (*Bu-ston in Khabum*) также отсылает своих читателей к этому намтару. Согласно Голоцаве, лама Чойджи-Одсер, или Чойку-Одсер, родился в год дерева-собаки (1214)... В главе о проповеди Гухьясамаджа-тантры сказано, что Чойджи-Одсер был родным сыном известного религиозного наставника Сердингпа Жонну-ода и монахини Шейрабчьян, известной как «монахиня из Гара». Он «сначала скрывал свое отцовство и даже способствовал изгнанию этой монахини. Когда родился мальчик, его назвали Дагмед Дордже. Мальчику исполнилось пять лет, тогда отец

решил, что настало время открыть секрет. Поэтому он устроил чай для монашеской общины и получил прощение за грех. Затем он посвятил сына в Учение, и тот, приняв монашеские обеты, получил имя Чойджи-Одсер, которое позднее Дочон Пагба сменил ему на Чойку-Одсер. Отец послал его к Джачьян Серме, известному ученому и основателю монашеской школы Кьянгдур, посетившему знаменитый монастырь Рибоцэнга (Утайшань в Шаньси, Западный Китай). Позднее Чойджи-Одсер изучал систему Калачакра и труды Вималапрабхи под руководством Семочебы, известного знатока системы Калачакра» [Рерих, 1999, с. 168–169].

Относительно времени деятельности Чойджи-Одсера Ю. Н. Рерих утверждал так: «Если мы сохраним датировку тибетских хроник (“Синий дебтер”, “Реумаиг”), то нам придется считать, что Чойджи-Одсер, вероятно, работал при дворе Темура Ульджейту». Он писал: «Если примем утверждения тибетских и монгольских хроник XVIII–XIX вв., то должны допустить, что Чойджи-Одсер прожил очень долгую жизнь и что в 1310 г. ему было 96 лет» [Там же, с. 169].

Оценивая вклад этого ученого ламы в развитие монгольской письменности, Ю. Н. Рерих, на наш взгляд, справедливо пишет о том, что «мы согласимся с мнением профессора Б. Владимирцова и П. Пеллио о том, что Чойджи-Одсер, как и его предшественник Сакья-пандита, не создал новое письмо, но просто использовал существовавшее уйгурское письмо вместо официального монгольского хорьига, созданного Пагба-ламой» [Там же].

Несомненно, Чойджи-Одсер как поэт и переводчик проделал огромную работу в области монгольского буддизма: разработал ряд верных и ценных правил и законов монгольской филологии, потому имел на тибетско-монгольский культурный мир того времени огромное влияние.

Утверждение некоторых авторов о том, что Чойджи-Одсер был омонголившимся уйгуром в свете статьи Ю. Н. Рериха не находит подтверждения. Годы жизни Чойджи-Одсера крайне запутаны. Ю. Н. Рерих в своей работе [Там же, с. 170] доказал, что Чойджи-Одсер родился в 1214 г. и умер в 1292-м.

Разноречивые данные о жизни Чойджи-Одсера возникли в результате ошибок ученых в хронологиях, а также из-за человека с таким же именем, жившем в XIV в. [Там же, с. 169–170]. Ж. Надмид [1967, с. 41] считал, что оригинал текста «Зурхний тольт» не дошел до

нашего времени, но сохранился благодаря сочинениям Данзандагбы и Бэлигун Далая. Трактат Данзандагбы назван так: «*Jirüken-ü tolta-yin tayilburi*» (XVIII в.). Монголист-филолог Д. Кара [1972, с. 16] предложил следующий его перевод на русский язык: «Небесный заговор, или Разъяснение к книге “Оправа сердца”».

А. И. Таксубаев, проявлявший большой интерес к сочинению «*Jirüken-ü tolta-yin tayilburi*» Данзандагбы, в своих заметках отмечал, что «...в грамматических сочинениях монгольских авторов XVIII–XIX вв. преобладает историко-филологический подход к анализу текстов, предполагающий исследование текстов с точки зрения истории их создания, структуры и языка. Между тем определенный интерес представляет и ретроспективно-лингвистический подход, то есть рассмотрение текста с точки зрения его концептуальной структуры и метаязыка лингвистического описания» [1970, с. 156–158]. По его мнению, «“*Jirüken-ü tolta-yin tayilburi*” грамматическое сочинение дескриптивного характера» [Там же, с. 157]. Он считает, что в этом сочинении автором основное внимание уделяется вопросам фонетики, морфологии и орфографии. А. И. Таксубаев, остановившись на моментах описания языка, выяснив концепцию, какую он предполагает, приводит фрагмент из третьего подраздела второй части оригинала: «...*üsüg quriyaju ner-e bolqu ner-e quriyaju üge bolqu üges iyer udq-a-yi üjegüleqü tere çay-tur nökücel kereg-tü bolai*» [по: Балданжапов, 1962, с. 46]. Этот отрывок переведен так: «...из букв собирается название (ner-e), а из названий составляется слово (üge). Словами оформляется понятие (udq-a) и для выражения понятия требуются сопутствующие элементы (nökücel)» [Там же, с. 74].

А. И. Таксубаев предполагает, что Данзандагба был знаком с метаязыком тибетских лингвистов. Им проанализированы слова (üge) и (udq-a) в разных лексико-семантических интерпретациях. Так, в его толковании üge – это ‘имя’, а udq-a – ‘значение’. На основе сделанного им анализа семантики этих слов А. И. Таксубаев предлагает свой вариант объяснения интерпретируемого отрывка: «...из букв собирается имя, из имен собирается фраза (предложение), фраза (предложение) выражает значение, для выражения значения необходимы сопутствующие элементы» [1970, с. 158]. По Таксубаеву, üge ‘предложение’, pere ‘имя’, nökücel ‘сопутствующий элемент’ являются тремя

элементами метаязыка, что «имплицитно упорядочивают все грамматическое описание» [Таксубаев, 1970, с. 158].

В период правления Лигдан-хана Чахарского был переведен на монгольский язык сборник канонических буддийских текстов «Ганджур». Над переводом работала группа образованных лам. Одним из редакторов и переводчиков был пандита Гунга-Одзер, вышедший из этой среды, составитель сочинения «Chos kyi Odzhar-un jökiyaṣan jāyūp nauman üsüg» (Сто восемь букв, составленные Чойджи-Одсером). В этой работе «приведено 108 букв, достаточных для написания монгольских слов» [Балданжапов, 1962а, б, с. 11]. Но эта работа была второстепенной по сравнению с трактатом Чойджи-Одсера.

Д. Цэрэнпил в своей весьма интересной статье [1987, с. 197–223] затронул ряд животрепещущих вопросов истории монгольской лингвистики. Он приводит исходную позицию, заимствованную из «Грамматики» Панини, которая гласит: «There is however no homogeneity between vowels and consonants though their place and effort be equal» (The Ashtādhyāyī of Panini. ‘Восьмикнижье’ Панини / Пер. с англ. 1962. Vol. 1. Гл. 1. X сутра) – ‘Между гласными и согласными нет однородности, хотя и их место образования (асья) и напряженности (п्रायतना) все-таки идентично’ [Там же, с. 200]. Автором делается следующее заключение: 1. Разделение звуков осуществлено по принципу urāya-grajñā. 2. В нем буква ष выполняет функцию релятивного элемента [Там же, с. 202]. Далее ученым прослеживается эволюция гласных и их взаимоотношения с согласными по всем источникам «Зүрхний тольт».

Д. Цэрэнпил обнаружил грамматическое пособие некоего Бэнду, в котором было сказано: «Enekü üsüg terigün-i yaṣun-u ucirtu jirüken-ü toli kemen nereyidügsen bui kemebesü kümün törüged sača nom bičig-i medebesü jirüken oruṣan-luṣ-a sačayu boluyad nom bičig-i medeküi-dür onča, üsüg masi keregtei injü jirüken-ü youl sudasu metü-yin tulada tey-inkü (?) jirüken-ü toli nereyidügsen buyu...» – ‘Если сказать, почему этот букварь называют “Зеркалом сердца”, может быть, tola написано ошибочно вместо toli. Знание, то есть грамота, есть озарение для новорожденного, потому уподобляю сердечной аорте. Возможно и таково это название’ [1987, с. 215].

Ш. Бира и О. Сухэ-Батор [1980, с. 135] считают, что труд Гунгажалцана «Зүрхний тольт» является «первой монгольской грам-

матикой». Ряд монгольских ученых установил, что «Зүрхний тольт» Гунгажалцана – первоначальный грамматический труд, а «Зүрхний тольтын тайлбури» Чойджи-Одсера и «Зүрхний тольтын тайлбури, огторгуин мани» Данзандагбы – это комментарии к комментариям [Цэрэнпил, 1987, с. 219]. В таком рассмотрении происхождения «Зүрхний тольт» и его продолжений – компиляций есть, на наш взгляд, свой резон, делающий все предыдущие работы этого цикла более доступными для последующих времен.

Трактаты «Jirüken-ü tolta-yin tayilburi» Данзандагбы и Бэлигун Далая можно считать основательно изученными исследователями разных стран. Б. Я. Владимирцов, касаясь научного значения этих грамматических сочинений XVIII в., писал: «Монголами делаются попытки синтезировать, дать теорию этого нового литературного языка; с такой точки зрения мы можем рассматривать сочинения “Merged garqu-yin orun, jirüken-ü tolta-yin tayilburi и разные словари, изданные стараниями маньчжурских императоров”» [2005, с. 115]. Т. Пагба [1957] и П. Б. Балданжапов [1962а, б] издали свои монографии источниковедческого характера, в которых детально исследованы памятники грамматической мысли монголов. Д. Төмөртөгө [1992] посвятил свою статью преподавательской и переводческой деятельности Бэлигун Далая Уратского, в которой охарактеризовал его как лингвиста-фонетиста, поставив в один ряд с рабжамбой Данзандагбой [Он же, 2002, с. 483].

Традиция грамматического учения, идущая от «Jirüken-ü tolta», была воспринята крупнейшим богословом, философом и филологом Агвандандаром Алашанским (1758–1852). Ф. И. Щербатской, издавший его философский труд, писал: «Он (Агвандандар) не из тех ученых, которые, прикрываясь внешней эрудицией, стараются замаскировать трудность или неразрешимость вопроса. Напротив того – это глубокий и честный мыслитель, первоклассный философский ум» [1916, с. III].

Труды Агвандандара стали известны европейской науке, благодаря стараниям Г. Ц. Цыбикова и Б. Я. Владимирцова, высоко оценивших его научную деятельность. Агвандандар кроме родного монгольского знал санскрит и тибетский язык, на котором оставил немало работ. Он был признанным грамматистом и лексикографом, составил грамматическое сочинение «Kelen-ü čimeg» (1829). Это учебная грамматика монгольского языка была написана для простых ара-

тов. Им составлена таблица монгольского алфавита в слоговом варианте, известная со времен «Ĵirüken-ü tolta». По мнению А. И. Воробьевой, «...таблица алфавита представляет оригинальное и самостоятельное построение Дандара» [1959, с. 150]. В основу фонетической системы монгольского языка он кладет гармонию гласных. Им дано наиболее полное описание звукового строя изучаемого языка. Он осветил вопросы орфографии и морфологии, в частности, состав слова, словообразование и словоизменение, уделял большое внимание морфемике монгольского языка, раскрыл роль суффиксов, аффиксов и формантов в функции языка.

«Граматику монгольского языка» (Kelen-ü ċimeg) Агвандандара можно считать новаторской для того времени. В свою работу он ввел ряд нововведений. Так, он «выделяет винительный падеж и его аффиксы уі, і, следует нормам живого монгольского языка» [Там же, с. 151].

Хотя его работа «Kelen-ü ċimeg» была задумана как учебное пособие, но в ней есть много нового и обобщающего, поэтому ее вполне можно считать научной.

В хранилищах Санкт-Петербурга, Улан-Батора, Хүхэ-Хото, Улан-Удэ есть немало списков указанной работы Агвандандара. М. Таубе [1961] издал труд Агвандандара на основе пекинского ксилографа в немецком переводе. Б. Сэцэн и Ш. Далантай (Внутренняя Монголия) опубликовали текст «Kelen-ü ċimeg» в «Монгол хэл бичиг» (Монгольская филология), в кратком обзоре привели интересные данные источниковедческого характера. Авторы сообщают, что 16 августа 1956 г. им удалось посетить храм Jeqün keyid (Восточный монастырь) Алашанского хошуна Баян-Нурского аймака. Побывав на малой родине Агвандандара, они приобрели много книг, ксилографов и рукописей [Балданжапов, 1962б, с. 12, 18].

П. Б. Балданжапов же опубликовал «Kelen-ü ċimeg» Агвандандара [Там же] в русском переводе с соответствующими примечаниями и факсимиле, без транскрипции. В приложение он включил и знаменитую «Граматику тибетского языка» Агвандандара. Ныне в Дхармасале (Индия) в резиденции Далай-ламы тибетский язык изучают по этому учебнику. Труд Агвандандара звучит так: «Сочинение под названием “Украшение речи”, обстоятельно излагающее правила монгольского письма», что вполне созвучно содержанию и задачам этой работы замечательного алашанского монгола.

Древнеиндийские грамматисты оказали заметное влияние на историю монгольского языкознания. Д. Тѳмѳртогѳ [2002, с. 391] считает, что в монгольский «Данжур» вошли 50 работ индийских лингвистов, называет их по-монгольски, приводит соответствующие источники. В становлении грамматической теории монголов «Грамматика» Панини занимает одно из ведущих мест. Установлено, что монгольский краткий перевод был осуществлен Сумадишила (Лувсанчултэм), до нас он дошел в составе монгольского «Данжура» (XVIII в.). Как известно, к «Грамматике» Панини написано немало комментариев, которые дошли до нашего времени в монгольских переводах.

«Грамматика» создана приблизительно в V в. до н. э. Она названа *Aṣṭādhyāyī* (Восьмикнижье), это наиболее полное описание языка, являющееся непревзойденным до сих пор. Д. Тѳмѳртогѳ [Там же, с. 394], изучивший ее структуру по английскому переводу, делит на восемь книг, которые распадаются на части, состоящие из 3995 правил в стихах, шлоки внутри – из 32 слогов. Она написана в форме молитв для заучивания текста в целях устной передачи содержания текстуально. «Грамматика» вобрала в себя вопросы фонетики и морфологии на основе знаний предшественников, Панини разрабатывает их на материале санскрита. Д. Тѳмѳртогѳ [Там же, с. 395–396] рассматривает морфологическую структуру слова в таких аспектах, как 1) лексика; 2) словообразование; 3) словоизменение. Панини в морфологии санскрита находит четыре части речи: 1) *naṃa* (имя); 2) *akhyāta* (глагол); 3) *pīṛata* (частица); 4) *uṣasarga* (предлог).

Падежная система, данная у Панини, была принята монгольскими грамматистами всецело и без оговорок. В наше время падежная грамматика Панини вызывает среди лингвистов-монголистов живой интерес.

Так, В. М. Надеяев по поводу падежных форм писал: «Видно, параграф о склонении *teuṅ ilṅal anu* в «Толковании Сердечной аорты» не является фрагментом, хотя бы и переделанным из сочинения Чойджи-Одсера «Сердечная аорта». Содержание его – механический перенос на монгольский материал тибетской трактовки склонения, которая, в свою очередь, так немеханически заимствована из санскритской грамматики... Надо полагать, сам Данзан-Дагва сохранил 8 падежей одного из вариантов трактовки склонений в тибетской грамматике, сохранил их порядковые номера как терминологические назва-

ния падежей и перевел на монгольский язык основные значения каждого падежа. Интерпретация системы падежей санскрита оказалась неадекватной для системы падежных показателей в тибетском при заимствовании ее из санскритской грамматики в тибетскую, дальнейший перенос этой теоретической интерпретации, искаженной фактическим языковым материалом тибетского, на монгольскую почву привел к тому, что в монгольском грамматическом сочинении выпал из описания один из важнейших падежей монгольского склонения – винительный падеж, хотя формально термин 2-й падеж (отражающий в санскрите прямообъектные отношения) сохранен. Потребовалось тонкое языковое чутье, наблюдательность и аналитический ум уратского гуши Bilig-ün Dalai, чтобы восстановить законное место винительного падежа в монгольской грамматике» [Наделяев 1972, с. 163–164].

Отсутствие винительного падежа объясняется, по мнению М. Н. Орловской [1993, с. 90], «либо тем, что в монгольском языке формант винительного падежа нередко совпадает с формантом родительного, либо, что считается более вероятным, автор придерживается не только древнеиндийской падежной системы, но и тибетской, в которой винительный падеж отсутствует, так как формально совпадает с именительным» [по: Пагба, 1957, с. 15]. Среди падежей отсутствовал и соединительный, которого нет в тибетском, хотя его показатель указан автором в списке формообразующих и служебных единиц. Падежи описывались исключительно по семантическому принципу, поэтому одни и те же падежные формы присутствовали в разных по названию падежах. «Дательно-местный падеж современного монгольского языка представлен тремя разными падежами с учетом смысловых оттенков значения» [Орловская, 1993, с. 90].

В. М. Наделяев усмотрел специфику и запутанность падежных систем в тибетском языке, попавших в монгольский, в предикативности объектных отношений: «В тибетском языке конструкция предложения с переходным глаголом в роли сказуемого эргативна, поэтому в нем нет специальных показателей у имени для выражения прямообъектных отношений, зато подлежащее в этих предложениях оформлено чаще всего показателем орудности» [1972, с. 163].

М. Н. Орловская пишет: «В ранних грамматических сочинениях были заложены основы и классификации слов, где также сказывалось индо-тибетское влияние: все слова делились на нэр – названия и

нөхцөл – сопутствующие элементы, как считалось, сами по себе не могут выражать смысла какого-нибудь предложения, а только в сочетании друг с другом. Слова делились на разряды, соответственно их роли в предложении выделялись некоторые частицы (anu, inu, ele), союзы (kiged, böged), послелогои (bür-ün), отдельные глагольные формы (bolai 'было', bolтууаи 'да будет', названные заимствованным у Панини термином üges-ün аyaлyу) [Орловская, 1993, с. 91].

Т. Е. Катенина, В. И. Рудой считают, что «труд Панини построен таким образом, чтобы, отправляясь от смысла, выбрав соответствующие лексические морфемы (корень глагола или первичную основу имени) и диктуемую характером глагола или коммуникативной задачей конструкцию, проделав все предписываемые операции, получить на «выходе» фонетически правильные предложения». «Грамматика» Панини написана сложным метаязыком, что отразилось в монгольских грамматиках XVIII в. [1980, с. 75].

1.1.2. Античные, римские и латинские школы. «Грамматика Пор-Рояля». Лингвистические направления в Европе и их влияние на русское языкознание. Языкознание в России и его взаимосвязи с монгольским в петербургский и казанский периоды научного монголоведения

Европейское языкознание зародилось в древности у греков. Достижения древнегреческих лингвистов были восприняты римлянами, так они стали их преемниками.

Грамматические начала были связаны с именами великих философов Гераклита, Демокрита, Платона и софистов. Аристотель занимался вопросами философии языка [Томсен, 1938, с. 12–18].

В древности у античных мыслителей возникла теория именования. А. А. Гируцкий сформулировал значение теории именования в таких постулатах: «Общий смысл теории именования состоит в умении устанавливать гармоническую целесообразность общества и мировой порядок одновременно. Практическим центром теории именования было учение дать правильно имя. Древние авторы, излагая теорию именования, разделились на два лагеря. Одни утверждали, что «наименование определяется самой природой предмета». Остальные отстаивали точку зрения по положению, что «означало установление наименования по обычаю ... без связи с природной сущностью предметов» [2003, с. 24–25]. Разные идеи ученых излагались в дискуссиях

и диалогах. Это было теорией слова и его семантики, дающие «систематизацию правил построения языка» [Гируцкий, 2003, с. 28].

Грамматическое учение в античности связано с именами Аристотеля, Платона и др. Отдельные положения грамматического учения отразились в «Поэтике» Аристотеля, в которой он писал: «Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение» [Античные теории, 1936, с. 62].

Античная лингвистика достигает своего наивысшего расцвета в александрийский период, эллинистическую эпоху (334–331 гг. до н. э.). В Александрии и Пергаме созданы крупнейшие хранилища рукописей, в их библиотеках были сосредоточены произведения греческой науки и культуры. Тогда возникла знаменитая александрийская школа грамматистов. «Своей высшей точки достигает греческая грамматика у Аполлония Дискола (II в. н. э.) и его сына Геродиана, и в таком виде мы унаследовали ее вплоть до наших дней через латинских грамматистов» [Томсен, 1938, с. 22–23].

Марк Теренций Варрон (116–127 до н. э.) создал сочинение «О латинском языке», дошедшее до нашего времени и состоящее из 25 книг, но с большими потерями [Там же, с. 24].

Античные филологи занимались и этимологией, в их работах этот вид языкознания имел свои направления и подходы к решениям своих задач.

По мнению В. Томсена, «слабыми сторонами античной филологии была ее зависимость от философов в постижении языка, она оказалась слишком узкой областью и ограничивалась греческим и латинским языками» [Там же, с. 26].

На Руси грамматические вопросы отразились в статьях Максима Грека (ок. 1480–1556), положивших начало филологической критике текста на основе византийской и южно-славянской традиций. Он участвовал в ревизиях переводов церковных книг (1515).

С. А. Крылов приводит интересные сведения из истории языкознания в античности и в XVI в. Так, он пишет: «...идеями неоструктурализм обязан: античной грамматике (представление о субстанции и акциденциях, о частях речи и грамматических категориях), европейской гебраистике XVI в. (понятия корня и аффикса)» [2004, с. 10–11].

Во Франции в XVII в. процветало грамматическое учение на основе рациональной логики. Антуан Арно и Клодт Лансло написали

«Общую и рациональную грамматику», которую издали в 1660 г. в Париже. Ее авторы – аббаты монастыря Пор-Рояль. Н. Ю. Бокодорова [ЛЭС, 1990, с. 536] структуру грамматики двух аббатов рассматривает так: «разделена на две части: «Слова как звуки» и «Слова как средства выражения и передачи мысли», состоящие соответственно из 6 и 24 глав. Во второй части содержатся положения об «основных операциях рассудка» и соответствующих им языковых категориях. «Операции рассудка» – «представление», «суждение», «умозаключение». Соответственно им языковые категории реализуются в принципиальных функциональных различиях между частями речи». Классификация частей речи, данная в «Грамматике Пор-Рояля», отражает их существующую ныне номенклатуру.

Ф. де Соссюр дал определение «Грамматики Пор-Рояля» предельно кратко: «Эта была дисциплина нормативная, весьма далекая от чистого наблюдения: в силу этого ее точка зрения была, естественно, весьма узкой» [1977, с. 39].

«Грамматика Пор-Рояля» имела своих последователей и в России. Очевидно, это подражание или компиляция труда французских аббатов уже на основе грамматики русского языка. Таковы работы Н. Язвицкого, Л. Г. Якоба, являющиеся популярными учебниками по рациональной грамматике, обращенными к русским читателям и учащимся. И. С. Рижский (1806), И. Орнатовский (1810), Ф. И. Буслаев (1858) были сторонниками универсальной грамматики в России.

Н. Язвицкий назвал свою работу витиевато: «Всеобщая философская грамматика», а профессор Харьковского университета И. Орнатовский свой труд назвал просто «Новейшие начертания правил российской грамматики» (1810), выделив задачи и цели.

Обратимся непосредственно к постулатам этих авторов. Источники этих работ явно философские и логические, их доводы построены на категориях классической логики.

Н. Язвицкий находил в языке механизм действия человеческого ума, потому писал: «Все философы в том согласны, что три суть действия ума нашего понятие, суждение и умозаключение. Таким образом, понимать, судить и заключать суть три должности разума человеческого... Понятие называется словом, суждение – предложением, умозаключение – доводом» [по: Реферовская, 1996, с. 170]. И. Орнатовский уточнял сказанное выше так: «Человек имеет два источника познаний: способность чувствовать и разум» [Там же].

Спустя два года после появления в научной литературе работ Н. Язвицкого и И. Орнатовского, Л. Г. Якоба в 1912 г. в Харькове издал «Курс философии для гимназии Российской империи», вторая часть которого названа «Начертание всеобщей грамматики».

Структура «Курса всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба соответствует содержанию «Грамматики Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло в целом, если второй представляет источник в отношении первого. Поскольку он, т. е. курс, написан для гимназистов, то, несомненно, это учебник, исходной основой данного курса является труд французских аббатов. Пособие Г. Якоба состоит из введения, трех глав. Однако надо сразу оговориться, что структура пособия внешне хаотична, но, следуя ходу изложения, имеет свои особенности.

Автор считал, что «мы устраиваем некоторые законы между правилами языка, заключающиеся без коих нигде и никакой язык состоять не может; усматриваем еще и другие, коим всякий язык должен быть подвержен изменению, хотят его усовершенствовать. Сии законы выводятся из понятия форм языка вообще» [Якоб, 1812, с. 12].

Л. Г. Якоб, говоря об отдельно взятом языке, коснулся вопросов этнокультуры и этнолингвистики, в которых указал на психолингвистические, единичные и особенные категориальные черты языков вообще. Так, образование народов познается только по их языку. «Почающиеся в различных языках и их изменениях научаются вместе познавать дух и перемены образованности нации, говорящих тем языком» [Там же, с. 16, § 32].

В трех главах этого пособия рассмотрены вопросы морфологии: имена, глаголы, синтаксис простого и сложного предложения. Не забыты и вопросы словообразования и словоизменения, категории языка. В синтаксисе особое место отводится периодам.

В конце своего пособия Г. Якоб привел длинный список литературы на немецком, английском и французском языках, которые восходят к трудам Франческо Санчеса (1523–1601) и «Грамматике Пор-Рояля» К. Лансло и А. Арно.

Монголисты-филологи так или иначе были вынуждены прибегнуть к идеям «универсальных грамматик», так как в них есть определенные инновации и для того времени, когда велись поиски создания новаторских по духу работ.

Востоковедное языкознание прошло очень сложный путь развития как лингвистика. Наука о языке в русском монголоведении в

I половине XIX в., вплоть до 50-х гг. XX в., находилась и развивалась в филологическом русле.

Н. Ю. Бокодорова [ЛЭС, 1990, с. 204] пишет, что в связи с возникновением структурализма появился большой интерес лингвистов к историографии языкознания. Так, Ф. де Соссюр в статье «Общий взгляд на историю лингвистики» выдвинул концепцию о трех фазах: «грамматическая», «филологическая» и «историко-сравнительная».

Обзор трудов крупнейших европейских лингвистов и обрисованная картина развития лингвистики на Западе, изложенные таким талантливым и ярким мыслителем, каким был Ф. де Соссюр, несомненно, дороги нам и бесценны по своей глубине. Основные моменты концепции историографии лингвистики, предложенные Ф. де Соссюром, приведем в некоторых фрагментах.

«Филологическая» школа существовала уже в Александрии, – подчеркивает Ф. де Соссюр, – но этот термин применяется преимущественно к тому научному направлению, начало которого было положено в 1777 г. Фридрихом Августом Вольфом и которое продолжает существовать до наших дней. Язык не является единственным объектом филологии: она, прежде всего, ставит себе задачу устанавливать, толковать и комментировать тексты ... всюду она применяет свой собственный метод, метод критики источника. Если она касается лингвистических вопросов ... чтобы сравнивать тексты различных эпох, определять язык, свойственный данному автору, расшифровывать и разъяснять надписи на архаических или плохо известных языках. ... Именно исследования такого рода и расчистили путь для исторической лингвистики: работы Ричля о Плавте уже могут быть названы лингвистическими» [1977, с. 39].

«Начало третьего периода связано с открытием возможности сравнивать языки между собой. Так, возникла сравнительная филология, или сравнительная грамматика. В 1816 г. Франц Бопп в своей работе «О системе спряжения санскритского языка...» исследует отношения, связывающие санскрит с греческим, латинским и другими языками. Заслуга Боппа заключается не в том, что он открыл родство санскрита с некоторыми языками Европы и Азии, а в том, что он понял возможность построения самостоятельной науки, предметом которой являются отношения родственных языков между собой» [Там же, с. 40]. Автор на конкретных примерах рассматривает парадигмы склонения латинских *genus* и греческого *genos*, затем сравнивает их с

санскритскими парадигмами. Вывод лингвиста таков: «...санскрит оказывается в положении языка, разъясняющего различные явления в других языках» [де Соссюр, 1977, с. 40–41].

«Якоб Гримм, основоположник германистики (его «Грамматика немецкого языка» была опубликована в 1819–1837 гг.), в которой ученый перечисляет представителей школы сравнительного языкознания: Макс Мюллер, Георг Курциус и Август Шлейхер. Макс Мюллер «популяризировал его своими блестящими лекциями («Лекции по науке о языке» (1861) на английском языке); впрочем, в чрезмерной добросовестности его упрекнуть нельзя. Выдающийся филолог Курциус, известный, главным образом, своим трудом «Основы греческой этимологии» (1858–1862; 5-е прижизн. изд., 1879), одним из первых примирил сравнительную грамматику с классической филологией. ... «Компендиум по сравнительной грамматике индогерманских языков» (1861) А. Шлейхера представляет своего рода систематизацию основанной Боппом науки» [Там же, с. 41].

«Их наука оставалась исключительно сравнительной, вместо того, чтобы быть исторической. Конечно, сравнение составляет необходимое условие для всякого воссоздания исторической действительности» – вот вывод кардинального характера, данный ученым [Там же, с. 42].

Таким образом, Ф. де Соссюр справедливо уделил много внимания сравнительно-историческому методу в европейской лингвистике. В заключение автор писал весьма прозорливо об отношениях сравнительной грамматики и филологии в следующих, не лишенных свежести идей, словах: «Однако сколь ни велики были заслуги этой школы, не следует думать, будто она пролила полный свет на всю проблему в целом: основные вопросы общей лингвистики и ныне все еще ждут своего разрешения» [Там же, с. 43].

Краткое изложение воззрения Ф. де Соссюра на историю языкознания XVIII – начала XIX в. как бы отражает в целом и сжатом виде историческое прошлое монгольского языкознания в России, выросшего на основе плодотворных идей представителей всех этих фаз развития европейской лингвистики в самом цвете и ускоренном становлении монгольской филологии и лингвистики, которые развивались в неразрывном единстве.

Б. А. Захарьин, А. М. Карапетьянц [2000, с. 125–128] выдвинули ряд интересных и дискуссионных положений об интенсивном развитии европейской лингвистики в контексте взаимосвязи и влияния восточного языкознания на первую. Они отмечают, что «восточная филология и лингвистика оказали существенное влияние на западно-европейское языкознание (например, индийская лингвистическая традиция), оказались весьма созвучны тенденциям современной лингвистики (традиционная китайская фонология, древнекитайская семиология и грамматология)» [Там же, с. 128].

Как уже отмечалось, языкознание в эпоху средневековья и Новое время в Европе в силу узости и ограниченности лингвистической базы греко-римской античности, на традиции которой оно опиралось, не могло развиваться интенсивно и широко, испытывая определенную стагнацию в своем развитии.

«Рождение исторического языкознания и появление самого исторического метода в Европе в начале XIX в. самым прямым образом имплицированы знакомством европейцев с санскритом и с достижениями лингвистов древней и средневековой Индии. Менее очевиден тот факт, что появление нового и самого родственного направления в истории языкознания, именуемого «соссюранством» и «постсоссюранством», в значительной мере стимулировано знакомством лингвистов с проблемами и способами их решения, представленными в языкознании классической Индии» [Там же, с. 126].

В. Томсен, касаясь лингвистического наследия у индусов, признался более конкретно: «Высота, которую достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX века, да и то, научившись многому у индийцев» [1938, с. 10].

Языкознание в Индии в эпоху Вед достигает наивысшего расцвета. Б. Захарьин, А. Карапетьянц отмечают «о космизме, речи и креативной силе Логоса – Слова, первых попытках терминотворчества» [Захарьин, Карапетьянц, 2000, с. 126]. Лингвистика «достигает высшей точки своего развития при Панини, на грамматическое произведение которого мы взираем и поныне с величайшим удивлением» [Там же, с. 9].

Нами уже были рассмотрены достоинства «Грамматики» Панини. Добавим, что инновации «Грамматики» Панини были европейскими лингвистами восприняты очень плодотворно, возникли порождаемые грамматикой, подтверждающие непрерывность эволюции лингвистической мысли в классической Индии.

Касаясь конкретного синтеза идей и нововведений, заимствованных монголистами-грамматистами и творчески развившими их в своих трудах, следует отметить, что они включены в характеристики и оценки их научного наследия, и могут быть полезными и в настоящем. Как известно, не может быть частного обособленного языкознания, так и монгольское языкознание не могло не испытать на себе плодотворные идеи, тенденции прошлого как во всемирном, так и локальном масштабах.

§ 2. Первые сведения о лингвистических знаниях в России по монгольскому языку в XVIII - начале XIX в.

1.2.1. Г. З. Байер (1694–1738) как предвестник русского монголоведения. Его работы по монгольскому и калмыцкому языкам

Готлиб (Теофил) Зигмунд Байер вошел в историю русской ориенталистики как востоковед, филолог и историк. Он занимал кафедру древностей и восточных языков в Петербургской Академии наук с 1725 г., прожил в России более 10 лет.

Он оставил несколько статей по истории монгольской и калмыцкой письменности, написанных по-латыни: «Elementa literaturae Brahmanucae, Tangutanae, Mongolicae» (Начала брахманического, тангутского и монгольского письма), «De literature mangurica» (О маньчжурской письменности), «Elementa calmusicæ» (Начала калмыцкого), которые опубликованы в издании АН «Commentarii...» [Максимова, 2002, с. 197]. Следует заметить, что под названиями «брахманический», «тангутский» имелись в виду термины «санскритский» (или «индийский») и «тибетский», потому что вряд ли тогда знали в Европе о тангутах. Им также опубликован перевод братьев Фурментов, о чем впоследствии А. И. Востриков не без грусти писал, что «не будучи в состоянии понять непригодность перевода, представленного братьями Фурментами, Байер, вполне доверяя их авторитету, нашел

необходимым опубликовать его в своем издании» [Востриков, 1935, с. 65], что оказалось большой ошибкой ученого.

Работа Байера «Начала калмыцкого» представляет определенный исторический интерес, поэтому приводим текст в русском переводе с латинского, сделанном М. И. Максимовой: «В предыдущем томе комментариев я дал описание маньчжурской письменности, добавляя здесь кое-что о калмыцком письме, но лишь настолько, чтобы показать его отличие от маньчжурского. Впервые я нашел нечто калмыцкое в сочинении Николая Витсена. Затем Фридрих Гросс, наш коллега, которого я с почтением упоминаю, добыл в Москве у посла княжества Зонгар их алфавит и переслал для меня в Петербург. Наконец, я заполучил этот алфавит, соответствующий Гроссовому, написанный рукой Лобсанга Иши. Он некогда служил писцом у зонгарцев, оттуда, будучи захвачен русскими в плен, принял христианскую веру, с какого времени имя ему Василий, Тимофеев сын. Последняя буква «р» опущена Василием, но послем записана явно тангутская, причем конечные буквы ближе добавлены на схеме. Остальные можно легко выполнить путем сравнения с маньчжурским алфавитом» [2002, с. 196–197]. Байер отмечал, что «калмыцкий алфавит труднее монгольского» [Там же, с. 195]. Первый алфавит, т. е. «ясное письмо», видоизменен на основе монгольского с использованием особенностей знаков маньчжурского.

Я. И. Шмидт в своем «Руководстве для изучения монгольского языка» отметил работы Байера и подверг их суровой критике: «ум Байера был возвышен даже в самих заблуждениях, которых никак избежать не мог» [1831, с. 95].

К. С. Веселовский и П. Пекарский считали Г. З. Байера востоковедом, первый из них писал: «При всем несовершенстве его трудов, с точки зрения нынешней науки (по данным 1865 г. – *В. Р.*), они, во всяком случае, остаются замечательными памятниками первых занятий этими языками» [Веселовский, 1865, с. 29].

В БСЭ сказано об этом ученом так: «Научное значение имели работы Байера по ориенталистике, филологии и исторической географии, в частности, словарь китайского языка» [1970, т. 2, с. 530].

Байер в статусе члена Петербургской АН (1725), историка, филолога и географа остался в анналах истории науки. Так, например, о

нем опубликованы краткие справки в энциклопедической, биографической и библиографической литературе России последних лет.

Кроме того, С. К. Булич [1904, т. 1], В. В. Григорьев [1847, т. 22] писали о нем, как об известном филологе и ориенталисте XVIII в. И. И. Иориш [1972] в своем историческом очерке по монголоведению вполне справедливо отмечал, что Г. З. Байер проявил интерес к восточным языкам, в том числе к монгольскому, еще в I половине XVIII в.

Таким образом, имя Г. З. Байера сохранилось в истории русской науки, в настоящее время носит, скорее, раритет прошлого.

1.2.2. Иоганн Иериг – автодидакт монгольского языка Его рукописи в критике Я. И. Шмидта

Иоганн Иериг (Jaerig, Jährig) (?–1795) выходец из немецкой колонии Сарепты известен как знаток монгольского и тибетского языков, вошел в начальную историю зарождающегося монголоведения в России автодидактом, неутомимым деятелем в ориенталистике XVIII в. П. С. Паллас сделал его помощником в деле изучения и сбора материалов по истории и культуре монгольских народов, живших в Поволжье и Забайкалье. Он выучил родной язык кочевников, находясь в калмыцких степях по заданию Академии наук, затем в 1780 г. выехал в Забайкалье, жил в Тамчинском дацане, вблизи Гусиного озера (Галуута нуур). Он близко был знаком с главой буддийской церкви Восточной Сибири пандидо-хамбо ламой, помогавшим ему в приобретении для библиотеки АН книг и ксилографов на монгольском и тибетском языках.

И. Иериг был одним из первых составителей грамматики монгольского языка и монгольского словаря, над которым работал продолжительное время [Шафрановская, 1963, с. 161]. По требованию АН он высылал в Петербург по мере ее подготовки рукопись словаря. В 1794 г. Иериг закончил работу над «Основами монгольских языков» [Там же, с. 163]. По мнению А. И. Вострикова, «И. Иериг написал на-

* Новая Российская энциклопедия. В 12 т., т. 2. – М., 2011. – С. 794; Всемирный биографический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 52; Ливотова О. Э., Португаль В. Б. Востоковедение в изданиях Академии наук 1726–1917. – М., 1966. – С. 11–12.

учные труды, между прочим, словарь и грамматику монгольского языка, несколько переводов и краткую грамматику тибетского языка... Но они остались неопубликованными» [Востриков, 1935, с. 66]. Я. И. Шмидт «Граматику монгольского языка» подверг серьезной критике: «Судя по сему заглавию можно бы подумать, что это «Монгольская грамматика», но совсем нет: вы не найдете тут ничего похожего на «Граматику...», ничего в частях речи и изменениях, или систематическом порядке оных; а только многословное, тяжеловесное наставление правильно читать и писать по-монгольски и несколько кратких отрывков из монгольских сочинений, с которыми однако отнюдь не должно соединять понятие о хрестоматии» [1831, с. 97].

Я. И. Шмидт в заключение своего «Руководства ...» об Иериге писал следующее: «Он не имел ученого и литературного образования, в результате чего сокровище собранных им сведений о монгольском языке осталось нестройным хаосом, которого он не был в состоянии прояснить и привести в порядок» [Там же, с. 96]. К сказанному добавим, что «И. Иериг работал среди лам без каких-либо связей с востоковедами, лишь общался с ламами, или гелюнами, что было явно недостаточно для науки. В отличие от Байера, он был среди ученых-лам, но не имел хорошей подготовки. Однако его отличное знание монгольского и тибетского языков позволило ему быть хорошим переводчиком для Палласа, добывавшим для академика ряд материалов из литературных источников» [Востриков, 1935, с. 66].

И. Я. Шмидт указал на то, что «одно только достопохвальное исключение в сей толпе монгольских толмачей составлял Иериг (jäbrig)» [1831, с. 96]. Он стоял намного выше современников, хотя его работы не были опубликованы.

А. И. Востриков, Т. К. Шафрановская причислили И. Иерига к монголоведам и оценили результаты его деятельности в целом положительно. Б. А. Дорн оставил нам описание рукописей И. Иерига (преимущественно по изучению монгольских языков и истории монголов, бурят, калмыков), оставшихся в архиве Азиатского музея АН [Dorn, 1846, р. 122, 217–218]. А. Н. Кононов [1958, с. 409] отмечал деятельность И. Иерига в собирании материалов для изучения монгольского языка как положительный фактор для того времени.

Т. К. Шафрановская составила полную его биографию на основе изучения протоколов общего собрания Петербургской АН, выдвинув его в ряды первых русских монголоведов XVIII в. [1965, с. 155–163].

Отметим, что если сравнить его с Байером, имевшим немало печатных трудов и хорошее образование, то И. Иериг хорошо знал язык и быт бурят и калмыков, помогал Палласу в его неутомимой работе, одновременно как мог способствовал его успехам в монгольском языке.

1.2.3. Собираение лингвистического материала в XVIII–XIX вв. экспедициями Академии наук

Как известно, Академия наук России была основана 28 января (8 февраля) 1724 г. в Петербурге указом Петра I, хотя официальное открытие состоялось лишь в декабре 1725 г. Вдохновителем и инициатором создания АН в России был немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), составивший для русского царя проект российской системы образования, в которой не была обойдена вниманием и ориенталистика. Лейбниц живо интересовался изучением Востока в России. «...Будет видно, в каких местах лучше всего изготовить катехизисы и другие духовные книги, а также грамматики, лексиконы и другие сочинения на том и другом из главных языков для ... образования народов, – писал Лейбниц в одном из своих многочисленных писем к Петру I, что составляет одно из полезнейших и славнейших дел, возможных для великого монарха» [по: Герье, 1871, с. 144]. Г. В. Лейбниц, очевидно, доставал нужные для себя материалы по разным языкам из первых рук, в том числе и по восточным, которые впоследствии ему пригодились при составлении известной нам классификации языков народов мира.

Петр I, помимо Лейбница, состоял в оживленной переписке по вопросам организации АН со многими выдающимися европейскими учеными того времени, в которых обсуждал и уточнял статус, структуру и другие важные организационные вопросы будущей Академии наук. Таковы некоторые аспекты предистории организации крупномасштабных экспедиций по обширным территориям Российского государства, проведенные Петербургской АН в XVIII–XIX вв.

Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–1735), врач по образованию и ученый широких научных взглядов, совершил семилетнее путешествие по России, в том числе по Сибири в 1720–1727 гг. Он объездил всю Западную и Восточную Сибирь, Забайкалье. Выучил монгольский и «тангутский» (тибетский. – В. Р.), собрал материалы по 20 «сибирским» языкам и наречиям. Вернулся в Петербург с богатыми

коллекциями археологических находок, многочисленными и объемными дневниками, в которых были зафиксированы разнообразные лингвистические материалы по восточным языкам, а также с рукописными сочинениями в оригинале. По сведениям А. М. Куликовой и Е. И. Кычанова [1990, с. 48], часть этих бесценных сокровищ пострадала в период пожара, возникшего в здании АН в 1747 г. Из дневника Мессершмидта известно, что собиратель записал материалы по говору качугских бурят недалеко от деревни Качуг (на левом берегу р. Анги (8 декабря 1728 г.), в записях зафиксировано 195 слов [Будачев, 1992, с. 9]. Дневники Мессершмидта изданы в VIII томе, в 5 выпусках Академией наук бывшей ГДР совместно с Институтом истории естествознания и техники АН СССР. В 1962–1977 гг. Ц.-Д. Будачев извлек все нужные ему материалы.

Н. Н. Поппе относительно бурятского языка тех лет ставил такой вопрос: «Что представляет собой язык бурят того времени со стороны фонетической?» Автор обнаруживает в области консонантизма наличие *h*, как в современном бурятском языке на месте *s* других монгольских языков. Он сопоставляет ряд слов с согласным *h* в бурятских словах с теми же словами в других монгольских языках. Проанализировал ряд слов бурятского языка в фонетическом плане. Пришел к выводу, что фонетическая система бурятского языка установилась задолго до наших дней [1933, с. 65].

Н. Н. Поппе попытался сделать морфологический анализ бурятского языка на основе материалов Чемесова, им представлено немало интересных замечаний. Обилие монголизмов в языке бурят, по мнению Поппе, обусловлено тем, что они проникли к ним через язык выходцев из Монголии. Он же отмечает «монголизмы в языке баргузинских тунгусов наряду с чисто бурятскими элементами» [Там же, с. 66]. Относительно развития бурятского языка 150 лет назад Н. Н. Поппе делает следующий вывод: «Это доказывает, что лингвистическая карта Бурятии некогда была не менее пестрой, чем теперь, если даже не пестрее» [Там же].

И. Д. Бураев, обрисовывая картину эволюции бурятского консонантизма, пишет: «Фонетический процесс $s > h$ мог начаться только позднее X–XI вв. и по бурятским диалектам проходил далеко неравномерно. Эволюция $s > h$ имела длительную историю. В начальном этапе фарингальный *h* и щелевой *s*, видимо, функционировали на

уровне аллофонов, несмотря на то что они по своим акустико-артикуляционным особенностям довольно далеки» [Бураев, 1995, с. 7]. Рассматривая завершение процесса $s > h$, он отмечает, что «смычно-щелевые аффрикаты утратили начальные смычные элементы и начали функционировать как чисто щелевые звуки. ... Они могли функционировать на уровне аллофонов». Выдвинув свою фонологическую гипотезу, он вполне корректно доказывает ее по записям Г. Ф. Миллера, сделанным в 30-х гг. XVIII в. во время его сибирского путешествия. И. Д. Бураев выделяет в его материалах фиксацию аффрикатов $t's, d'z, dz$. «В этот период в бурятских диалектах фарингальный h уже полностью вытеснил щелевой s . Из этих записей мы видим, что аффрикаты ts уже к тому времени произносились как щелевой s . Это и понятно, вслед за $s > h$ утратили затвор сильные глухие аффрикаты ts и $t's$, только затем по аналогии с ними утратили первые смычные элементы $dz, d'z$ » [Там же, с. 8]. Так, им показаны некоторые аспекты исторической фонетики бурятского языка на основе собранных лингвистических материалов XVIII в.

Ц.-Д. Б. Будаев на основе детального изучения архивных источников пришел к следующему выводу: «Материалы XVIII–XIX вв. собраны крупными специалистами своего времени и записаны довольно точно. Поэтому записи представляют собой важный источник для исследования проблем формирования и исторического развития бурятских диалектов» [1978, с. 6–7].

Ц.-Д. Б. Будаев издал монографию, в которой рассмотрены вопросы формирования и развития лексики бурятских городов на богатейшем сравнительном материале [Там же]. Аспекты изучения данной темы обширны и многогранны. Его труд состоит из введения, пяти глав и заключения. В первой главе освещены вопросы общей характеристики современных бурятских диалектов, в трех главах изучены вопросы исконной лексики бурятских диалектов, затронуты аспекты пополнения словарного состава бурятских диалектов собственными ресурсами, описаны пути и способы заимствования в бурятских диалектах иноязычной лексики: тюркизмов, эвенкизмов, монголизмов, тибетизмов и русизмов. Книга завершается главой «Лексика бурятского языка в период его самостоятельного развития», где отразились колоссальные изменения как в бурятском обществе в XX в., так и в лексической структуре живого бурятского языка. Глава охватывает развитие лексики бурятских говоров советского периода.

Л. Д. Шагдаров и У.-Ж. Ш. Дондуков написали на работу Ц.-Д. Б. Будаева обширную рецензию, где отметили положительные и отрицательные стороны данного труда. Рецензенты верно считают, что до недавних пор «словарный состав бурятских диалектов исследован лишь синхронически, автором впервые проведена кропотливая работа в таком широком масштабе» [1981, № 5, с. 149]. По их авторитетному мнению, методика исследования неточна и недостаточно обоснована, работа написана неровно, тем не менее проблемы, поднятые в 3—5-й главах, решены вполне убедительно и основательно. Подводя итоги, они отмечают, что «сделана автором трудоемкая и неустанная работа по определению исконного фонда лексики бурятских диалектов... Работа вводит большой новый материал и знаменует новый этап в изучении бурятской лексикологии, впервые рассматриваются диалекты в историческом аспекте» [Там же, с. 150].

Спустя пять лет Ц.-Д. Б. Будаев издал очень содержательный и новаторский по духу труд «Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования)» [1992]. Несомненно, эти книги взаимосвязаны не только в тематическом, но и содержательном аспектах, дополняя друг друга.

§ 3. Я. И. Шмидт и А. И. Бобровников - первые грамматисты

1.3.1. Я. И. Шмидт

«Грамматика монгольского языка» Я. И. Шмидта по праву считается первым грамматическим трудом в монгольской филологии, она издавалась дважды (1831, I. J. Schmidt) на немецком языке, в русском переводе Свенске была выпущена в 1832 г.

1.3.1.1. Из истории написания «Грамматики монгольского языка» Я. И. Шмидта

Мы уже упоминали о «Грамматике монгольского языка» И. Иерига, которую Я. И. Шмидт считал неудачной работой. Однако в оценке этой работы монголисты не единодушны.

Второй по времени стала «Грамматика монгольского языка» протоиерея Александра Бобровникова, чей сын, бакалавр КДА Алексей Бобровников, составил замечательную «Грамматику монгольско-

калмыцкого языка» (1849). Так отец и сын вошли в историю изучения монгольского языка в России как лингвисты-грамматисты. Ограничимся лишь этими данными, так как ниже рассмотрим эти грамматические более подробно. Заметим, что работа Бобровникова-отца была закончена в 1827 г., ее издание задерживалось по разным причинам и увидела свет лишь в 1835 г., одновременно с одноименным трудом О. М. Ковалевского.

Некий Г. Гельм ездил в Кяхту и Ургу в составе российской дипломатической миссии в Китай, возглавляемой графом Ю. А. Головкиным. Он неплохо знал монгольский язык. По сведениям О. М. Ковалевского, он составил «Грамматику монгольского языка» и краткий монгольский словарь. Эти работы Г. Гельма оставались в рукописи и, к сожалению, сгорели в 1812 г. в Москве [Шамов, 1983, с. 28]. По словам составителя, это была грамматика монгольского языка.

Еще одним предшественником Я. И. Шмидта был известный сибирский ориенталист, большой знаток монгольского и китайского языков и культуры народов Центральной Азии А. В. Игумнов. По словам Н. С. Щукина, «стараясь подчинить монгольский язык правилам, он исподволь составил монгольскую грамматику» [1838, с. 92]. Очевидно, эти правила по монгольскому языку не были систематизированы как грамматика этого языка, потому они остались в его бумагах.

Известно, что А. В. Игумнов был незаурядным педагогом и ярким методистом по преподаванию монгольского языка, его учащиеся добивались заметных успехов. По словам Н. С. Щукина, «страсть к монгольскому языку в нем была столь велика, что он ввел даже свое правописание, стараясь согласить произношение с письменами» [Там же, с. 53]. Известно, что монгольское письмо было очень консервативным в отношении к новым словам и лексике его диалектов. А. В. Игумнов составил орфографическое пособие по монгольскому языку XIX в. Это было нововведением в монгольское языкознание того времени, но оставалось неизвестным никому, однако сведения о разработке по монгольской письменности дошли до нас в биографии А. В. Игумнова, составленной Н. С. Щукиным.

Вернемся к Я. И. Шмидту. Его грамматика издавалась одновременно на немецком языке и в русском переводе, так было решено по предложению министра народного образования С. С. Уварова. Шмидт писал в послесловии своей книги: «Перевод и применение подлинни-

ка к правилам российской грамматики поручены были г-ну надворному советнику Свенске, который под моим руководством исполнил сей труд с достопохвальным успехом и рачительностью» [1832, с. 3–4]. Эта книга была обращена к европейской ученой аудитории, с одной стороны, ибо они проявляли интерес к этому языку, с другой – к русской общественности. Данный факт говорит о том, что российские монголисты того времени тяготели к разнополярным мирам научного сообщества.

17 марта 1830 г. Я. И. Шмидт сделал доклад «Руководство для изучения монгольского языка», вышедший в 1831 г., в котором обосновал важность предпринятого им дела, отмечал, что его труд – «первый опыт и плод многолетних собственных изысканий», обещал «подвести формы монгольского языка под правила общей Грамматики (Грамматика Пор-Рояля. – В. Р.) и объяснить оные приличными примерами» [Там же, с. 98–99]. В послесловии своей грамматики в русском переводе Я. И. Шмидт сетовал на то, что он «первым обрабатывает язык монголов, прокладывает новые тропы на этом поле деятельности» [Там же, с. 4]. Такова предыстория написания «Грамматики монгольского языка», вышедшей на двух языках, аутентичность русского перевода ни у кого не вызывает сомнений.

1.3.1.2. Научные основы и структура «Грамматики монгольского языка» Я. И. Шмидта

«Грамматика монгольского языка» Я. И. Шмидта состоит из трех глав, приложения с оригинальными текстами в русском переводе, а также послесловия, в котором определены автором цели и задачи этого труда.

В первой главе «О письменах и о произношении» автор изложил основы уйгуро-монгольской письменности, рассмотрел звуковой строй изучаемого языка. Ш. Лувсанвандан в вводной части своей «Грамматики современного монгольского языка. Фонетическая структура» проанализировал фонетическую часть грамматики Я. И. Шмидта. По его мнению, Я. Шмидт обнаружил в монгольском языке семь гласных: а, е, і, о, и, ө, ү; 17 согласных: п, б, х, г, к, қ, м, л, р, т, д, γ, dz, ts, s, š, v [1967, с. 10]. Автор думал, что русский монголовед в своем труде рассмотрел фонетическую систему письменного монгольского языка с позиции современного ему халхаского наречия, в результате

чего «у него имеются звукосочетания aw, ayi, eyi, ii, ou, цyi, которые дают дифтонги: ай, ай, ей, ий, ой, уй, впрочем, q обозначен согласным x, также j – dz, џ – согласным ts» [Лувсанвандан, 1967, с. 10].

Говоря о согласных, Я. И. Шмидт согласный *p* включил в ряд галиков – дополнительных букв, употребляемых в словах иноязычного происхождения, согласный *ng* рассматривал как два самостоятельных согласных в виде *n*, *g* [Там же], а в правилах по дательному падежу определил в них две формы: горизонтальную и вертикальную. Такая трактовка этих вопросов показывает, что Я. И. Шмидт, очевидно, не знал положения о согласных: *b*, *γ*, *g*, *r*, *s*, *d*, что оказалось в корне неверной, она известна по сочинению Агвандандара Алашанского под названием «Kelen-ü čimeg» (Украшение речи) [Балданжапов, 1962а, с. 11]. Звуковой состав халхаского наречия грамматики монгольского письменного языка Я. И. Шмидт в целом толковал по схеме европейских языков, сделал фонетические корреляции, выяснив на этой основе модель фонематической системы монгольского языка, обнаружил гармонию гласных – один из законов агглютинативных языков, по тексту «*Ĵirŭken-ü tolta-yin tayilbŭri*» из летописи Саган Сэцэна Ордосского «Эрдэнийн тобчи» (Драгоценный свод), которую Я. Шмидт исследовал, перевел на немецкий язык, за что и удостоился звания академика.

Во втором разделе его книги «О частях речи» дано описание морфологического строя монгольского языка. Ученый жаловался на то, что «у них, правда, есть сочинения по части языкоучения, однако, собственно же частей речи и синтаксической классификации оных не находил и следа в оных книгах» [1832, с. 5]. Автор самостоятельно установил классы слов, части речи в монгольском языке, его классификация частей речи – первая в истории монгольского языкознания.

Об этой находке в монгольской грамматике Н. Н. Поппе писал: «Классификация Шмидта и Ковалевского (а также видоизменившего схему Шмидта Александра Бобровникова и повторившего схему Ковалевского, Попова): 1. Существительное; 2. Прилагательное; 3. Местоимение; 4. Числительное; 5. Глагол (Бобровников выделяет причастие); 6. Послеречие; 7. Наречие; 8. Союз; 9. Междометие (у Шмидта отсутствует)» [1940, с. 148]. Им было изучено 8 грамматик, включая труды В. Л. Котвича, А. Д. Руднева. Он считает, что на основе сопоставления классификаций самостоятельность обнаруживали

лишь Шмидт и Алексей Бобровников. Самостоятельность Я. И. Шмидта состояла в том, что с классификацией частей речи в этом языке он столкнулся впервые и вынужден был выйти как-то из тупика, с помощью внутренней структуры «Общей и рациональной грамматики» или «Граматики Пор-Рояля», ставшей руководящей инструкцией для составителя. Оригинальность А. А. Бобровникова заключалась в том, что он укрупнил части речи и усложнил развитие грамматического мышления. Н. Н. Поппе обнаружил противоречия и разноречивость в прежних классификациях частей речи, причины этого он объяснял следующим образом: «...Такое положение вещей объясняется, с одной стороны, тогдашним уровнем знания монгольского языка, с другой стороны – привычкой следовать трафаретам грамматик европейских и, в первую очередь, классических языков, наконец, преимущественным применением формального в подходе к явлениям языка» [1940, с. 149].

Части речи и классы слов, описанные А. А. Бобровниковым, остаются нерешенными в монгольском языкознании до сих пор. Они лишь пересекаются между собой как объект изучения языка.

В лексике монгольского языка Я. И. Шмидт обнаружил переходность частей речи, которая выражается знаменательными и служебными частями речи. Это деление во всех языках монголов дошло до нашего времени без изменений.

Грамматист в корневых словах имен существительных отмечал предметность, т. е. онтологию слов, и подразделял их на два типа: это название чувственных предметов (абстракции) и вещественности. Например, *ünen* 'истина', *qudal* 'ложь', *шеке* 'обман' (отвлеченные понятия); *modun* 'дерево', *usan* 'вода', *čilayun* 'камень' (вещи, предметы).

О характере слов существительных он писал так: «Существительные подразделяются на собственные, нарицательные, собирательные. По образованию (словообразование. – В. Р.) они суть первообразные и производные» [Шмидт, 1832, § 30, с. 19]. В монгольском языкознании в настоящее время это терминологически уточнено: первообразные (корневые, или непроизводные) и производные. Он попытался найти в языке словообразовательные суффиксы и указал некоторые из них.

Н. Н. Поппе в статье «О частях речи в монгольском языке (опыт классификации)» проанализировал в монгольском языкознании XIX –

начала XX в. состояние классификации частей речи в монгольском языке, тем самым открыл дискуссию о частях речи и классах слов в изучаемом языке.

Я. И. Шмидт как первый грамматист испытал исключительные трудности из-за того, что монгольские филологи ничего ему не давали, так как, по справедливому замечанию Г. Д. Санжеева «создатели различных алфавитов еще в древности обладали высокой фонологической культурой и были “стихийными фонологами”» [1964, с. 40], потому ему на фактическом лексическом материале языка удалось впервые раскрыть его морфологический строй, опираясь на основы индоевропейских языков и Грамматики Пор-Рояля, которую назвал «Общей грамматикой» [Шмидт, 1831].

Я. И. Шмидт писал о наличии в существительных категории числа так: «Два числа существительное имеет: единственное и множественное. Двойственного нет» [1832, § 38, с. 24].

Словоизменение, в отличие от словообразования, у первых грамматистов вызвало немало казусов. Если И. Иериг не понимал его сущности в грамматике [Он же, 1831, с. 97], то и Шмидт не избежал ошибок, что видно из его описаний падежных форм. Категорию падежа в монгольском языке он рассматривал и классифицировал схематично, обнаружив в ней 10 падежей: именительный, звательный, 2 родительных, 2 дательных, 2 винительных и 2 творительных. Его классификация падежной категории устарела, имеет ряд существенных искажений в семантике и функционировании.

Г. И. Михайлов подверг критике его классификацию падежей: «Монгольским именительному, родительному и винительному падежам он (Шмидт. – В. Р.) легко нашел аналог в индоевропейских языках. Дательно-местный падеж объявил просто дательным, орудный – творительным, не смущаясь тем, что соответствия между дательно-местным и дательным, а равно вторым родительным, а совместный – вторым творительным» [1955, с. 36].

По мнению Г. Д. Санжеева, в старописьменном монгольском языке имеется восемь падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный исходный, орудный и соединительный [1964, с. 61]. Он отмечал склонение падежей: имена имеют склонение трех типов. Первое склонение – это склонение существительных по падежам. Очевидно, он не совсем точно понимал сущности второго и

третьего склонений, что видно из его объяснений и неудачных иллюстративных примеров [Шмидт, 1832, с. 36–38]. Прилагательные как имена в словообразовании распределяются так: первообразные (корневые) и производные. Лексико-грамматические категории прилагательных у Шмидта даны в виде степени сравнения: превосходная, уменьшительная, увеличительная. Его примеры для правил выбраны не совсем удачно по содержанию и форме [Там же, с. 40–41]. Местоимение у Шмидта описано достаточно полно (§ 64–75). Разряды местоимений объяснены им на основе категории лица и именуется как личные, притяжательные и указательные. Дано склонение местоимений в падежах и числах. Заметим, у него нет номерных падежей, что было в существительных.

Числительное как часть речи характеризуется им как его специфика, которая состоит в сочетаемости с существительным, означаям сочетаемые вещи, их отношение к числу. Он выделил разряды числительных в таком составе: количественные, порядковые, неопределенные. Судя по примерам, автор иногда включал в разряды неопределенные собирательные. Например, *olan* → *olantu* ‘много’ → ‘многовато’. Так, Я. И. Шмидт пропустил разряды собирательных, разделительных. Глагол в морфологической структуре «Грамматика...» занимает большое место, эта часть речи является наиболее трудной, потому много спорного.

Глагол, по плану автора, судя по оглавлению его книги, изучен им по такой схеме: а) лицо, время и наклонение; б) употребление времен и наклонений; в) производство глаголов. Шмидт считал стержневыми в системе глагола такие разряды, как переходящие (переходные), непереходящие (непереходные), средние [Там же, § 85, с. 55]. По мнению В. М. Егудуровой, «понятие переходные и непереходные глаголы в монгольском языке автор связывает со способностью глагола иметь или не иметь при себе прямое дополнение, так как далее поясняется, что только переходные глаголы, страдательный и действительный залого во всех лицах обоих чисел, среднее их не имеет. Семантико-грамматическую характеристику категории залога автор относит к единицам синтаксического плана» [2001, с. 7].

Описание глагола в словообразовании дано у него по такой схеме, что и в именах. В. Егудурова замечает, что объяснение «корня глагола у Шмидта, Ковалевского, А. А. Бобровникова сводится к ото-

ждествлению его с формой повелительного наклонения» [Егодурова, 2001, с. 12]. Точки зрения Я. И. Шмидта и О. М. Ковалевского в словообразовании глаголов очень близки и сведены к суффиксальной системе всех категорий глагола. Словообразование глаголов и их морфемика по Шмидту рассматривались В. М. Егодуровой, чей анализ вполне презентабелен [Там же, с. 12–13].

Категории глаголов: время, наклонение, лицо и число – у Шмидта объяснены достаточно полно. «Монгольские глаголы с причастиями и деепричастиями имеют восемь наклонений, а сверх двух еще неокончателное, изъявительное, условное, сослагательное, желательное и повелительное» [1832, § 95, с. 57]. По мнению В. М. Егодуровой, в грамматиках «Я. Шмидта и О. Ковалевского наклонения и время рассматриваются в единстве ... однако в плане выражения отношения действия к действительности с точки зрения говорящего (модальности) Я. Шмидт выделяет восемь наклонений» [2001, с. 25]. Шмидт и Ковалевский, не вдаваясь в сущность категории неокончателного наклонения, «выявляют лишь частицы, или наращения (форманты. – В. Р.), образующие это наклонение» [Там же].

Описание категории времени у Я. Шмидта занимает подобающее ей место. «Изъявительное наклонение имеет семь времен, а именно: два настоящие, четыре прошедшие и одно будущее. В условном – четыре времени: два прошедших и два будущих. В сослагательном наклонении также четыре: 1 настоящее, 2 прошедшие и 1 будущее. В желательном и неокончателном по одной только форме, но последнее принимает еще вид имени существительного и семь случаев склонения» [1832, § 94, с. 57].

Словообразование глаголов и употребление времен, а также наклонений у Я. Шмидта объяснены через «присовокупление к корню (в основе глагола. – В. Р.) конечных слогов (формантов. – В. Р.) или частиц» [Там же].

Я. Шмидт характеризует причастие так: «Причастие имеет одно настоящее и одно прошедшее, которые оба склоняются как имена существительные» [Там же, с. 70]. Например, *abuᠦa* ‘идуший’, *abuᠦa* ‘взятый’, *qamuᠦ-i daruᠦi* ‘подавивший всех’. Настоящее причастие по современной номенклатуре глагольной системы является однократным причастием. Он отмечал, что настоящее причастие образуется с помощью служебного глагола *geki/gэх*, которое в настоящем причас-

тии окажется в форме *gegči/zэгч* [Шмидт, 1832, § 20, с. 70]. Многократное причастие он отнес ко II настоящему времени, например, *süni-dü untaday* 'ночью обычно спят'. Я. И. Шмидт деепричастию как вербоиду дает определение: «Деепричастие в монгольском языке имеет 2 вида: настоящего, одно прошедшее, и еще одну форму, заменяющую союзы «пока и между тем как» [Там же, § 20, с. 65]. Сущность деепричастий дана Шмидтом весьма элементарно, впрочем, он заложил первый камень в фундамент современной глагольной системы по типам словообразовательных суффиксов от их основ, найдены кое-какие их форматы и эквиваленты в переводе на русский язык.

Таковы общие черты анализа грамматики монгольского языка Я. И. Шмидта как первопроходца системы глагола в языкоучении.

Перейдем к рассмотрению послелогов и наречия, а также союзов. Я. И. Шмидт, столкнувшись с новым для него грамматическим термином «послелог», нарек его как послеречие, что впоследствии было заменено послелогом, функции которого близки русскому предлогу. Он как-то уклонялся от характеристики этого служебного слова, отмечая лишь внешние признаки: послеречие ставится после склоняемых слов [Там же, с. 86–87]. Он, например, нашел ряд падежно-послеложных конструкций монгольского языка: «послеречие *dakin* и *dekin*, составленные из двух частиц *da* и *kin*, из коих каждая из них относится к местности, образует особенную и определенную форму местного падежа. К примеру: *наур-ун усун* 'вода, озеро', *наур-dakin усун* 'вода в озере' [Там же, § 46, 61, 136, с. 87]. Н. Н. Поппе в этой связи писал: «Послеречием Шмидт называет суффиксы, а именно те, которые пишутся отдельно с основой – суффиксы падежные, суффиксы образования именной основы *daki*, а во-вторых, послелогои типа *tula*, *hoina*, *jaуura*, *alus*, *dora*, *үadana*, *kürtele* и т. д.».

А. К. Казем-Бек удачно сформулировал «послесловие» как предлог (*post-position*), принятый монголистами в морфологии монгольских языков, точно отражающий семантику данной части речи.

Поппе, рассмотрев грамматики О. М. Ковалевского, А. В. Попова, Я. И. Шмидта, считал, что последние составители шли по стопам первого.

С. М. Трофимова [1989, с. 7] в обзоре по падежно-послеложным конструкциям монгольских языков указала на то, что Ф. Х. Бак [Buck, 1955, p. 148] классифицировал послелогои в монгольском языке точ-

нее, чем другие авторы, который подразделил их на четыре группы: собственно послелогои, отглагольные, наречные и отыменные. Так, Я. И. Шмидт в рассмотрении послелогов выделял больше всего пространственно-временные значения падежно-послеложных конструкций в монгольском языке.

Наречия Я. И. Шмидт подразделял на такие разряды: обстоятельственные [1832, § 145, с. 93], наречия, напряжения, сравнения, количества, в плане их изменения – на изменяемые и неизменяемые. Neng ‘очень’, ‘точь-в-точь’; топ ‘весьма’ считал, что примеры иллюстрировали наречия напряжения, наречие adali ‘похож на’, ülemJe ‘более, гораздо’ рассматривал как наречия сравнения [Там же, § 149, с. 97].

По классификации Г. Д. Санжеева, разряды наречий представлены так: «Наречия подразделяются на определительные, которые означают качество, образ, способ и меру действия, или количественные оттенки действия, состояния и качества, и обстоятельственные, которые обозначают временные и пространственные обстоятельства действия» [1959, с. 75].

Я. И. Шмидт охарактеризовал союзы в общих чертах: «Число союзов немного. Они малоупотребительны. Их можно заменить наклонениями, деепричастиями» [1832, § 150, с. 100]. По Шмидту, союзы подразделялись на разделительные, противительные, условные, последовательные [Там же, § 152, с. 101–103]. У.-Ж. Ш. Дондуков [1952, с. 322–327] подразделял их на три типа: сочинительные, подчинительные и союзные слова, которые распадаются соответственно на а) соединительные, противительные, разделительные; б) подчинительные и союзные слова. Б. Б. Бадмаев [1966, с. 111] в калмыцком языке признавал условные союзы.

Частицы в монгольском языке у Шмидта растворены в падежных формантах и не отмечены отдельно. Н. Н. Поппе [1940, с. 148] считал, что междометие как часть речи у Шмидта отсутствует. Хотя дает их краткое описание: в междометиях, т. е. звуках голоса, какими выражаются разные ощущения. Междометия выражают удивление так: ау! ‘ай’; или сожаление qalay ‘увы, ох’. Б. Б. Бадмаев отмечал, что «междометие служит для выражения чувств, разных волевых побуждений, звукоподражаний» [1966, с. 111].

Н. Н. Поппе выяснил ряд неточностей в трактовке наречий, послелогов, союзов, тем самым подвергнув острой критике положения

их в грамматике Шмидта: «Как видно, Шмидт не имел ясного представления о природе отдельных слов, относимых им к той или иной категории, и объединил весьма разнородные слова. Чувствуется во всем, что и Шмидт исходил не столько из специфики соответствующих слов, а из их переводов на русский язык» [Поппе, 1940, с. 170]. Он считал, что Шмидт шел по готовым эквивалентам наречий из грамматик по европейским и латинскому языкам. «Полное совпадение обнаруживает то, что говорят Ковалевский и Шмидт о послереции. Также мало оригинален в этом отношении и Попов» [Там же].

Третья глава грамматики Я. И. Шмидта посвящена монгольскому синтаксису. Этот раздел грамматики им изучен на уровне словосочетаний и простого предложения. О трудностях исследования синтаксиса он писал следующее: «Монгольский язык имеет свои правила и законы совокупления слов, но они еще не утверждены грамматиками и основаны более на общепринятом употреблении. Сие требовало бы продолжительных филологических изысканий» [1832, с. 105]. Шмидт был прав в том, что синтаксис монгольских языков исследовался очень долго, являлся объектом споров в течение двух столетий. Во времена Шмидта грамматисты в основном занимались морфологией лишь кое-что новое дал А. А. Бобровников. «Грамматика Пор-Рояля» мало касалась синтаксиса языков в рационализме, а лишь дала общие сведения.

Я. И. Шмидт уделял много внимания управлению имен существительных, прилагательных и наречий, а также глаголов. Он коснулся порядка слов в монгольском предложении, впервые начал изучать синтаксис падежей и глагола.

В конце своей книги составитель поместил отрывки из разных источников: *Üliger-ün dalai* 'Море притч' [Там же, с. 134–139] с пояснениями [Там же, с. 139–143] и переводом [Там же, с. 143–148]; «Алтан гэрэл» 'Золотой блеск' [Там же, с. 143–163] с пояснениями [Там же, с. 163–170] и переводом [Там же, с. 170–184]. Эти фрагменты предлагались обучающимся, так как тогда отсутствовали книги для чтения по этому языку вообще.

Таким образом, грамматика Я. И. Шмидта, несмотря на существенные недостатки и неполноту, имела тогда большое практическое значение в деле первоначального изучения данного языка.

Так как Я. И. Шмидт тяготел к западноевропейской филологии, то, очевидно, из «Грамматики Пор-Рояля» позаимствовал морфологическую концепцию и терминоворотчество, а свой труд назвал «Общей грамматикой», который вышел на немецком языке. Нашлось у Шмидта много подражателей в этом деле, так называемом эпигонстве. Так, Карло Пуини (Carlo Puini) составил по немецкому варианту краткий очерк основ грамматики монгольского языка. Леон Фир (Leon Feer) сделал на основе его книги схему, а по ней карманный грамматический справочник. Об этих плагиатах отмечал Б. Лауфер [1927, с. 2]. К ним же Лауфер относил пособие по калмыцкому языку Г. Н. Цвика (1851), говоря так: «Оно не что иное, как стереотип с грамматики Шмидта с перенесением монгольской на калмыцкое письмо» [Там же, с. 3].

Венгерский ученый Й. Буденц (J. Budenz) написал грамматику монгольского языка, полагаясь на Шмидта (1890). Неизвестный составитель сделал грамматический учебник по ордосскому наречию. (M. G. Soulie), о котором весьма негативно отзывался А. Д. Руднев, подчеркивая, что «...совершенно ненаучная работа, представляющая собою неудачную переделку Я. И. Шмидта» [1905, с. 5].

Н. Н. Поппе много раз повторял о большой зависимости грамматик О. М. Ковалевского, А. В. Попова от изложения идей Я. И. Шмидта [1940, с. 148–149, 170].

Русские попы в калмыцких степях насаждали христианство. Они нуждались в хороших пособиях по калмыцкому языку. В целях овладения умами и душами инородцев воинствующие попы предпочитали действовать через родной им язык. Архимандрит Гавриил (в миру Любомудров) составил «Граматику калмыцкого языка» (1847), попавшую в рукописи в руки о. Гурия (в миру А. И. Степанов) в 1910 г. Авторство рукописей определено по надписи в конце этого пособия. Отец Гурий охарактеризовал его пособие в таком свете: «Сама по себе грамматика калмыцкого языка не что иное, как с некоторыми сокращениями переложение применительно к калмыцкому языку монгольской грамматики Шмидта» [1910, с. 498]. Он же дал такое описание рукописи: «Этот труд представляет рукопись в $\frac{1}{4}$ долю листа, состоящую из 4 тетрадей по 4 листа каждая» [Там же]. Он сообщал, что

эту рукопись и словари обнаружил в библиотеке Верхнетурского монастыря.

По сведениям о. Гурия, о. Гавриил был образованным человеком, владевшим греческим, еврейским, латинским, французским языками, и «привлечен к участию в переводческих комиссиях по составлению религиозно-нравственных переводов на калмыцкий язык» [1910, с. 496].

К сожалению, не найдено ни одной рецензии на книгу Шмидта на русском языке, по-видимому, не было специалиста по монгольскому языку, кто бы мог дать на нее отзыв. В. В. Григорьев, интересовавшийся монголистикой в I половине XIX в., вполне справедливо отмечал, что «изданием его г-н Шмидт оказал огромную услугу языкознанию, хотя по незнакомству с родственными монгольскими языками и не мог представить дела в надлежащей ясности» [1846, с. 7]. Действительно, Шмидт рассматривал монгольский язык в изолированном виде, тогда калмыцкий язык не был выделен как отдельный.

Кроме того, Я. И. Шмидт был и тибетологом. Он написал «Граматику тибетского языка»*. По мнению Б. И. Кузнецова, «основу ее составляет материал из грамматики Кёреши**». Хотя нового у Шмидта почти ничего нет, но изложение грамматических сведений является более удачным. Деление на части речи в его грамматике то же, что и у Кёреши» [1965, с. 123].

Так, «Грамматика тибетского языка» Я. И. Шмидта была компилятивной работой, чтобы оправдать себя в глазах тибетологов, составитель подверг труд своего предшественника Шандера Чома де Кёреши резкой критике***. Что касается удачи в составлении «Грамматики тибетского языка», она объясняется тем, что автор ее после «Грамматики монгольского языка» приобрел опыт структурирования книг этого типа. Как мы уже отмечали, был найден ряд неточностей в категории падежей и системе глагола. Очевидно, на этот раз он учел свои недостатки. Шмидт, как известно, бывал только в калмыцких степях. Однако он выучил у калмыцких монахов монгольский, ойрат-калмыцкий и тибетский в достаточной степени, чтобы впоследствии заниматься монгольской и тибетской филологией.

* Шмидт Я. Грамматика тибетского языка. – СПб., 1839.

** Csoma de Körös A. A grammar of the Tibetan language. – Calcutta, 1834.

*** Шмидт Я. Указ. соч., с. 7.

Таковы грамматические труды Я. И. Шмидта в области монгольского и тибетского языкознания.

1.3.2. «Грамматика монгольского языка» А. И. Бобровникова и ее научное значение для современной монгольской филологии

Замысел составления первой «Грамматики монгольских языков» у Александра Бобровникова зародился на почве практических нужд в церковной деятельности и преподавания монгольского языка в школе.

1.3.2.1. Научные основы «Грамматики монгольского языка» А. И. Бобровникова

Его грамматика состоит из краткого введения, трех частей, которые распадаются на главы. На наш взгляд, Александр Бобровников был первооткрывателем основ грамматики монгольского языка, знал грамматическую систему русского языка, что явилось опорой для решения узловых вопросов грамматики монгольского языка, вполне оригинальной и самостоятельной. Эта грамматика носит учебный характер, имеет научные основы правил и языковых понятий. Ее автор во введении писал: «Монгольская грамматика руководствует к познанию правил монгольского языка, ее автор разделял на три части: на правописание, словопроизведение и словосочетание» [Бобровников, 1835, с. 1].

В главах первой части автор знакомит учащихся с алфавитом монгольского языка, основами правописания, описывает его фонетику и дает понятия об ударении слов в этом языке, в примечаниях этой части объяснены знаки – галики, введенные в данный алфавит для обозначения звуков для слов тибетского и санскрита, а также других языков; вторая часть посвящена морфологии монгольского языка, которую автор называет словопроизведением. Классификация частей речи в монгольском языке им дана так: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междометие [Там же, с. 22].

А. Бобровников-отец подразумевал под именами в изучаемом языке существительное, прилагательное и числительное, которые освещены в первой главе второй части. Говоря об именах существительных, автор делит их на собственные, нарицательные и собирательные, признавал род, числа состояли из единственного и множест-

венного с объяснением суффиксов множественного числа по окончаниям существительных в единственном числе при переходе во множественное [Бобровников, 1835, с. 24–27].

Система падежей в монгольском языке сложна и дискуссионна. Классификация падежей в рассматриваемом языке им дана так: звательный, именительный, родительный, дательный, винительный и творительный. Составитель дал окончания падежам в соответствующей последовательности, которые признаны отчасти вполне верными и в настоящее время.

«В склонении имен существительных А. Бобровников знает три типа:

1. К первому склонению принадлежат имена, кончающиеся на гласные и дугласные/долгие/ буквы/гласные/, а именно: -а, -е-, -о, -᠔-, а /я;

2. Ко второму – принадлежат кончающиеся на согласные, а именно: -п; -м; -г, -н, -л, -р, -ш, -т;

3. К третьей – принадлежат кончающиеся на букву -н; эти правила объяснены на подобранных им примерах» [Там же] (табл. 1).

Таблица 1

Склонение существительных

<i>1-е склонение</i>				
Имени- тельный	Родитель- ный	Винитель- ный	Дательный	Творитель- ный
ek-e	eke-yin	eke-yi	eke-dü	eke-ber
<i>2-е склонение</i>				
em	em-um	em-yi	em-du	em-yier
<i>3-е склонение</i>				
odo	odo	odo	odo	odo
n	n-u	n-i	n-dur	n-yier

К именам также относится прилагательное. В системе словообразования прилагательное, по Бобровникову, бывает первообразное и производное. Первые из них названы им коренными, а производные возникли на основе других имен и наречий с помощью частиц, например, *гомодол-ту* ‘обиженный’, *хоор-ту* ‘ядовитый’, *эндэ-хи* ‘здешний’.

Таким образом, в образовании производных прилагательных функциональную роль играют частицы типа *-ту*, *-тай*, *-кий* и *-деки* [Бобровников, 1835, с. 35–36]. Автор в степенях прилагательных выделял лишь сравнительную и превосходную степень. Изменение имен прилагательных грамматист дал по числам и падежам, рода – в таких формах, в каких он сделал в существительных [Там же, с. 39–40].

Говоря о числительных, автор делил их на количественные, порядковые, в них выделял собирательные и разделительные, в числе количественных – дробные. Склонение имен числительных он дал в той же последовательности, в какой автор находил в существительных и прилагательных, иллюстрируя их примерами [Там же, с. 43–44]. Сведения о местоимениях он описал в отдельной главе, классифицировав их на личные, возвратные и притяжательные, которые по мере обладания могут быть указательными, вопросительными и неопределенными. Грамматист объяснил склонение местоимений по падежам в известной нам схеме, одновременно давая их в единственном и множественном числах.

Глагольной системе А. Бобровников посвятил две главы [Там же, с. 53–76], в третьей главе дано описание собственно глагола, а в четвертой – причастий и деепричастий.

Касаясь видовых основ глагола в монгольском языке, А. Бобровников-отец разделил коренные глаголы на два рода: действительный и средний. Так он определял переходный и непереходный глаголы.

В отличие от Я. И. Шмидта и О. М. Ковалевского, он впервые в истории монгольского языкознания открыл залого, правда, с некоторой ориентацией на глагольную систему русского языка. По А. Бобровникову, глагол в монгольском языке имеет формы побудительно-го, страдательного и взаимного залогов (табл. 2).

Таблица 2

Образование глаголов*

Залог	Суффиксы	Примеры в транскрипции
Побудительный	-γul/-gül	Велеть, писать – bičigülekü
Страдательный	-γdo/-gde	Показаться – üjegdekü
Взаимный	-lda/-lde	Бороться – baγildaqu

* По: Бобровников, 1835, с. 55–56.

По его мнению, время, наклонение, число и лицо в глаголах освещены в § 63–64 [Бобровников, 1835, с. 55–56]. В монгольском языке наличествуют три времени: настоящее, прошедшее и будущее; наклонения: неокончателное, изъявительное, желательное и сослагательное, также рассмотрены способы их образования.

Спряжение глаголов в монгольском языке им описано достаточно детально и наглядно, что отражено в таблицах. Он объяснял, как спрягаются вспомогательные глаголы *аги* ‘быть’ и *вöки* ‘быть’, их функциональное значение в этом языке; проанализировал то, что не заметили знаменитые грамматисты-монголисты [Там же, с. 64–71].

В четвертой главе (§ 72) Бобровников писал, что «причастие есть имя прилагательное, заключающее силу глагола» [Там же, с. 73], также выделил в глагольной системе однократное и многократное причастия.

В настоящее время появляется интерес к работам прошлых лет. Исследователь бурятского языка М. Р. Санданова, обратившись к «Грамматике монгольского языка» А. Бобровникова и зная основные положения о глагольной системе монгольских языков, высоко оценила почти забытый труд монголоведа, без издержки на достижения современного монгольского языкознания в России. Вполне справедливо, что в его «Грамматике...» причастия и деепричастия в глагольной системе монгольского языка описаны верно. По мнению М. Р. Сандановой, «выводы и наблюдения, особенно о причастиях, не только не утратили своего научного значения, но и сохранили свое верное понимание о причастиях и в наши дни» [1998, с. 300]. Она же считает, что Бобровников-отец, опережая свое время, вполне точно «выделил три времени причастий: настоящее “на нгчи”, прошедшее “на гсан” и будущее “на ху”, а также числа: единственное и множественное “гтад”, “гсад” и “ху нугуд”» [Там же]. М. Р. Санданова приводит довольно оригинальные правила из § 74–76, данные грамматистом, таким образом показывая, насколько актуальны они для лингвистических исследований по монгольским языкам и в настоящее время.

А. Бобровниковым в деепричастиях выделены лишь две формы – уступительная и разделительная [1835, с. 75–76]. К сожалению, деепричастия, которые Я. И. Шмидт и О. М. Ковалевский называют супиниумом, тогда были изучены поверхностно.

В пятой, шестой, седьмой и восьмой главах второй части «Грамматики...» им даны определения о наречиях, предлогах, союзах и

междометиях. Наречия в монгольском языке, по его мнению, бывают наречиями времени, места, качества или состояния.

Как известно, в монгольском языке нет предлогов, как в русском, позднее монголистами-грамматистами они названы послелогоми. Они описаны крайне мало, неопределенно [Бобровников 1835, с. 83–86], а вот союзы им охарактеризованы более конкретно, некоторые из них даны вполне верно: разделительные, условные, уступительные. О междометиях сказано очень бегло и мало. По справедливому замечанию автора, междометия выражают разные состояния души говорящего [Там же, с. 89–91].

В третьей части своей «Грамматики...» составитель попытался описать синтаксис простого предложения, немного и упрощенно охарактеризовал синтаксис сложного предложения. Однако синтаксис изучаемого языка составителем дан в целом неплохо в отличие от других ученых того времени.

Таким образом, учебное пособие Александра Бобровникова представляет собой интересное и презентабельное описание грамматического строя письменного монгольского языка с элементами живой разговорной речи.

§ 4. Грамматисты казанской школы монголистов О. М. Ковалевский и А. В. Попов

1.4.1. Профессор О. М. Ковалевский как грамматист. У истоков русской компаративистики в начале XIX в.

После выхода в свет «Грамматики монгольского языка» академика Я. И. Шмидта появились еще две грамматики монгольского языка, написанные разными авторами в 1835 г. Одна из них принадлежала перу иркутского монголоведа Александра Бобровникова, отцу замечательного лингвиста Алексея Бобровникова. О. М. Ковалевский, будучи большим поклонником монгольского буддизма, письменный язык считал обработанным и образцовым в отличие от устного разговорного языка, поэтому автор назвал свой труд «Краткой грамматикой монгольского книжного языка».

Учебное пособие О. Ковалевский писал по мере углубленного изучения монгольского языка; оно рождалось в муках, длительных размышлениях и сопоставлениях; много раз переделывалось, подбирались необходимые иллюстративные примеры, доказывающие строгость и аргументированность предлагаемых автором правил, насколько они отражают природу и внутренние закономерности изучаемого языка. На начальном этапе обучения определенную роль сыграл А. В. Игумнов, который преподавал монгольский язык Ковалевскому и Попову, прибывшим из Казани. В приходских училищах грамматика русского языка не изучалась, что усложняло обучение учащихся как монгольскому, так и другим языкам. О. Ковалевский впоследствии описал процесс составления А. В. Игумновым новых грамматических правил, при этом подчеркивая, «какого труда стоило ему каждое, даже малейшее грамматическое правило и сколь трудно нам собирать его замечания и из них извлекать общие законы языка» [Мазитова, 1972, с. 75]. О. Ковалевский в период постоянной учебы работал над улучшением своей монгольской грамматики, о чем писал в донесении попечителю Казанского округа следующее: «Живя 7 месяцев в Пекине, Ковалевский имел средства обогатить грамматику новыми правилами и примерами, а словарь пополнить коренными словами и выражениями» [Лобачевский, 1976, с. 310].

О. Ковалевский, будучи кандидатом наук, имел солидную для того времени подготовку по классической филологии: владел латинским, древнегреческим и французским языками. Возможно, он знал «Граматику Пор-Рояля», так как это пособие являлось тогда основой при составлении грамматик неизученных языков. Он был рекомендован для изучения монголоведения после прохождения курса арабского, персидского и татарского языков. В них О. Ковалевский имел основательные познания, которые помогли ему быстро освоить монгольский язык, узнать мир монголов. Однако, несмотря на все эти преимущества, ему пришлось преодолеть большие препятствия, ибо ему предстояло изучить филологию и историю народов Центральной Азии. Монголы были завоеваны Цинской династией и входили в состав огромной китайской империи, что повлияло на быт, экономику и образ жизни монголов того времени. Отметим, что О. Ковалевский параллельно работал над составлением монгольско-русского словаря.

Впоследствии он преобразовал его в монгольско-русско-французский словарь, чтобы им могли пользоваться европейские ученые.

У молодого О. Ковалевского был вполне реалистический взгляд на составление грамматик восточных языков, в то время не изученных и не описанных. В письме из Иркутска в 1829 г. после детального ознакомления с грамматикой монгольского языка П.-А. Ремюза [1820, с. 97] он выразил свое отношение к ней в интересных замечаниях, отразивших его лингвистический взгляд на строй изучаемого языка, что соответствует требованиям, предъявляемым к описанию грамматики: «Свойство каждого языка требует читать и писать правильно, сообразно с народным обыкновением и общим употреблением» [Шамов, 1956, с. 166]. В те годы у него созрела мысль написать грамматику монгольского языка, по которой он мог бы преподавать этот язык, в теории и на практике реализовать свои творческие задачи.

Говоря об источниках и лингвистических предпосылках «Краткой грамматики монгольского книжного языка» О. М. Ковалевского, следует иметь в виду, что языкознание как наука имела свои традиции в России еще со времен М. В. Ломоносова, написавшего «Русскую грамматику» (1757). Его биограф Б. Н. Меншуткин проникновенно написал об этом замечательном труде так: «Эта первая русская грамматика имеет огромное значение уже потому, что в ней мы находим впервые собранные из народного говора подробности, касающиеся речи, которые объединены в стройную систему с необыкновенной пронизательностью; Ломоносов удержался от теоретических ошибок своего времени... Он дал русскому языку самобытное место, гражданство в ряду других письменных языков» [1996, с. 624–625].

Успешно занимался русским языком и стал авторитетным ученым своего времени русист А. Х. Востоков (обрусевший немец, настоящая фамилия которого Остенек). О. Ковалевский познакомился с ним в публичной библиотеке в 1833 г., «удостоился его лестного внимания» [Срезневский, 1873, с. 396] и даже написал А. Х. Востокову письмо с ходатайством о казанском натуралисте Баллионе, работавшем в то время над словарем. О. Ковалевский испытал на себе влияние лингвистических идей А. Х. Востокова, о чем будет сказано при анализе грамматики казанского монголоведа. Таким образом, в научных приемах О. Ковалевского обнаруживается некий синтез теорий его предшественников, собственных идей и решений.

Ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский, несмотря на свою большую занятость, уделял должное внимание деятельности О. Ковалевского, поддерживал его стремление в рамках системы университетской науки и образования. Так, его труд вышел в свет благодаря усилиям попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, который умел сотрудничать с высшими органами Министерства народного образования, министром графом С. С. Уваровым.

«Краткая грамматика монгольского книжного языка» Ковалевского состоит из вводной и двух основных частей, а также дополнения о тибетских буквах.

Раскрывая звуковой строй монгольского языка, О. М. Ковалевский выделил 6 гласных – *a, e, i, o, u, ü* и 17 согласных – *n, x, g, b, s, š, t, d, l, m, ts/tsʰ, dz/dzʰ, k, g, r*. По мнению Ш. Лувсанвандана [1967, с. 12], согласный *p* автор включил в состав дополнительных звуков, которые на письме обозначаются галиками, что было сделано до него Я. И. Шмидтом. Звуковые соединения *aw, ayi, eyi, ü, oyi, uyi, ui*, а также звуковые единицы *ai, ai, ei, ii, oi, ui, üi* О. Ковалевский рассматривал как парные гласные монгольского языка. В фонетике автор обнаружил явление сингармонизма, отметив, что гласные разделяются на три разряда: к первому принадлежат твердые *a, o, u*, ко второму – мягкие *э, о, у, (e, ü, y)*, к третьему – средний *i* [1835, с. 5]. И. Д. Бураев подразделил вокализм бурятского языка на три ряда: гласные фонемы твердого, мягкого и нейтрального [1959, с. 105–161].

Ш. Лувсанвандан отметил, что в вводной части грамматики О. Ковалевского ощутимо влияние грамматического трактата «*Jirü-ken-ü tolta-yin tayilbüri*», дошедшего до нас в сочинении Данзандагбы (XVIII в.). Этот источник под № 20–21 обозначен в «Каталоге санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям...» [Ковалевский, 1834, с. 267]. Заглавие монгольского грамматического сочинения он перевел как «Объяснение колпачка сердца. Небесная жемчужина, рассеивающая мрак ошибок в письме». Отрывок из этого сочинения был включен в хрестоматию А. В. Попова (1836).

В первой части «Этимологии» освещаются основные вопросы морфологии монгольского языка. О. Ковалевский выделил части речи

в следующей номенклатуре: имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, послеречие (ныне послелого), союзы и междометия.

Наиболее полно в этой части грамматики им охарактеризованы имена существительные [Ковалевский, 1835, с. 25–50]. По способу образования они, по мнению грамматиста, делятся на первообразные (корневые) и производные. «Первообразными называются те, которые от других не происходят и обозначают предметы видимые или отвлеченные» [Там же, с. 25]. Производные образуются от других частей речи и глагола и различаются своими формантами. Имена, возникшие от глаголов, называются отглагольными. Например: *üdjel* 'взгляд, воззрение' от глагола *üdje-* – 'видеть'.

Автором проанализированы основные категории имен существительных – падеж, число и род. В монгольском языке он отмечает единственное и множественное число. По его мнению, «множественное число образуется посредством присовокупления букв или слога к именам единственного числа, или посредством перемены окончания оных» [Там же, с. 30].

1. Имена, оканчивающиеся на гласный, означающие степень родства, чин, звание во множественном числе принимают формант *-nar*. Например: *abay-a* 'дядя' во множественном числе будет *abay-a-nar* 'дяди';

2. Другие имена, оканчивающиеся на гласный звук, получают во множественном числе формант *-s*. Например, *üge* 'слово' – *üge-s* 'слова';

3. Отмечает он и способ образования множественного числа имен существительных с аффиксом *t* или *d*. Например: *yabuçi* 'идуший' во множественном числе – *yabuçid* 'идущие'. Рассмотрены им и усеченные формы имен, которые образуют множественное число при помощи аффикса *t* или *d*. Например: *mori* 'конь' – *morid* 'кони' [Там же, с. 31–34]. Автор обнаружил наличие следов рода в названиях животных и людей.

Категория падежей и их сущность по праву занимают большое место в описании О. Ковалевского. В его классификации категория падежей представлена в следующем составе: звательный, именительный, родительный, дательный, винительный, творительный. Звательный падеж автор охарактеризовал так: «предмет, к коему обращается

речь, выражается звательным падежом, который сходен с именительным, например: ай (ai), ой (oi)» [Ковалевский, 1835, с. 42]. Ученый обнаруживает в имени существительном три склонения (табл. 3).

Таблица 3

Склонение имен существительных

Падеж	1-е склонение	2-е склонение	3-е склонение
П	форманты: -а, э, и, о, у, ү	форманты: -н	форманты: нг, бт, л, м, к, р
И			
Р	-yin	-и	-in
Д	-dur, -dayan, -degen	-dur, tigan, -degen	-dur, tur, -a, dagan, -degen
В	-ayi, -bi	-ai	-
З	-ai	-ai	-ai
Т	-ber	-yir	-yir

Большое место занимает глава о глаголе и его формах. Глагол как часть речи был разработан И. Я. Шмидтом и О. М. Ковалевским наиболее полно и глубоко, хотя сохранилось немало спорных и сложных вопросов в истории и теории монгольского языкознания. Автор трактует природу глагола в функциональном плане: «Глагол изображает действие и положение предметов с означением времени, места и других обстоятельств» [Там же, с. 82]. По внешним признакам он делит глаголы в монгольском языке на существительные и вспомогательные. Последний из них тип иллюстрируется примерами *bükü* и *anu* 'быть', а также *bayiqu* и *bolqu* 'быть', 'сделаться', которые, по его мнению, «выражают существование предметов и качеств, составляют связь между оными» [Там же, с. 83]. Глаголы генетически делятся на первообразные (корневые) и производные.

Глагол-сказуемое имеет грамматические категории времени, наклонения и залога. В категории времени О. Ковалевский выделяет настоящее, прошедшее и будущее. Прошедшее время он подразделяет на несовершенное, совершенное и давнопрошедшее. Свою грамматическую позицию он подтверждает конкретными примерами. Давнопрошедшее время образуется из причастия прошедшего времени спрягаемого глагола и прошедшего времени вспомогательного глагола: *bökü* 'быть', *bi martaysan bölüge* – 'я совершенно забыл' [Там же, с. 100].

К категории времени примыкает система наклонений: в интерпретации О. М. Ковалевского повелительное, изъявительное, желательное, условное и неоконченное. В монгольской грамматической традиции закрепились лишь изъявительное, повелительное и желательное наклонения.

Будучи одним из первых языковедов, изучавших природу залогов, ученый допустил в своем изложении правил некоторую непоследовательность. «Действительный глагол изображает действие, обращающееся на главный предмет. Происходит он от действительного залога, принимая к корню глагола слог *ta/te*, или *gde* по взаимной ответственности букв, изложенной в § 12. Итак, основа повелительного наклонения *qar* ‘смотри’ происходит неопределенно (§ 117). Глагол действительного залога *qaraq* ‘смотреть’ в страдательном залоге будет иметь форму *qaraydaq* ‘быть увиденным’; *abaq* ‘взять’ – *abtaq* ‘быть взятым’» [Там же, с. 9–11, 85].

Побудительный залог у него назван «означающим приказ, поручение, принуждение какого-либо действия (§ 95), образуется с помощью *yul/qül*. Глаголы от корней, имеющие окончания *-qı* или *-ke* в названном залоге принимают суффиксы *-laq* или *-lei*. Например: а) *martaq* ‘забыть’ в побудительном залоге принимает форму *martayulaq* ‘заставить забыть’ *ayıuq* ‘бояться’ – *ayıluq* ‘запугивать или заставить бояться’» [Там же, с. 86–88].

Говоря о взаимном залоге, О. Ковалевский характеризует его так: «...выражает взаимное действие двух или более предметов, состояние и действие различаются слогами *-lce* и *-elce* или *-lte*» [Там же, с. 89]. Например: *kelekü* ‘говорить’ во взаимном залоге принимает форму *kelelceku* ‘договариваться’ и *keleqdukui* ‘посоветаться’.

Исследователь высоко ценил лингвистические изыскания А. Х. Востокова и, очевидно, воспользовался его отдельными идеями о залогах. При близком знакомстве с их рассуждениями об этих глагольных формах можно найти в них сходства и аналогии. А. Х. Востоков писал, что «от действительного залога происходит страдательный. Например, «быть почитаемым»; залог возвратный – от действительного, например: мыть себя, надеяться, бояться» [1852, с. 31].

В монгольском языке вербоиды представлены им как причастия и деепричастия. Автор грамматики определил сущность причастия в такой формулировке: «...причастие собственно есть имя прилагательное от глагола происходящее... и означает качество предмета дей-

ствующего, движущегося, поэтому оно как имя имеет числа и падежи, а часть глагола – залог и время» [Ковалевский, 1835, с. 105]. Автор удачно сформулировал признаки многократных причастий, которые означают то, что делается постоянно, повторяется обыкновенно в известное время или неопределенно [Там же, с. 98]. Например, *bi unsi-day* ‘я читаю обычно’.

В разнообразии деепричастий он обнаружил лишь деепричастие предела, однако не признал его таковым, лишь отнес его к разряду особых форм глагола. Он верно уловил его эквиваленты, переведя на русский язык союзом «пока», заметив, что оно образуется путем присоединения к корням слов формантов: *-tal-a* или *-tele*. Например: *odo-tala* ‘идя’.

Рассмотрев природу наречия и его грамматическое значение, О. М. Ковалевский дал ему следующую формулировку: оно «выражает качество или обстоятельство другого качества или действия и служит к определению имени прилагательного или глагола» [Там же, с. 122]. Далее он отмечает, что наречие содержит в себе признаки прилагательного, «означающего сходство, степень величины или силы». Например, *adali* ‘подобно’ или *arayi* ‘еле-еле’, ‘почти’, также *neng* ‘очень’. Автор обнаружил разряды наречий: места, времени и обстоятельства. Например: *oyira* ‘близко’; *teyiši* ‘туда’; *erte* ‘рано’; *olanta* ‘много раз’. Грамматист отметил и наречия, имеющие логику утвердительности и отрицания. Например, *lab* ‘без сомнения’; *buyi ja* ‘может быть’, а отрицательные наречия образуются посредством частиц отрицания *ese* ‘нет’; *ülü* ‘не’; *ügei* ‘нет’ [Там же, с. 128].

В те годы морфология монгольского языка только лишь стала предметом лингвистического изучения. О. М. Ковалевским были рассмотрены послелого, союзы и междометия. Однако частицы остались вне его научных интересов. Послелого им были названы послеречиями, сущность которых объясняется так: они «выражают взаимные отношения между предметами и качествами или действиями их, ставятся после слов, оными управляемых» [Там же, с. 129]. Автор в целом верно раскрыл грамматическое значение послелогов: *gadna* ‘вне, за, кроме’; *dergedede* ‘подле, возле, при, около’; *tula* ‘для, ради, вследствие чего’; *urida* ‘перед, до, прежде’. Ученый, касаясь образования послелогов, считал, что отдельные из них могут быть послелогом-наречиями и отглагольными послелогом. Например, *alus* ‘через’, *ör-*

cin 'около', *ara* 'позади', *nadur kürtele* 'до меня'. Здесь послелог произошел от глагольной основы *kür-* 'дойти'.

О союзах О. Ковалевский писал довольно лаконично: «эта часть речи выражает разные отношения между нашими суждениями» [1835, с. 132].

В простом предложении монгольского языка автор обнаружил соединительные союзы, по значению разделив их на соединительные, противительные и разделительные. Первый тип союзов он иллюстрировал следующими примерами: *ba* 'и', *kiged*, *böged* 'и'. Ко второму типу союзов даны следующие примеры: *bolbaču* 'впрочем'. Автор считает союзами такие слова, как *kerbe* 'если', *kefege* 'когда' [Там же, с. 132–133].

Междометие грамматист определил как «звуки голоса, выражающие какое-то ощущение» [Там же, с. 133]. Например, *ayi* 'ай'; *ayi-a* 'ах'. Он отмечает, что в монгольском языке наличествуют междометия, имеющие характер звукоподражательных слов.

Служебные слова в морфологическом строе других языков в те годы еще только начали разрабатываться. В силу этих причин у О. М. Ковалевского они исследованы лишь в самых общих чертах.

Во второй части своей грамматики О. Ковалевский излагает основы синтаксиса простого предложения, названного им «словосочетанием». Сущность предложения грамматист видит в «каких-либо суждениях, нашими выраженными словами, состоит из трех главных частей: подлежащего, сказуемого и связки» [Там же, с. 137]. Определение подлежащего им дано понятно: «подлежащее есть предмет, о котором говорится и выражается» именами и глагольными формами. Подлежащее имеет после себя одну из частиц (ныне показателей. — В. Р.) -*anu*, *inu* и *bar* [Там же, с. 137].

Правило о сказуемом также сформулировано: «сказуемое означает качество подлежащего в предложении, выражается именем или причастием». Например, *toti inu šibayun bui* 'павлин-птица'.

Связи в простых предложениях в форме вспомогательных глаголов играют большую коммуникативную роль. По мнению автора, «связка, соединяющая подлежащее со сказуемым, выражается глаголом, существительным». Это положение иллюстрируется следующими примерами: *Tere yeke qaγan-dur nigen qoratu tüşimel bölüge* — 'У этого великого царя был один злой чиновник'. Слово *bölüge* в этом предложении является связкой [Там же, с. 13].

Словосочетания в падежных и послеложных конструкциях, в глагольных формах времен и наклонений составляют и организуют сущность связей, функции предложений и обеспечивают их формальное выражение в синтаксисе. К сожалению, все эти правила носят элементарный характер, которые включены в § 174–184 [Ковалевский, 1835].

В составлении синтаксических связей и функций существенную роль играет порядок слов в предложении. В § 185 говорится: «Размещение слов в монгольском предложении основывается на том, чтобы на первом месте поставить подлежащее, т. е. именительный падеж, означающий предмет независимый, лицо действующее; на втором – имя управляемое глаголом, т. е. предмет действия; на третьем – глагол, выражающий действие» [Там же, с. 13]. Автор, пытаясь подтвердить те или иные правила или положения, приводит большое количество примеров. Такова вкратце его методика объяснения тех или иных признаков синтаксиса простого предложения.

К сожалению, О. М. Ковалевский ограничился лишь описанием синтаксиса простого предложения монгольского языка, оставив вне поля зрения строй сложного предложения.

В приложении к грамматике он привел объяснение о произношении тибетских слов посредством монгольских букв.

*1.4.1.3. «Краткая грамматика монгольского книжного языка»
О. М. Ковалевского в критике и оценке его современников
и монголоведов поздних периодов*

Современники ученого новый труд по грамматике монгольского языка встретили радушно и тепло. Я. И. Шмидт, рецензируя книгу О. М. Ковалевского, отметил, что она «вполне достигает цели, для коей предназначена; т. е. она легким и удобопонятным образом представляет начинающим обучаться сему языку основные его правила», особенно ему понравилась новизна грамматики, «в ней находится многое, что хотя не изменяет главных положений, но представляет новые, собственно автору принадлежащие соображения» [1835, с. 651]. Рецензент отстаивал собственную классификацию категории падежей в монгольском языке, ибо О. М. Ковалевский «исключил принятые им (Шмидтом. – В. Р.) два падежа – второй орудный (instrumental) с частицей *-луга* и творительный с частицею *-эце*. По мнению Я. И. Шмидта, автор следовал русской грамматике. Однако

следует признать, что А. А. Бобровников подтвердил правоту своего наставника в рассмотрении природы категории падежей в монгольском языке. В конце отзыва Я. И. Шмидт высоко оценил труд коллеги: «различие во взгляде отнюдь не делает в целом никакого вреда достоинству сего сочинения, которое может принести важную пользу начинающим» [1835, с. 652].

В прессе были опубликованы краткие, но вполне лестные отзывы о новой грамматике монгольского языка. К сожалению, эти отзывы оказались анонимными. Неизвестный автор сделал свой вывод о новом грамматическом труде О. М. Ковалевского на основе общего заключения монголиста Я. И. Шмидта: «Книга составлена с большим знанием дела и может принести великую пользу при изучении монгольского языка» [Аноним, 1835, с. 1057]. Он с ехидством и явным недоверием писал: «Неужели монголам позволительно иметь книжный язык? Неужели их книжники не предписывают им писать и историю, и изложения философских систем, и эпопей и оды тем же самым языком, которым говорят извозчики и поварихи?» [Там же]. Очевидно, автор отрицал существование и развитие письменного и литературного языка у монголов, с явным сарказмом писал: «Счастливые монголы!»

В одном из петербургских научных журналов также анонимный автор в библиографическом обзоре писал о книге О. М. Ковалевского, как о редком случае в книжном мире того времени: из «книг, вышедших по части языковедения, укажем на необыкновенные явления: краткую грамматику монгольского книжного языка, составленную г-ном Ковалевским, адъюнктом-профессором монгольского языка при Казанском университете – труд, заслуживающий особенное внимание и могущий облегчить основное изучение сего языка» [Аноним, 1838, с. 395].

В I половине XIX в. монгольская филология была уделом крайне узкого круга специалистов.

Американский востоковед Б. Лауфер, давая обзор учебной литературы по монгольскому языку, изданной в XIX в. в России, среди пособий этого типа обнаружил «хорошей краткую грамматику Ковалевского» [1927, с. 2–3]. Ш. Лувсанвандан в первой книге своей «Граматики монгольского языка», касаясь фонетического подразделения грамматики О. Ковалевского, оценил ее в целом положительно,

вместе с тем он нашел сходство фонологических взглядов у Я. И. Шмидта и О. М. Ковалевского на звуковой строй монгольского языка [Лувсанвандан, 1967, с. 11–12].

«Грамматика монгольского книжного языка» проф. О. М. Ковалевского выгодно отличается от предыдущей грамматики Я. И. Шмидта своей компактностью, правила в ней продуманы, сформулированы вполне четко и лаконично. Текстовый материал изложен для обучающихся в понятной, доходчивой форме. Книга Ковалевского занимает в ряду учебных грамматик того времени свое достойное место, поэтому историк Г. Ф. Шамов весьма справедливо указывал на то, что до появления «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» (1849) А. А. Бобровникова она являлась основным пособием для занимающихся этим языком [1983, с. 73]. В этом высказывании есть доля исторической правды, отмечены истинные заслуги О. М. Ковалевского в развитии грамматической теории монгольского языкознания того времени.

Подводя итоги анализа грамматики О. М. Ковалевского, следует сказать, что несмотря на его кропотливый и тщательный труд и постоянные поиски, его книга страдает некоторыми недостатками, обусловленными уровнем развития русского языкознания того времени. Вместе с тем есть и изъяны, связанные с его личными пристрастиями и субъективным подходом к тем или иным лингвистическим проблемам. О. М. Ковалевский считал, что письменный язык монгольского буддизма является более совершенным, чем живые наречия монгольских народностей. Он придерживался стабильного нормативного языка буддийских книг, был одним из первых русских буддологов.

О. М. Ковалевский разграничивал письменные и живые (разговорные, диалектные) языки, поэтому им и была создана «Грамматика монгольского книжного языка».

1.4.1.4. О. М. Ковалевский как компаративист

Русское востоковедение сформировалось в основном в I половине XIX в., и это был начальный этап его целенаправленного развития. Первые лингвистические исследования по монгольскому языку основывались в своей теории и практике на достижениях европейского и русского языкознания. «Научные принципы старшего поколения

компаративистов в своих общих чертах отразились и на характере первых востоковедных исследований», о чем справедливо отмечал Б. В. Матхеев [1973, с. 51]. Европейские ориенталисты имели тесные связи с русскими востоковедами, в том числе казанскими. Например, О. М. Ковалевский переписывался со многими германскими и французскими учеными. Последние пользовались трехязычным словарем, монгольской хрестоматией О. М. Ковалевского в учебных целях.

Научные связи между учеными европейских стран были хорошо налаженными. Например, А. М. Кастрен был отправлен с экспедицией в Сибирь, где собрал уникальный материал по языкам народов российских окраин. Ныне он признан как один из первых компаративистов. Однако О. М. Ковалевский был инициатором компаративистики, стоял у истоков современной алтаистики. В рецензии на «Грамматику калмыцкого языка» А. В. Попова он писал, что «восточная филология приобрела в этой грамматике обильные материалы для дальнейшей обработки сравнительного языкоучения» [1849, с. 118]. Рецензируя «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова, он заметил, что «у нас в последнее двадцатилетие семья монголо-тюрко-финских языков ...приобрела усердных работников для своего поля деятельности...» [Он же, 1851, с. 161]. Рецензент приветствовал начинания грамматистов-монголистов, выражал уверенность в том, что труды этих языковедов «останутся не без пользы для сравнительной лингвистики и общей филологии» [Там же, с. 161].

В начале XIX в. в казанской школе развивалась монгольская филология, преимущественно языкознание. Только в Казани были изданы три грамматики по монгольским языкам. В монгольской филологии происходил процесс интенсивного накопления; осмысливались общие и частные закономерности развития лингвистики на фоне тюркских и финно-угорских языков. «В середине прошлого века, — писал Б. Я. Владимирцов, которого всегда волновали актуальные вопросы истории монголоведения и его современного состояния как развивающейся науки, — довольно много занимались отношениями монгольского языка к турецкому и вообще к языкам, так называемым финно-угорской или порой туранской группы. Нельзя сказать, чтобы эти занятия достигли чего-либо большого, определенного, создали бы систему, тем не менее кое-что все-таки было сделано и, таким образом, была подготовлена почва для работы над построением сравни-

тельной грамматики алтайских языков, начавшимся уже в XX веке» [Владимирцов, 1925, с. 192].

По глубокому убеждению О. М. Ковалевского, «язык монголов один из членов монголо-финского семейства, имеет притязания на известность по своей древности и служит средством сообщения для племен, разбросанных по разным владениям на огромном пространстве земли» [1844, с. II]. Он знал принципы сравнительно-исторического метода в языкознании своего времени, хотя этот метод только начал применяться в языкознании тех лет. О. М. Ковалевский написал труд «Сравнительная грамматика монголо-тюркских и финских языков» [Шамов, 1983, с. 78], но он остался в рукописи, которая до нас не дошла. Судьба ее неизвестна. Г. Д. Санжеев, говоря о генезисе и развитии алтаистики, писал, что «ныне в алтайском языкознании имеются два направления: ортодоксальное и неоалтаистическое. Первое из этих направлений утверждает, что современные алтайские языки генетически восходят к гипотетическому алтайскому праязыку» [1975, с. 5]. Так, О. М. Ковалевский был ортодоксальным алтаистом, что является из его высказываний, цитируемых нами, и из примеров его трехязычного словаря, где приведены иллюстративные факты из тюркских и финно-угорских языков с лексическими материалами монгольского языка.

В. Л. Котвич стал продолжателем компаративистских идей О. М. Ковалевского, однако в отличие от своего предшественника он сделал пересмотр родства алтайских языков. По его мнению, «алтайские языки невозможно считать изначально родственными, нельзя считать их «потомками» гипотетического алтайского праязыка, которого, следовательно, никогда не существовало» [Санжеев, 1975, с. 5]. Автор считает В. Л. Котвича пионером неоалтаистического языкознания.

Таковы алтаистические позиции О. М. Ковалевского – выразителя компаративистских идей на основе материалов тюркских и монгольских языков. Лингвистические взгляды ученого интересны, содержательны и многоплановы. Его неутомимые поиски не пропали зря, они оказались весьма поучительными, ибо проложили пути для современной алтаистики.

Александр Васильевич Попов был известным монголоведом и калмыковедом в русской ориенталистике XIX в., талантливым педагогом, воспитавшим наравне с О. М. Ковалевским целую плеяду блестящих монголоведов, тибетологов, синологов и арабистов.

Касаясь научных трудов А. В. Попова, отметим, что его наследие по своей направленности носило, прежде всего, научный и воспитательный характер. Его научное и научно-популярное наследие не утратило своего практического значения и в наши дни. В этом плане представляют интерес «Монгольская хрестоматия для начинающих...» (1836), «Грамматика калмыцкого языка» (1847); остальные его труды также бесценны для изучения монгольской филологии.

А. В. Попов был монголоведом, филологом и историком. Будучи профессором Санкт-Петербургского университета, на кафедре монгольской и калмыцкой словесности он читал курс лекций по этимологии (морфологии) и синтаксису монгольского языка, истории монгольской письменности, вел курс истории Монголии с эпохи Чингисхана до середины XIX в. [Улымжиев, 1994, с. 51]. То, каким историком был Попов, видно из его «Ответа на рецензию Ковалевского» на «Грамматику калмыцкого языка».

А. В. Попов был последователем О. М. Ковалевского, чье научное кредо поддержал в своей публичной речи в Санкт-Петербургском университете, в которой, в частности, говорил «о чрезвычайной важности ближайшего знакомства нашего с Востоком. С одной стороны, Турция, Персия и Бухария, с другой – Монголия и Китай доставляют разнообразные предметы для удовлетворения нашей любознательности, государственных и промышленных наших интересов» [1855, с. 2]. В этой же речи он подчеркнул «важность учреждения кафедры монгольского языка – первой в Европе» [Там же, с. 2]. Особо отметил государственную прозорливость министра графа С. С. Уварова в этом деле и выдающуюся роль бывшего попечителя Казанского учебного округа, опытного организатора высшего образования в России М. Н. Мусина-Пушкина, сделавших все для открытия «восточного разряда» в Казанском университете, позже переведенного в столичный университет, где восточные языки не преподавались совсем.

Профессор Казанского и Петербургского университетов А. В. Попов вошел в историю современного калмыцкого языкознания как автор первой научной «Грамматики калмыцкого языка» (1847), которая заложила основы изучения грамматического строя языка калмыков и стала неразрывной частью общей теории монгольской лингвистики.

Создание данной грамматики диктовалось условиями культурной жизни калмыков, а также задачами и целями просвещения этого народа в масштабах развития всего юга России того времени, с одной стороны, и наметившегося тогда расширения разряда восточных языков в Казанском университете – с другой [Ковалевский, 1849, с. 106].

Еще в 1838 г. А. В. Попов был отправлен в научную и деловую командировку в Астраханскую, Саратовскую и Кавказскую области, где проживали калмыки, для собирания материалов по калмыцкому языку. Эта поездка длилась с 14 июня по 25 августа 1838 г., за это время ученый собрал весьма разнообразный лексический материал, ставший позже достоверной и надежной лингвистической базой для его «Грамматики калмыцкого языка». Кроме того, он выполнил ряд поручений в целях укрепления технической базы издательства родного ему университета, свидетельства об этих занятиях стали известны из архива Н. И. Лобачевского [1976, с. 332].

Спустя более 10 лет А. В. Попов представил рукопись «Грамматика калмыцкого языка» публичному собранию Казанского университета, по решению которого автор грамматики 17 апреля 1844 г. был награжден премией II степени. А. В. Попову удалось издать свой многолетний труд лишь в 1847 г. при прямой поддержке попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, которому автор написал посвящение в начале своей работы [Попов, 1847, с. 5].

1.4.2.2. Научные основы «Грамматики калмыцкого языка» А. В. Попова

Как правило, любой грамматический труд должен быть построен на прочной источниковедческой основе. А. В. Попов в этом плане имел богатую, разнообразную лингвистическую базу для своей буду-

щей работы по калмыцкому языку. Очевидно, А. В. Попов был педантом, в предисловии своего труда, касаясь его презентабельности и научности, он особо подчеркнул: «Все примеры, приведенные мною для объяснения изложенных правил, почерпнул я или из лучших калмыцких сочинений, или из живой народной речи» [1847, с. 9]. Зная жесткие требования филологии, Попов в приложении к грамматике дал девять образцов из калмыцкой исторической, повествовательной (буддийской) и эпистолярной литературы. Они даны в оригиналах и русских переводах [Там же, с. 347–390], их научная и переводческая обработка, а также грамматическое изучение отняли у автора немало сил и времени. Он сумел найти рассказы о Зая-пандите Намхайжамцо из сочинения «Рашияни-ном» по буддизму, отрывки из законов Батур-хунтайджи, из сказания о походе Убаши-хунтайджи против ойратов, из записок о хошеутовском роде по истории ойратов и калмыков, фрагменты из сказаний о Гэсэре и Рамаяне. Он, очевидно, впервые сообщил русскому научному миру о существовании эпоса «Джангар» у калмыков.

«Грамматика калмыцкого языка» А. В. Попова состоит из предисловия, двух частей, каждая из которых имеет по 6 глав. Первая часть названа «Этимология» (морфология), вторая – «Синтаксис». Предисловие содержит в себе ряд тенденциозных положений, которые вызвали критические замечания монголоведов того времени в историко-лингвистическом и общепилологическом плане.

В первой главе первой части А. В. Попов рассмотрел алфавит «ясного письма», приписываемый Зая-пандите Намхайжамцо (1648), подробно объяснил причины реформы ойратской письменности того времени, неизбежной не только с точки зрения политической или исторической, но и историко-культурной.

В калмыцком языке ученый выделил семь частей речи: имена, местоимение, глагол, наречие, послеречие (послелог), союзы, междометия. Имена разделяются на существительные, прилагательные и числительные [Там же, с. 28]. Именам он посвятил три главы. По А. В. Попову, в калмыцком языке содержится девять падежей: именительный, родительный, отделительный, дательный, винительный, звательный, творительный, инструментальный, совокупительный [1847, с. 49–50].

Зая-пандита Намхайжамцо Ойратский (1599–1662)

А. В. Попов рассматривал прилагательное в том же духе, что и существительное [1847, с. 75–87]. Он отметил в этом языке степени сравнения прилагательных, в том числе превосходную. Его объяснения о числительных и местоимениях, к сожалению, ничего оригинального не имели и поэтому, возможно, представляют только историографическую значимость в отечественных грамматиках XIX в.

Четвертая глава «О глаголе» самая обширная и, пожалуй, наиболее сложная с точки зрения логики и теории грамматики. Автор хотел дать глаголы калмыцкого языка в систематизированном виде. Однако его система оказалась не вполне удачной, например, он выделяет такие глаголы, как: 1) существительные, или вспомогательные; 2) дей-

ствительные; 3) средние; 4) страдательные; 5) взаимные; 6) препоручительные, или побудительные; 7) учащательные; 8) уменьшительные [Попов, 1847, с. 112]. В описании глагола он следовал схемам русиста А. Х. Востокова, определяя систему и категории глагола в калмыцком языке весьма предположительно.

Д. Банзаров в личном письме к В. В. Григорьеву от 2 февраля 1850 г., касаясь глаголов в калмыцком языке, объясненных А. В. Поповым, очень верно заметил, что Попов никак не мог уловить, «какое наращение придает какой смысл производному глаголу», поэтому Попов формально «отделяется тем, что объясняет глаголы производные через такую-то частицу – бывают действительные, а через такую-то – средние» [Там же, с. 136–148; Банзаров 1997, с. 133]. Таким образом, Д. Банзаров показал абсурдность объяснений, сделанных А. В. Поповым в главе о глаголах в калмыцком языке.

В пятой, шестой и седьмой главах морфологии А. В. Поповым рассмотрена сущность наречий, послелогов (послеречие), союзов и междометий. Классификация наречий им дана в целом верно [1847, с. 177]. В шестой и седьмой главах этой части природа послеслогов, союзов и междометий им толкуется в целом верно, также описаны способы их образования, функции [Там же, с. 196–203]. Грамматический термин «послеречие» (ныне послеслог) впервые включил в свою грамматику Я. И. Шмидт, у него этот термин позаимствовал и А. В. Попов. Д. Банзаров отвергал термин «послеречие» как бессмысленный, предлагая свой синоним «заречие», на наш взгляд, также не совсем удачный, оставшийся впоследствии вовсе незамеченным. Ясно одно: послеслоги, союзы, частицы являются «морфологическими» и «синтаксическими» служебными словами, а не частями речи в монгольском языке. Очевидно, Д. Банзаров не был согласен с тем, что А. В. Попов относил служебные слова и междометия к частям речи, поэтому он восклицал: «...посудите: можно сказать заречие, а можно послеречие (послеслог. – В. Р.), не лучше ли бы «перечне» (о чем выше говорили), союзах (мнимых), междометиях (по-моему, если «ай! ой!» назвать частью речи, то глаголы не обидятся» [Банзаров, 1997, с. 153].

Вторая часть грамматики посвящена вопросам синтаксиса простого предложения. В первых четырех главах второй части говорится об управлении имен и глаголов. Г. Ц. Пюрбеев, касаясь этой части, совершенно верно заметил, что автор чрезмерно «много уделяет вни-

мания синтаксису падежей» [Пюрбеев, 1977, с. 6]. А. В. Попов дал элементарные понятия о подлежащем и сказуемом, в главе «О размещении слов» говорится не о порядке слов в предложении, а о порядке, в котором располагаются части предложений [1847, с. 338–346].

Возможно, прав Г. Ц. Пюрбеев, который отмечает, что работа А. В. Попова в вопросах, касающихся структуры калмыцкого синтаксиса, не представляет серьезного научного интереса, поскольку в истолковании не всегда учитывается специфика изучаемого материала [1977, с. 5].

Таким образом, несмотря на серьезные недостатки и упущения, «Грамматика калмыцкого языка» А. В. Попова была достижением грамматической мысли в монголоведении того времени, до выхода в свет нового труда А. А. Бобровникова (1849).

Новое грамматическое сочинение А. В. Попова в научном мире 50-х гг. XIX в. было воспринято неоднозначно, вызвало между коллегами – О. М. Ковалевским и самим А. В. Поповым страстную полемику по существу вновь вышедшей в свет книги. Ученики почтенного профессора Д. Банзаров и А. А. Бобровников не оказались в стороне от жарких споров своих наставников.

1.4.2.3. «Грамматика калмыцкого языка» А. В. Попова в научной критике и оценке его современников и монголоведов последующих времен

Ученик О. М. Ковалевского и А. В. Попова, уже получивший в ту пору известность ученого и крупного специалиста, Доржи Банзаров [1955, с. 101–103] в 1848 г. опубликовал в журнале «Северное обозрение» в целом доброжелательный отзыв о труде своего учителя, написанный в спокойном, умеренном тоне. Вместе с тем Д. Банзаров и его наставник О. М. Ковалевский выразили свое критическое отношение к завышенным оценкам ойратской литературы, данным А. В. Поповым в предисловии книги. Оба рецензента выступили за верное решение вопросов грамматики в соответствии с духом культуры народа и его языка, не прибегая к готовым формам и схемам грамматик европейских языков, особо подчеркнули, что надо создавать грамматические концепции, которые соответствовали бы духу описываемого языка, отражали языковую ситуацию в национальном социуме.

Д. Банзаров, касаясь самой структуры грамматики А. В. Попова, уточнил, что «для языков монгольских и тюркских необходимо составлять новую грамматическую систему, сообразную их самобытности» [Банзаров, 1955, с. 102]. Говоря о самобытности калмыцкой литературы, он отметил, «того, что написали сами калмыки, к сожалению, слишком мало, чтобы называть это громким именем самобытной литературы... а переводы с тибетского, как известно, не должны называться литературой» [Там же, с. 103]. Он вполне справедливо заметил, что грамматики бывают научные и учебные и, по его мнению, труд А. В. Попова может стать учебным пособием для учащихся-европейцев, обучающихся калмыцкому языку.

Немного позже Д. Банзаров в письме к В. В. Григорьеву от 2 февраля 1850 г. высказал свое мнение о методике написания грамматики А. В. Поповым и ее структуре в таких образных строках: «Попов прежде всего сочинил рамку, в которую вставил картинку...» Далее он уточнил то, что не смог открыто сказать в рецензии в журнале «Северное обозрение» в 1848 г.: «Попов, составляя свою грамматику, во всем следовал системе Востокова, почитая язык калмыков за совершенно особое наречие, монгольские формы его старался подвести под систему европейской грамматики» [1997, с. 132].

О. М. Ковалевский, как и Д. Банзаров, указывал на то, что «грамматику» (грамматисту. – В. Р.) прежде всего необходимо открыть эти законы, а потом уже привести их в стройный порядок или систему, сообразно с духом языка [1849, с. 113].

После выхода в свет «Граматики калмыцкого языка» (1847) А. В. Попов представил свой труд на конференции в Академии наук для соискания Демидовской премии. В том же году умер Я. И. Шмидт, поэтому академия поручила отрецензировать его грамматику О. М. Ковалевскому.

Следует отметить, что рецензент труд своего коллеги изучил весьма основательно. Его критический анализ мы разделим на три части по значимости.

Объектом внимательной, отнюдь не бесстрастной критики рецензента стало предисловие книги А. В. Попова, о чем нами уже было упомянуто в рамках анализа Д. Банзарова, так как они оба говорили об одном и том же. А. В. Попов в нем обосновал актуальность своего труда, в котором рассмотрел калмыцкий язык как отдельно оформив-

шийся, а не наречие, как думали А. Бобровников и Д. Банзаров. Попов пытался доказать, что политическая жизнь джунгаров была обособленной и в корне отличалась от всего тибетско-монгольского культурного мира. Рецензент считал, что положение Попова о яркой самобытности ойратской литературы не выдерживает никакой критики, оно следствие преувеличенного рассмотрения автором этого предмета. Точки зрения Ковалевского вполне верны, если сравнить монгольскую историческую и художественную литературу с калмыцкой, то ощутим явный перевес первой над второй.

Таким образом, позиция рецензента была правильной. Правда, часть буддийских переводов, действительно, сделана хорошо. Переводная литература является лишь фактом и объектом национальной литературы, но не более. За свою «Грамматику калмыцкого языка» А. В. Попов получил на публичном собрании Казанского университета премию (1850). Прочитав рецензию О. М. Ковалевского, новый грамматист был крайне возмущен. Критику рецензента он не принял и вступил с ним в серьезную полемику. В этом споре Попов показал не очень глубокие знания по истории древних тюрков и монголов [1850, с. 2–3].

О. М. Ковалевский в монголоведении признавал лишь книжный письменный язык монголов, считал живой разговорный язык уделом полуобразованного общества, а потому и недостойным для лингвиста. Ученый сделал серьезные замечания по книге А. В. Попова, изложенные им в восьми пунктах. В пунктах об ударении в калмыцком языке и именах рецензент возразил автору. Попов в своем «Ответе...» выдвинул свои подходы к решению этих вопросов. О. М. Ковалевский в третьем пункте рецензии вполне логично возразил автору, нашедшему в изучаемом им языке девять падежей. На наш взгляд, критика оказалась очень весомой, что подтвердили калмыковеды более позднего времени. Рецензент писал: «Автор назначает девять падежей, желая таким образом определить взаимное отношение между предметами. Это едва ли возможно. Принятые им для падежей названия, по моему мнению, не совсем удачны» [1849, с. 114]. Ответы А. В. Попова своему оппоненту были не совсем убедительными, а иногда они еще сильнее запутывали читателя. Рецензент в четвертом пункте также опроверг правило А. В. Попова о слове *никген* (один), а ответ грамматиста на этот вопрос был сумбурным и малопонятным.

О. М. Ковалевский не стал вникать в суть глагольных форм, описанных у Попова, а лишь выразил сомнения в объяснениях автора. Впрочем. Попов легко нашел выход из ситуации, отметив, что рецензент по глаголам не высказал своего мнения. В шестом, седьмом и восьмом пунктах рецензии Ковалевским проанализированы наклонения причастий и деепричастий в изложении Попова, выявлено заблуждение автора в его объяснениях сложных категорий глагольной системы. А. В. Попов в своем пространном «Ответе...» решительно восстал против критических замечаний своего оппонента и коллеги О. М. Ковалевского. Однако его доводы были малоубедительными, так как А. В. Попов не смог подкрепить свои концепции новыми данными и интересными интерпретациями. В заключение своей критики О. М. Ковалевский оптимистически заметил, что «заканчивает свои возражения и замечания с полным убеждением, что книга г-на проф. Попова есть истинный подарок для науки» [1849, с. 117]. К сказанному он добавил, что «восточная философия приобрела в этой грамматике обильные материалы для дальнейшей обработки сравнительного языкоучения» [Там же, с. 118].

По сведениям Н. П. Загоскина, «Грамматика калмыцкого языка» А. В. Попова была удостоена большой Демидовской премии, следовательно Академия наук и Министерство просвещения сочли его ответ на критику О. М. Ковалевского обоснованным [1904, с. 232–233]. Г. Д. Санжеев писал, что В. Л. Котвич, составляя «Опыт грамматики разговорного калмыцкого языка», воспользовался схемой А. В. Попова. Первый считал, что труды грамматистов XIX в. «хотя и не потеряли своего значения, но все же устарели в настоящее время» [1940, с. 3]. Еще до него Н. Н. Поппе похвалил труд А. В. Попова, назвав его «замечательным для своего времени» [1938, с. 128].

Профессор Калмыцкого университета Б. Б. Бадмаев в предисловии к «Грамматике калмыцкого языка» особо отметил, что «Александр Попов впервые в истории написал «Грамматику калмыцкого языка», вышедшую в свет в 1847 г. «Грамматика...» Попова опиралась на многочисленные памятники монгольской и тибетской литературы, послужившие для нее источниками. Она была первой оригинальной работой по калмыцкому языку, заслужившей внимания калмыковедов» [1966, с. 3].

Другой языковед В. Э. Очир-Гаряев в своей статье по истории современного калмыковедения подчеркнул, что «Грамматика калмыцкого языка» А. В. Попова для калмыцкого общества XIX в. имела «огромное просветительское значение» [1988, с. 96]. Ему понравились приложения к грамматике, он рассматривает их в качестве учебника для обучающихся калмыцкому языку [Там же, с. 96]. Н. С. Яхонтова в своей книге лишь констатировала, что «первая грамматика (калмыцкого языка) была составлена А. Поповым в 1847 г.», а также пояснила различные подходы к решению вопросов калмыцкого языка у А. В. Попова и А. А. Бобровникова. Труд первого она включила в список использованной ею литературы [1996, с. 14, 149]. Однако в составлении своей грамматики ойратского языка XVII в. она доверяла исключительно работам А. А. Бобровникова и Н. Н. Поппе.

Из известных зарубежных филологов-монголистов лишь один Б. Лауфер назвал труд А. В. Попова «превосходным» [1927, с. 3], очевидно, высоко оценив имеющийся в нем богатый лингвистический материал.

Впрочем, лестные отзывы о книге А. В. Попова имеются у историков-монголоведов. Н. П. Шастина считала грамматику А. Попова «хорошим трудом для того времени» [1952, с. 26]. Ш. Б. Чимитдоржиев также назвал книгу «довольно обстоятельной» [1987, с. 179]. Д. Б. Улымжиев справедливо отметил, что «Грамматика калмыцкого языка» и другие труды А. В. Попова (возможно, он имел в виду прекрасную «Монгольскую хрестоматию для начинающих обучаться монгольскому языку» (1836) не потеряли свою актуальность и научное значение и по сей день [1994, с. 51].

Мы не случайно так много говорили о «Грамматике калмыцкого языка» А. В. Попова, поскольку она была и остается одним из основных его научных трудов. Эта работа как первая грамматика калмыцкого языка обратила на себя особое внимание. Научная критика «Грамматики...» А. В. Попова в истории монгольского языкознания была очень поучительной для последующих грамматистов-калмыковедов. В этом плане вполне прав Д. Б. Улымжиев, сказав о роли и месте А. В. Попова в монгольской лингвистике того времени, что он «по праву заслужил признание в истории отечественного востоковедения» [Там же, с. 51].

§ 5. А. А. Бобровников и Д. Б. Банзаров – новаторы в монгольском языкознании 40–50-х гг. XIX в.

1.5.1. К лингвистическим взглядам Д. Банзарова

Первой лингвистической работой Д. Банзарова была учебная «Грамматика монгольского языка» (1836), которую монголисты-филологи считают интересным источником для изучения лингвистических взглядов ученого. Так, Г. И. Михайлов [1955, с. 35] писал с сожалением, что она не дошла до нас, хотя и была студенческой работой, могла бы дать много ценного, но погибла в огне во время пожара в Казани.

Говоря об этом пособии, нельзя забывать обстоятельства того времени. Министерство народного просвещения в сентябре 1835 г. издало распоряжение о необходимости создания на монгольско-татарском языке собрания книг по части арифметики, географии [Валеев, 1998, с. 744]. Как известно, его опередил А. В. Попов, составивший «Арифметику» для монгольской школы. Д. Банзаров в рецензии на «Грамматику калмыцкого языка» А. В. Попова выделил ряд принципиально важных моментов в грамматической теории и практике.

Он усмотрел в теоретическом отношении новизну грамматики, «что для языков монгольских и тюркских необходимо составить новую грамматическую систему, сообразную их свойствам. Нам кажется, что нововведение будет прекрасно не только в учено-филологических сочинениях, и еще в таких, которые будут написаны для монголов или татар на их языке, если наши ориенталисты когда-нибудь возьмутся за это» [Банзаров, 1955, с. 102].

Б. В. Матхеев методические установки рассматривал так: «Д. Банзаров четко разграничивал научно-академическую и учебно-нормативную грамматику. Эти два типа грамматик принципиально должны отличаться друг от друга по характеру фактического материала, по общей схеме построения, или структуре самой грамматики, лингвистической интерпретации исследуемого материала языка. Если грамматика научная, сугубо теоретическая, то ее филологическая основа предмета предполагает использование более разнообразного языкового материала, включающего записи живой разговорной речи, язык фольклорных произведений, тексты древних памятников... Она должна отображать специфические особенности, структуры изучен-

ного языка, выделять присущие этому языку законы, как в синхронном, так и в диахроническом плане» [Матхеев, 1973, с. 58].

Сравнительно-историческое языкознание в то время находилось в начальной стадии развития. У многих лингвистов, в том числе и среди младограмматистов, были свои начинания в этом отношении. Б. В. Матхеев, касаясь задач и целей научной грамматики, вполне справедливо писал: «такая грамматика требует привлечения сравнительных данных родственных языков и наречий» [Там же, с. 58]. А. С. Жаргалов в своей заметке о сравнительном изучении языков, которым активно пользовался в своих лексикологических работах Д. Банзаров, писал: «филологические труды ученого были тогда явлением уникальным. Это был большой шаг вперед – от описательного метода к сравнительному и аналитическому» [1992, с. 35–37].

Д. Банзаров собирался написать грамматику среднеазиатских (тюркско-монгольских) языков, о чем узнаем из его письма к В. В. Григорьеву от 2 февраля 1850 г. [1997, с. 158]. Г. Гомбоев тоже хотел писать грамматику монгольского языка [Банзаров, 1955, с. 231]. Так, после триумфа А. А. Бобровникова среди казанских ученых нового поколения наблюдался некий грамматический бум.

Д. Банзаров был не только этимологом, но и тонким лексикологом. Он очень справедливо и верно отмечал, что «требовать от памятника XIV века непременно нынешнего татарского языка – значит отвергать всякую перемену в языке народа, продолжающего жить и предполагающего жить, подвергнувшегося с той поры довольно многим преобразованиям в общественной жизни, в древности отыскивать только современность» [Там же, с. 297]. Как известно, касаясь чтения письма на Чингисовом камне Я. И. Шмидта, он верно заметил, что «г-н Шмидт поступал в этом случае слишком произвольно и всю подпись «объяснил и “очень легко”», впрочем, Банзаров раскрыл сущность методики своего исследования, в отличие от Я. И. Шмидта. Грубейшие ошибки нашлись в методике исследования и в исследовательской работе первого.

Объяснение слов «монгол», «ойрат», титула «чингис» и других относятся к пласту исторической монгольской лексики, касались генезиса монголов как нации и колыбели монгольской культуры. И в предисловии к изданию Собрания сочинений Д. Банзарова говорилось, что «труды Банзарова не утратили научного значения и в наше

время... Другие были подвергнуты критике, но далеко не во всех случаях заменены более удачными концепциями» [Банзаров, 1955, с. 5].

Д. Банзаров был переводчиком. Его переводоведческие принципы еще ждут своих исследователей. Самый прочный фундамент имело банзаровское лингвистическое источниковедение и науковедение.

Лингвистические (этимологические), отчасти (морфологические) идеи Д. Банзарова, несмотря на жесткую критику ученых последующих времен, в отдельных деталях и тональностях сохранили свое значение и в наши дни. Отдельные монголоведы, не разобравшись в сложностях материалов и объектов рассуждения, скорее делали шаг назад, чем вперед.

На наш взгляд, глубоко прав Л. Д. Шагдаров, когда пишет: «Не потеряли своего значения высказывания ученого по вопросам грамматики монгольского языка, его взаимоотношений с другими алтайскими языками, изыскания Д. Банзарова по маньчжурскому и тюркским языкам, его переводы с разных языков, высказывания по эпосу и другие его филологические труды» [1997, с. 23].

Таковы некоторые выводы о лингвистическом вкладе и методологии исследований Д. Банзарова по языкам, вошедшим в золотой фонд русской ориенталистской мысли I половины XIX в.

1.5.2. А. А. Бобровников как грамматист. Общие замечания

Алексей Александрович Бобровников вошел в историю русского монголоведения I половины XIX в. как выдающийся лингвист-монголовед, составивший «Граматику монгольско-калмыцкого языка», ставшую классическим грамматическим трудом в монголоведении для последующих эпох, на основе которого были написаны и изданы немало грамматик по монгольским (письменным и живым) языкам. Его фундаментальный труд можно сравнить с великим произведением «Горе от ума» русского драматурга А. С. Грибоедова, которого по праву считают гением одной книги, а А. А. Бобровникова – одной капитальной грамматики монгольско-калмыцкого языка. Если бы он не написал эту грамматику, остался бы неизвестным ученым, как и многие таланты, не нашедшие средств для воплощения своих выдающихся способностей.

Ректор Казанской духовной академии архимандрит Григорий (в миру Митькович) ценил в молодом Бобровникове талант, целеустремленность и исключительное трудолюбие, благодаря содействию которого он окончил академию по первому разряду, был зачислен на академическую кафедру. Как мы уже упомянули, А. В. Попов запросил крупное вознаграждение за калмыцкую грамматику, но выплатить ему эту сумму было невозможно, тогда о. Григорий вспомнил о А. А. Бобровникове и поручил ему, еще студенту, весьма трудное задание. «В начале разговора студент колебался некоторое время, затем согласился, для выполнения ее Бобровников выпросил у ректора КДА научную командировку в калмыцкие степи для близкого знакомства с этим языком, так как до недавних пор занимался только монгольским. К окончанию его курса от обер-прокурора Св. синода получено было уже и само разрешение (от 20 июня 1846 г.) как по составлению им калмыцкой грамматики, так и по командировке в степи сроком на три месяца с выдачей на проезд и содержание 130 рублей из экономических сумм академии. Правление, сделав все нужные распоряжения относительно этой командировки, обязало его своей инструкцией 1) сколько можно глубже изучил калмыцкий язык в лексическом и грамматическом отношениях, в возможной полноте выяснил сходство и различие между книжным, ученым калмыцким языком и живым, разговорным, и между языками калмыцким и монгольским; 2) возможно обстоятельнее изучил буддийское исповедание калмыков в его догматах и обрядах; наконец, 3) приобрел возможно полное понятие об их нравах и обычаях, их нравственном, домашнем и общежительном состоянии» [Знаменский, 1892, с. 332–333]. По мнению А. В. Попова, для успешного выполнения этих задач «инструкцией были указаны самые пункты, где он должен был далее останавливаться – хурул Хошутовского улуса кн. Тюменева близ Астрахани и ставка кн. Тундутова, владельца Малодербетовского улуса в 70 верстах от Сарепты. Во время пребывания в степях он должен был вести ученый дневник, а по возвращении представить отчет о своих занятиях и расходах. Правление со своей стороны вверило его покровительству пред местными светскими властями и астраханского преосвященного Евгения» [Там же, с. 333].

А. А. Бобровников отправился в путь 12 июля 1846 г. Поездка его продолжалась 3 месяца, часть времени он провел в Царицыне и Астрахани, остальные 33 дня – в калмыцких степях. Поездка закончилась 12 октября. «Главное его внимание, – писал Н. И. Ильминский [1865, с. 335], у которого оказался отчет Бобровникова после его смерти, – обращено на язык, и плодом лингвистического изучения была грамматика монгольско-калмыцкого языка, но в то же время он занимался и наблюдением за религиозным состоянием калмыков», и вкратце выяснил филологические особенности калмыцкого языка сравнительно с особенностями языка монгольского и результаты этих наблюдений говорят, что столько «мог сделать только самый неутомимый и талантливый человек» [Знаменский, 1892, с. 333]. «Этот мастерски составленный отчет привел академическое правление в восторг. Секретарь конференции проф. Гусев, читая на акте 8 ноября 1847 г. отчет о состоянии академии за минувший учебный год, почти половину своего чтения был занят извлечениями более занимательных мест из рукописи Бобровникова» [Там же, с. 334]. Ничтожно малая сумма, при всей ее экономии, не смогла покрыть все расходы, поэтому Бобровников взял в долг в Астрахани 50 рублей из семинарских денег. Руководство КДА взяло на себя его долг, исходатайствовав у Св. синода прибавочную ассигновку к прежним 130 рублям. Так командировка обошлась в 180 рублей.

Ученый долго не мог войти в процесс составления предполагаемой грамматики, так как ему понадобилось найти свой, новый подход к решению научной задачи. «Бобровников хотел разгадать и изложить законы монгольского языка, как он есть в самом себе. Весь его труд был самостоятельным» [Ильминский, 1865, с. 438].

По воспоминаниям современников, его работа над грамматикой шла при поддержке со стороны казанских бурят в лице Д. Банзарова и Г. Гомбоева, калмыка Очира – живого «материала», а также его друга по КДА Н. И. Ильминского, знающего татарский язык, чьи сведения пригодились для сравнения с фактами живых и письменных тюркских языков.

Очир был у него, как Галан у А. Д. Руднева, который доставлял ему живое общение на калмыцком, помогая грамматисту постигать отличительные свойства современной ему калмыцкой речи.

Этот Очир, «которого ему подарил калмыцкий князь Тундатов. Был мальчик очень красивого калмыцкого типа, круглый сирота... хорошо говорил по-русски... Бобровников привез его как натурщика при составлении калмыцкой грамматики, Очир жил у нас полгода... Но в феврале 1847 г. через Казань проезжали калмыцкие зайсаны и один старик-гелюн... Он уехал с ними, как ни убеждал его Бобровников остаться в Казани» [Ильминский, 1865, с. 438].

Наконец-то Бобровников вплотную занялся написанием грамматики, «как присел, так от работы не оттащит никакая сила. И вот он приносит к ректору (после долгого его ожидания) толстую пачку написанной и перечерканной бумаги – черновую грамматику. Ректор назначил самого лучшего письмоводителя, дельного студента, для переписки ее; монгольские и калмыцкие примеры каллиграфически вписаны были ... Галсаном Гомбоевым. Вышла щегольская и увесистая рукопись...» [Там же, с. 440].

М. Н. Загоскин дал Д. Банзарову весьма любопытную и емкую характеристику: «Банзаров был для него живым колодезем, из которого он черпал все то, что ему было нужно. Как природный монгол и человек образованный, Банзаров знакомил Бобровникова с разнообразными формами монгольского языка, приводил ему бесчисленные примеры и они вместе отыскивали общие законы языка и его существенные отличия от языков европейских. Плодом этих работ была образцовая грамматика, которую по достоинству оценили лучшие европейские филологи» [1865, с. 4]. Он подсказал ему немало ценного и полезного, очевидно, в освещении именных частей речи. Однако Бобровников нигде не упоминает о доле участия Д. Банзарова в описываемых им частях своей грамматики. Н. И. Ильминский сетовал на то, что вдруг Банзаров стал полным дилетантом в объяснении глагольных форм [1865, с. 439], перестал с ним обсуждать исследуемый объект Бобровникова. Возможно, имена предметные, качественные, относительные, что ныне называются классами слов, чем Бобровников выделился из числа других грамматистов, они, по-видимому, принадлежали Д. Банзарову. Бобровников постоянно упрашивал Банзарова анализировать лингвистические материалы вместе с ним, ему даже хотелось, чтобы Банзаров рецензировал его грамматику. К чести Д. Банзарова, он этого не сделал.

Говоря о помощи Д. Банзарова А. А. Бобровникову, Г. Ц. Цыби-ков писал: «Русские ориенталисты тогда действительно использовали в полной мере практическое знание языка туземцев (т. е. носителей национальной культуры. — В. Р.), но, будучи присяжными учеными, тщательно скрывали их помощь. Только новое поколение ориенталистов не скрывает имен тех, от кого они уловили то или другое языковое явление. Это ведь снимает, к стати сказать, ответственность автора за вывод, помимо того, что требует этого простое приличие» [1930, с. 14]. Поэтому нельзя пройти мимо такого факта. Натянутое отношение А. Бобровникова с А. В. Поповым может быть внешне справедливым. В этом противостоянии преподаватель и студент пришли к консенсусу, якобы он у профессора брал уроки по тибетскому языку, чего на самом деле не было. В понимании Бобровникова элементарные знания по монгольскому языку, даваемые А. В. Поповым, не удовлетворяли его [Знаменский, 1892, с. 335–336]. Отношения Бобровникова и Попова сложились тогда в весьма нехорошем свете. Ковалевский и Попов позже находились в такой же конфликтной ситуации.

Оба профессора слабо владели тибетским языком, о чем не раз писал их ученик В. П. Васильев.

Мемуарист Н. И. Ильминский любил всячески хвалить Бобровникова, даже писал, что «это был богатырь мысли, вроде Ильи Муромца», впрочем, его современники характеризовали, каким он был в действительности [1865, с. 440]. Мы уже упоминали о помощи Д. Банзарова в деле создания грамматики. Но роль и содействие Г. Гомбоева остались в тени. Ученый-богослов, несомненно, подсказал молодому автору ряд ценных указаний по тибетской письменности и оригинальным трудам по тибетской филологии. Поскольку Бобровников был присяжным ученым, не нашлось у него смелости и порядочности об этом указать в своем труде. Без помощи этих ученых при всей талантливости и сверхработоспособности нельзя было создать такой труд, ставший ныне классическим. Он нашел тем временем пути решения законов морфологии и синтаксиса двух родственных языков. «После долгих раздумий и разговоров с Банзаровым и Ильминским Бобровников с осени 1847 г., когда свирепствовала в Казани холера, вплотную начал работать над грамматикой. Он, сняв себе комнату в слободе Гривка, работал по-настоящему. Спустя 10 месяцев, 21 мая 1848 г., Бобровников представил свою рукопись ректору

академии в первом варианте. В записке правлению он указывал на то, что написал грамматику монгольско-калмыцкого языка в предположении, что она была пригодна в семинариях того и другого языка, а ближе по причине внутренней неразрывной связи между этими языками, как между корнем и ветвью» [Знаменский, 1892, с. 338].

Его рукопись направили О. М. Ковалевскому, так как в Петербургской академии наук после смерти Я. И. Шмидта не было специалиста. Ковалевский дал на труд юного автора весьма лестный отзыв, последний исправил свою работу по замечаниям первого. «Ректор о. Григорий направил донесение о ходе работы над грамматикой обер-прокурору с ходатайством о дозволении напечатать грамматику Бобровникова в количестве 1200 экземпляров на счет духовно-учебных капиталов» [Там же, с. 339–340]. Св. синод от 15 ноября 1848 г. разрешил печатать грамматику и запросил о том, какой награды заслуживает автор за совершенный им труд. Правление представило на этот запрос, что как 1) по значительности этого труда, состоящего в написании грамматики совершенно новой... так 2) по надобности поощрять автора на будущее время и 3) в возмездие за принимаемый им на себя труд по корректуре грамматики, весьма нелегкий, потому что необходимо руководить и самого наборщика типографского, оно – правление – почитает Бобровникова заслуживающего награды не менее 1500 р. сер., или возведение в звание экстраординарного профессора с полным профессорским жалованием в 715 рублей в год» [Там же, с. 340]. Хотя ответа от Синода еще не было, начали печатать книгу. Издание грамматики длилось целый год.

За это время автор сумел переработать свою рукопись. Ответ из столицы последовал от 11 апреля 1850 г., Св. синод распорядился употребить книгу как пособие во всех духовных училищах, где преподавался калмыцкий язык. «Автору же в награду и поощрение выдать 1200 рублей сер. ... 50 экземпляров грамматики за занятие по корректуре; цена за грамматику назначена была в 80 копеек» [Там же].

А. А. Бобровников после поощрений Св. синода, во многом благодаря лестному отзыву О. М. Ковалевского, представил свою работу в Академию наук на конкурс Демидовской премии. Не было тогда в монгольском языкознании более высокого авторитета, имевшего статус заслуженного ученого, кроме О. М. Ковалевского. АН поручила ему рассмотреть труд молодого, пока никому не известного лингвиста

А. А. Бобровникова, проявить свою компетентность в связи с истинной оценкой грамматики лингвиста-дебютанта. Рецензент в отзыве на сочинение А. Бобровникова был осторожен и сдержан на этот раз в выводах и заключениях. Такое поведение почтенного профессора объяснялось взаимоотношениями автора и рецензента. Надо сказать, что после выхода в свет книги молодого грамматиста научная пресса долго молчала. Тут автору очень захотелось, чтобы кто-то написал отзыв о его работе в журналах и на страницах газет. Ситуация здесь усложнялась тем, что монгольская филология была тогда уделом редких специалистов, да еще книга написана весьма сложным языком, состоящим из одних правил и непонятных силлогизмов. Друзья грамматиста явно перестарались в рецензии на эту книгу в «Петербургских ведомостях», в которой «прежние труды по монгольскому языку Ковалевского и по калмыцкому – проф. Попова были сильно унижены, и можно сказать, стоптаны в грязь, профессор был чувствительно оскорблен ее резким тоном» [Знаменский, 1892, с. 341]. Ковалевского сильно задело, что газетная рецензия была анонимно напечатана в отделе «Фельетон». Он заподозрил в этой рецензии самого автора. Ковалевский начал инсинуации на него, возможно, Бобровников вряд ли мог удостоиться присуждения премии за свой нелегкий труд. К счастью, эту грамматику уже знали в Азиатском музее О. Н. Бётлингк и Билярский, они-то и дали высокую оценку новому труду А. А. Бобровникова. Ковалевский, оказавшись в щекотливой ситуации, вынужден был оценить сочинение бывшего ученика в целом по достоинству. В действительности же настоящими авторами столь скандальной рецензии являлись И. Н. Березин и Н. И. Ильминский, очевидно, первый знал, каким будет резонанс после такой рецензии.

Такова история создания «Граматики монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова, вызвавшая в Северной Пальмире сенсацию в научных кругах. Его грамматика, став впоследствии классическим трудом в истории монгольского языка, приобрела известность во всем мире.

1.5.2.2. Методологические основы и источниковая база «Граматики монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова

О. М. Ковалевский часто повторял в своих статьях, речах и рецензиях, что пора написать грамматику монгольского языка по-

новому, которая бы соответствовала духу языка, своеобразию мышления народа. Он писал: «При своем практическом применении к сношениям с калмыцким народом, это наречие (калмыцкий язык. — В. Р.) имеет важность для филолога и должно подвергнуться исследованию, сообразно с современным направлением филологических наук» [Ковалевский, 1849, с. 110–111], что открыло бы внутренние законы языковой культуры и должно было быть понятным носителям языка, общающимся на нем, грамматист изложил бы их на строгой логической основе. Его идеи поддерживал филолог Д. Банзаров [1955, с. 102], все требования, отразившиеся в приемах монгольского языка, были делом будущего. Все прежние грамматисты знали и пользовались «Грамматикой Пор-Рояля» или «Общей и рациональной грамматикой» Антуана Арно и Клодта Лансло, изданной в 1660 г. в Париже. Дело в том, что «Грамматика Пор-Рояля» имела множество последователей, составивших огромную литературу о ней. Я. И. Шмидт, поклонник европейской науки и культуры, написавший и первый по времени издавший грамматику монгольского языка на немецком языке в 1831 г., по всей видимости, составляя свой труд, определяя особенно номенклатуру грамматических терминов и единиц, пользовался не только готовыми грамматиками немецкого языка, но и работами по универсальной грамматике, изданной в те годы. О. М. Ковалевский, также тяготевший к европейской науке, несомненно, пользовался и трудами последователей «Грамматики Пор-Рояля», «Общей и рациональной грамматикой» А. Арно и К. Лансло в оригинале, ибо профессор владел французским, вел переписку с Французской академией наук.

Бобровников-младший вошел в историю грамматик по монгольским языкам как зачинатель логического направления в освещении описательной грамматики названных языков. Я. И. Шмидт, как известно, написал свою грамматику довольно быстро. Однако Бобровников-младший побил все рекорды по написанию всех грамматистов. Все эти внешние факторы говорят в пользу гипотезы, что все они пользовались готовыми стандартами описания грамматического строя, в этом плане Бобровников-сын отнюдь не исключение. Бобровников во время учебы в Иркутской семинарии и КДА изучал формальную логику и философию христианства и тибетско-монгольского буддизма по источникам. Будучи семинаристом, под руководством инспектора и преподавателя философии Алексея Матвеевича Благо-

вида у него возник интерес к логическим формулам, законам и постулатам. Преподаватель долго держал своих воспитанников на логических формулах, указывал в их сочинениях неточности против мышления и заставлял их писать сочинения цепью силлогизмов, без всяких риторических распространений и прикрас [Ильминский, 1865, с. 410].

По словам его мемуариста, Бобровникову «дельный учитель указал только основательное направление, в котором видел силу мышления, ставшей чертой преобладающей в «его, впрочем, разносторонних способностях» [Там же, с. 410]. Логика стала для него базой для усвоения философских знаний. В математике он успевал хорошо, по ней числился первым учащимся. Философию, теологию и патристику в КДА изучали основательно. Ряд предметов велся на латыни, например, анализировали мнение Пифагора, что «философия есть размышление о смерти». В своих воспоминаниях Н. И. Ильминский писал, что все слушатели поняли в аспекте морали, в результате вышла какая-то чепуха, лишь один Бобровников облек его в метафизическую форму, «изложил все полными силлогизмами, но ужасною латынью» [Там же, с. 422]. На первом публичном экзамене он читал свое короткое сочинение о том, что «важнее – ум или воля». Он отдавал преимущество воле. Преосвященный Владимир ему возразил, что важнее ум. Завязался спор, в результате которого бладушный владыка, обращаясь к публике, улыбаясь, сказал: «А хорошо защищается» [Там же].

Еще один любопытный эпизод из жизни А. Бобровникова оставил нам Н. И. Ильминский. Перед выпуском курса в КДА приехал ревизор и «во время экзамена по обличительному богословию текст апостола Павла: “Един есть Бог и один ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисусь” один студент говорил о том, что протестанты отвергают молитвы святым. Ревизор обратился ко всем студентам, кто может объяснить этот текст. Тотчас Бобровников встал, раскрыл Библию и прочитал текст. На основании контекста, он объяснил его так просто и вместе применительно к обстоятельству, что с последнего в первом разряде места его поставили четвертым в богословском списке» [Там же, с. 436]. Таким образом, А. А. Бобровников умел пользоваться законами, постулатами традиционной (формальной) логики, о чем поведал нам мемуарист Н. И. Ильминский.

Логику и философию, теологию и патристику Бобровников усвоил основательно. Однако по богословию в кондуитском списке числился по КДА на последнем месте. Его, очевидно, угнетали схоластика и прочая рутина в теологии, которые он называл «пузыристикой», из-за чего Бобровникова чуть было не отчислили из КДА.

Вопросами монгольского буддизма он занимался весьма основательно. В одной из курсовых работ Бобровников представил очень интересное сочинение «О различиях между христианством и буддийском учении о любви к ближнему», которое им было намечено как труд по философии буддизма, для чего читал объемистые сутры из буддийских «Ганжура» и «Данжура», состоящих из многочисленных томов, являющихся тибетско-монгольской Трипитакой. Его труд состоял из трех отделов: 1) исторические замечания о буддизме; 2) философия буддийская; 3) религиозные элементы в буддизме. Во время тяжелой болезни на основе этого сочинения он написал другую работу. Отдельные фрагменты и пассажи из работы по монгольскому буддизму Н. И. Ильминский [1865, с. 426–435] опубликовал в своих воспоминаниях. Он рассуждал о теории пустоты на основе текста «Алтан гэрэл» (Золотой блеск), критиковал точку зрения Я. И. Шмидта. Им написано «Синтетическое изложение космологического довода бытия Божия», которая была опубликована М. Н. Загоскиным в «Сибирском вестнике» [1865, № 42–43]. Это была работа, представленная им по окончании КДА как кандидатское сочинение. Им также опубликован «Курс буддийского обучения» под названием «Устные наставления Манджушрия» [Бобровников, 1856, ч. XVII]. В. П. Васильев считал А. А. Бобровникова буддологом наравне с О. М. Ковалевским, А. В. Поповым, Г. Гомбоевым [1858, с. 90]. А. А. Бобровников, занимаясь монгольским буддизмом, изучал логику буддизма в канонических текстах «Данжура» и «Ганжура», а также и по словарю «Источник мудрецов», без них невозможно постичь постулаты буддизма и его философию.

В библиотеке Казанского университета тогда хранился терминологический словарь «Источник мудрецов», который числился по «Каталогу...» О. М. Ковалевского [1834, с. 262]. Н. И. Ильминский не раз жаловался, что буддийские тексты в монгольских переводах по своей сложности и темноте слога не уступали философским сочинениям античных авторов и Г. Гегеля.

А. А. Бобровников как исследователь уловил логические основы в словоизменении и словообразовании в монгольских языках, открыл для себя и поздних грамматистов. Заметим, что авторы «Грамматики Пор-Рояль» строго следовали логике как научному течению, один из них был выдающимся логиком рационализма.

Думается, эти пособия А. А. Бобровников читал, без знаний содержания их грамматической части просто невозможно создать новый труд. Отдельные положения этих книг так или иначе попали в поле зрения А. А. Бобровникова, помогли ему строить контуры и перспективу своей «Грамматики...» Вот, например, в труде Бобровникова употреблены слова и термины из «Общей и рациональной грамматики» такие, как «языкоучение», «периоды», «супинумы», «эллипсы» и др. Вся архитектоника его грамматики основана на понятиях, суждениях и умозаклучениях, взятых из исторической, буддийской литературы и нарратологии на монгольском языке.

Этот метод автора по формальной логике точно определил В. М. Надеяев: «Положив в основу классификации слов формальные признаки грамматической изменяемости и ее характера, А. А. Бобровников наметил три разряда: склоняемые – имена, спрягаемые – глаголы, неизменяемые – частицы» [1988, с. 76–77]. Эти разряды, обнаруженные Бобровниковым в грамматике монгольского языка, являлись у него одной из концептуальных постулатов его методологии.

Касаясь его знаний из области универсальных грамматик, надо сказать, что Бобровников, как и его предшественники, был осведомлен в общих чертах. Составляя «Грамматику...», он в порыве своей «эврики», «забыл» труды своих наставников, хотя и они являлись работами «старого образца». Д. Банзаров явно лукавил, что Бобровников и прежде «взял картину, и померил ее в раму» [1997, с. 155].

Бобровников использовал «*Jirtikep-ü tolta*» и труд Агвандандара Алашанского «*Kelen-ü čimeg*». На основе изучения вводной части грамматики А. А. Бобровникова Ш. Лувсанвандан [1967, с. 14] утверждал, что автор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» руководствовался основными концептуальными положениями «*Kelen-ü čimeg*» Агвандандара. А. А. Бобровников в дополнении к своей грамматике включил «алфавит для выражения слов тибетских и санскритских», в разработке которого использовал тибетскую грамматику на монгольском языке под названием «Докбарълава» и «Гэгэн толи»

(Светлое зеркало) (гл. X) для обозначения их соответствий в калмыцком языке [Бобровников, 1849, с. 374].

Грамматика А. А. Бобровникова изначально рассматривалась автором и руководством КДА как учебное пособие, поэтому он имел право не указывать научные источники, так как учебники сами по себе бывают компилятивными.

Касаясь способностей Бобровникова в изучении и освоении иностранных языков, Н. И. Ильминский заметил, что «вообще он не любил языков: по-латыни знал он не очень хорошо, по-французски – мало, по-немецки – вовсе ничего не знал» [1865, с. 418].

Вся методология труда А. А. Бобровникова была удачным синтезом научных инноваций европейской, русской и монгольской филологии на развивающейся основе грамматической теории того времени.

Для написания своей грамматики А. А. Бобровников обработал огромный лингвистический материал, ставший составной и источниковой базой его труда. Он, выводя и составляя правила монгольского и калмыцкого языков, проникал в суть грамматических законов на основе логики вещей и трезвого взгляда на семантику обрабатываемого им материала. Им привлечены в виде иллюстративной фактологии отрывки из хроники Саган Сэцэна Ордосского, калмыцких летописей и уложений, примеры из народного эпоса о Гэсэре. Выбор «Гэсэра» им отнюдь не случаен. А. А. Бобровников не обучался в гимназии, как Д. Б. Банзаров. Будучи его консультантом, знал текст эпоса досконально. Ковалевский и Попов изучали «Гэсэр» у А. В. Игумнова в Иркутске. Полученные знания они передавали на этот раз бурятским гимназистам. Д. Банзаров как носитель языка и человек образованный интерпретировал язык эпоса совершенно на новом этапе, что послужило более верным аргументом в пользу Бобровникова-грамматиста.

Лингвистическая база его труда в корне отличалась от источниковых основ его предшественников. База «Грамматики калмыцкого языка» А. В. Попова в какой-то мере близка к материалам Бобровникова, однако выборка примеров у последнего совсем иная, подчас молодой грамматист гораздо прозорлив и находчив в изучаемых языках. В этом плане Д. Банзаров [1997, с. 134–135, 157] совершенно прав, когда образно писал, что «из одной бани, да разные вести». На наш взгляд, некоторые примеры переведены на русский язык опосредо-

ванно, не совсем точно, что и порождало неверное толкование в его же правилах. В силу верно подобранных иллюстративных материалов А. А. Бобровниковым были сделаны содержательные замечания и убедительно обоснованные в грамматическом плане правила – выводы сделали его работу замечательной для того времени, классической для последующих поколений лингвистов.

1.5.2.3. «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова: структура и состав

Грамматика А. А. Бобровникова состоит из целого ряда компонентов, представляющих структуру труда в детальном рассмотрении, выявлены взаимные внутренние единицы, создающие единое целое. Грамматика Бобровникова-младшего имеет внешнюю и внутреннюю структуры. В целях раскрытия их обратимся к оглавлению книги, которое состоит из предисловия, вступительной части «О письме и чтений», морфологии, этимологии с введением, распадающейся, в свою очередь, на три главы, и Синтаксис, состоящий из четырех глав, даны ко всей структуре прибавления, охватывающие азбуку для выражения санскритизмов и тибетизмов. Каждая часть, за исключением вступительной и дополнительной, состоит из глав, основной корпус напоминает «Начертания всеобщей грамматики» из курса философии Л. Г. Якоба [1812], повторяет многое из грамматик монгольского языка его предшественников из § 559, прибавление имеет § 58, опечатки и ошибки отмечены в «Дополнениях и поправках». Касаясь объема грамматики О. М. Ковалевский [1851, с. 166] совершенно верно указал на то, что его «книга слишком большая, по размерам и составу для ученика слишком велика, для учителя же неудовлетворительна». Поскольку параграфы в виде выводимых правил монгольского языка составляют весь базис книги, то весьма справедливы замечания рецензента по этому поводу, утверждавшего, что «длинные и слишком отвлеченные в учебнике места иметь не должна» [Там же, с. 166]. Стилль изложения грамматики тяжел и малопонятен, так как автор сам затруднялся в решении тех или иных грамматических проблем монгольского языка. Ему хотелось все вопросы грамматики монгольского языка подать в системном изложении. Все параграфы и главы между

собой хорошо согласованы, имеют логические связи. Очевидно, автор применил некоторые методы и приемы «Грамматики Пор-Рояля».

1.5.2.4. Анализ монгольского алфавита и «ясного письма».

Фонетика монгольского и калмыцкого языков

в сопоставительном плане

Автор новой грамматики, как и его предшественники, начал со вступительной части «О письме и чтении», где изложены основы двух родственных систем письма, также наметил контуры звукового строя монгольского языка, временами обращаясь к особенностям фонетики калмыцкого наречия.

«Монгольско-калмыцкий язык имеет 7 гласных и 19 согласных звуков, для выражения которых монголы употребляют 20, а калмыки – 27 букв» [Бобровников, 1849, с. 13]. В своей работе автор находит 7 гласных: *a, e, i, o, u, ö, ü*, согласных, по подсчетам Ш. Лувсанвандана, включил 17: *γ, x, g, q, ng, č, (ts, tč), j (cz, dz) y, d, t, u, v, s, š, l, m, r*; согласные *p, v* он отнес к галикам, т. е. знакам для передачи в монгольском языке тибетизмов и санскритизмов [1967, с. 12]. Оказывается, монгольский алфавит дан автором по «*Jirüken-ü tolta*» [Балданжапов 1962а, с. 24, с. 70].

А. А. Бобровников, отмечая сущность построения этого письма, писал: «Буквы, входящие в состав одного слова, соединяют между собой посредством вертикальной черты, служащей им основанием, пишут сверху вниз, располагая строки от левой руки к правой» [1849, с. 1]. Затем он привел таблицу монгольского и ойратского (старокалмыцкого) языков на основе «худам бичиг» (уйгурского письма) и «тодо бичиг» (ясного письма) со своей транскрипцией монгольского алфавита на основе кириллицы, которая у него названа просто «произношением».

Г. П. Сердюченко [1967, с. 201–202] в своем труде, содержащем обзор различных транскрипций, применявшихся ранее и употреблявшихся в советском востоковедении, определены те положения, без учета которых нельзя строить единую русскую транскрипцию для языков зарубежного Востока (табл. 4).

Уйгуро-монгольский алфавит и «ясное письмо»
 (сравнительная таблица алфавитов А. А. Бобровникова [1948])

Монгольскія.			Калмыцкія.			Произношеніе.	Монгольскія.			Калмыцкія.			Произношеніе.
Въ началѣ.	Срединѣ.	Концѣ.	Въ началѣ.	Срединѣ.	Концѣ.		Въ началѣ.	Срединѣ.	Концѣ.	Въ началѣ.	Срединѣ.	Концѣ.	
ш		ш	х	х	х	в		ш		ш	ш	нг	
ч		ч	х			з		ч		ч		ц. ч.	
ц		ц	х	х	о	и	ц	ц		=		д. л.	
к		к	д	д	о	о				д		і	
г		г	д	д	о	у		д		д		д	
н		н	д	д	о	о	д	д		д		т	
р		р	д	о	о	у	д	д		д		н	
л		л	д			хд	д	д		д		б	
з		з	д			гд	ч	ч		ч		с	
с		с	д			кхэ	н	н		н		ш	
п		п	д			гв	д	д		д		д	
т		т	д			ка	т	д		д		м	
д		д	д			к	д	д		д		р	
			Не пишутся.							Не пишется.			

В описании графики монгольского «худам бичиг» и ойратского «тодо бичиг» А. А. Бобровников, пользуясь сведениями из «Jirüken-ü tolta», принял слоговую систему письма, потому не различает в этой части работы букву, звук и слог. Графическую систему букв двух родственных азбук он представил параллельно, предпочитая главной и исходной монгольскую, ойратскую как дополнительную в виде оговорок. Эти описания состоят из двух параграфов – «Замечания о начертании букв» и «Однообразные начертания в монгольском письме». А. А. Бобровников [1849, с. 32], анализируя особенности графем и знаков уйгурско-монгольского письма, подверг критике этот алфавит, допускающий говорение на монгольском языке в зависимости от диалектов, их отражение на письме согласно традиционному консерватизму их алфавита, этот принцип мешает найти систему письменности и фонетические черты двух языков: монгольского и калмыцкого.

Возможно, в параграфах «Однообразные начертания в монгольском письме», «Произношение букв», «Долгие гласные» Бобровниковым-младшим дан звуковой строй монгольско-калмыцкого языка.

А. А. Бобровников вслед за О. М. Ковалевским [1835, с. 9], касаясь закона сингармонизма, писал: «В монгольском языке (равно и в калмыцком) гласные твердые (cingya): А, о, у (а, о, у) не могут находиться в одном слове с гласными мягкими или глухими (kündüi): э, ö, ү, (е, ö, ü); почему и слова по звуку разделяются на твердые и мягкие. Почему если известно произношение одной из гласных букв, уже можно приблизительно определить произношение прочих» [Бобровников, 1849, § 11, с. 6]. Свое правило автор доказывает на примерах монгольского языка вполне убедительно. О. М. Ковалевский [1835, с. 9] объяснял этот закон в более доходчивой форме: «Гортанные 'qoγulai-yin oγun-ača γaraγsan üsüg' согласные х, г, к, кг, гласные разделяются на три разряда: к первому принадлежат твердые а, о, у, (а, о, и), ко второму – мягкие э, ү, (е, ü), к третьему – средняя и (i)». Все эти закономерности были известны в собственно монгольских грамматиках «Jirüken-ü tolta» [Балданжапов, 1962а, с. 24–25, 70–71]. Эти разряды, описанные О. М. Ковалевским, представляющие сингармонизм в звуковом строе монгольских языков в современной лингвистике названы тремя фонематическими группами, распадающимися на твердый, мягкий и нейтральный артикуляционные ряды. Употребление этих фонетических терминов в монгольском языкознании приписыва-

ется ошибочно лишь одному А. А. Бобровникову [Бураев, 1959, с. 114; 1962, с. 8].

И. Д. Бураев [Там же, с. 129–161], трактуя природу гласных в современном бурятском языке, опирается на сингармонизм, восходящий номинально к «*ᠵᠢᠷᠦᠨᠦᠯᠲᠤ*», который был введен в монгольское языкознание О. М. Ковалевским, а Бобровников-младший следовал за своим наставником, лишь уточняя и объясняя закон сингармонизма.

А. А. Бобровников внес новое в объяснении закономерности долгих гласных и их редукции. Он рассмотрел аспекты ударения и акцентуации в монгольских языках. Уделил много внимания природе долгих гласных в фонетике монгольских языков. Произношение долгих гласных описал таким образом: «...долгота их зависит от присутствия придыхания... Придыхание... произносится не перед гласным и не после ее, а во время самого произношения гласной, совершенно сливаясь с нею. Например, для того чтобы произносить долгую гласную [a] с твердым придыханием, нужно дать гортани такое положение, какое она принимает при произношении глубокого гортанного звука [g], при этом положении произнести гласный звук [a], так однако, чтобы не вышло слога “га”» [1849, с. 12–13].

Г. Д. Санжеев теряется в догадке, что имел в виду автор под словом «придыхание», полагая, что «речь идет именно о гортанной смычке. Неясно также, у кого наблюдал А. А. Бобровников такое «произношение»: у калмыков или у бурят...» [1977, с. 155].

Ж. Цолоо [1976] идею А. А. Бобровникова считает не более, чем остроумной догадкой автора. Г. М. Сердюченко на основе лингвистических работ Г. Д. Санжеева, Б. Х. Тодаевой и других, возможно, и Бобровникова-младшего, отмечал: «Система гласных в монгольском языке представляет собой довольно сложное явление... Краткие гласные фонематически противопоставляются здесь долгим гласным. Долгие гласные выступают то как обычно долгие, то как сверхдолгие» [1967, с. 200]. С. Галсан считает, что долгота была изучена Я. И. Шмидтом и А. А. Бобровниковым как самостоятельное фонетическое явление. «Долгие гласные образовались путем ассимиляции по закону гармонии гласных, так, например, *taulai – tūlai* ‘заяц’, *qauli – qūli* ‘закон’; *keūken – kūken* ‘девушка’» [1975, с. 43].

Вопрос о возникновении долгих гласных на месте сочетания «гласный + согласный + гласный» (VCV), или (ГСГ), вызывает в монгольской лингвистике споры до сих пор, о чем достаточно много ска-

зано в современном монголоведении. Еще А. А. Бобровников отметил феномен долготности гласных или, по его выражению, «удаан»: «Калмыки для выражения долгих гласных букв с твердым придыханием употребляют следующие знаки: у, ү, ᠪ, ᠬ, а, э, ю, jᠦ (ю), jᠠ (я), ц, jэ (э), или (после букв о и ө) j᠔ и j᠔̄» [1849, с. 18].

Это положение А. А. Бобровникова Ш. Лувсанвандан [1969, с. 104] передает следующим образом: «А. А. Бобровников утверждал, если за гласным ставить *i*, то не будет долгой гласной *i*, но будет уа (*ē*) или уэ (*ē*), затем станет и или ү, тот самый знак *i* за гласной превратится в уи или үй». Академик считает, что вывод А. А. Бобровникова получился противоречивым, носит в себе двойственный характер. Еще Б. Лауфер [1927, с. 22] в 1907 г. в своем обзоре писал, что ойраты, создав свою письменность на основе маньчжурского письма, сделали вариант монгольского алфавита с тем только важным отличием, что каждому отдельному звуку соответствует определенный графический знак, в то время как в восточно-монгольском известные парные звуки, как например: *o* и *u*, *a* и *e* в инляте, *d* и *t*, *y* и *j* выражаются посредством того же самого одинакового письменного изображения; калмыцкий отмечает также долготу гласных поперечной черточкой». Ни один монголист-фонетист не проходит мимо факта «удāн» в своих исследованиях по монгольским языкам.

В. И. Рассадин [1982, с. 38–59], И. Д. Бураев [1987, с. 75–81], А. А. Дарбеева [1996, с. 44–68] в своих фонологических трудах подвели определенные итоги. Однако вопрос долготности стоял и стоит ныне в сравнительной фонетике монгольских языков, он останется проблемным и в будущем. Говоря конкретно о комплексе долготности в монгольских языках, надо отметить и знак «-» в ойратском, калмыцком и других монгольских языках, что говорит о его жизнеспособности в фонетике этих языков. В этом плане очень любопытны замечания С. Хаттори [Hattori, 1961, p. 457], гипотезу его поддержал Ш. Лувсанвандан [1969, с. 106–109]. Сущность гипотезы С. Хаттори заключается в том, что «звукокомплекс, состоящий из сочетания смычного *g* (в позиции между краткими гласными) с краткими гласными, не образует долгого гласного, например: *daya* – ‘следовать’, но *dayā* – ‘поднять’ развился в современном *dā* – даах ‘поднять’ [Hattori, 1961, p. 457–459], т. е. выпадение щелевого интервокального *γ* перед последующим долгим гласным (*dayā* –> *da'fa* –> *dā*) создало реаль-

ные условия для образования долгих гласных» [по: Дарбеева, 1996, с. 48].

Ш. Лувсанвандан гипотезу С. Хаттори развил дальше, увязав с догадками Г. И. Рамстедта о различии в ударении гласных. Позицию С. Хаттори поддержал и Н. Н. Поппе. А. А. Дарбеева [1996, с. 49] думает, что В. И. Рассадин [1982, с. 42–46] прав, когда он принимает эту синтезированную точку зрения, взятую у С. Хаттори, Ш. Лувсанвандана, наиболее вероятную в свете всех фонетических дискуссий. А. А. Дарбеева приходит к очень любопытному выводу, что «наличие разных рефлексов одинаковых по написанию слов старописьменного монгольского языка в современных монгольских языках, которые рассматривались как крупные недостатки старого письма при переходе монголов на кириллицу. Однако современный монгольский алфавит таит в себе немало сложных аспектов фонетики и фонологии монгольских языков, которые, однако, являются делом будущего» [1996, с. 49].

Ученик Ш. Лувсанвандана Г. Жамьян в своей работе «“Ясное письмо” и некоторые особенности его орфографии» обратился к проблеме долгих гласных в ойратском письме, приписываемом Зая-пандите. Г. Жамьян, по происхождению дербет из Западной Монголии, знал хорошо свой говор. Все-таки мнения С. Хаттори и Ш. Лувсанвандана оставались пока лишь рабочими гипотезами в истории монгольского языкознания. В его работе приведены примеры с долготой на первом слоге, например: *сāд* ‘помеха’, *д᠗ᠡр* ‘наверху’ или на втором: *дол᠔н* ‘семь’; *д᠔р᠔* ‘стремя’ соответствуют *долāн*. По мнению В. И. Рассадина, положение, выдвинутое Г. Жамьяном [1970, с. 152] о том, что «в древнем монгольском языке гласный, находящийся после синкопированного позже интервокального -г- или -j-, был долгим, например, саᠭад (\rightarrow саᠬᠠᠭад \rightarrow саᠭᠠᠳ \rightarrow сāд), а не саᠭад ‘помеха’, лишь было подтверждением догадок С. Хаттори и Ш. Лувсанвандана, не более» [1982, с. 44]. Г. Д. Санжеев, переводчик статьи Г. Жамьяна «Обозначение долгих гласных в ойратском “ясном письме”», совершенно справедливо отмечал, что «интерпретация знака в ойратском письме Г. Жамьяном оправдана...» в свете исторической фонетики монгольских языков и диалектов. «Полагаем, что знак “-” в “ясном письме” передавал не долгий ā или ᠡ, а ударный -ā-, или -ᠡ-, т. е. вместо *улаāн*, по реконструкции Жамьяна, должно быть *улаāн* ‘красный’» [1972, с. 153].

П. Ц. Биткеев считал, что исходной основой положения Г. Жамьяна «послужил факт, что в ойратском «ясном письме» встречаются написания типа qarid ‘возвращаясь’, qan̄uqū ‘кашлять’, külisün ‘путы’, yavūd ‘идя’, mōrgūd ‘поклоняться» [1995, с. 133]. Он полагал, что гласные *i*, *ü*, *ü* имеют соответствия не только в калмыцком, но и в других монгольских языках. «Учитывая закономерности таких соответствий, Г. Жамьян предложил транслитерировать знак «удāн» как -ā-, -ē-, например, qarīād, qanīāqu, yabiād» [Там же, с. 133]. По Г. Жамьяну, «знаки тибетского письма b <-> “удāн” “ясного письма” соответствуют санскритской долгой гласной букв *i*, употребляемой в середине слова» [по: Биткеев, 1995, с. 134]. Ш. Лувсанвандан обосновал правомерность выдвигаемых Г. Жамьяном идей об «удāн» таким образом, что «ясное письмо» четко отражает звуковую систему говоров ойратского языка. Он считал, что составители «использовали метод internal reconstruction, а также с учетом систем квадратной, индийской, тибетской письменностей – использован метод external reconstruction» [Лувсанвандан, 1969, с. 104–105; 1970, с. 185].

П. Ц. Биткеев нашел в трактовке удāн Г. Жамьяна ряд неточностей и выдвинул свои аргументированные возражения. Диакритический знак долготы не мог быть применен, так как этот алфавит ничего лишнего не имел, при этом указано, что диакритическими знаками отмечалась согласная буква х. «Единственная черточка на внутренней стороне вверху отличала букву “к” от буквы “g”» [1995, с. 136]. Иным возражением против объяснения Г. Жамьяна об удāне как ā- (-ë /или á/ć/) является ограниченное употребление *i*, *u*, *u* (со знаком удāн).

Х. Лувсанбалдан, возражая постулатам Г. Жамьяна, писал, что *i* – результат использования в «ясном письме» морфологического принципа орфографии [1973, с. 261]. Биткеев считал, что Х. Лувсанбалдан прав в том отношении, когда привел факт, взятый из рекомендаций орфографической конференции в Урумчи в 1957 г., гласящей о том, чтобы сохранить при присоединении суффиксов в словах гуттурального ряда основы, оканчивающиеся на *i*, например, в основу *biçi* – ‘писать’ сохранять *i*, чтобы не получилось *biçeçi* ‘писатель’ [1995, с. 137].

Н. К. Верба защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Древнемонгольский комплекс с интервокальным согласным и его

эквиваленты в современных монгольских языках». Это исследование носит историко-фонетический характер. Работа написана на хорошей фактологической базе, автор выдвигает тезис о том, что «распад комплексов обусловлен самим интервокальным положением согласных, которые, переходя в спиранты, ослаблялись и выпадали» [Верба, 1978, с. 3]. Автор шла по готовой схеме пяти комплексов, обнаруженных Б. Я. Владимирцовым в монгольском письменном: 1) сочетаниям $v+\gamma-g-\gamma+v$; 2) комплексом $v+w+v$; 3) сочетаниям $v+n+v$; 4) полудолгим v ; 5) комплексам $v+w$ [Владимирцов, 1929, с. 193]. Неизвестно, по каким данным Н. К. Верба эти комплексы сразу же приписывает к долгим гласным древнемонгольского языка. Автор соглашается с точкой зрения Г. Жамьяна лишь в том, что знак *удān* передавал краткие гласные *a* или *e*, и утверждает, что это вполне обосновано с точки зрения графики *тодо бичиг* [Верба, 1978, с. 9].

По авторитетному мнению В. И. Рассадина, главная идея диссертации Н. Вербы не выдерживает никакой критики, «поскольку в таком случае остается необъясненной причина развития из *-aγu-*, например, *-ū-*, а не *-ā-*, из *-egū-*, *-ū-*, а не *-ē-* и т. п., а также почему стал спирантизоваться интервокальный согласный и ряд других вопросов» [1982, с. 44]. Таким образом, процесс эволюции древнемонгольских комплексов, их характеристика по этапам развития соответственно формам их функционирования в диалектах и говорах современных монгольских языков Н. Вербой раскрыты неполно, ее интерпретации исторической фонетики монгольских языков в силу их сложности оказались поверхностными, малоубедительными. Так, вопрос о знаке «-» остается пока спорным, очевидно, дискуссии по нему еще продолжатся. Этот знак прочно вошел в историческую фонетику монгольских языков и историю письменности монголов.

Ш. Лувсанвандан считал, что Г. И. Рамстедт, Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе рассматривали *áě, oě, ei, ul, üt* как парные гласные. Так, тонкие наблюдения А. А. Бобровникова они оставили вне своих научных интересов. В результате чего, по их мнению, возникли слогаобразующие и слогаобразующие краткие гласные [1969, с. 109].

А. А. Бобровников писал о выбрасывании гласных, в настоящее время именуемое выпадением редуцированных гласных. «Беглое произношение “а” в разговоре, выбрасывание гласных бывает в коротких средних слогах, когда предгласное и после нее до ближайших гласных находится только по одной согласной. Например: *tamaγa*» ‘пе-

чать' произносится тамга *toliyai>tolyai* 'голова' толгой» [Бобровников, 1849, с. 36]. Н. Н. Убушаев это явление называет выпадением редуцированных гласных [1979, с. 82–83].

В одной из новейших работ по «ясному письму» ойратов Синьцзяна (2004) в дискуссию по поводу *jyḡān* Намжавын Содмон внес одно немаловажное уточнение. Он пишет, что такое написание, как *i+ygan* в основе слов, например, *čig* 'важность' *imi* 'такой', *timi* 'такой', редко встречающееся в старописьменных источниках, не следует считать способом обозначения долготы *i*, а можно признать частным изобретением автора или стремлением к единообразию. На основе анализа идей своих предшественников вносит достаточно убедительное доказательство, где, в частности, сказано, что «относительно долгого гласного *ö* в диссертации сделан вывод, что долгое *ö* “ясного письма” происходит из старописьменных монгольских долготных комплексов *oᠣᠣ*, *aᠣᠣ*, *iᠭa* с гласным [o] в первом слоге, подтверждением чего могут быть следующие примеры: *qoᠣᠣsun>qöᠣsun* 'пустой', *jobayaqu>zoböxu*, *toᠣᠣlaqu>töᠣlaqu* 'мучить'; *toᠣᠣloluqu>töᠣlo ta qu* 'считать'» [Содмон, 2004, с. 13].

Автор показывает тесную связь долгих гласных в этих двух письменных системах. Он с уверенностью утверждает, что элемент *эдэс* 'петля', '*gedesün* 'брюхо', следующий на письме за гласными *u*, *ü*, *i*, произносится как губно-губной щелевой *w*, который совпадает с положением Б. Я. Владимирцова [1929, с. 253], что процесс развития дается в такой схеме *awa>aᠣa>ā*; *awu>aᠣu>ü*. Автор работы на основе веских доводов, прикрепленных к позициям крупнейших монголистов, считает эти черты фонетики ойратского языка являются отражением прамонгольского языка, бытовавшего до появления монгольской письменности [Содмон, 2004, с. 13]. Эти наблюдения носителя собственной языковой культуры вполне уточняют наши представления об *удān*. Он внес свою лепту в разрешении ныне спорных вопросов в этом непростом деле лингвистической реконструкции.

Если раньше составление Зая-пандитой «ясного письма» единодушно утверждалось 1648 г., то сейчас это положение пересматривается. И это стало возможно благодаря исследованиям памятников «ясного письма», обнаруженных в последние годы. По мнению Н. Содмона [2004, с. 9], «ясное письмо» было изобретено значительно раньше, чем в 1648 г. Эта позиция возникла на основе убедительных замечаний ряда ученых-кодикологов, занимающихся вопросами твор-

ческого наследия Зая-пандиты. Так, М. Уни-Улаан обнаружил находки образцов «ясного письма» в Турфане, написанных задолго до 1648 г.

Вполне понятно, что монголоеды XIX в. по причине малоизученности образцов «ясного письма» придерживались 1648 г. как даты появления письма. Такое мнение удержалось и до наших дней, но усилиями ойратоведов внесено исправление. Это и есть мифологема «ясного письма», сделавшая его сакральным от имени буддийской церкви.

Другим важным аспектом монгольской фонологии и стихосложения является ударение. Вопрос об ударении в монгольском языке изучали все языковеды XIX в. и решали его по-разному. О. М. Ковалевский писал, что «в монгольских словах ударение по большей части бывает на последнем слоге» [1935, с. 19]. А. А. Бобровников почти вторит своему наставнику, утверждая: «Повышение тона, или ударения, в монгольско-калмыцком языке бывает всегда на последнем слоге» [1849, с. 33]. Такого же мнения об ударении в монгольском языке придерживался и Бобровников-старший [1835, с. 17]. Ударения по своей силе напряженности и тональности могут быть разными, а могут и отсутствовать в слове. Ударения бывают фразовые, логические, тактовые. Лингвисты XIX в. говорили лишь о словесных ударениях.

Таким образом, мы рассмотрели вопросы монгольской и ойратской грамматики и фонетики монгольского и отчасти калмыцкого языка в научной интерпретации А. А. Бобровникова, которые сохранили свою значимость и в наши дни, так как не выброшены из арсенала современного монгольского языкознания, а продолжают жить, вызывая дискуссии.

1.5.2.5. Вопросы лексики и морфологии двух родственных языков в научном изложении А. А. Бобровникова

А. А. Бобровников, сломав старую конструкцию морфологической системы монгольского языка, выдвинул на ее место объединенные три части речи — это имена, глагол и частицы.

Такое деление частей речи в монгольских языках, предложенное А. А. Бобровниковым, было новым для монголистов, но отнюдь не для грамматистов того времени. М. В. Ломоносов в своей «Россий-

ской грамматике» писал: «Изображения словесных вещей называются имена, напр.: небо, ветер, очи; изображения деяний – глаголы, напр.: синее, веет, видят. Итак, понеже они всегда вещь или деяние значают, по справедливости знаменательные части слова названы быть могут» [Ломоносов, 1952, с. 406]. Подобное рассмотрение частей речи и класса слов восходит к античной теории именования, считавшей слово как ведущее начало, делавшей их классификацию по реалиям, образующим лексику: выделяли имена, признаки вещей и действия.

Этот подход к решению имен в монгольских языках, найденный автором, тогда был новаторским и оригинальным, отвечающим сущности слов и словоформ, каковыми они должны быть в природе самого языка. Но подобное решение именных классов слов оставалось долгое время объектом малоизученным в морфологии монгольских языков.

Деление частей речи в монгольских языках произведено А. А. Бобровниковым по-своему. Согласно постулатам формальной традиционной логики, имена склоняемы, глаголы спрягаемы, частицы неизменяемы. В действительности же имена распадаются на существительные, предметные, качественные, прилагательные, числительные и местоимения. В неизменяемые части речи включены наречия, послелого, частицы, союзы и междометия. Если имена и глаголы, наречия и послелого являются знаменательными частями речи, то частицы и союзы, междометия – служебными словами.

А. А. Бобровников позаимствовал у предшественников закономерности лексем разделяться на словоизменение как склоняемые в именах, спрягаемые в глагольных формах, уточнив их функции в грамматике монгольского языка. В этом отношении он предвосхитил свое время. Так, в монгольской филологии возникла формальная классификация словоформ. Имена во многих европейских грамматиках подразумевают имена существительные, прилагательные, числительные. А. Бобровников-младший к именам присоединил и местоимение. Классификацию морфологической структуры слов в монгольских языках он представил в виде схемы, сделанной В. М. Наделяевым [1988, с. 77] (рис. 1).

Ф. Ф. Фортунатов и его ученики разработали формальную классификацию частей речи, ведущим основанием которой служит характер форм словоизменения. В таблице 5 представлена классификация М. Н. Петерсона [Камчатнов, Николина, 1999, с. 128].

Рис. 1. Классификация морфологической структуры слов в монгольских языках

Таблица 5

Классы слов

Слова, имеющие формы словоизменения		Неизменяемые слова (вчера, здесь, лучше, молча, сидеть, на, увы, кенгуру, вы, но, ах)
а) слова, имеющие падежные формы (Сократ, человек, я, пять, кто)	б) слова, имеющие форму рода (хорош, первый, был, умирающий)	
в) слова, имеющие форму лица (читаю, говорю)		

А. А. Бобровников выделил как неизменяемые наречие, частицы и междометия. Он же считал, что имена и вербоиды соответственно склоняемы и спрягаемы. Приняв за основу слов монгольских языков перечисленные имена, отказался от таких терминов, как имена существительные и прилагательные, так как они противоречили установкам самого автора.

Именные классы слов в интерпретации А. А. Бобровникова как объект историко-лингвистического анализа: теория и практика

Поздние монголисты, касаясь новизны А. А. Бобровникова по именам: предметным, качественным, относительным, лишь констатировали это терминологически, даже не цитируя его правила. Впрочем,

эти правила как предметы для классов слов необходимы для решения дискуссионных отчетов по этим лингвистическим аспектам.

А. А. Бобровников дает к ним такие толкования: «Предметное имя есть название того, что представляется самостоятельно, отдельно существующим, будет ли это действительный предмет или явление, действие и состояние. Например: *kütün* ‘человек’; *γајар* ‘земля’; *gerel* ‘свет’; *küsel* ‘желание’; *dayūp* ‘голос’» т. д. (§ 87). «Качественное имя есть название того, что представляется существующим не отдельно, но в предметах, как их качество или признак. Например: *sayin* ‘добро’, ‘добрый’, *ünep* ‘истина’, ‘истинный’; *тауи* ‘зло’, ‘злой’, ‘худой’, *кага* ‘чернота’, ‘черный’» [1849, с. 52].

Относительные имена определены им в следующем понятийном плане: «Имена относительные дают понятие о предмете не по существу его, а по его отношению к другим предметам. Например: *qutuγ-tu* ‘святой’, ‘имеющий святость’; *malči* ‘пастух’, ‘занимающийся скотом’» [Там же, с. 55].

А. А. Бобровников верно уловил переходность, логическую изменяемость слов или словосочетаний в свете семантических интерпретаций сказанного в зависимости от их контекста в потоке речи говорящего.

Приведем еще одну любопытную деталь, интерпретирующую, например, относительные имена: «Употребляются они (относительные) так же, как имена качественные, но отличаются от них в этимологическом отношении тем, что не изменяют своей формы для показания степеней качества» [Там же].

А. А. Бобровников совершенно верно отмечал, что «образ бытия предметов» такой, что «нельзя указать ясной границы между именами предметными и качественными... Имя предметное может быть употреблено как качественное, когда один предмет относится к другому как материал или как форма его; говорится *čilayūn ger* ‘каменный дом’; *elesūn šikir* ‘песчаный сахар’ (букв. песок-сахар), хотя слова *čilayun* и *elesūn* по значению и употреблению в других случаях должны быть именами предметными» [Там же, с. 53–54].

В досоветском монгольском языкознании, по-видимому, господствовала позиция последователей концепции по именовым классам слов по Бобровникову.

В. Л. Котвич воспринял формальный подход и терминологию деления морфологической структуры слов А. А. Бобровникова, при

этом он поднял статус предметных, качественных и относительных имен и выровнял их со всеми частями речи [Котвич, 1902, с. 52]. В. М. Наделяев, изучавший все положения В. Л. Котвича, отмечал, что он определил остальные части речи, кроме именных, по семантическому признаку [1988, с. 77]. По нашему мнению, В. Л. Котвич выделения А. А. Бобровникова по именам лишь уточнил и пересказал. По В. М. Наделяеву [1988, с. 77], схема В. Л. Котвича может быть объяснена в таком виде:

В. М. Наделяев охарактеризовал суть объемов, например, в следующем сопоставлении:

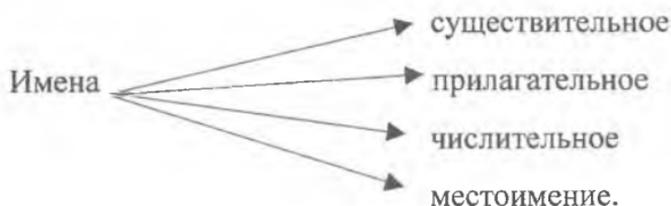
1) название самостоятельно существующего или мыслимого самостоятельно существующим;

2) название признака, который, в частности, может мыслиться самостоятельным («в качестве понятий самостоятельных»), т. е. может быть названием мыслимого самостоятельно существующим;

3) название признака по отношению к другому предмету; но это отношение отнюдь не исключает того, что названный признак может мыслиться самостоятельно существующим [1988, с. 78]. Впоследствии В. Л. Котвич понял ошибочность своей трактовки по аспектам имен и восстановил прежнюю классификацию частей речи в работе «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» [1915, с. 35], остался верным ей и во втором издании калмыцкой грамматики [Он же, 1929].

Известный монголовед А. Д. Руднев в своих «Лекциях по грамматике монгольского письменного языка» словарный состав данного языка объединил в «три отдела»: имя, глагол, наречие [1905, с. 29, 56–57, 60]. В отличие от Бобровникова он возвратился к классификации частей речи прежних монголоведов, подразделив имена на существительное, прилагательное, числительное и местоимение согласно се-

мантическому принципу. А. Д. Руднев деление имен по А. А. Бобровникову предполагает «еще больше допущений» (т. е. вольностей. В. Р.). Классификация по Рудневу может быть отражена в следующем виде [Наделяев, 1988, с. 79]:

Г. Ц. Цыбиков преподавал монгольский язык более 30 лет в университетах и институтах, средних учебных заведениях Владивостока, Иркутска, Верхнеудинска (Улан-Удэ) и в Агинской средней школе. Им составлены «Пособие к практическому изучению монгольского языка» (1915), «*Buriyad mongγul-un nom bičig-ün kelen-ü dūrim*» (Грамматика бурят-монгольского письменного языка. Верхнеудинск, 1924). Эта книга была переведена Л. Д. Шагдаровым (1993) на русский язык как лучшее пособие.

Г. Ц. Цыбиков придерживался в классификации имен традиции европейских грамматистов. «Установить в монгольском языке, как и в других восточных языках, строгое различие между именами существительными и прилагательными почти невозможно, — писал он, — ибо те и другие, без изменения основ, по значению заменяют друг друга. Скорее, различать их можно по месту, занимаемому ими в предложении» [1915, с. 54]. Таким образом, он определял имена на основе синтаксического принципа. Создав «Граматику бурят-монгольского письменного языка» в 1924 г. на родном языке, Г. Цыбиков следовал за А. А. Бобровниковым, подразделив части речи в монгольских языках на три группы: имя, глагол и частицы. Уточнив положение А. А. Бобровникова, он включил в раздел «имя»: существительное, прилагательное, числительное и местоимение. Л. Д. Шагдаров [1976, с. 100] считает, что Г. Цыбиков определил эти имена в современном понимании. У.-Ж. Ш. Дондуков отмечал, что ««Грамматика бурят-монгольского письменного языка» оказала неоценимую услугу в деле обучения учащихся-бурят грамоте, особенно в первые годы культурной революции» [1960, с. 178].

Происходили также весьма интересные эволюции во взглядах по морфологической структуре слова в монгольских языках у Н. Н. Поп-

пе и Г. Д. Санжеева, сделавших на этой стезе много полезного. По мнению В. М. Наделяева [1988, с. 79], в работах Поппе 1931–1936 гг. шел по схеме А. А. Бобровникова – В. Л. Котвича – А. Д. Руднева, Г. Ц. Цыбикова, выделяя в изучаемых ими языках лишь три части речи – имя, глагол и частицы, междометия. Он, как и другие лингвисты, в делении частей речи стоял на синтаксическом принципе. Н. Н. Поппе освещал наречия как «имена с неполной склоняемостью», или же как «дефектные, недостаточные» имена [1937, с. 51]. Впоследствии он отошел от этой точки зрения.

В период культурного строительства в СССР были поставлены новые цели и задачи в деле аккультурации и ассимиляции нерусских народов. С 1920-х гг. началась ликвидация неграмотности* народов Сибири и Поволжья. Противники традиционной системы обучения родным языкам были репрессированы. Стали составлять новые учебники родного языка по директивам органов образования. В связи с этими мероприятиями встал вопрос по написанию новой академической «Граматики бурятского языка», были разработаны научные основы школьных учебников по родному языку. Тогда вновь разгорелись споры по морфологии и синтаксису бурятского языка, преследующие прежде всего практические задачи. В действительности, они носили чисто научно-дискуссионный характер.

Г. Д. Санжеев [1955а, с. 5–17] на конференции по основным вопросам бурят-монгольского языка в 1952 г. в Улан-Удэ сделал многоплановый доклад: «Грамматический строй бурят-монгольского языка», который вызвал большую полемику среди бурятской интеллигенции и учителей-родноведов.

Д. А. Алексеев опубликовал статью о частях речи бурят-монгольского языка на страницах газеты «Бурят-монгольская правда» [1952, № 232, с. 3], которая была подвергнута серьезной критике Ц. Б. Цыдендамбаевым [1955, с. 41–46]. Взгляды Г. Д. Санжеева и Д. А. Алексеева по этим аспектам были детально изучены, они давали определенные ориентиры в трактовке основных теоретических аспектов морфологии бурятского языка, отчасти рассматривались и вопросы синтаксиса, так как эти разделы грамматики взаимосвязаны, хотя и были подвергнуты серьезной критике. По итогам научной конференции по кардинальным вопросам бурятского языкознания было решено

* В программе советологов в те годы отмечался резкий переход указанных народов на грамотность на русском языке.

подготовить и издать «Граматику бурятского языка» в двух частях, которая была издана в Москве в 1962 г. под грифами Института языкознания, Института народов Азии и Бурятского комплексного НИИ. Выход «Граматики...» в свет явился большим событием в научной и культурной жизни бурятского народа.

Классификация частей речи в монгольских языках, по Г. Д. Санжееву, была отвергнута бурятоведами, о чем можно судить по материалам научной конференции 1953 г. [1955а, с. 18–73]. Полемика на конференции 1953 г. по докладу Г. Д. Санжеева была воспринята В. М. Наделяевым [1988, с. 81] не в пользу научных интересов первого. А. А. Дарбеева – автор раздела «Имя прилагательное», М. Н. Орловская – автор раздела «Имя существительное» не разделяла спорное нововведение А. А. Бобровникова. Такой подход к именам имеет свою логику. В академической «Грамматике бурятского языка» выделяется 10 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, частица, союзы и междометия. Столько же их указывается в последнем обобщающем академическом издании «Языки мира. Монгольские языки» [Дарбеева, 1997, с. 45–47]. Такая классификация частей речи явилась результатом длительной дискуссии, которую еще в середине XIX в. начал монголовед А. А. Бобровников [Бураев, Шагдаров, 2004, с. 246].

У.-Ж. Ш. Дондуков [1958, с. 157–177; 1969, с. 29–49] в своих академических обзорах возвращал нас к событиям, происходившим в условиях научной дискуссии 1953 г. и до нее, вплоть до времен А. А. Бобровникова. Этим самым автор попытался раскрыть сущность влияния тех лет на эволюцию морфологии и синтаксиса бурятского языка.

Г. Д. Санжеев пытался организовать всесоюзную дискуссию по именным классам слов, опубликовав полемическую статью в журнале «Вопросы языкознания», редакция в примечании писала следующее: «Вопросы, поднимаемые в статье, заслуживают обсуждения, прежде всего, с таких точек зрения: 1) в наших конкретных формах должен выражаться исторический подход к проблеме определения системы частей речи в современном языке; 2) в какой мере возможно говорить о тождественной или общей системе частей речи в семье языков; 3) каким должно быть соотношение морфологического, семантического и синтаксического критериев при определении системы частей

речи в конкретном языке (или конкретной группе языков)» [Санжеев, 1952, с. 84].

К сожалению, на страницах этого журнала дискуссии не получалось, так как участников было крайне мало, была опубликована только критическая статья Д. А. Алексеева [1955, с. 34–47], другие монголисты не откликнулись на призыв издания.

Касаясь трудностей в определении именных слов, Г. Д. Санжеев утверждал, что «лексико-семасиологический, морфологический и синтаксический приемы определения принадлежности того или иного слова к соответствующей части речи могут быть использованы с успехом лишь в том случае, если они применяются дифференциально, в зависимости от группы рассматриваемых слов» [1959, с. 45–46]. Так было сказано в 1960-х гг., когда в советском языкознании наступил относительно зрелый период развития. Однако тогда монгольское языкознание в СССР только начинало свой путь в планомерном развитии.

Г. Д. Санжеев также отметил, что в ходе разработок научных основ грамматической теории в алтайских языках «между языковедами наметились существенные разногласия» [1953а, с. 145]. Он писал, что «одни языковеды стали на ту точку зрения, что в монгольских языках, так же, как и в индоевропейских, имеются имена существительные и прилагательные, тогда как другие вслед за А. Бобровниковым утверждали, что в этих языках наличествуют предметные и качественные имена, но зато отсутствуют категории имен существительных и прилагательных» [Там же]. Сторонниками А. А. Бобровникова он считал себя, Д. А. Алексеева и Д. Д. Амоголонова. Последователи А. А. Бобровникова считали, что в монгольских языках слова типа *модон* 'дерево' являются именами предметными, которые в синтаксическом употреблении не меняют своей лексико-грамматической природы и лишь в переводе на индоевропейские языки соответствуют именам (но только предметным) существительным, или именам (но только относительным) прилагательным.

Сторонники Бобровникова считали слова *сайн* 'добрый' или 'доброта' качественными именами, которые только в переводе на индоевропейские языки соответствуют качественным существительным 'доброта' или качественным прилагательным типа 'добрый' [Там же, с.146].

Столь оригинальное решение вопросов именных частей речи Д. А. Алексеев [1955, с. 38] объяснил так: его нововведения заключались в том, что «из общей категории имен он выделил так называемое «относительное имя», которое совпадает в функции определений с прилагательным. Заметим, что относительное имя, то есть имя производное от именных же основ, вовсе не указывает на специфику монгольского языка, ибо оно характерно для многих других языков, а потому выделение его А. А. Бобровниковым излишним» [Там же, с. 35].

А. А. Бобровников, включая в свою концепцию о частях речи в монгольских языках имена относительные, пояснил, что имена «дают понятие о предмете не по существу его, а по его отношению к другим предметам» [1849, с. 55]. Г. Д. Санжеев [1953а, с. 145] и М. Н. Орловская отмечали, что у последователей Бобровникова этот термин больше не употреблялся, последняя из которых вполне верно утверждала: «Выделение имен относительных в самостоятельную часть речи мало оправдано» [1961, с. 4].

Н. Н. Поппе, например, писал, что «...наши предметные и качественные имена представляют собой совсем не то, чем являются предметные и качественные у Бобровникова. Этот монголовед был на правильном пути, он заметил, что одни имена отличаются от других специфическими особенностями, и установил две категории их, но в основу своей классификации имен на предметные и качественные он положил несущественный признак» [1940, с. 161].

Г. Д. Санжеев рассматривал именные части и классы слов параллельно, указывая на их отличия друг от друга, выделял в предметных именах: вещественность, абстрактность и логику вещей; в качественных – качество, свойство, признаки [1953а, с. 124–126]. «Некоторые монголисты в категориях имени выделяют имена предметные, в неопределенной позиции соответствующие русским существительным, а в определенной – прилагательным (монг. төмөр бий ‘имеется железо’, но төмөр зам ‘железная дорога’) и имена качественные – качественным прилагательным и наречиям образа действия (морины хурдан ‘быстрота коня’, хурдан морь ‘быстрая лошадь’, хурдан явна ‘быстро идет’» [ЛЭС, 1990, с. 306]. Итак, по Г. Д. Санжееву, именные части речи и классы слов почти аналогичны.

В. М. Надеяев [1988, с. 79–81] проанализировал взгляды Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеева и Д. А. Алексеева по именам в общем

плане. По Г. Д. Санжееву: «Суть здесь заключается в том, что если имена прилагательные других языков обозначают признаки только предмета, то качественные имена в монгольских языках выражают признак как предмета, так и действия, а равно признак, абстрагированный от субстанции («доброта»). Таким образом, имена существительные и прилагательные, с одной стороны, и имена предметные и качественные, с другой, относятся друг другу как линии горизонтальные и вертикальные, пересекающие друг друга» [1955а, с. 146]. Здесь автор объяснял слово «сайн», находящееся в одной форме, семантически – в разных толкованиях содержания. Так, он был близок к философскому объяснению А. Ф. Лосева. Ученый уловил процесс изменения семантических парадигм привлекаемых им слов и словоформ.

Идеи Т. А. Бертагаева по именным частям речи, построенные на лексической базе бурятского языка, стоят особняком [1956, с. 32–64]. В одной из своих статей в основу деления частей речи он положил лексический и грамматический критерии, выделив на основе последнего морфологический и синтаксический уровни.

Т. А. Бертагаев «разделил слова на классы: 1) перфективные и 2) идеосемантические, в которых расширил пространство семантики слов, выделив в последнем классе слов лексико-грамматические и грамматические разряды слов. Он замечает, что прилагательное не терпит каких-либо грамматических изменений, а неизменяемость, соответственно нулевая форма его, есть нормальное грамматическое положение. Его свойством как части речи является противопоставленность существительным. Прилагательное и существительное не совместимы в одних и тех же условиях словесного окружения, как бы внешне не совпадали (ср. модон 'дерево' и модон 'деревянный')» [1968, с. 240, 243]. Т. А. Бертагаев в своей монографии дал характеристику общемонгольских грамматических аффиксов, их структуры, значения, функции. Он рассмотрел природу строения слов монгольских языков по-новому.

В. М. Надеяев, представляя обзор различных взглядов монголоведов-лингвистов в русском и советском монголоведении на именные части речи, считал наиболее устойчивым семантический принцип индикатора имен, обнаруживающий в оборотах косвенное проявление «предмета как признака другого предмета, абстрагированного от данного предмета» [1988, с. 83]. Также он считает, что синтаксический

функциональный признак не является единственным критерием выделения частей речи в монголоведении.

Таким образом, на основе анализа взглядов монголоведов-грамматистов на классификацию частей речи в монгольских языках, на базе различных мелких критериев определения морфологической структуры слова в монгольских языках В. М. Надеяев сформулировал семантико-функциональный аспект в морфологии и впервые в отечественной монголистике подтвердил жизненность идей А. А. Бобровникова. До него Ш. Лувсанвандан при идентификации именных частей речи в монгольских языках исходил из семантико-функционального аспекта в морфологии монгольских языков [1956, с. 40].

Ц. Цыдыпов (1958) и В. И. Рассадин [1982] также рассматривали вопросы о частях речи в бурятском языке, при этом они придерживались традиций о классах слов, идущих от А. А. Бобровникова.

Е. А. Кузьменков в одной из своих статей вновь обращается к спорам, связанным с классификацией частей речи в монгольских языках [1991, с. 48–63]. Он выдвинул новый подход в решении спорных аспектов классификации частей речи в монгольских языках и нашел оптимальные критерии в морфологической структуре на уровне членения текста – цельность (критерий Дж. Гринберга), идеоматичность (критерий Лу Чживэн) [Там же, с. 40–51].

По определению Е. А. Кузьменкова, сказанное выше Бобровниковым подразумевало «контекстуальную константу», являющуюся зависимым окружением словоформ. Контекст употребления каждой словоформы определяется соответствующим глаголом-сказуемым, это контекст подчинения [Там же, с. 51].

Предметные и качественные имена, входящие в состав именных частей речи монгольских языков при всей строгой логике вещей, не могут заменить имена существительные или прилагательные, так как они противоречат грамматическим нормам естественного языка. На наш взгляд, предметные имена – это словоформы, не являющиеся универсальными, поэтому предложенное Е. Кузьменковым [Там же, с. 49] выражение «класс слов» как альтернатива грамматического названия «часть речи», условно связанного с общей и внутренней характеристикой слов, считаем вполне удачной.

Е. А. Кузьменков рассмотрел весь комплекс имен, включая существительные, прилагательные, местоимение и числительное. Основной акцент сделан на имена предметные и качественные. Проанали-

зировав предложенные критерии Г. Д. Санжеева, Д. А. Алексеева [1955], Н. Н. Поппе, Ш. Лувсанвандана, он обнаружил, что данные лингвисты брали свои объекты в широком плане, по Е. А. Кузьменкову, следовало их изучать на конкретном, ограниченном уровне словоформ. Его приемы в характеристике констант весьма сложны и многоплановы; состоят из словоизменений, дистрибуций словоформ, тематической классификации, аналитических правил (текст→смысл) и синтетических (смысл→текст) знаковой системы, по В. Я. Проппу.

Мы уже говорили, что классификация имен, впервые предложенная А. А. Бобровниковым, у Е. А. Кузьменкова [1991, с. 56] рассматривается как языковые единицы вида (семантика класса/дистрибуция класса). Словообразованию частей речи ученый придает классную специфику [Там же, с. 60]. А статью Д. А. Алексеева считает неудачной [Там же, с. 51–52]. В отдельных моментах, по его мнению, примеры подобраны у него не лучшим образом: в них не учтена полисемия слова *дерево* ‘древесина’, предлагая вместо *модоной орой* ‘вершина дерева’, например, *модоной шанар* ‘качество древесины’ [Там же, с. 52]. Возможно, здесь автор прав в том плане, если в словоформе *модон гэр* иметь в виду *модон* как строительный материал.

Он же, анализируя *модон гэр* вслед за Н. Н. Поппе, отмечает как «особое сочетание» и вплотную подходит к проблемам лингвистики текста, точнее, к членению текста, его композиции, о чем уже говорили [Там же, с. 53].

Е. А. Кузьменков вполне справедливо указывает на то, что аргументы полемистов того времени «приводятся в терминах частей речи, что нам представляется не вполне корректным – определение объектов классификации происходит фактически после классификации. Подобная рекурсия была бы допустимой, если бы речь шла о каком-то маргинальном, малозначительном фрагменте языковой системы» [Там же, с. 51].

К сказанному надо добавить, что в те годы изучение классов слов в монгольских языках только начиналось, отсутствовали и сведения о них на материале других языков. Общие положения А. А. Бобровникова по этим классам слов были лишь начатками и контурами для лингвистов вообще.

Расплывчатость и полисемантность классов слов не давали языковедам повод перейти на новшества в классификации структуры языка монголов из-за сложности природы речи.

Л. С. Чареков [1984, № 3; 1999, с. 153–154] обнаружил сходства частей речи и класса слов не только в монгольских, но и тунгусо-маньчжурских языках. По мнению О. П. Суника, «достаточно четко определить категориальную принадлежность конкретной словоформы можно лишь учитывая всю совокупность парадигматических и синтагматических особенностей данной словоформы» [1982, с. 6–8] и «отрицалась необходимость выделения каких-либо специфических алтайских частей речи» [Чареков, 1999, с. 153]. В. А. Аврорин придерживался точки зрения Г. Д. Санжеева.

Классы слов Л. С. Чареков рассматривает как полифункциональность синкретических форм, как конверсию, т. е. как переход одной части речи в другую. Он отмечает, что эта точка зрения высказана в работах А. Л. Юлдашева* и детально изучена в труде Ф. А. Ганиева** на материале татарского языка [Там же, с. 153].

С. Л. Чареков классы слов и части речи в алтайских языках, с функциональной точки зрения подразделяет на четыре типа: существительное/прилагательное; прилагательное/наречие; существительное/наречие; существительное/прилагательное/наречие. Эти ярусы подвергаются семантической классификации внутри, «причем одно из значений выделяется в качестве ведущего, и тогда оно ставится на первое место, например: существительное/прилагательное и прилагательное/существительное» [Там же, с. 154]. Он проанализировал множество словоформ, обрисовав весьма любопытную картину изменчивости лексем.

Семантический принцип в классах слов в монгольских языках как оптимальный подход к решению проблемы

В. М. Надеяев, рассмотрев взгляды лингвистов-монголоведов по классу слов и частям речи в монгольских языках, выдвинул собственную классификацию монгольских слов, которая распадается на ряд критериев: это семантический, лексический, категориально-грамматический [1988, с. 88–109]. Из этих принципов, по его мнению, выделяется семантический критерий как основной, который образовал структурно-семантическое единство, что на лексико-грамматической основе позволяет выделять два значения – лексическое и категориально-грамматическое [Там же, с. 88–89].

* Юлдашев А. Л. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М., 1972.

** Ганиев Ф. А. Конверсия в татарском языке. – Казань, 1985.

Лексический признак в монгольском слове дан В. М. Наделяевым в главе II, § 4, согласно чему монгольские слова состоят из трех пластов лексики: вещественные, формальные и экспрессивные слова [1988, с. 89].

По его концепции, вещественные слова, в которых основным значением является вещественность, выполняющая словесное воплощение понятия. Эта группа слов универсальна, выполняет все реальные значения грамматики, создает возможности функционирования слов в речи, формулируя мысли в предложении. Основное значение таких слов – формальность (словесное воплощение грамматического значения). Эта группа слов в формальном плане играет служебную роль. Экспрессивные слова – это междометия [Там же, с. 89–90].

В. М. Наделяев на основе критического анализа взглядов своих предшественников наметил определенный компромисс. В отличие от них, которые располагали классы слов и части речи – существительное и прилагательное параллельно (например, Г. Д. Санжеев, Д. А. Алексеев и др.), он отмечал в предметной группе слов монгольского языка онтологию конкретных предметов, которая названа им субстантивностью [Там же, с. 83]. Он доказал, что «грамматическое значение субстантивности является дополнительным к вещественному лексическому значению в пределах основы, поэтому квалифицируется как категориально-грамматическое значение, которое ... более наглядно проявляется при словообразовании. Например, при образовании глагольных основ мал(а)л – ‘пасти скот’, багш(и)л – ‘учительствовать’ снимается субстантивность, то есть предметная отнесенность исходных лексико-грамматических основ «мал» ‘скот’, «багш» – ‘учитель’» [Там же, с. 93]. Этот класс слов он именовал общим названием «существительные». В прилагательных монгольского языка он отметил наиболее характерную сущность в категориально-грамматическом значении, которое получило название субъективность. Но адъективность монгольских прилагательных, по его мнению, может быть вскрыта косвенным путем [Там же, с. 96–97] (рис. 2).

Этот принцип В. М. Наделяев называет семантической классификацией монгольских слов, в которой весь пласт вещественных слов включает слова-названия, местоимение заменено местословием в разряде слов-указаний. Принцип этой классификации, выработанный В. М. Наделяевым, очевидно, пока никем не принят и не отвергнут, предвосхищает и концептуально созвучен с идеями авторов РСС.

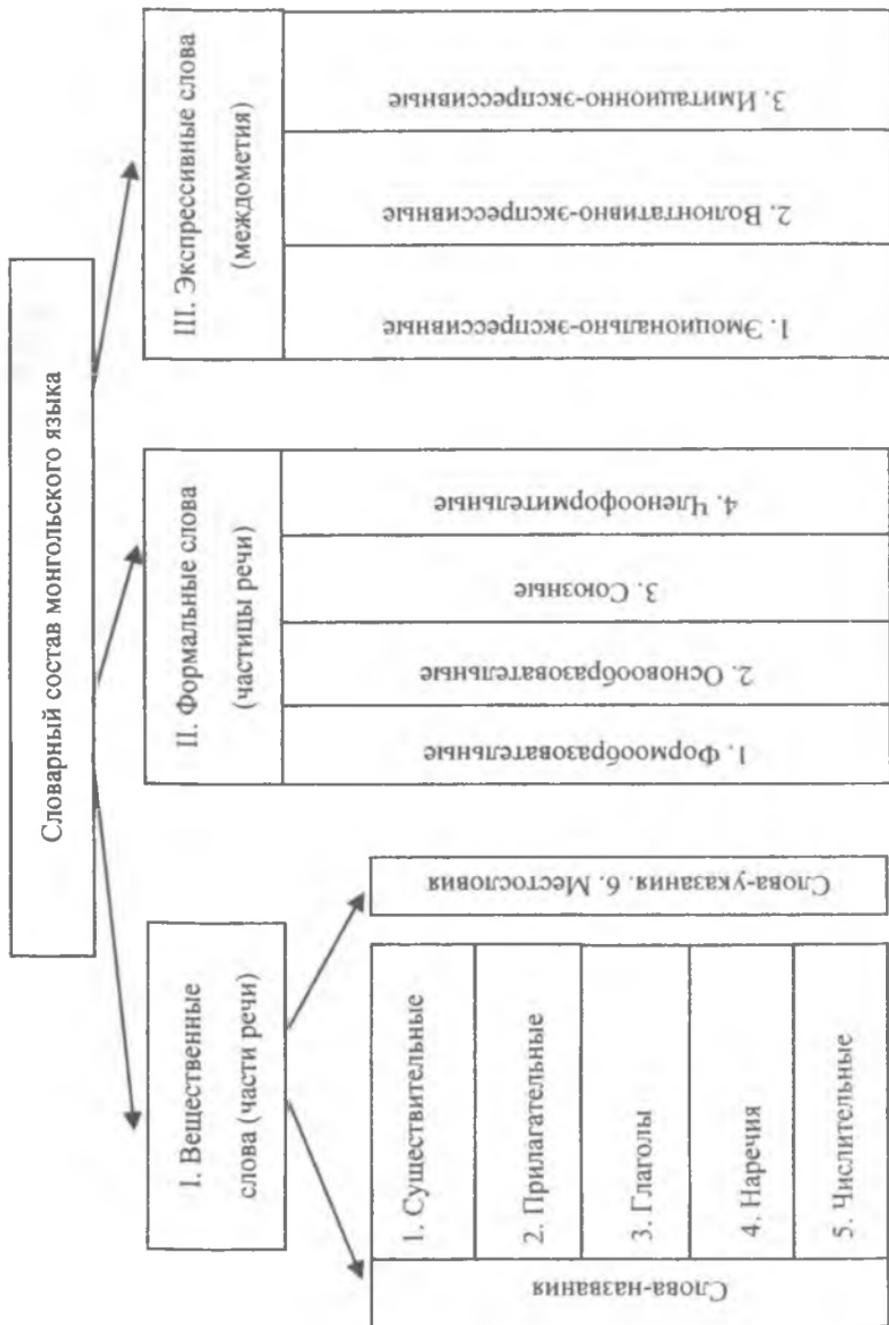

Рис. 2. Семантическая классификация монгольских слов [по: Надеяев, 1998, с. 108]

В наши дни проблема классов слов и их значений стала объектом исследований лингвистов-русистов, Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ), где большой отряд русистов-лингвистов (лексикологов и лексикографов) под руководством Н. Ю. Шведовой разрабатывает и систематизирует толковый словарь в шести томах под общим названием «Русский семантический словарь» (РСС), отдельные тома которого уже увидели свет.

Эта группа составителей выработала общую концепцию создания такого рода лексикологического и лексикографического издания, которую можем найти в предисловии этого научного и практического издания. Предисловие состоит из 11 параграфов, имеет в своем составе подразделы: «Теоретические основы словаря» (§ 1–5), «Задачи словаря. Его источники» (§ 6–7), что представляет макроструктуру РСС, затем следуют принципы микроструктуры РСС (т. е. сущность словарных статей и их состав) (§ 8–9), «Научное и практическое значение словаря» (§ 10–11). Каждый том снабжен классификациями (схемами), пояснениями, которые сопровождаются комментариями.

Для нас имеют принципиальное значение концептуальные предпосылки этого систематизированного пособия, плод многолетней деятельности не только разработчиков РСС, но и целого поколения лексикографов XIX–XX вв. Приведем наиболее, на наш взгляд, ценные и приемлемые для восточных языков теоретические положения из этого предисловия. Его авторы утверждают, что «лексическая система живет по законам, общим для любой живой естественной системы: она активно функционирует и при этом находится в постоянном развитии, в конечном счете, определяемом жизнью ее подсистем и их взаимодействием; изменения, происходящие в том или ином участке, его утраты и пополнения, прямо или косвенно обязательно сказываются на всей организации и стимулируют происходящие в ней процессы» [Шведова, 2002, с. 7]. Авторы отмечают консервативность, стабильность процессов, происходящих в общей исторической лексике языка, лишь подчеркивают, что в них есть незначительные изменения внутриязыковой динамики. Язык ими рассматривается как живая постоянно развивающаяся, при этом постепенно идущая вперед система, как живой целостный организм.

Лексика языка, по их концепции, первична, а грамматические категории вторичны по отношению к первым, при функциональной грамматике они глобализируются, начинают действия, так обеспечивается общение человека с человеком.

В основе теории РСС положен тезис, согласно которому «данно-самым языком деление всего словесного состава на части речи является исходным членением лексики, абстрактное значение части речи, выраженное в грамматических категориях и формах, представляет высшую ступень отвлечения от лексических значений всех тех слов, которые входят в данную часть речи и ее образуют. Все части речи русского языка существуют в системе: 1) слова указующие (местоимения), 2) слова именующие, 3) слова собственно связующие – союзы, предлоги (т. е. послелогои), связки и их аналоги, 4) слова собственно квалифицирующие – модальные слова и сочетания, частицы и их аналоги, междометия» [Шведова, 2002, с. 7] (рис. 3).

Схема, заимствованная нами из РСС, показывает, что составители нашли строение лексического древа с выделением макроклассов: частей речи.

Концепция РСС основана на исследованиях ряда поколений русских и зарубежных лингвистов XIX–XX вв. и отнюдь не является неожиданностью для нашего времени. Класс слов как отдельные единицы лексики без грамматических категорий приводит нас в тупик. Значение слова и абстракция между собой хорошо взаимосвязаны. Авторы РСС утверждают, в лексическом составе языка есть «картинки жизни», присутствующие в лоне класса слов, раскрывают читателю всю гамму проявлений самой действительности во всех их тенденциях.

Слова и понятия в грамматических субстанциях находятся в трех типах абстракции. Ю. С. Степанов писал: «...называем их соответственно: 1) абстракция предметов, признаков и действий – номинация; 2) абстракция связей между предметами – предикация; 3) абстракция отношений человека к месту и времени речи – локация» [1975, с. 122].

Вернемся к монголистам, писавшим о классе слов в монгольских языках. В более серьезной форме классификация частей речи в монгольском языке была затронута Н. Н. Поппе, позже была предложена Г. Д. Санжеевым и его последователями, называвшими себя сторонниками А. А. Бобровникова, дискуссии 1960-х гг. ничего нового в решении данной проблемы не принесли, а лишь возбуждали к ней интерес лингвистов.

В. М. Наделяев нашел оптимальный вариант компромисса, к сожалению, его гипотеза оказалась не совсем удачной.

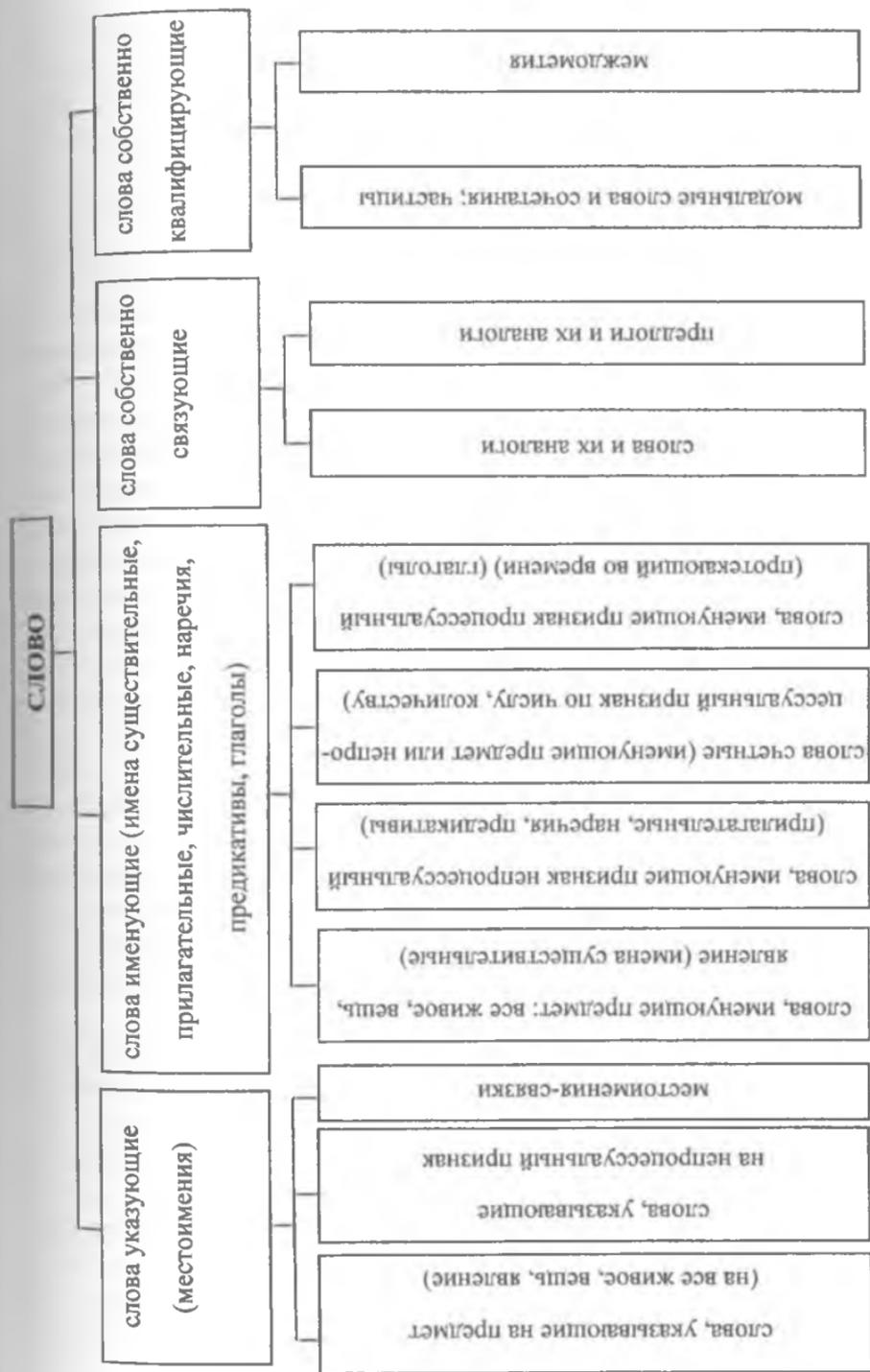

Рис. 3. Общая классификация лексики

Г. Д. Санжеев и Д. А. Алексеев класс слов и части речи в монгольских языках давали в параллелях, но, как показывают итоги работы русистов-лингвистов, классы слов и части речи остаются в одном поле взаимодействия, в чем мы убедились выше. Монголистам-лингвистам открылось ныне большое поле деятельности на ниве семасиологии монгольских языков. Такова история изучения класса слов в монгольских, алтайских и русских языках. Новейшие исследования по другим языкам дают шанс на опыте успехов и неудач монголистов XX в., опираясь на достижения русской семасиологии и монгольской лексикографии, предпринять новое перспективное исследование в этом направлении.

Вернемся к А. А. Бобровникову, который в условиях начальной стадии монгольского языкознания в XIX в. смог дать лишь общие контуры класса слов, предвосхитив свое время. Он дал свое описание словообразования и склонения имен в своих представлениях объекта. Заметим, что сторонники А. А. Бобровникова в силу состояния и развития языкознания в целом не смогли разрешить полемичность проблем по именованным классам слов в монгольских языках более точно.

Лингвисты-монголисты, изучавшие глагольную систему, стали ныне как-то классифицировать слова в глаголах, например глаголы движения и т. д.

Класс слов в функциональной грамматике монгольских языков действует как средство общения по законам категориальных способов грамматики. Именно здесь происходит взаимодействие частей речи с лексикой в системе этих категорий, сами классы слов в более точной форме отражают сущность слов и словоформ в условиях жизни и общественной функции народа-творца и строителя данного языка.

Классы слов в монгольских языках в контексте общелингвистических и философских проблем

Ю. С. Маслов классы слов сближает с акциденциями частей речи, возникшими на основе формальных показателей. Так, «в китайском языке глаголы и прилагательные, вступая в функции сказуемого, могут непосредственно сочетаться с подлежащим, например, *Tā láiile* 'Он пришел'. *Tiānqì léng* 'погода холодная', существительное же в функции сказуемого сочетается с подлежащим только при посредстве связки *shì*, например, *Tā shì xuěsheng* 'Он студент' (сказать просто "*Tā xuěsheng*" нельзя). И именно это неспособность быть сказуемым без помощи связки является основным формальным признаком китайского существительного» [1998, с. 157].

Что такое акциденция? «Акциденциями частей речи называют их грамматические категории, разные в разных языках и по тому не составляющие «сути» данной части речи, но в своей совокупности служащие проявлением этой “сути”» [Маслов, 1998, с. 157].

Л. В. Щерба писал, что «...форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о знаке, не констатируя, что это значит», но «нет категорий, не имеющих формального выражения» [1957, с. 77].

Ю. С. Маслов, основываясь на этих критериях, что и Л. В. Щерба, называл «общей категорией», под которую подводится лексическое значение. «Предметность, составляющая грамматическое значение имени существительного, вытекают отдельные акциденции данной части речи». Ученый считает термин «части речи» употребляется в лингвистике неудачно [1998, с. 155]. Ведь, части речи – это классы слов, принятые в грамматиках шведского, датского и других языков. Класс слов – это поле научных поисков отдельных теоретиков. Но такие языки, как китайский, в котором функцию языка выполняют звуки и их политональность, что породило иероглифическую письменность. Мы уже приводили один пример из работы Ю. Маслова, иллюстрирующий свойство китайских слов в предложении. В классе слов главным становится логика, знак истинно сказанного.

А. Е. Бочарников отмечает, что в лингвистике существует, как и «в любой отрасли знаний, центральные понятия, на которых базируется данная система знаний. В лингвистике такими понятиями являются знак, значение, смысл, в философии языка – истина и референция» [2003, с. 5]. В речи говорящего он находит целую цепь связей между главными и второстепенными понятиями: «Знак отсылает к тексту, текст – к социальным нормам, социальные – к пресуппозициям, пресуппозиции к правилам сочетаемости ограничений, и так до тех пор, пока мы не возвращаемся, в конце концов, к исходным понятиям» [Там же].

А. Ф. Лосев говорил об интерпретации высказанного таким же образом. А. Е. Бочарников возвращается к «герменевтическим установкам» – “*subtilitas intelligendi*” ‘понимание’, “*subtilitas applicandi*” ‘применение’, ибо всякое понимание согласуется ... с внутренними установками получателя» [Там же, с. 6], т. е. говорящего.

Классы слов нашли свое объяснение у философов, которые не лишены своей основы и логики. Эти решения к пониманию этого фе-

номена в языках вписываются в интерьеры «онтологически-энергичной концепции языка». А. Ф. Лосев, составивший ряд работ по языкознанию на основе философских толкований, считал, что «язык всегда есть некоторого рода интерпретация» [1977, с. 309]. Он выделял в речи человека, будь то слово или категория, совмещающиеся неразрывно, но и не слитно два акта: акт предметной направленности и акт понимания этой предметности. «Мышление данного предмета стремится дать мыслительную формулу данного предмета в том виде, как этот предмет существует сам по себе, независимо от тех или других точек зрения на него. Акт понимания имеет своей целью выдвинуть в данном предмете одни стороны и отодвинуть, затемнить другие, с целью так или иначе понять этот предмет и в том или ином свете сообщить его другому сознанию» [Там же, с. 311].

Суждение говорящего через акт понимания «можно назвать интерпретацией предмета» [Там же]. Он же считал, что интерпретации по своему характеру могут быть: предельными, т. е. объективными, реальными и приближенными [Там же, с. 112], что заключается в коммуникативной роли грамматических категорий.

Философы, занимающиеся проблемами онтологии сознания, а также ряд ученых по феноменологии и экзистенциализму давно обращали свои взоры на классы слов как сознание в действительности. Е. А. Алексеева пишет: «В порядке эксперимента, изменения установки («естественной») сделаем следующее: поставим между миром и сознанием непрозрачную преграду, проверим эмпирические соотношения с реальностью наших представлений ... Как бы мир ни воздействовал на нас, все эти воздействия мы можем «прочитать», проинтерпретировать, синтезировать и т. д. ... представлены сознанию. Сознание работает со своим собственным материалом, в котором нет ни грамма “вещества”» [1989, с. 126]. Еще Р. Декарт сформулировал эту проблему так: «Вещи должны быть рассматриваемы по отношению к нашему интеллекту иначе, чем по отношению к их реальному существованию». Итак, он сводил все слагаемые к процессу «простые вещи» по закону дедукции служат для образования дедукции других вещей [цит. по: Там же, с. 127].

Конструирование вещей в акте понимания принимающей стороны от передающей А. Ф. Лосев как-то обошел вниманием. Вот почему для ясного понимания констант, классов слов важно определить, как

это делается в сознании человека, улавливающего эти мысли, идеи и т. д.

Таким образом, сторонники А. А. Бобровникова не могут быть забыты совсем, так как суть вещей в развитии монгольских языков бытует и не исчезает как таковая. Существование, по Г. Д. Санжееву, четырех имен имеет право на жизнь лишь в сугубо научных интересах ученых. Е. А. Кузьменков классы слов считает константами, уводящими нас в языковую картину мира лингвокультурологии, сами по себе они интересны и не лишены научного объяснения.

Итак, весь спектр аспектов по классам слов или словосочетаний попытались рассмотреть наиболее полно на основе объяснений монголоведов-лингвистов – от А. А. Бобровникова до Г. Д. Санжеева и их последователей, а также толкование А. Е. Кузьменкова, представлявшего взгляды монголистов на феномен классов слов. Считаю весьма существенным привлечь воззрения Ю. Маслова, А. Ф. Лосева и философов по социологии сознания. По-видимому, в рамки всех этих лингвистических и философских, логических аспектов феномен класса слов, возможно, станет вполне понятным и доступным для монголистов и алтаистов в целом.

Возникновение классов слов и частей речи, выраженные словоформами, несомненно, связано «дуальной» структурой сознания. «Выделены и подлежат исследованию два уровня: сознание сознания и бытие сознания, или уровень рефлексивный и бытийный» [Алексеева, 1989, с. 135]. Главное, в этих срезах процесс шел бы во взаимосвязи в режиме *cogito*. Но это дело будущего философии, онтологии сознания.

Склоняемые проспрягаемые и неизменяемые в монгольских языках в освещении А. А. Бобровникова

А. А. Бобровников разработал основательно падежную систему в монгольских языках в отличие от предшественников своего времени. Его классификация падежей в целом сохранила значение до сих пор. Так, он использовал по падежной категории положения «Jigüken-ü tolta tayilbüri» и «Kelen-ü čimeg» Агвандандра, «Грамматики» Панини.

А. А. Бобровников падежную систему монгольских языков рассматривал в семи номинациях и в их пределах формы склонения с помощью суффиксов, оформляющих эти падежи [1849, с. 88]. Он постарался дать названия падежей в подлиннике, позаимствовав из Ё-

rüken-ü tolta [Бобровников, 1849, с. 88]. Например, лингвистический термин «падеж» *teyin ialyal* (тийн ялгал).

А. А. Бобровников в монгольском языке нашел семь падежей: именительный, родительный, винительный, исходный, местный, творительный и соединительный [Там же]. Он привел монгольское название падежа – именительный (*ċinar tedüyiken üjegülügen*) ‘указывающий на сущность’; родительный (*udq-a-yi qolbaysan*) ‘связывающий смысл’; исходный (*yarqu uy-i üjegülügen*) ‘указывающий выход из чего-либо’; местный (*bui orun-i üjegülügen*) ‘показывающий конкретное местное’; творительный (*üyiledügċe-yi üjegülegsen*) ‘указывающий на действующее лицо’.

Названия падежей в источнике были неполными. В грамматике падежи просто пронумерованы. Падежная терминология в грамматиках монгольского языка нашего времени представлена в нижеследующей номенклатуре: именительный ‘*нэрлэхийн тийн ялгал*’; родительный ‘*харьялахын тийн ялгал*’; дательно-местный ‘*өгөх оршихын тийн ялгал*’; винительный ‘*заахын тийн ялгал*’; исходный ‘*гарахын тийн ялгал*’; орудный ‘*үйлдэхийн тийн ялгал*’; совместный ‘*хамтрахын тийн ялгал*’.

Как видим, названия падежных форм претерпели значительные изменения после XVIII в., т. е. со времен Данзандагбы и его последователей.

З. К. Касьяненко в своем кратком грамматическом очерке указывает синтаксические функции падежей в современном языке в оптимальном варианте [1968, с. 12]. Заметим, среди монголистов нет единого мнения в отношении природы деления падежей, поэтому существует разнобой, который создает споры.

Г. Д. Санжеев [1963, с. 55–56], Б. Х. Тодаева [1951, с. 57] в монгольском языке выделяют три типа склонений: простое, двойное, притяжательное (возвратное). А. А. Бобровников раскрыл семантику падежей с помощью объяснения смысловой нагрузки суффиксов, присущих для конкретных типов падежных образований. Это триединство склонения имен было верно понято им и его предшественниками.

Описание падежных форм у А. А. Бобровникова очень сильно детализировано, правила им объяснены натянуто. К некоторым падежам даны длинные примечания, которые для учащихся явно составляли затруднения, впрочем, поздним лингвистам были очень полезными,

особенно не для носителей языка. Ряд правил даны с учетом фонетики *удан*. Вместе с тем автор включил правило двойных падежей: родительный – исходный; родительный – местный. Например: *ger-t-eče* ‘из юрты’. Орудный падеж им принят как орудный, хотя и вопросы к нему обращены вполне верно (табл. 6).

Таблица 6

Падежные формы*

Падежи	Форманты	Конечный окончание имени	Примеры
Именительный	Нет	—	
Родительный	-yın (§ 168, 170)	гласный короткий – и долгий	Ečiğe-yın ‘отца’; toğa-yın ‘числа’
	-п (§ 169, 171)	дифтонг	dalaj-yın ‘моря’; abai-yın ‘бабки’
	-un, -ün (§ 172)	согласный н	naran-u ‘солнца’; ünen-ü ‘правды’
		согласный	nom-un ‘учения’; ɣal-un ‘огня’; ger-ün ‘юрты’
Винительный	-yі (§ 175) -i (§ 177)	гласный согласный	baɣşı-yi ‘учителя’; ulus-i ‘племени’
Местный	-dur, -du; -da, -de	-n; -ng; -l; -k; -m	jam-du ‘в пути’; jam-da ‘пути’
	-tur, -tu, -ta, -te	прочие согласные	ger-tür, ger-tü, ger-te ‘в доме’
Исходный	-ača; -eče	любой	ɣajar-ača ‘из земли’; eke-eče ‘от матери’
Творительный	-bar; -ber -iyar; -iyer	гласный согласный	süke-ber ‘топором’; modun-iyar ‘деревом’
Соединительный	-luya; -lüge; -tai, -tei	любой	aq-a-luy-a ‘с братом’; eke-lüge ‘с матерью’ čerig-tei ‘с войском’

* Сост. по: Бобровников [1849].

А. А. Бобровников, говоря о притяжательном склонении, сформулировал свое толкование по этому вопросу не совсем точно, когда писал: «Падежи показывают отношения одного понятия к другому, управляющему им в предложении. Происходят падежи с притяжениями к подлежащему» [1849, с. 101]. В своих правилах, или в параграфах, притяжения он рассматривал на лингвистическом материале письменного монгольского и калмыцкого языков, также их форм разговорных языков, наглядно показал притяжательные формы, в каких конкретно падежах они изучены детально.

Также Бобровников рассмотрел образование множественного числа по падежным формантам, добавляя к ним суффиксы множественного числа [1849, с. 82–87]. Но его правила были оформлены его предшественниками конкретнее, чем у него.

Словообразование в монгольских языках у А. А. Бобровникова [1849, с. 56–57] рассматривается в пределах схемы имен предметных, качественных, относительных и числительных по фонетическим законам оформления формантов от именных и глагольных основ слога или слов. Так, словообразовательные суффиксы названы А. А. Бобровниковым в целом верно, он понимал природу словообразования имен, но они мало чем отличались оригинальностью от своих предшественников.

При такой трактовке вопроса имена существительные и прилагательные как бы ушли в небытие морфологии монгольских языков, но в категориальном отношении они явно присутствовали, в этом заключалась недоработка данной проблемы у автора, ревизовавшего взгляды предшественников не совсем удачно.

Глагол как часть речи в монгольских языках является одной из важнейших частей речи в грамматическом плане. По словам Н. И. Ильминского, автор испытал немало преград в своей трактовке этой проблемы. Если в именах система как-то упорядочена, то в описании природы глагола в монгольских языках А. А. Бобровников допустил ряд непоследовательностей, эта часть речи дана в разных ипостасях из-за его долгих мучений.

Итак, А. А. Бобровников дал трактовку глагола в такой иерархической схеме, внешне как бы в логичной форме: производство глаголов; залого; спряжения; простые формы глаголов:

1) окончательные: побудительные, описательные, повествовательные;

2) неокончательные: причастие, деепричастие. Глаголы вспомогательные.

Сложные формы глаголов. Описательные: 1) с глаголом *böki* (буху); 2) с глаголом *bayiqu* (байху); 3) с глаголом *bolqu* (болху).

Повествовательные. Формы многосложные. Примеры спряжений.

В. М. Егудурова, начиная с грамматик монгольских языков I половины XIX в. до начала XX столетия, обнаружила неточности и разницей в трактовке грамматических, лексико-семантических явлений и объяснила причины их возникновения: «В грамматиках рассматриваются глагольные формы, функционирующие в монгольском языке без введения основных грамматических понятий, поэтому их трудно было определенно классифицировать. Наблюдается отсутствие терминологического единообразия, обычно характерного для начального этапа научного изучения предмета» [2003, с. 3]. Еще О. М. Ковалевский первым указал на терминологическую путаницу у А. А. Бобровникова: «Ту же мысль можно отнести и к главе о глаголах, особенно пришедших к нам из других грамматик, или придуманных самим автором и не согласным с понятием, какое имеем об их значении и употреблении» [1851, с. 171].

Залогии в монгольских языках занимают видное место. А. А. Бобровников в подразделе «Формы» выделил шесть залогов: коренной, понудительный, страдательный, взаимный, учаственный, учащательный. Эта номинация залогов претерпела изменения. По определению Г. Д. Санжеева, они даны в такой последовательности: действительный, побудительный, страдательный, совместный, взаимный и учащательный. Им же применительно к монгольским языкам выделено только пять залогов: прямой, побудительный, страдательный, совместный и взаимный [1963, с. 12]. Г. Д. Санжеев писал: «Вообще же монголистика до сих пор не уделяла специального внимания проблемам залогов и выяснения сущности залоговости в монгольских языках, если не считать весьма ценных замечаний и наблюдений Алексея Бобровникова, который при изложении синтаксиса классического монгольского языка впервые подверг залогии подробному исследованию в связи с изложением определенных оборотов и фактически обосновал положение о наличии в монгольских языках явлений субъектно-объектной обратимости, зависящей от логики вещей» [Там же].

На наш взгляд, Г. Д. Санжеев писал верно о «категории субъектно-объектной обратимости на примере страдательного залога в монгольских языках имеет три степени употребления:

1) нулевую, при которой определенные глаголы никогда не употребляются в форме данного залога (вообще не может быть образована); это такие глаголы, которые обозначают действия, производимые лишь в отношении данного предмета, но по логике вещей не производимые последним, например, «уу» — ‘пить’ (то, что выпивается, не может, конечно, само выпивать); «ид» — ‘есть, кушать’ (не все то, что поедается, может само поедать); поэтому по-монгольски нельзя сказать «ус уугдав» ‘вода выпита’ или «талх идэгдэв» ‘хлеб съеден’ (подобные обороты ... передаются в русском переводе так: «ус уув» — ‘воду выпили’, то можно сказать «нохой идэгдэв» ‘собака съедена’);

2) ограниченную, при которой хотя и возможно употребление страдательного залога, но невозможна постановака агенса: «бичиг бичигдэв» ‘письмо написано’ (невозможно добавить кем написано); нет субъектно-объектной обратимости, поэтому употребление данного залога предполагает полисемию, его постепенное абстрагирование;

3) полную или неограниченную, при которой допускается не только употребление глагола в данном залоге, постановака агенса в дательном-местном падеже: эта степень имеет место в случае наличия субъектно-объектной обратимости, например: «Галдан Цэрэндэ баригдав» ‘Галдан схвачен Цэрэном’, ибо Цэрэн в свою очередь может быть пойман Галданом: субъект превращается в объект, а объект в субъект» [Санжеев, 1953б, с. 152–153]. Подобное интересное наблюдение Г. Д. Санжеева в связи со страдательным залогом никем не было продолжено и было забыто вовсе. Эти рассуждения ученого навеяны временем А. А. Бобровникова и его мыслью.

А. И. Таксубаев, касаясь типов залогов в монгольских языках, данных А. А. Бобровниковым, писал так: «Предложенная А. А. Бобровниковым дифференциация залогов не претерпела существенных изменений в последующем развитии монголистики (лишь выражение учащательности рассматривается в рамках категории вида)» [1986, с. 115]. В этом обзоре он рассмотрел взгляды Г. Д. Санжеева и В. М. Наделяева, а также прежних монголистов-грамматистов XIX в. на проблемы залоговости в целом, что касается позиций двух последних лингвистов, то они изучены очень тщательно.

Ученый предлагал исследовать залоговые конструкции системно, попытался установить некую теоретическую субстанцию и проанализировать их на основе подклассов слов. Автор указывает на параметры в изучении конструкций залогов в таких формах: а) морфологический (залогаобразующий аффикс ядерного глагола), б) синтаксический (мощность оптимального окружения ядерного глагола, функции и выполнение мест в конструкции, ее трансформационный потенциал), в) некоторый семантический инвариант и считает важным в этой цепи параметров установить необходимые соответствия между синтаксическими и семантическими планами со всеми вытекающими последствиями [Таксубаев, 1986, с. 119–120]. Касаясь классификации залогов в монгольских языках, данной еще А. А. Бобровниковым, А. И. Таксубаев, критикуя теоретические положения Г. Д. Санжеева, ничего однако не сказал о том, чем же привлекательна классификация залогов А. А. Бобровникова.

В. М. Егодурова [2001, с. 7–12] пишет об инновациях А. А. Бобровникова по проблемам залогов в монгольских языках в достаточно умеренной тональности, впрочем, указывает на то, что реально внес нового А. А. Бобровников в сравнении со своими современниками – его наставником О. М. Ковалевским, предшественником Я. И. Шмидта, также его отцом А. И. Бобровниковым.

Н. Н. Поппе [1940, с. 161–167] опубликовал статью «О частях речи в монгольском языке. Опыт классификации», в которой подвел итоги деятельности монголоведов-лингвистов XIX – начала XX в., где есть немало интересных наблюдений и размышлений в связи с трудом грамматистов, живших в этот период. В этой статье есть параграф «Глагол», что сохраняет свое научное значение и некоторую лингвистическую ценность и в настоящее время.

Н. Н. Поппе проанализировал ряд положений по глаголу, данных А. А. Бобровниковым, в одном ряду с грамматистами Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского и А. А. Бобровникова.

Его положения о глагольных формах, видах, временах, наконец, о причастиях и деепричастиях очень любопытны, не статичны. Эти суждения интересны тем, что профессор непременно выделяет специфически народные черты языковых явлений, детерминированных социальными и историческими условиями народов, давших этому языку жизнь и функциональность. Он привел словосочетание типа *medē xadā* ‘если знал’. «Исторически, однако, такие придаточные предло-

жения являются такими же причастными конструкциями, дело в том, что союз *hadā* представляет собой историческую форму датива – локатива с возвратным притяжением причастия “*axu*” от а- ‘быть’ и значит “в своем бытие”. Следовательно, *medē hadā* ‘если знал’ имело первоначальное значение ‘в своем бытие знающим’» [Поппе, 1940, с. 165]. Он проводил четкий водораздел между грамматикой и историей языка. Н. Н. Поппе справедливо писал: «Грамматика ни в коем случае не должна подменяться историко-лингвистическим исследованием. Исторической грамматике должно быть отведено самостоятельное место» [Там же, с. 167].

В. М. Егодурова в своей работе «Глагол в бурятском языке: история изучения» на основе современной грамматической терминологии монгольских языков представила нам достаточно презентабельный и полный обзор, в котором дан исчерпывающий анализ способов словообразования глаголов и особенностей его морфемки (§ 3), форм наклонения, видов времени, характер спряжения в глаголах (§ 4), причастия (§ 5), деепричастия (§ 6) [2001, с. 12–38]. Характеристика глагольных систем у автора прагматична в целом, достижения грамматистов I половины XIX в. адресно конкретизированы, отмечены заслуги каждого из них в отдельности, при этом очень важно то, что изыскания А. А. Бобровникова признаны ею справедливо и их полнота раскрыта детально и глубоко.

Вернемся к А. А. Бобровникову. Его подглавки о причастиях и деепричастиях нуждаются еще в некоторых уточнениях и поправках. Например, причастий в монгольских языках 6. Так, они именуются: настоящее однократное, настоящее многократное, прошедшее неоконченное, причастие оконченное, причастие будущего.

Классификация причастий А. А. Бобровникова устарела и частью неточно трансформировалась в современной монгольской теории так: 1) будущего времени, 2) прошедшего времени, 3) настоящего времени, 4) однократное, 5) многократное [Санжеев, 1964, с. 8].

А. А. Бобровников в монгольских языках обнаружил 9 деепричастий: разделительное, соединительное, слитное, предварительное, совместное, конечное, или супин, приготовительное, уступительное. Это деление деепричастий подвергнуто ныне существенным коррективам, хотя автор, в сравнении с его предшественниками, внес в ряды деепричастий немало нового, потому несколько названий деепричастий дошло до нас в его трактовке без изменений. Г. Д. Санжеев [1964, с. 84] предлагает приведенный нами ниже перечень дееприча-

ствий в такой номинации: 1) соединительное, 2) разделительное, 3) слитное, 4) продолжительное, 5) предварительное, 6) предельное, 7) целевое, 8) «цитатное», 9) уступительное, 10) условное-I, 11) условное-II, 12) условное-III.

А. А. Бобровников рассмотрел вспомогательные глаголы: *būyū* (буюу), *axi*, *bayixu* (байх), *bolxu* (болх). Их он включил в свою схему, о чем мы говорили выше. Т. Пагва написал кандидатскую диссертацию на тему: «Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском литературном языке», в которой исследовал процесс от частичной грамматикализации вспомогательных глаголов до их полной грамматикализации в их историческом развитии. Эти факты свидетельствуют о том, что поднятые впервые А. А. Бобровниковым вопросы об этих глаголах, впоследствии став объектом изучения названного известного лингвиста, немало сделавшего для монгольской филологии в Монголии, говорят о многом.

Концепция А. А. Бобровникова по глагольной системе была подвергнута критике О. М. Ковалевским и Д. Б. Банзаровым. «Определение монгольских глагольных форм ожидает еще труженика, который из употребления книжного и разговорного извлечет положительные для них законы, вместо произвольных наших или заимствованных у других грамматиков (грамматистов. – В. Р.). При внимательном чтении авторов, можно удостовериться, что глагольные приставки (аффиксы. – В. Р.) имеют гораздо пространнее круг своего значения, нежели мы полагаем, и поэтому необходимо заставить грамматиков отыскивать новые основания для раздела и определения времен. Мысль Бобровникова (§.2, 38 и следующие) о разделении времен на повествовательные и описательные едва ли удовлетворит строгому критику... Три повествовательные формы под названием повествовательный, достоверный и нечаянный (§ 240–242), определенные в синтаксисе (§ 568 – до конца книги), можно считать частными только замечками, а не правилами» [Ковалевский, 1851, с. 172–173]. Его замечания по причастиям и деепричастиям, как показало время, были вполне справедливыми.

Д. Банзаров в письме к В. В. Григорьеву от 2 февраля 1850 г. систему глагола в монгольских языках в изложении А. А. Бобровникова назвал не иначе, как ересью, ее автора «ересиархом – в сравнении с прославленным по Востокову Поповым» [Банзаров, 1997, с. 132–135]. Касаясь словообразования глаголов, он писал, что автор в образова-

нии отвлеченных и отглагольных форм глагола показал решающую роль аффиксов (в его терминологии – наращения). «В изменении глаголов Бобровников не нашел ни времени, ни наклонений, а нашел только формы окончательные и неокончательные» [Банзаров, 1997, с. 129–145, 150–168]. Критика О. М. Ковалевского и Д. Б. Банзарова по глаголу в монгольских языках в трактовке А. А. Бобровникова имела одно и то же направление: им обоим пришлось не по душе то, что у А. А. Бобровникова одни и те же грамматические формы диффузно присутствуют то в морфологии, то в синтаксисе.

Последующие монголисты не подвергали критике А. А. Бобровникова, а лишь пользовались его идеями.

Третью главу своей грамматики А. А. Бобровников посвятил наречиям, послелогам, союзам и частицам, назвав их неизменяемой частью речи: частицы «суть такие слова, которые сами по себе отдельно взятые не высказывают никакого понятия, не взятые в связи речи, или видоизменяют значение известных слов, или служат к показанию отношений между понятиями» [1849, с. 174]. Н. Н. Поппе писал, что «единственным критерием для объединения является их несклоняемость и неспрягаемость. Однако в действительности ряд относимых сюда слов является как раз склоняемым, как, например, ‘ügei’» [1940, с. 169]. Проанализировав и сопоставив схемы частей речи предшественников Бобровникова, он отмечал: «Шмидт оказался в вопросе о наречии, послеречии (послелог. – *B. P.*) и союзе ближе к истине, чем А. А. Бобровников» [Там же, с. 170]. Далее он утверждал, что «насчитываем вместо единой группы «частиц» несколько частей речи, а именно: 1) наречия, 2) наречие – послелог (переходная категория), 3) послелог» [Там же, с. 172]. Из этой общей части речи А. А. Бобровникова Н. Н. Поппе выделил самостоятельные части речи – это союзы, частицы: а) препозиционные, б) постпозиционные. Наречия выделял по разрядам: обстоятельство места, времени и другие, отмечал их в функциональной предикативности, управлениях, качестве, примыкании, атрибутивности [Там же, с. 171].

А. А. Бобровников выделял послелоги нескольких видов в следующих номинациях: 1) падежные формы имен, 2) формы, образованные с помощью специальных аффиксов, 3) отглагольные формы [1849, с. 174]. Послелоги I вида, по мнению Б. В. Бадмаева, с точки зрения этимологии, Бобровников разделил на два разряда: 1) формы местного падежа семантически значимых корней (например, *дотор*

‘внутри’, *ард* ‘сади, позади’, *зуур* – ‘в тот миг’ и 2) формы местного падежа неразложимых корней: *өөд* ‘вверх’. Б. В. Бадмаев на примерах из письменных источников: «История дербен ойратов» хрониста Габан Шараба, «Сарны гэрэл» (Биография Зая-пандиты Ойратского) и писем калмыцких ханов XVII в. – уточнил, что некогда бывшие падежные формы имен подвергались грамматикализации в языке, превратились соответственно в наречия в своих разрядах [2001, с. 90].

Так частицы, по Бобровникову, со временем в работах последующих лингвистов приобрели иные черты.

Синтаксис монгольских языков в сопоставительном освещении
А. А. Бобровникова

А. А. Бобровников был первопроходцем в освещении многих узловых вопросов синтаксиса простого и сложного предложений монгольских языков, внес в эту область грамматики много нового, что не было сделано его предшественниками. Глава состоит из таких разделов, как «О членах предложения», «О составе предложения», «О сочетании предложений» и «О периодах». Автор придавал решающее значение сказуемому как предикату, имеющему глагол. Разделил предложения на три вида в функциональном плане: это предложения, имеющие сказуемым предметное имя; предложения, имеющие сказуемым относительное или качественное имя; предложение, имеющее сказуемым глагол. Д.-Д. Доржиев считает подобное деление предложения в данных языках не случайным, так как А. А. Бобровников правильно заметил исключительную роль сказуемого в монгольских языках при построении предложений, занимающее последнее место в порядке расположений слов в нем и связывает члены предложения в грамматическое целое [2003, с. 72]. Его предшественники Я. И. Шмидт, О. М. Ковалевский определили порядок слов в предложении монгольских языков вполне верно. Бобровников вслед за ними писал (§ 238) так: «Общий закон расположения слов в одном члене предложения следующий: слова, определяющие полагаются прежде слов ими определяемых» [1849, с. 199].

Членение состава предложения, по Бобровникову, выглядит вполне правдоподобным. Любопытно представлено членение чисел предметов, явлений и ситуаций, а также падежных разрядов.

Идея о синтаксисе падежных форм впервые была открыта А. А. Бобровниковым [1849, с. 227] и отражена в разделе «О составе

предложения». Его позиции были поддержаны Г. Д. Санжеевым [1953а, с. 181–204] и основательно исследованы им на богатейшем грамматическом и лексико-семантическом материале. На специфику оформления местного падежа до него обратил внимание Я. И. Шмидт [1832, с. 155–156]. После Г. Д. Санжеева синтаксис падежей в монгольских языках никем не продолжен, впрочем, особенности падежей в синтаксисе данных языков и их динамика в языках есть.

А. А. Бобровников, увлекаясь зависимостью слов в предложении, не делил предложения на простые и сложные: сложносочиненные и сложноподчиненные. В 1945 г. в СССР была развернута дискуссия по синтаксису монгольских языков среди ведущих лингвистов: Г. Д. Санжеевым, Т. А. Бертагаевым, Д. А. Алексеевым и др.

Т. А. Бертагаев констатировал: «Сложные предложения в монгольских языках фактически исследованы» [1962, с. 178]. «Синтаксис калмыцкого сложного предложения еще не изучен в деталях» [Пурбеев, 1997, с. 3–4].

Д. Банзаров, касаясь главы А. А. Бобровникова о синтаксисе в монгольских языках, писал: «у Бобровникова все это изложено гораздо определеннее относительных местоимений, и союзов там нет, они заменяются причастиями и деепричастиями (неокончательными формами), разнообразное употребление коих подробно изложено Бобровниковым в этой главе составляет особенность монгольского словосочетания» [1997, с. 157]. Банзаров подтвердил, что у Бобровникова дано множество причастных и деепричастных оборотов и их функционирование в синтаксисе данных языков. Т. А. Бертагаев отмечал: «А. А. Бобровников вслед за А. Востоковым выдвинул положение о том, что обороты – это и есть «второстепенное предложение» [1962, с. 178], которое носило неопределенный характер. Банзаров всю сложность и путаницу у Бобровникова называл «неслыханной новостью» в научной среде тех лет [Там же, с. 156]. Т. А. Бертагаев писал: «А. Бобровников наметил четыре типа «второстепенных предложений»: определительный, членный, составительный и вводный с участием глагола «гэх» (гэхэ (бур.), гих (калм.)) ‘произносить, говорить, рассказывать’. Его положения были оригинальными и во многих отношениях отражали истинную природу синтаксиса монгольских языков» [1979, с. 3].

Оригинальные и неординарные мысли А. Бобровникова в силу своей гипотетичности и расплывчатости, порою надуманности оста-

лись не востребованными последующими поколениями монголоведов-лингвистов. Они шли к синтаксису сложного предложения иным путем, следуя теории марризма, признававшей всесилие развернутых членов предложений.

В результате серьезных, научно обоснованных блестящих исследований Т. А. Бертагаева синтаксис сложного предложения монгольских языков был изучен по-новому, что стало сенсационным открытием в монгольском языкознании в СССР. Основы теории синтаксиса данных языков, разработанные им, используются в практике школ монголоязычных народов мира.

Синтаксис изучается силами носителей культуры, созданной народом – творцом данного языка. Из школы Т. А. Бертагаева появился ряд синтаксистов. На этой стезе много сделано его учеником – Г. Ц. Пюрбеевым, его дело продолжает новое поколение синтаксистов.

1.5.2.6. «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова в оценке его современников и ее значение для современного монгольского языкознания

А. А. Бобровников вошел в историю монгольского языкознания в России XIX в. как крупный новатор в области грамматической теории, что называлась языкоучением.

Оценка «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» Бобровникова-младшего, данная его современниками, впоследствии его последователями и критиками, на наш взгляд, в ретроспективе и перспективе, а также в исторической памяти грамматистов-монголистов реально состоит из трех абстракций: это имидж ученого, предвосхитившего свое время на много вперед, влияние его инноваций и идей на позднее поколение монголистов и его последователей, а также его критиков.

В. В. Григорьев сетовал на то, что автор грамматики «мало заботился о своей известности» [1887, с. 70], такое же мнение имел Н. И. Ильминский. Последний написал немало статей *in memori*, краткие некрологи, из которых черпали интересные и важные сведения о нем. Н. И. Ильминский и Д. Банзаров утверждали, что его труд совершенно самостоятельный. Так они подняли реноме Бобровникова-

младшего и сумели создать ему достойный имидж талантливого специалиста.

Оценка его современников, данная по его грамматике, распалась на два противоположных лагеря. П. В. Знаменский отмечал: «Его особенно ценил акад. О. Н. Бётлингк, занимавшийся в это время составлением грамматики якутского языка... Он читал грамматику последнего еще в типографских листах, которые, по его просьбе, высылались к нему по мере печатания. Другой акад. Биларский, переводчик В. Гумбольдта, как рассказывали, думал, что Бобровников отлично изучил современную немецкую филологию и разные отрасли восточных языков, особенно монгольского и тюрко-татарских, и крайне изумился, узнав, что кроме монголо-калмыцкого, он не изучал ни одного из восточных языков, не знал также вовсе и немецкого языка» [1892, с. 341–342]. О. М. Ковалевский писал, что «грамматика Бобровникова ... плод самостоятельных измышлений, труд добросовестный и заслуживает поощрения Академии наук» [1851, с. 38–39].

Д. Банзаров в письме к В. В. Григорьеву от 1850 г. в целом высоко оценил труд своего коллеги, хотя и с отдельными резкими замечаниями, их мы уже касались выше. В. З. Галеев, обнаруживший несколько писем Банзарова в архиве В. В. Григорьева, который ввел эпистолярное наследие Банзарова в научный оборот, называл это письмо «блестящим эталоном научной рецензии». В ней автор письма, «высоко оценив результаты работы товарища-соперника по научной проблеме, проявил высокие свои моральные качества» [1997, с. 127].

О. М. Ковалевский и Н. Н. Поппе выступали критиками А. А. Бобровникова. Ковалевский, ознакомившись с новой работой А. А. Бобровникова, дал ей блестящий отзыв. Но после появления не в меру хвалебной рецензии на книгу Бобровникова-сына в 1850 г., в которой были задеты их наставники, Ковалевский оскорбился.

Н. Н. Поппе не совсем верно отмечал, что грамматика А. А. Бобровникова устарела, а на деле это не совсем так [1937, с. 7]. Притягательность труда Бобровникова-младшего состоит в том, что отдельные инновации этого талантливого ученого живы и существуют в работах монголоведов поздних поколений.

Историк русского востоковедения А. Н. Кононов писал о труде А. А. Бобровникова следующее: «Грамматика алтайского языка», сыгравшая важную роль в развитии грамматических исследований, в

главных линиях своей структуры и истолкованиях основных положений зависела от идей и методов А. Бобровникова, одного из основателей русской монголистики; его идеи развиты применительно к тюркскому материалу Н. И. Ильминского» [Кононов, 1982, с. 307].

Мы не раз говорили, как использовали плодотворные идеи А. А. Бобровникова-младшего Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, Б. Х. Толаева и др. Классы слов в монгольских языках, изучаемые им, стали объектом споров алтаистов. Семантический принцип в классах слов в монгольских языках станет краеугольным камнем монгольского языкознания, приоритетность этого подхода к ним наглядно показывают достижения русистов.

Итак, идеи А. А. Бобровникова еще будут звать будущие поколения лингвистов к новым поискам. В. В. Григорьев совершенно правильно сравнивал его грамматику с трудом де Саси по арабскому языку, проложившему путь в новом направлении в противовес европейским грамматическим канонам [1852, с. 71].

*Прошедшее нужно знать не потому
что оно прошло, а потому, что, уходя, оно
не умело убрать своих последствий*

В. О. Ключевский

ГЛАВА 2. Историческая лексикология в монгольском языке в России и за рубежом, разработанная в XIX в., в контексте современного монгольского языкознания

§ 1. Антропонимы, этнонимы и оронимы в историко-филологических работах Д. Банзарова, идеи которого отразились на русском и зарубежном монголоведении XIX–XX вв.

2.1.1. Историко-филологические этюды Д. Банзарова в научной эксклюзивной критике его современников

Эти краткие, но емкие по содержанию статьи «О происхождении имени “Монгол”», «О происхождении слова “Чингис”», «О названии Эргэнэ-хон», «Об ойратах и уйгурах» были написаны Д. Банзаровым по просьбе профессора Казанского университета И. Н. Березина для «Шейбаниады», включенные издателем в первый том «Библиотеки восточных историков» [Банзаров, 1849, т. 1, прил. III]. Они были созданы ученым частью в Петербурге, частью в Казани в 1848 г., напечатаны в приложениях к татарской летописи [Он же, 1955, с. 167–186].

Тематика опубликованных в ту пору статей Д. Банзарова была весьма актуальной в научной среде. Выбор тем этих работ ученого оказался удачным и вполне востребованным. Вот почему издатель татарской летописи И. Н. Березин согласился с доводами автора, заказывая ему эти этюды.

У работы Банзарова была такая предыстория. Перед отправлением О. Ковалевского и А. Попова в Забайкалье ректор Н. И. Лобачевский сделал запрос А. В. Игумнову об обучении монгольскому языку двух воспитанников университета, на что последний немедленно ответил согласием. Вместе с тем Н. И. Лобачевский просил отделение словесных наук составить инструкцию, которой они должны были руководствоваться во время их пребывания в Иркутске [Шамов, 1956, с. 132].

* Библиотека восточных источников, издаваемая И. Н. Березиным. Т. 1. – Казань, 1849. Прил. II, с. 10 – IV (см.: Банзаров Д. Собр. соч., 1955).

Инструкция была составлена профессором статистики и всеобщей географии В. Я. Булыгиным, интересовавшимся народами Сибири и Крайнего Севера, и востоковедом Ф. Эрдманом. Она состояла из двух частей. В первой давались наставления общего характера. В них говорилось о методике работы и ведении дневников, содержащих сведения о нравах и быте, истории, верованиях монгольских народов. Так, инструкция для них носила программный и универсальный характер.

Во второй части инструкции ставились более конкретные вопросы по антропонимике и этнонимике монголов, тунгусов (эвенков) и корейцев. Например, включены были такие: 1) «что значило у прежних монголов выражение Чингиз... и что значит оно теперь?... Означает ли оно: великий, славный?... Могло ли [слово возникнуть] от татарского слова «денгиз» – океан... происходит ли оно от крика птицы, похожего на это название, которое монголы приняли за счастливое предзнаменование будущей славы, или от слова Чино (волк). Что означает слово “моголы” или “монголы”? [Мазитова, 1972, с. 78]. Также в ней говорилось о требованиях, предъявляемых к начинающим ученым, в жестких рамках изложения по сути вопросов. Долг языковеда состоял в том, чтобы «показать в точности начало, смешение и искажение различных фактов, очистить и объяснить оные критикою, присовокупить время события, почерпнутое из истории или преданий, и повсюду сопровождать оные несомненными доказательствами существования и несуществования» [Там же]. Как известно, никто из воспитанников названного университета не решился заниматься этими сложными, «темными» в монгольской и сибирской истории и ономастике вопросами. Они прошли мимо этих животрепещущих вопросов монголоведения того времени, определив каждый для себя посильные задания: вели дневники и собирали научную литературу для библиотеки родного им университета, ревностно изучали монгольский язык.

Д. Банзаров, пользуясь возможностью печататься в научных изданиях, сделал трудный, рискованный для себя шаг. Эти статьи вызвали у русских и зарубежных ориенталистов большой интерес. Их успех обусловлен тем, что молодой монголист поднимал в них весьма актуальные и дискуссионные вопросы древнемонгольской истории. Поэтому близкий друг ученого, известный историк и нумизмат П. С. Савельев вполне справедливо писал о нем так: «Ученый-монгол задал

себе решить темные задачи: о происхождении названия монголов, имени Чингис, названия Эргене-хона и уйгуров – вопросы, интересные и для исследования монгольского периода русской истории» [1997, с. 27].

П. С. Савельев, говоря об источниковедческой базе рассматриваемых им статей Д. Банзарова, особо отметил, что «четыре написанные им статьи, несмотря на краткость, представляют результат обширной начитанности и долгих соображений, и тем более важны, что касаются Банзарова по этимологизации», поддержал сущность доказательств автора. В конце своего разбора П. С. Савельев пришел к таким объективным выводам: «Эти четыре небольшие исследования бросают немало света на древнюю историю Средней Азии, разрешая просто и логически то, что казалось дотоле столь запутанным и темным» [Там же, с. 29].

В оценке и толковании отдельных спорных проблем статей Д. Банзарова ученые-критики разделились на две противоположные стороны. В. В. Григорьев*, рецензировавший труды О. М. Ковалевского, дал восторженный отзыв об издании И. Н. Березина, касаясь статей Банзарова, он писал так: «Все четыре мемуара весьма замечательны, обнаруживая в молодом ученом большую сообразительность и меткость взгляда: все вопросы, упражнявшие до него проницательность многих заслуженных ориенталистов, решены им удовлетворительнее, чем всеми его предшественниками. Если г. Банзаров и ... впредь не откажется украшать "Библиотеку" ... такими мемуарами, то скоро древняя история Средней Азии** явится совершенно в ином виде» [1850, с. 97–98].

И. Н. Березин [1858, т. 5, кн. 1, ч. 1], издавая «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина в «Библиотеке восточных историков», составил к первой и третьей книгам примечания, в которых разбирал отдельные этимологии, предложенные Д. Банзаровым. Касаясь этимологии этнонима «монгол», он критиковал Абульгази и Рашид-ад-Дина, но по-

* Рецензия В. В. Григорьева на «Библиотеку восточных историков» была найдена нами по библиографии трудов этого тюрколога, составленной Н. И. Веселовским (Казань, 1849. – Т. 1, ч. 1).

** В научной литературе XIX в. Центральная Азия именовалась Средней Азией.

хвалил Банзарова в таких словах: «Абульгази несколько изменил толкование Рашид-ад-Дина, обратившись к турецкому «печальный», но оба автора разделяют неправильно слово «монгол», которое собственно пишется *mongγol* / монкголь. Отдавая должную справедливость остроумному объяснению Банзарова» [Березин, 1858, т. 5, кн. 1, ч. 2, с. 274], дал свое толкование имени «монгол», следуя Рашид-ад-Дину, сославшись на мнения о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина) и В. П. Васильева о генезисе монголов.

Говоря о происхождении слова *Чингис*, И. Н. Березин полагал, что *титул* Чингис, вероятно, был подсказан монгольскому хану Теб-Тенгрием, Темучин поступил сообразно с китайским обычаем и присвоил себе императорский титул из числа разных титулов [Там же, кн. 3, с. 161–162].

Переходим к группе критически настроенных ученых, которые полемизировали с Банзаровым по ряду выдвинутых им научных догадок. О. М. Ковалевский после рецензии на «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» Д. Б. Банзарова [Знаменский, 1892, вып. 2, с. 399–341] в резкой форме отвергал отдельные позиции этимологий: «...азиатцы давно известны своей страстью к отыскиванию корней имен собственных и, разумеется, на авось, без пользы для науки. К числу таких попыток принадлежит новая догадка о производстве слова “Чингис” от ченьюй, “Монголь” от Мона-хан. Какая грамматика в состоянии это оправдать?» [по: Ковалевский, 1851, с. 169]. Он также не согласился с объяснением слова *ойрат*, данным Д. Банзаровым [Там же, с. 168–169]. Однако бывший учитель П. С. Савельева, член-корреспондент Петербургской академии наук, русский писатель, журналист, востоковед О. И. Сенковский, известный в русской литературе XIX в. под псевдонимом Барон Брамбеус, написал на эти статьи очень ироничную рецензию: «...г-н Дорджи Банзаров, природный монгол, который прекрасно пишет по-русски и владеет приемами исторической и филологической критики точно как германский гелертер» [1851, с. 25]. В объяснении этнонима «монгол» рецензент придерживался старой точки зрения, производил это самоназвание от слова *мунгъ* – ‘сердитый’ [Там же].

Сенковский приводил параллели словосочетания *мунг-голь* в других многокорневых словах *кара-гол* – ‘караул’, *иса-гол* – ‘есаул’ и других, употребляемых в степи у монголов и тюрков. Кстати, в на-

стоящее время известно, что слова *караул* и *есаул* заимствованы в славянские языки от тюркских и монгольских языков. Но г-н Сенковский в объяснении генезиса слова *караул* не точен. Сравните: монгольское слово *харуул*. «Сближение на тюркской почве с “кара” (или хара-) – на монгольском “смотреть” – плод переосмысления. Это слово в тюркских языках было заимствовано из монгольского» [Черных, 1993, с. 380]. Относительно слова *есаул*, то в отношении его происхождения О. И. Сенковский был прав. Это слово восходит к старомонгольскому *jasayul* – ‘управитель’, через татарский *ясаул* оно попало в русский язык [Там же].

Касаясь этимологии титула *Чингис*, Сенковский был не согласен с мнением Банзарова, которое оказалось слишком политизированным. Рецензент был вполне солидарен с Банзаровым по поводу шаманистического толкования этого слова. Он писал: «Г-н Д. Банзаров справедливо не забывает и того обстоятельства, что одно из божеств Степи называлось Чингис. Но этого совершенно достаточно» [1851, с. 26]. Д. Банзаров в «Черной вере...» упоминал о гении Хаджир Чингис-тенгри [1955, с. 61]. «Темуджин, принимая титул Чингис-хана, просто поставил себя и свое царствование под покров божества Чингис называемого» [Сенковский, 1851, с. 26]. Он справедливо указывал на традиции заимствования царских наименований из собственной же мифологии народов, которые были характерны для Азии, Скифии, греческой древности, всего язычества.

Хотя нужно отметить, что О. И. Сенковский ругал Банзарова за его гипотезы. Вместе с тем он незаметно воспользовался приемами ученого-буряты и перечислял названия типа *Ира-гол*, *Эрта-гол* и тому подобных, разбор которых удостоверяет, что они в то время равно употреблялись в Степи у тюрков и монголов [Там же]. Здесь надо учесть одно обстоятельство: Банзаров отверг мнение О. И. Сенковского по поводу слова *ойрат*, выдвинул свою концепцию относительно него. Вот где и был корень зла у высокомерного барона Брамбеуса.

В заключение своего отзыва Сенковский обвинил Банзарова в том, что он основательно запутал вопросы монгольской древности и пошел дальше «монгольских и турецких филологов, употребивших все меры своего остроумия и ханжества», так что «европейская ученость здесь не может ничего прибавить» [Там же].

Н. Я. Бичурин [Заятуев, 1980, с. 161–165] не соглашался с отдельными положениями в статьях Д. Банзарова, критикуя работы Ю. Клапрота (J. Klaproth), писал так: «Ныне подобные нелепости (“концепции” Ю. Клапрота. – В. Р.) нередко называем серьезным именов спорных вопросов, разъяснение же сих вопросов, изложенное в витиеватых критических разъяснениях, считаем глубокой ученостью; ... не редко выходит из них свод одного пустословия с другим, из которых, впрочем, оба опираются на древних греческих и мусульманских писателей, часто кстати и некстати приводимых учеными нашего времени» [Иакинф, 1850, с. 92].

Труды Д. Банзарова и его личность стали хорошо известны западноевропейским востоковедам. Две его статьи были опубликованы на немецком, а также обширная статья о пайцзах с повелениями монгольских ханов вышла в свет в немецком переводе. В журнале «Архив научных сведений о России»*, на страницах которого печаталось все новое и содержательное, что возникало в русской научной среде. В. Шотт не случайно проявлял неподдельный интерес к молодым талантам, каким для него был Д. Банзаров. Так, он стал страстным пропагандистом трудов Д. Банзарова на Западе. Этот крупнейший германский ученый искренне любил и высоко ценил необыкновенный талант юного монголоведа. Все статьи Д. Банзарова, опубликованные И. Н. Березиным, были подвергнуты В. Шоттом обстоятельному анализу в его рецензии [Shott, 1851, p. 558–561].

В целом положительно оценив статьи Банзарова, немецкий ученый высказал и ряд критических замечаний. Так, касаясь статьи «О происхождении имени “Монгол”», В. Шотт, например, возразил автору: «Но гора Мона-хан возвышается ... в южной Монголии, на северном берегу Желтой реки, напротив области Ордос» [Ibid, p. 558–559]. Однако китайские летописцы в отличие от Банзарова «не выводят прародину монголов, по их терминологии – монг-у, монг-ку и монг-ку-ли» [Ibid]. В. Шотт, подвергая критике статью Банзарова «О происхождении слова “Чингис”», считает, что имя *Чингис* могло возник-

* Название журнала по-немецки см. в литературе. Публикации В. Шотта о Банзарове и его трудах были найдены крупным библиографом Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде Б. Л. Канделем [1956, с. 180–182].

нуть от тотема *чинуа* (волк), а не от китайских слов *чин-ю* или *чиан-ю*, как полагал Банзаров. Вместе с тем Шотт допускает, что Банзаров хотел сказать, что имя *Чингис* означает и *сын неба*, или *император*. Однако он же считает, что «сын солнца, впрочем, у хи-унг-ну по китайской традиции обозначался не термином тенгри кубу-, как пишет г-н Банзаров, а тенгри-куту (с “т”»)» [Shott, 1851, p. 559].

Статью «О названии Эргэнэ-хон» В. Шотт оценивает в целом положительно. В этой связи он упоминает свою рецензию на книгу Хаммера по истории Золотой Орды, в которой он указал, что название этой местности, вероятно, имеет монгольское происхождение. Таким образом, В. Шотт считал, что доводы Банзарова по поводу этимологии географического названия *Эргэнэ-хон* в отличие от мнения Хаммера могут быть вполне достоверными.

Говоря о статье «Об ойратах и уйгурах», В. Шотт считает, что толкование этнонима *ойрат* Банзаровым является хорошо обоснованным. Свой анализ он завершает категорическим заключением: «...здесь не требуется никаких исследований, так как родство обоих языков теперь установлено» [Ibid, p. 561]. Заметим, что это высказывание отражает уровень тогдашней европейской ориенталистики: «К изданию и переводу Березиным “Шейбаниады” (1849) Банзаров дал приложения, которым нельзя отказать в находчивости и учености» [Ibid, p. 238].

С позиций современного монголоведения заметим, что из этой серии статей Банзарова наиболее удачным остается толкование местности *Эргэнэ-хон* как геонима [Банзаров, 1955, с. 179], что имеем у кочевников, так как они не вели оседлый образ жизни. Это объясняется тем, что события произошли в древности, когда все были равны, лишь, возможно, выделялись из толпы народа их предводители.

Д. Банзаров знал и использовал работы В. Шотта. Например, в своей статье о пайцзах с повелениями монгольских ханов бурятский ученый писал: «...г-н Шотт говорит, что тут ошибочно не поставлен знак падежа; но если бы он поближе был знаком с монгольским языком, то без труда заметил бы, что хаан относится к нэрэ (имя), как прилагательное к своему существительному...» [Там же, с. 151]. В статье «О происхождении имени “Монгол”» Банзаров использует знания В. Шотта в области китайских источников.

Нельзя не согласиться с утверждением Б. Л. Канделя, автора статьи о Д. Банзарове и В. Шотте, о том, что все «материалы свидетельствуют об известности работ Д. Банзарова за рубежом и о давних связях русского и германского востоковедения» [1956, с. 182].

Следует отметить, что все эти статьи Д. Банзарова не оставили никого из русских и иностранных востоковедов равнодушными. Так, эти «малые жемчужины» Д. Банзарова, несмотря на ряд его ошибок, неточностей и неудачных гипотез, не выброшены из арсенала монголоведения последующих времен, живы и порою дают импульсы для размышлений над этими проблемами и в наши дни.

Таким образом, в современном банзарововедении есть немало нерешенных вопросов. В ряде работ советского периода допущены абберрации, возникшие в результате субъективизма и объективизма отдельных авторов.

2.1.2. Судьба этимологических изысканий Д. Банзарова в свете исследований монголистов и синологов мира XX в.: поиски, ошибки и научные истины

2.1.2.1. Происхождение термина «монгол»: его этнополитологические, географические, исторические, лингвистические аспекты

Статьи Д. Банзарова были и остаются актуальными не только среди ученых Центральной Азии. Они сохраняют свою притягательность для исторической памяти, поскольку отвечают на вопросы: «кто мы?», «откуда пришли?»

Ответы на эти вопросы искали монголоеды, синологи и тюркологи, историки, археологи, писатели, журналисты, краеведы и мн. др. Эти вопросы поднимались в период проведения юбилеев Д. Банзарова, ставшего символом для бурятского народа, или во время ослабления государственности в России, как это было после распада СССР.

В связи с миграцией монголов и их автохтонностью историки и археологи делятся на две группы. Очевидно, в этом вопросе правы сторонники миграционной теории. В условиях появления эфемерных кочевых государств и постоянных войн между ними население этих территорий вынуждено было покидать их, чтобы выжить. Так и возникали разнородные в этническом плане колонии и анклав.

Обратимся к показаниям исторической географии Восточной Азии, где жили эти племена. Южносунский ученый Ли Синьчуань (1166–1263) писал о них так: «Существовало еще какое-то монгольское государство. Оно находилось к северо-востоку от чжурчжэней. Цзиньцы называли его мэн-у, а также мэн-гу» [по: Шавкунов, 1987, с. 166].

Очевидно, шивэйцы были экстерриториальными племенами, разбросанными среди иных народностей, которые находились в постоянной миграции в условиях междоусобиц и войн. Е. И. Кычанов считает, что «в том и другом случае шивэй названы особым родом киданей, тех, кто образуют южную часть этих племен, называли киданями, а тех, кто северную – шивэй» [1980, с. 138].

Коман Есиаки на основании детального изучения географических названий по китайским источникам в эпоху Тан приходит к выводу, что «та часть племен шивэй, которая именовалась монголами, жила по южному берегу реки Амур, западнее владения Амур-реки Сунгари и восточнее реки Малый Хинган». Другой ученый Тамура Дзицудзо отождествляет озеро Цзюйлунь с Далай-Нор, реку Ванцзян предлагает считать Аргунью, делает вывод, что «монголы в это время (VI–IX вв. – Е. И. Кычанов) жили кочевой жизнью в степных районах к югу от реки Аргунь» [Кычанов, 1980, с. 138].

Л. Гамбис заключает, что «наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения Нонни, возможно, в северной части области, расположенной между рекой и озером Келен, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть Верхнего Амура, и к югу от этой реки» [Там же].

Е. И. Кычанов считает схему расселения монголов условной: «...в VI–IX вв. племена шивэй занимали огромное пространство по южным берегам Амура от устья Аргуни до устья Сунгари и всю северную часть Маньчжурии между Сунгари и Аргунью» [Там же, с. 139]. Соседство монголов-шивэйцев с киданями и тунгусо-маньчжурскими мохэ, бохайцами и другими образовало массу переходных групп племен, промежуточных по языку, этносу и культуре» [Там же]. Как монголы оказались на территории современной Монголии после падения Тюркского каганата и Уйгурского ханства – вопрос весьма сложный. Об этом периоде монгольской истории дочингисовской эпохи сохранилась очень скудная информация, а китайские ис-

точники об этом времени дают мало нового и важного. Так думают современные историки и археологи, возможно, ошибочно. К сожалению, им мало известны библиографии по работам отдельных синологов, забыты они вовсе или, может быть, лежат мертвым капиталом из-за того, что позиции ученых очень разны, также подходы к решению вопроса о том, каким образом монголы оказались на современной территории Монголии. Так получается, что Халха не является изначальной родиной монголов. На нынешней территории Монголии со II тысячелетия до н. э. жили первые племенные союзы и государственные образования вплоть до падения Киданьской империи, среди этих сменяющих друг друга народностей и эфемерных государств находились монгольские племена.

Н. Я. Бичурин обнаружил достоверные факты о миграциях монголов в династийных хрониках, государственной статистике и государственной летописи. Он писал: «Китайская статистика “И-тхунь-чжи” показывает восемь единоплеменных владетельных Домов, от которых монголы в продолжение двенадцати столетий (от III в. до Р. Х. до X по Р. Х.) получали народные названия, последовательно одно за другим. Си Дома были: хунну, ухуань, сяньби, жужань, дулта, ой-хор ... кидань. Заметим, что дом монгол и в статистике не виден; одна только государственная летопись “Тхунь-гянь гань-му” сообщает некоторые сведения о происхождении сего дома. Из сведений, сохраненных упомянутой летописью, открывается, что дом монгол вовсе не принадлежал к племенам того народа, которому в начале XIII столетия сообщил народное название, доньше им удержанное» [Иакинф, 1850, с. 86].

Н. Я. Бичурин на основании данных летописи утверждал, что «первобытные монголы были тунгусы, пришедшие в южную Монголию с Амура» [Там же, с. 86–87]. По сведениям Э. В. Шавкунова [1986, с. 57], на основе источника «Тан шу» и других летописей «монгольские племена жили в бассейне реки Амур во II половине I тысячелетия. Эта ситуация сохранялась и в XI в., когда мукрийцы под именем чжурчженей вышли на арену истории. Тогда они были известны как мэнью, мэngu. Был и дом татань, который составлял одно из поколений северо-восточных мохэсцев; при династии Тхань после правления Юань-хэ перешел к Инь-Шань» [Иакинф, 1850, с. 87]. Это

было в 966 г. по Р. Х. «Мохэсцы обитали по обеим сторонам Амура от Аргуни до Восточного океана» [Иакинф, 1850, с. 87].

«...В начале IX столетия один из 16 мохэских айманей (удельное владение по-китайски), называемый татань, ушел в южную Монголию и осел на северной стороне хребта Инь-шань» [Там же, с. 88]. Они кочевали там до XII в., в этот момент после падения уйгуров, «татаньцы перешли от хребта Инь-шань в Халху ... что в числе родов, первоначально составлявших татаньский аймань, давно находился дом монгол, и что сей дом по своему могуществу впоследствии избран был главой татаньских поколений; потому что в сем месте народное название татань заменено названием дома монголов» [Там же, с. 89]. Таковы объяснения Н. Я. Бичурина, как монголы под названием *татаней* заняли Халху. Выводы эти базируются на данных династических хроник, статистик и государственной летописи Китая, которые проливают свет на появление монголов в XII в. на территории современной Монголии, ставшей им родиной навсегда. Думается, это толкование «темной истории» монголов, сделанное Н. Я. Бичуриным, может быть вполне обоснованным.

Е. И. Кычанов на основании сведений Л. Гамбиса предполагает, что «в это время монголами понемногу были заняты и территории к западу от Керулена и простирающиеся до Байкала», при этом замечает, что «приход монголов в Монголию где-то во II половине X – начале XII в. – очевидный исторический факт» [1980, с. 141]. Это признание ученого в свете сказанного также достоверно.

Мнения ученых по исторической географии расселения и миграции протомонголов совершенно разные, порою они диаметрально противоположны. Историки касались вопросов расселения и миграций монголов: шивэйцев, киданей, тунгусо-маньчжурских и тюркских племен. К их концепции близок монгольский писатель, создатель исторических и фантастических романов Ж. Бор с той разницей, что он рисует картину расселения протомонголов в художественном аспекте, не лишенном знания литературных и исторических материалов, почерпнутых из работ известных монгольских археологов, историков и медиевистов. Он пишет, что «родиной протомонголов хунну считался Ордос, а родиной других древних монголов сяньби – юго-западная Маньчжурия, а родиной протомонголов Тоба, или табгачей, – реки Аргунь и Шилка» [1992, с. 48]. Ж. Бор уверен в том, что «выска-

занное мнение становится почти незыблемым». Эти исторические факты говорят о том, что «с древних времен монгольские племена жили в пространствах с севера до юга – от Байкала до Ордоса, с востока до запада – от восточного склона Хинганских гор до Ила-Тарбагатая» [Бор, 1992, с. 49]. Ж. Бор является сторонником теории автохтонности монголов в отличие от других ученых, придерживающихся концепции миграции.

Завершая анализ взглядов археологов, историков и, отчасти, географов на историю обитания протомонголов, надо отметить, к сожалению, что точки зрения ученых на этот круг спорных проблем пока остаются лишь версиями, и не более.

Такова картина реконструкции расселения шивэйцев мэнью на огромном пространстве – в Северо-Восточной Азии, а историческая география миграций монголов сохранила в какой-то мере разрушенную этимологию этнонима *монгол*, который окончательно был закреплен на правовой основе в эпоху Чингисхана, в такой форме дошел и до нашего времени.

2.1.2.2. Термин «монгол»: филологические, этносоциологические и собственно лингвистические аспекты

Э. В. Шавкунов сообщает, что «в настоящее время нижнее течение Амура, Уссури и Сунгари известно среди современных тунгусо-маньчжурских народов под общим названием Мамнгу, Мангму, Маму, Манггу, Мангта... Слова “манггу”, “мангта” означают реку» [1987, с. 167]. Несомненно, эти слова подверглись ассимиляции на фонетическом уровне, дошли до нас из китайских источников в иероглифических записях, которые еще раз трансформировались в вышеназванные *мэнью*, *мэнгу* и прочие слогги или слова, к чему еще раз вернемся тогда, когда будем рассматривать китайские записи этих слов.

На наш взгляд, по вопросу генезиса имени *монгол* к единому мнению прийти однозначно нельзя, так как с ним произошла дестимологизация, т. е. «утрачено словом этимологической мотивированности вследствие потери смысловой связи с породившим корнем и тесной спайки в одно целое» [Ахманова, 1966, с. 130]. Это произошло в доисторическое развитие древнемонгольской речи, в ее функционирование в эпоху протомонголов.

Д. Банзаров в отношении генезиса этого этнонима писал, «что бы ни значило слово монг или мунг, по свойству самого языка монголов не могло произойти от этого корня ... значение этих слов прямо указывает, откуда произошло это имя, т. е. от реки, на которой жил самый народ ... от Хуан-хо, или Желтой реки (Шира-гол) – ширайголы» [1955, с. 169]. Он сделал такое любопытное заключение: «Производство названия “монгол” именно от этих двух слов доказывается тем, что первое из них (мон) встречается в собственных именах владельцев лиц, поколения монгол: Буданцар Монхан ‘хан монский, Мона-Лун (жена Махадодана) княжна монская’ ... эту реку Мон не отыщем ее в географиях и на ландкартах, а найдем только гору Мона... Она возвышается в Южной Монголии на северном берегу Желтой реки против области Ордос. Из европейцев только миссионер Жербильон, путешествуя с китайским императором Кан-си, имел случай видеть ее. Около этой горы должна протекать эта река...» [Там же, с. 170].

Данная гипотеза покоится на сведениях исторической географии расселения древнего племени монголов. Она имеет определенную связь с физической географией Центральной или Северной Азии, если учесть замечания Н. Бичурина об Инь-Шане, где несколько веков кочевали монголы. Эта догадка Д. Банзарова была признана несостоятельной по недоразумению. Г. Н. Румянцев и Г. Е. Грумм-Гржимайло не считались с показаниями французского иезуита, миссионера в Пекине Ж.-Ф. Жербильона, состоявшего при императорском дворе врачом и учителем математики, который видел гору Мона, хотя данные его оказались неточными, главное – ороним был найден.

Г. Н. Румянцев считал, что название горы Банзаровым дано неверно, «это не Мона, а Мүпе аyла (Муне-үла)» [Там же, с. 307]. Д. Банзаров считал, что родина монголов находилась в Южной Монголии, это противоречит мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло. Согласно ему, монголы (мэнгу) в числе татар находились под властью тюрок, населяли Баргу к востоку от озера Хулун (Келен. – В. Р.) и Аргунь. Эти данные исторической географии стали основанием для критики гипотезы Д. Банзарова, они показались недостаточно убедительными для некоторых ученых. Критика была поддержана Г. Н. Румянцевым [1955, с. 306–307], Г. Д. Санжеевым [1983, с. 54–55], Н. Ц. Мункуе-

вым [1975, с. 90], которую по отдельным изысканиям поздних востоковедов ныне можно считать не совсем оправданной по ряду причин.

Вместе с тем есть и ряд ученых, согласных с гипотезой Д. Банзарова. Ч. Хасдорж поддержал догадку Д. Банзарова по генезису имени *монгол*, подтвердил тезис о том, что много племен жило на берегах больших и малых рек, так как вода – источник жизни людей и домашних животных. Более того, он находил ряд местностей с названием *монгол* [1959, с. 7–8]. Намжилцэвэн [1959, с. 11] поддержал его мнение.

Э. В. Шавкунов писал: «Гипотеза Д. Банзарова заслуживает самого серьезного внимания, если при этом принять во внимание ту часть критики Г. Е. Грумм-Гржимайло, где он не соглашается с Д. Банзаровым относительно места нахождения гипотетической реки Мон-Гол. Очевидно, реку с таким названием, причем, скорее всего, в сильно изменившемся к настоящему времени виде, следует искать в другом месте» [1987, с. 165–166]. Д. Банзаров строил свою гипотезу на основе одних монгольских источников, как выше показали У.-Ж. Ш. Дондуков и другие, не знал хорошо китайские анналы о монголо-татарах, так как не владел китайским языком как современные ему русские синологи, жившие длительное время в Пекине. Тем не менее трезвый взгляд Д. Банзарова на вещи и бытие подсказал ему, что предполагаемые этносы должны были жить по берегам рек или озер. Этот его взгляд на изучаемый объект понравился многим ученым, кто этимологизировал это слово. На это обстоятельство указал Э. В. Шавкунов, вполне справедливо считая, что «Банзаров был близок к разрешению данного вопроса» [Там же, с. 169]. Он же отмечал, что «наиболее раннее упоминание этого имени встречается в китайских письменных источниках X–XI вв. в виде мэнва, мэнью, мэнгу» [Там же]. Д. Банзаров предполагал, что «первоначально это было название реки, имя которой перешло впоследствии на проживавшие по ее берегам племена. Судя по данным анализа письменных источников, мог быть только Нижний Амур в той его части, где в него впадают Уссури и Сунгари. Именно в этом районе в IX–XII вв. проживали шивэйские племена мэнью» [Там же, с. 165–166].

Ц. Б. Цыдендамбаев также поддержал идею Д. Банзарова по поводу генезиса слова *монгол*. Он считал мнение Г. Н. Румянцева некомпетентным, говоря, что «кажется, однако лишенным убедительно-

сти не предположение Банзарова, а скорее, критика этого предположения» [Цыдендамбаев, 1955, с. 140].

У.-Ж. Ш. Дондуков тоже является сторонником гипотезы Д. Банзарова о генезисе этнонима *монгол*. Он писал: «Однако возражения против приведенной банзаровской этимологии слова “монгол” не выдерживает критики». Отметив сакральность горы Мона-Хан, автор в пользу своих доводов приводит легенду о Чингисхане по летописи Саган Сэцэна Ордосского, в которой говорилось о том, что монгольский хан имел пристрастное отношение к горе Мона. У.-Ж. Ш. Дондуков на основе сведений монгольских летописей XVII–XIX вв. считает, что Мона-гора на самом деле существовала, но нам неизвестно, когда пропала она из виду – по причине ландшафтных потрясений или была переименована [1976, с. 134].

А. Ангархаев, изучавший древнемонгольские топонимы в постсоветском пространстве, также поддерживает гипотезу Д. Банзарова с такой оговоркой: «Легко видеть, что “опровержение” не состоялось. Первая часть его – это разные написания в звучании “монгол” на разных языках и в разное время...» [1999, с. 6].

Выше приводились общие названия тунгусов: *мамгу*, *мангму*, *маму*, *мангу*, *мангга*. Еще раз повторяем, слова *мангу*, *мангга* означают реку. Э. В. Шавкунов сделал попытку этимологизировать этот семантический ряд слов, состоящих из трех или двух слогов.

Как известно, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки имеют много общего, входят в семью алтайских языков. Слово *манга* в вышеназванных языках означает ‘сильный, трудный, крепкий, тяжелый, стойкий, упорный’. Доводы Э. В. Шавкунова нашли свои подтверждения в отдельных пояснениях Б. Х. Тодаевой [1986, с. 153], давшей в словаре дагурского языка слово *манга* как ‘сильный, храбрый, отважный, твердый, прочный’; отмечается, что это же слово у А. О. Ивановского в его написании дано в праформе *манга* ‘богатырь’. Казалось бы, при этимологизации слово должно распадаться на значащие слоги или элементы, составляющие морфологическую структуру данного слова. Так, слово *манга* по своему значению полисемантично, во-первых, означает *река*, во-вторых, *сильный* и другие, составляющие этот синонимический ряд. Тем не менее Э. В. Шавкунов, несмотря на некоторые натяжки в понимании слова *манг*, считает, что его можно перевести как ‘сильная, трудная вода’ [1987, с. 167]. Он

нашел выход из этого положения, заключающийся в первом слоге *манг-а*, что означает ‘упорная’, а во втором *му* – ‘вода’, таким образом, получается приведенный нами перевод. В данном случае Э. В. Шавкунову удалось в пользу своей гипотезы найти один слог *му*, в других примерах все эти слова оказались полисемиями.

Манг со значениями «сильный, крепкий, стойкий» в разряде лексики тунгусо-маньчжурских и монгольских языков может «стать субстратом, являясь предшественником на той же территории» [Никонов, 1965, с. 110], может сохраниться в древнемонгольском языке, когда монгольские племена жили на автохтонной территории. Между тем Э. В. Шавкунов выводит взаимосвязь исконного слова *манг* с китайскими *мэн-у*, *мэн-гу*, *мэнъу* на основе одной семантики – река или вода, предполагая, что современные мангуны, живущие в устье Амура, когда-то были связаны с древними монголами.

Предположение Э. В. Шавкунова можно считать верным, имеющим под собою субстрат *манг*, в свете новейших работ китайских археологов, российских и монгольских историков. «Из множества толкований выделяется версия, что данное название произошло от тунгусо-маньчжурского слова “мангу”, “манга”, что в бассейне реки Мангу, что в бассейне Аргуни, доказывает исходная форма этнонима “монгол”» [Зориктуев, 2004, с. 383]. В географическом плане река Мангу впадает в Аргунь, берущей начало с предгорий Большого Хингана, это название по-тунгусски означает ‘стремительная, бурная’ [Там же]. Э. В. Шавкунов и другие утверждают о реке то же самое. Вывод Б. Зориктуева таков: «Слово “мангол”, в котором гласный звук “о” является средним между звуками “у” и “о”, состоит из двух частей: корня манго, соотносимого с названием р. Мангу, и суффикса множественного числа -л, обозначающего групповую совокупность людей. В сумме обе части дают значение люди, живущие по реке Мангу» [Там же].

Помимо рассматриваемых нами догадок есть и совсем новое предположение, имеющее отголоски далеких от нас тотемистических представлений об этом слове. Н. Б. Дашиева отмечает, что «анализ культурной лексики бурят, якутов и монголов свидетельствует, что произведенные от корня “ман/манг/маг” слова находятся в семантическом поле понятия медведь ... как предок» [2001, с. 20]. Она же утверждает, что слово *манги* (медведь) является исходной праформой,

к которой восходит архетип *монгол* [Дашиева, 2001, с. 20]. Возможно, такой подход к разгадке слов *манг* → *манги*, может быть, имеет под собой исторические реалии в географии расселения и миграции вышеназванных народов. Субстрат *манг* со временем превратился в слово *монгол*. В «Сокровенном сказании» оно зафиксировано в виде *ман-хол*, после расшифровки иероглифа более позднего периода.

Этноним *монгол* состоит, по модели Д. Банзарова, из двух компонентов: первое значение найдено ныне, а второе вполне понятно, более современен. Однако еще раз подтверждается истина – любое живое существо не может жить без воды.

Этноним *монгол* возник у монгольских племен в дописьменный период развития древнемонгольского языка. Хотя Д. Кара предполагал, что у монголоязычных киданей было малое письмо, основанное на уйгурском письме [1972, с. 10]. Из-за недостатка текстов на киданьском языке крайне сложно подтвердить или опровергнуть гипотезу Д. Кары. Касаясь этого актуального вопроса, Г. Д. Санжеев писал так: «...наша монголоведная наука теперь уже имеет возможность ставить перед собою вполне определенные, хотя и ограниченные задачи в области исследования монгольской речи древнемонгольского периода, поскольку это касается проблем фонетического и грамматического строя» [1957, с. 375]. Л. Лигети подчеркивал, что «не подлежит сомнению, что в своих сравнительно-исторических исследованиях в области алтаистики мы должны опираться только на тот языковой материал, который в отдельных языках может рассматриваться как непосредственное продолжение алтайского языка-основы» [1955, с. 135].

На наш взгляд, слово *монгол*, став этнонимом, приобретает собирательное, политическое значение, когда говорим об этносе.

В свете сказанного ссылаемся на авторитет Г. Шухардта, определившего сущность этимологии как науки, поэтому то, что «мы называем этимологией, является не чем иным, как историей слова» [1950, с. 214]. В контексте теории Г. Шухардта история изучения этнонима *монгол* должна быть продолжена именно в этом направлении.

Гидроним *манг-му* (строптивый, своенравный Амур) в связи с миграциями монгольских племен деформировался в этноним *монгол*.

Перейдем к лексико-семантическому анализу этнонима *монгол*. Слово *tongyol* зафиксировано в китайских источниках в X–XI вв. с

помощью китайской иероглифической записи. Н. Ц. Мункуев писал, ссылаясь на «Сокровенное сказание монголов» (Mongγol-un niγuᠰa tobᠰian), что в тексте этого первоисточника Юань Чао би ши (гл. 3, л. 12а) перетранскрибирован этноним «монгол»: передается через ман-хо (со значком, указывающим на оглушение начального согласного -«лэ») (Manggol = mongol) с настрочным переводом да-да (татары – общее название монголов в период Мин» [1975, с. 135]. Цэцэнмунх приводит виды праформы *монгол* в тексте «Сокровенного сказания монголов» в таких позициях: 1) Mangxuli; 2) Mangxul; 3) Mangxula; 4) Mangxul-un. Им же отмечается, что были монголы Чингисхана и монголы Джамухи [2002, с. 13]. В. Б. Цыремпилов пишет, что в «Сокровенном сказании монголов» термин употребляется более 10 раз и передается следующими иероглифами: *манхоэр, манхоли, манхولة* [1996, с. 94].

Э. В. Шавкунов считал, что слово *манг* взято из лексики тунгусо-маньчжурских языков, соответствует слову *монг* в семантическом отношении [1987, с. 168]. Цэцэнмунх утверждает, что слог *мон* на китайский язык передает со сменой гласного *о* на *а*, так как в китайских иероглифах звука *а* нет [2002, с. 13]. Вот парадокс: после китайской иероглифической записи гласная *а* тунгусо-маньчжурского языка снова занимает прежнюю позицию.

В тексте надписи на стеле Исунгте этноним *монгол* зафиксирован как Mongγol [Ligeti, 1972b, vol. II, p. 17]. Цэцэнмунх отмечает, что это слово в китайской иероглифике писалось в форме *монхол* [2002, с. 13].

Б. Я. Владимирцов [1929, с. 158] отмечал разновидности этнонима *монгол*: монг.-письм. mongγol (<moγol) > [халх. монгол «монгол», баит., дэрб.-кобд., Хотогойт, монгол, ойрат-письм. mongγol, квадрат. moγol, могол, могол (<moγal), мдж. mongγo; (> mongal) Плано Карпини, русск. монгол, могол, мунгал. Э. В. Шавкунов архетипы Б. Я. Владимирцова считал поздними [1987, с. 165]. На наш взгляд, они не все абсолютно поздние. Слово *монгол* дано как *моал*, таким же дано у Рубрука [Владимирцов, 1929, с. 314]. Цэцэнмунх в реестр этих слов включил и *монгол*, являющийся таким же словом, как *манхол* [2002, с. 14].

Таковы внешние формы микроэтнонима *монгол* в фонетическом плане. Этот архетип, согласно концепции В. Пизани, может быть от-

несен к номинативным, «в силу причин: фонетических модификаций, исчезновения, изменения значения других слов, с которыми они первоначально были связаны» [1956, с. 8], в которых нет ясных описаний и оценок этих понятий, явлений.

Ряд лингвистов пытался этноним *монгол* рассматривать в лексическом, историко-сравнительном плане. А. Ш. Кичиков, проанализировав ряд слов с праформами *монгол*, привлекая факты из лексики письменного ойратского и современного калмыцкого языков с корнем *мон*, приписывал значения таких типов: «большой, выдающийся, крупный» [1957, с. 137] на основе словообразовательного процесса от одно- и многосложных первичных основ, в которых он искал фонетический принцип в семасиологии слова *монгол*.

Есть и попытки разрешить этимологию этнонима *монгол* на основе морфологических уровней: слогов, разложенных на отдельно признаваемых авторами слов и морфемик, также формантов. Д. Банзаров на основе показательных слов *монг*, или *мунг*, понял специфику морфологической структуры этнонима *монгол*, заметил: «их имя ... без натяжки разлагается на мон-гол (река Мон)» [1955, с. 169]. Итак, два слова становятся для некоторых авторов исходной моделью.

Следовательно, Д. Банзаров слова *монг* или *мунг* не принимает за отдельные выражения «по свойству самого языка монголов», опираясь на приведенные им территориальные гидронимы или оронимы. Впрочем, А. Ш. Кичиков взял за основу слово *мон* или *мо* на основе устной реплики Г. Д. Санжеева о том, что «мон» может быть корнем этнонима «монгол» [1957, с. 137].

В пользу доводов Д. Банзарова по слову *мон* высказался Намжилцэвээн [1959, с. 4], который указал на исторический роман В. Инджаннаши, где приведены сведения о речке Мон, являющейся истоком Онона, где сановники Чингисхана совершали тайлганы. С. Жамбалдорж [1990, с. 25] нашел на территории Северной Монголии немало геонимов и топонимов, например, в свое время разыскиваемое название горы Мон хаан уул (Гора Мон царский) зафиксировано в Архангайском аймаке.

С. Жамбалдорж отмечает, ссылаясь на показания Намжилцэвээна, что слово *монгол* может состоять из корня *мон* и слова *гол* [1990, с. 12]. Последнее может семантически изменяться, потому оно может распадаться на форманты *-гу*, *-л*. Морфемика *л* означает *хун*

(человек). Вот вышел парадокс. Догадка Намжилцэвээна, однако, имела какую-то языковую логику в научной эвристике С. Жамбалдоржа [Там же, с. 12–26] и У.-Ж. Ш. Дондукова [1992, с. 23]. Там находит она свои подтверждения.

А. Мостаэрт, отмечал Н. Ц. Мункуев [1977, с. 403], с большой осторожностью предполагал, что «слово *mongγol*, возможно, относится к словам с древней формой множественного числа на “-L”» [Mostaert, 1950, p. 292]. Н. Ц. Мункуев [1977, с. 403], поддержав первого, считал мнение А. Мостаэрта об этом аффиксе множественного числа -L вполне возможным. Ю. Б. Ринчен соглашался с мнением А. Мостаэрта. Сам комментатор китайской летописи «Мэн-да бэй-лу» в связи с формантом -L писал, что «позволительно вспомнить, что монгольский этноним сарта *’ул~сартул*, очевидно, также является древней формой множественного числа на -ul», так как у Рашид-ад-Дина [1946, т. 3, с. 195] мы находим «“сарт” – форму единственного числа этого слова» [Мункуев, 1975, с. 90].

Г. Д. Санжеев, касаясь догадок А. Мостаэрта, писал, что он «не дал объяснений, что же тогда означает монгга – производящая основы этого этнонима» [1983, с. 55]. На эмоциональный, впрочем, вполне уместный вопрос Г. Д. Санжеева может стать ответом наличие в монгольских языках фузирванных аффиксов, обнаруженных Т. А. Бертагаевым. Последний писал: «Разнообразность и вариантность аффиксов множественности, очевидно, есть результат перестановки и чередования двух основных аффиксов -д//с и -нар//л и вставочных фонем» [1969, с. 57]. Аффикс -L множественности найден Бертагаевым в лексике эхирит-булагатского говора бурятского языка. Им приводятся такие примеры, как *дээд-уул* ‘верховские’, или ‘верхние’, и еще *доод-уул* ‘низовские’ (лица, находящиеся на возвышении и низине), т. е. территориально) [Там же].

Любопытно, что была выдвинута гипотеза Ж. Жараннэг и Данзана. Они утверждают, в частности, что слово *монгол* состоит из двух слов *мон* ‘знак’ (тэмдэг уг) и *ол*. Слог -ол является формой множественного числа. Праформа *мон-ол* состоит из вышеназванных значащих единиц, что образуют морфологическую структуру слова *монгол*, в которой, как видим, морфемика -нг совсем утрачена, по их мнению, в новом обозначении – *мон-ол* может быть представлен в семантике *мон+чууд*, если к основе *мон* присоединить форму множественного

числа -чууд, следовательно, *мон* означает клан или более крупное племенное объединение типа *люди хана Мон*, что в древности у монголов было весьма распространенным явлением [по: Цэцэнмунх, 2002, с. 2]. Посылки этих ученых возвращают нас ко времени Д. Банзарова, который впервые в монгольской филологии высказал идею о том, что праформа *монгол* может распадаться на два отдельных слова, «первое из них (*мон*) встречается в собственных именах владетельных лиц поколения монгол: Боданцар, Монхан ‘хан монский’, Мона-лун ‘жена Махадодана’ или ‘княжна монская’» [Банзаров, 1955, с. 170], которые были реальными историческими лицами, что подтвердил Г. Н. Румянцев [1955, с. 307]. Так, догадки о слове *мон* оказались вовсе не новыми, а мало замечаемые предположения Д. Банзарова.

Не случайно мы приводили длинный ряд словоформ со значением монгол, взятых у Б. Я. Владимирцова. В этом реестре есть этноним *монгор*, произошедший от *монхор* – реликтовое название этнонима, которым именуется народность в КНР и в наши дни [Цэцэнмунх, 2002, с. 214]. Говоря о языке монголов, Г. Д. Санжеев отмечал, что «монгорский язык резко отличается от других, они сохранили язык XIII в.» [1953, с. 6]. Не совсем правы те, кто считает, что эти слова с семантикой *монгол* имеют позднее происхождение. Изолированные, или островные, монгольские языки, как боаньский, дунсянский и монгорский, сохранили, по-видимому, архаический язык XIII в., что является весьма ценным кладом лексики древнемонгольской речи.

Выше показано, в каких формах слово *монгол* было приведено в иероглифических записях в китайских источниках и в оригинале «Сокровенного сказания монголов». Подошло время объяснить, как толкуют синологи этноним *монгол*, подвести итоги по этим актуальным вопросам происхождения монголов и всего этнонима, так как эти проблемы неразрывно связаны.

Э. В. Шавкунов считал, что «наиболее древними из иероглифических записей, относящихся к X–XI вв., являлись мэнва и мэнью. В середине XII в. этот этноним писался уже как мэнью, а примерно с конца или с начала XIII в. – как мэнгу» [1987, с. 167–60].

Обратимся к современным работам. Например, П. О. Рыкин пишет, что «впервые термин *mongol* появляется на страницах двух китайских хроник: в “Цзю Тан шу” ‘Старая история [династии] Тан’

(закончена в 945 г.) в форме мэнью (Mung-nguet) и в “Синь Тан-шу” ‘Новая история [династии] Тан’ (закончена в 1060 г.) в форме мэнва (mung-ngwa). Реконструированные среднекитайские формы указанного названия позволяют предполагать, что мэнью передает оригинальное *mongyut*, или *mongyul*, а мэнва служит транскрипцией *mongya*» [Рыкин, 2003, с. 244]. Эти наиболее достоверные сведения по названиям почерпнуты автором из работ И. де Ракевильца [1966, р. 200] и Г. Серройса [1982, р. 475]. Транскрипция в форме *мэнва*, по мнению И. де Ракевильца, является «фонетическим вариантом первой с утратой конечного консонанта (*mongya(l)*), а *mongyut* стоит в форме древнего множественного числа от слова *mongyul*, которое к XIII в. под действием закона прогрессивной ассимиляции в большинстве монгольских диалектов дала форму *mongyol*» [1996, р. 201].

П. Рыкин на основе мнений синологов пишет, что «встречаем еще несколько транскрипций, в которых с большей или меньшей вероятностью можно признать искажения какого-нибудь из вариантов слова *mongyol*» [2003, с. 244–245], к каковым он относит названия племен *мэнгу*, *мангуцзы*, *мэнгусы* и т. д., иные наименования им исключены вовсе как несоответствующие.

Хотя Э. В. Шавкунов ссылаясь на примечания Н. Ц. Мункуева к книге «Мэн-да бэй-лу», отдавал предпочтение Б. Карлгрёну в точности передачи древнекитайской огласовки интересующего нас этнонима, которая передается как *tung-ngw t*, *mangk w t*. Он дал в связи с расшифровкой записей такие пояснения: «начальный слог первого и третьего вида произносился примерно как *мунг*, *монг*, а второго – как *манг*, который полностью соответствует начальному слогу *манг*, *мэнга* в тунгусо-маньчжурских наименованиях района нижнего течения Амура, Уссури и Сунгари. Второй слог первого и второго вида иероглифической записи указанных этнонимов произносился в древности примерно как *нгот*, *гот*, тогда как у третьего вида как *го*.

Если учесть, что иероглифы с конечным *т* древнекитайского языка до сих пор находят свои соответствия в кантонском наречии современного китайского языка и что этими иероглифами транскрибировались слова иноязычного происхождения с конечными *т*, *р* и *л*, то станет очевидным, что под иероглифической записью этнонима *мэнью*, *мэнгу* в современном чтении скрывается древнемонгольское

монгол, манггол, где слог манг и, возможно, монг выступали в значении *река*. В целом же название *манг-гол* можно перевести как 'сильная строптивая река'. Об этом, судя по данным Д. Банзарова, было известно монгольскому хронисту XVII в. Саган-Сэцэну, который рассматривал, что этноним *монгол* является производным от корня *монг* – 'строптивный, дерзкий'» [Шавкунов, 1987, с. 167–168].

Таким образом, Э. В. Шавкунову удалось доказать, насколько был близок к разрешению по вопросам имени *монгол* Д. Банзаров. Он выдвинул в своей статье по генезису архетипа *монгол* и его семантического функционирования несколько вполне удачных и логически верных предпосылок к разгадке всей праформы. В них содержатся два разных компонента географического, этнохозяйственного и историко-генеалогического плана. Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926, с. 382] и Н. Ц. Мункуев [1975, с. 90–91] привели большой список литературы по вопросу генезиса монголов и этого этнонима на многих языках народов мира.

«В становлении монгольского языка и вновь созданного в эпоху Чингисхана одноименного этноса вполне справедливо выделяется номадический дискурс: тюрки – монголы – тунгусо-маньчжуры. Но эта триада ассоциируется с рубриками лингвистической классификации, предъявляет определенные культурные комплексы» [Рыкин, 2003, с. 241]. Эти комплексы построены умозрительно, внешне логичны и заманчивы в научных разысканиях информационно-поискового языка (ИПЯ). Однако они противоречат итоговым исследованиям синологов XIX–XX вв., тут еще есть культурологический подход Ф. Барта к решению термина *монгол* в поиске монгольской идентичности в эпоху Чингисхана, присутствует закон рынка П. Бурдьё» [Там же, с. 240].

П. Рыкин провел семный анализ слова *монгол* в ракурсе монгольской идентичности во времена Чингисхана по тексту «Сокровенного сказания монголов». Он подсчитал, что «термин *mongγol* в ССМ употребляется 38 раз (§ 52, 57, 108, 126, 142, 174, 189, 190, 193, 196, 202, 216, 248, 265–266, 272). Кроме того, дважды (§ 3 и 202) встречается форма *mongγol-jin*, образованная от *mongγol* при помощи аффикса =jin. Ни в одном из контекстов термин не выступает в качестве самоназвания какой бы то ни было группы, да и вообще в качестве обозначения, даже со стороны "других", этнической идентичности»

[Рыкин, 2003, с. 249]. Он пользуется референцией слова *mongyol* в тексте ССМ на трех ее уровнях: определенных, неопределенных и нулевых [Там же, с. 249–253]. Им показаны соперничество Чингиса и Джамухи, далее следуют словосочетания «монголы» vs кэрэиты; «монголы» vs найманы; «монголы» vs лесные народы; «монголы» vs китайцы; «монголы» vs тангуты [Там же]. На основе интересного концептуального анализа ССМ автор пришел к выводу, что «никаких этнических», или «собственно монголов», тогда просто не существовало. П. Рыкин предложил некую экспликатную схему, которая поможет найти ответы на вопросы [Там же, с. 253].

Рашид-ад-Дин, очевидно, определил, что «в древности монголы были [лишь] одним из племен из всей совокупности тюркских степных племен» [1952, т. 1, с. 103]. С. Г. Кляшторный на основе показаний персидского историка «разделяет этнополитическую историю степей Центральной Азии на три хронологических этапа: а) этап господства “тюркских степных племен”, временные параметры которого не определены; б) этап подчинения тюркских племен татарами и превращения этнонима “татар” в общей политонии, временные границы – от “глубокой древности” до начала татаро-монгольских войн (XII в.); в) этап возвышения монголов и после истребления татар превращения этнонима “монгол” в общеимперский политоним» [1993, с. 140].

Очевидно, идеи С. Г. Кляшторного стали лейтмотивом, индикатором весьма сложной и своеобразной в авторском «я» статьи П. О. Рыкина, в которой он попытался разрешить вопросы этнополитической ситуации племен в эпоху Чингисхана путем монгольской идентификации через призму слова *монгол*, когда оно было лишь политонимом в силу конгломерата разных племен и этносов, входящих в состав созданной в XIII в. Монгольской империи. Впоследствии возникли этнос и нация.

По мнению Д. С. Дугарова, «существуют три взаимоисключающие гипотезы: китайская (мэнгу ‘получать древнее’), монгольская (Мон-гол ‘река Мон’) и тунгусо-маньчжурская (мангму – название реки Амур – ‘поречане’)» [2000, с. 205]. На наш взгляд, эти гипотезы представляют лишь версии, так как «ни одно из этих толкований происхождения имени “монгол” не является общепризнанным» [Там же].

Д. С. Дугаров выдвинул свою этноисторическую догадку, совершенно отличную от его предшественников. Он утверждает, что «монголы – это совершенно новая общность, возникшая в IX–XIII вв. на этнокультурной базе осколков разгромленных енисейскими кыргызами северо-восточных уйгуров. Оказавшись в изгнании среди чуждых им по языку и культуре племен, уйгурские беженцы присвоили себе новое этническое имя ‘монгол’» [2000, с. 206]. Этноним *монгол* в готовом виде был заимствован вновь объединенными племенами.

Есть и еще одна историческая догадка П. Рачневского. По его мнению, «монголы в середине XI в., создав государство “Хамаг монгол улс”, называли его “мунгу” ‘серебряное’. В этой гипотезе есть своя логика» [по: Кычанов, 1995, с. 10]. Дело в том, что династия киданей Ляо именовалась «железной», чжурчжэни свое государство называли «золотым» [Там же].

К перечисленным гипотезам можно прибавить еще одну промежуточную южномонгольскую догадку, согласно которой звук *л* может обозначать ‘человек’ или *мон* – местность, откуда вышли эти люди.

Методика исследования по вопросам генезиса *монгол* базируется на данных исторической географии, сравнительных материалах на китайском и монгольском языках, подчас использовались данные народной этимологии, которые очень зыбки и ненадежны в деле изучения истории слова *монгол*. Г. Д. Санжеев, Г. Н. Румянцев, У.-Ж. Ш. Дондуков, А. Ш. Кичиков, С. Жамбалдорж, Намжилцэвээн, А. Ангархаев и Цэцэнмунх проделали огромную работу в историко-филологическом и лингвистическом плане. Статьи и замечания синологов имеют особое значение, так как их изыскания мало связаны с данными древнемонгольской речи.

Цель и задачи нашей работы – обобщить все достижения наших предшественников по актуальным вопросам этнонима *монгол* и генезиса монгольской нации вообще. Таким образом, все решения вопросов находились в цепи или цикле научных изысканий целых поколений востоковедов разных стран в течение XIX–XX вв., со времени Д. Банзарова, зачинателя этого нелегкого дела – этимологизации этнонима *монгол*, впервые заложившего основание для его исследования.

Есугаев сын, Тэмучин, став Чингисханом, прославил не только себя, но и свой народ, также создал общность под названием *монголы*, занял особое место в истории народов мира наравне с Александром Македонским или Наполеоном.

1. Кратчайшая биография Чингисхана

Не дав предварительно хотя бы самый общий эскиз к портрету Чингисхана как объекта рассмотрения нами титула *чингис*, невозможно в наглядной форме объяснить этот феномен в истории Монгольской империи. Чингисхан – самая популярная историческая фигура для многих писателей, поэтов, философов и политологов.

Дадим достаточно полную биографию Чингисхана, написанную Н. Ц. Мункуевым для БСЭ: «Чингисхан (собственное имя – Тэмуджин, Тэмучин) (ок. 1155, урочище Дэлиун-Болдок на р. Онон – 25.08.1227) основатель единого Монгольского государства, полководец. Родился в семье одного из родов под названием кият-борджиган Есугай-батура. К 1204 г. Чингисхан разгромил основных соперников в борьбе за власть и, захватив обширные территории, стал фактически главой населявших их многочисленных родоплеменных объединений. На Курултае степной аристократии в 1206 г. он был провозглашен великим ханом над всеми племенами с титулом “чингис” (от тюрк.: тенгиз ‘океан, море’).

В области внутренней политики усилия Чингисхана были сосредоточены на объединении монгольских племен и централизации управления вновь созданным государством в интересах феодализировавшейся родоплеменной знати. В 1206 г. он обнародовал постановления, представляющие собой кодификацию обычного права (Яса).

Чингисхан создал десятитысячную личную гвардию «кэшиг», которая была основной силой подавления всякого недовольства в государстве. В области внешней политики Чингисхан стремился к максимальному расширению пределов подвластной ему территории. Для стратегии и тактики Чингисхана была характерна тщательная разведка, внезапность нападения, стремление расчленить силы противника, устройство засад и др. Подчинив в 1207 г. 11 народов Сибири и

Восточного Туркестана, Чингисхан в 1211 г. напал на чжурчженское государство Цзинь. Эти войны велись в интересах монгольской верхушки, причиняли величайшие бедствия народам покоренных стран

Войны истощали силы государства и обусловили политический, экономический и культурный упадок уже к концу XIII в. Чингисхан умер на территории тангутского государства Си-ся во время начатого им в 1226 г. похода в эту страну» [БСЭ, 1978, т. 29, изд. 3, стлб. 604-605].

О биографии Чингисхана написано немало, еще больше книг и работ о наследии великого завоевателя планеты. Ф. В. Кливз, чье авторитетное мнение Н. Ц. Мункуев считает основополагающим, выделив из огромного пласта самых разнообразных биографий, лишь работы Б. Я. Владимирцова (1922) и Р. Груссе (1944; 2000) о великом монголе. Издан исторический справочник «Сто великих военачальников», составленный А. В. Шишовым [2003, с. 133–139], куда был включен очерк о Чингисхане, где он описывается как великий завоеватель мира.

2. К истории возникновения слова «чингис»

В отношении появления слова *чингис* в лексике древнемонгольского языка среди ученых нет единого мнения. «Казалось бы, если другие источники не сообщают, что Тэмуджин стал Чингис-ханом до 1206 г., то и верить “Тайной истории ...” не следует. А собственно почему? Наука с готовностью принимает множество фактов, сообщаемых этим источником, но умалчиваемых другими источниками эпохи имперского периода, но почему-то не доверяет этому сообщению, полагая, что оно внесено позже. Это неоправданно. Да и для славы Темуджина безразлично, стал ли он Чингис-ханом ...» [Кычанов, 1995, с. 86]. Б. И. Панкратов думал, что Темуджин принял титул *чингис* в 1203 или 1206 г. [1989, с. 180].

Рашид-ад-Дин писал, что на хурилтае 1206 г. за ним (за Темуджином. – В. Р.) утвердили великое звание «“Чингис-хан” ... Утвердившим это звание был Кокэчу, сын Мунликбеки эчиге из племени хонхотан, его звали Тэб-тэнгри» [т. 1, кн. 2, с. 150].

Рашид-ад-Дин сообщал очень важные для истории монголов XIII в. детали: Тэб-тэнгри «всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: “Бог повелел, чтобы ты был государем мира! ... Прозвание это Темуджину дал он, сказав при этом: “Повелением Бога имя твое таково»

должно быть!»» [Рашид-ад-Дин, т. 1, кн. 1, с. 167]. Такова констатация Рашид-ад-Дина во времени интронизации Темуджина всемонгольским ханом, тогда он был титулован *чингисом*, или *чингисханом*.

3. Титул *чингис* в метакультуре древних монголов и его мифологемы

Лувсанданзан, Саган-Сэцэн и другие носители национальной идеи в XVII–XVIII вв. создали ряд социальных мифов о Чингисхане и его замечательной эпохе. Мины и цины вели упорные длительные войны с монгольскими феодалами, в итоге Восточная Монголия стала окраиной Цинской династии, а Джунгария была полностью разгромлена, часть населения бежала на север, так калмыки основали свое ханство в Нижнем Поволжье.

Мы уже писали о том, как, кем и когда был присвоен титул Темуджину. Лувсанданзан описал этот торжественный эпизод из жизни Чингисхана так: «Как только они приняли это решение, то поклялись и принесли жертву верховному вечному Небу, водрузили и воздвигли девятиножное белое знамя. Еще до того, как родился Темуджин, хаган мудрых луусов (духов вод и земли) – лешиев вытолкнул [из камня] печать Хасбу (из яшмы. – *В. Р.*); черноватая птица, сидя на дымнике, прощебетала: “Чингис, чингис”. Щебетание этой птицы и было причиной того, что Темуджину дали имя Чингис» [1973, с. 100]. Многие авторы считали и считают эти легенды о Чингисхане народными этимологиями в деле объяснения сути этого титула.

Эта мифологема Чингисхана попала и в фольклор. Очевидно, кто-то знал монгольскую легенду о птице, которая щебетала слово: «Чингис», или «Чим-гис». Легенда была инкорпорирована в монгольские летописи, а затем и в бурятский фольклор. Это весьма любопытная ротация данной мифологемы.

Обратимся к волшебной бурятской сказке, в которой говорилось о том, что после смерти некоего хана Укер-буксе ‘Вол толстозадый’, его подданные организовали выборы нового хана. Они вспомнили завещание покойного, в котором сказано: «Встречайте кандидата в ханы с потушенными свечами, если свечи зажгутся сами тогда, когда через ханские ворота войдет человек, того признаете вашим властелином». Узнав эту весть, дочь хана вместе с сыном направилась к отцовскому дому. Как только она вошла в ворота, то «сразу же зажглись свечи перед бурханами. Обрадовался народ, однако никто не знал

имени нового избранника. В это время над воротами столицы ханства пролетала синичка и усиленно чирикала: “чин ... чин ...” Народ обратил на это внимание и прозвал нового хана Чингисом» [Балдунников, 1926, с. 76]. Сказка была записана от бурята Павла Банеева, 70 лет, в Онгоевском улусе Билчирского хошуна. Такова еще одна версия мифологемы о Чингисхане. Автор назвал этот устный рассказ преданием, но, по-нашему мнению, в нем есть немало свойств волшебной сказки. В ней есть мотив непорочного зачатия – единственную дочь хана держали в темнице, куда свет не проникал вовсе, ей никогда не давали мяса. «Раз к обеду ей подали верхний копчик берцовой кости. Дочь, рассердившись на это, взяла кость и кинула ее в стену. Она пробила стену, в юрту проник свет, и дочь Ухер-Буксе от этого сделалась беременной» [Там же]. Этот эпизод сказки напоминает притчу об Алан-гоа, которая забеременела от излучения через дымник юрты. Ее упрекали сыновья от Добун-мэргэна в том, что дети, родившиеся после покойного отца, наверное, от домашнего слуги Малиха, баяудайца. Узнав об этом, Алан-гоа в ответ им говорила: «... через дымник юрты, когда становится темно ... появляется человек, и свет его проникает мне во чрево ... Эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!» [Козин, 1941, с. 81]. Мотив зачатия ханской дочери связан с притчей о сыновьях Алан-гоа, известной по ССМ. Это заимствование контекстуально взято в виде сюжета из названной летописи фольклора монгольских народов.

Сам хан не признавал дочь своей наследницей. Мотив унижения женщин, означающий разрыв его клана, появился в период патриархата. Отсюда и отчуждение: приказ хана «посадить беременную дочь в бочку, заколотить и бросить в море» [Там же]. Этот эпизод показывает момент борьбы за престолонаследие, как в одной из литературных сказок А. С. Пушкина. Он напоминает царя Эдипа, не хотевшего иметь сына, наследника трона, и потому приказавшего умертвить ребенка. Однако история распорядилась иначе. В этой ситуации выходит по идее данной сказки, что Чингисхан – это законный хан, чья судьба была определена давно Небом, потому его предвещница синичка, щебетала: «чин ... чин ... чин ...» – отнюдь не случайно. Таким было это предзнаменование в этническом сознании народа.

Личность Чингисхана в мировой истории – явление чрезвычайно противоречивое. Роль монгольского императора в крутых поворотах исторических эпох очень велика, его разрушительные войны в мета-истории очень значительны. Е. И. Кычанов [1995, с. 7] задумывается и над ценой «событий человечества, трактуемых нередко в определенных кругах ученых как прогресс». В этом своем событийном плане и хронологике Чингисхан был исполнителем демонических, злых, черных и разрушительных сил.

Вышеприведенные нами чудесные легенды из анналов истории мусульманских авторов были известны европейским ученым [Эрдман, 1844, с. 39–44]. Эти красивые легенды являются мифологемами в объяснениях титула *чингис*, которые были доступны простым людям, им внушалась мысль о том, что Темуджин стал ханом по указанию вечного Неба свыше, трактовалась эта идея как идеологема – аксиома.

4. Чингис – имя или титул: историко-этимологический и лексико-семантический анализ

Этимология слова *чингис* засвидетельствована во многих китайских, персидских и монгольских источниках. Оно выгравировано в надписях на стеле Исунгге, являющихся первым памятником монгольской письменности.

О возведении Темуджина на ханский престол сообщается, по данным Б. И. Панкратова, в исторических сочинениях, которые делятся на две группы: 1) не дающие никакого объяснения этимологии слова *чингис*; б) объясняющие семантику титула *чингис*. К первой группе источников он относит: 1) «Сокровенное сказание», 2) «Старинное китайское сказание о Чингисхане», 3) «Юань-ши» [1989, с. 181].

«Мэн-да бэй-лу», «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина и «Эрдэнин тобчи» Саган-Сэцэна содержат в себе этимологические сведения о генезисе слова *чингис*.

Как известно, первая группа восходит к единому источнику. Вопрос происхождения слова *чингис* и восшествия Темуджина на ханский престол, возникновение новой империи монголов неразделим. Если бы не было такой мощной империи кочевников в XIII в., то не могло идти речи и о титуле *чингис*, и самом Чингисхане. Ниже приведем свидетельства истории, дошедшей до нас в указанных источниках. «Сокровенное сказание» 1203 г.:

«Тэмуджина же нарекли Чингис-ханом и поставили ханом над собою» [Юань чао би ши, с. 163–164* ; ср.: Козин, 1941, с. 109].

«Сокровенное сказание», 1206 г.: Чингисхану там дали титул [Там же, с. 389; ср.: Там же, с. 203].

Старинное китайское сказание о Чингисхане, 1206 г.: все поднесли ему титул императора Чингиса [о. Палладий, 1877, с. 180]**.

Юань ши, 1206 г.: князья и чины поднесли ему название Чингисхана [о. Иакинф, 1834, с. 35; Панкратов, 1989, с. 181].

Таким образом, титул *чингис* был отражен и задействован в этих древних источниках начиная с 1203 г. Время присвоения Тэмуджину титула *чингис* остается спорным, очевидно, точной даты в этом вопросе нет. Слово дошло до нас в разных системах письменности, передано на уйгуро-монгольском, персидском, тибетском письменах и в китайских иероглифах. Все эти графические знаки передают слово *чингис* в своих традициях.

В надписи на стеле Исунгге слово *чингис* в сводных чтениях А. Гамбиса передано так: Шмидт – Cingis; Банзаров – Cingis; Клюкин – Cingis; Мураяма – Cingis; Гамбис – Cinggis; Пэрлээ – Cinkis; Лигети – Cinggis; Ринчен – Cingis; Ракевильц – Cinggis [Hambis, 1960, p. 144]. Чтение титула показывает нам весьма любопытную картину в его разноголосии в фонетическом плане, является объектом изучения этого титула, как в фонетическом, так и в грамматическом плане.

Слово *чингис* очень трудно поддается толкованию семантики. Б. Я. Владимирцов не случайно писал: «Очень трудно объяснить значение слова Чингис, сделавшегося титулом Темучина, под которым он стал известен всему миру» [2002, с. 158]. Ему вторил и другой историк, писавший, что «с титулом “чингис” дело обстояло во много раз хуже. Происхождение его было непонятно современникам с самого начала. С того самого времени, когда Тэмуджин был назван Чингисханом» [Панкратов, 1989, с. 181].

* Юань чао би ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Т. 1. Текст // Изд. текста и предисл. Б. И. Панкратова. – М., 1962 (Памятники письменности Востока. Тексты. Большая серия. VIII).

** о. Палладий. Старинное китайское сказание о Чингисхане // Вост. сб. Т. 1.– СПб., 1877.

Рашид-ад-Дин первым попытался объяснить значение слова *чингис* на основе норм монгольского языка XIV в. и фактов общественной и политической жизни монголов. По-монгольски же *чинг* значит ‘крепкий’, а *чингис* – множественное число от него. Причина была в том, что в то время у великих государей кара-катаев титулом был *гурхан*, а значение слова *гур* – также ‘крепкий’, и до тех пор, пока государь не бывал предельно велик, его не называли гур-ханом. На монгольском языке прозвание Чингис имеет тот же смысл, но с более преувеличенным значением, так как оно есть множественное число [Рашид-ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 1, с. 16].

Вслед за Рашид-ад-Дином К. д'Оссон так объяснил происхождение титула *чингис*: он (Темучин. – В. Р.) победил и уничтожил многих монархов, носивших титул гурхана, т. е. Великого хана, ему уже не приличествует принимать такой титул, блеск которого помрачен, что Небо повелело ему принять Чингис-хана, т. е. хана могучих [1937, с. 77].

Его переводчик Н. Н. Козьмин слово *чингис*, или *чингиз*, разделил на два значащих слога, согласно чему возникли две самостоятельные морфемы: это *чинк* (точнее – *чинг*) по-монгольски: ‘сильный, крепкий’, частица – *гис*, или *гиз* (*guiz*) является множественным числом слова *хан* при сокращении словоформы: *каҕан* (по Козьмину – *хакан*), так в этом фонетическом случае выпал согласный *ү* (*г*), получилось слово *хаан* [Там же].

Слово *чингис* распадается на два слога, впрочем, морфологическая структура этого слова очень проста. Если основываться на лексических особенностях монгольского языка, то найдем без труда слово *чинг*, имеющееся в письменном монгольском языке. Слово *cing* обнаружено в монгольском языке в трех значениях: 1) *чин* ‘вид гонга’, 2) *чин* ‘вид аиста’ [Пюрбеев, 2002, с. 315], 3) *чин* ‘истинная правда’, от него имеются производные слова: *чин унэн* – ‘чистая правда’; *чин шу-дарга* ‘исключительная честность’; *чин санаа* ‘чистые помыслы’. Производные от них слова: *чин зориг* ‘твердое, непобедимое намерение’ [Цэвэл, 1966, с. 819]. Хаммер Пургшталь считал, что это слово является очень давним заимствованием из китайского языка (Hummer Purgstall, 1840). После рассмотрения семантики корня *чин* на основе монгольского письменного языка переходим к фактам исторической лексики калмыцкого языка. В этом плане очень любопытно объясне-

ние слова *чингис*, сделанное Н. Н. Убушаевым, в котором он пишет «В современном калмыцком языке имеются слова, имеющие корень «чин»: чинэтэ мал – ‘упитанный скот’; чинэн алдрах – ‘недомогать, чувствовать слабость’; чинэн орх – ‘чувствовать прилив силы’; от этого же корня «чилд» ‘сила, мощь’, чанһар ‘сильно, крепко’. В этих примерах отразились имена качественные или предметные, как было давно замечено А. А. Бобровниковым. Он же, продолжая вышеприведенный семантический ряд слов, дополнил их в именных и глагольных формах: «чин» сравнивает со словами «эрге» – ‘крутиться’; «эргу» ‘крученный, тупой’; «серге» – ‘быть бодрым’; «бурк» – ‘закрывать, накрывать’, или «бурк» – ‘закрытый, пасмурный’» [2001, с. 49]. Его доводы сделаны с помощью глаголов движения и энергии.

Н. Н. Убушаев находит в корне *чин* еще одну фонетическую особенность: добавляется согласный *н=нг*. Автор объясняет это так: «Согласный “н” корня “чин” в конечной позиции развился в заднеязычно-увулярный начально ртовый согласный *н=нг*, что в монгольских языках бывает нередко (ср.: монг.-письм. “sonus” – калм. “сонс” = монг.-письм. “уну-” ‘падать’, калм. “унһа” – ‘ронять власть’») [Там же, с. 50]. «Но если первый слог “чин” в монгольском языке находится легко, то второй слог – “гис” в качестве показателя превосходной степени не обнаружен ни в памятниках письменности, ни в живых диалектах монгольского языка» [Панкратов, 1989, с. 185]. Этимология слова *чингис*, предложенная Рашид-ад-Дином, имеет свои недостатки, как писал Б. И. Панкратов [Там же, с. 180], она не дает удовлетворительного, приемлемого для нас толкования титула *чингис*. Этимологические разыскания Рашид-ад-Дина, по словам Н. Ц. Мункуева [1985, с. 110], перекочевали в сочинение Абуль-Гази, были приняты и К. д’Оссоном.

И. де Ракевильц писал об этимологии слова *чингис*, данной Рашид-ад-Дином, в более категорической форме: «... интерпретация имени чингис как множественное число в монгольском *ĉing* грамматически неправильна, а этимология его есть не более как знак» [Rachewiltz, 1989, p. 288].

Д. Банзаров писал, что «правда, есть монгольское слово чинг, но оно значит “твердый”, а не великий или могущественный, окончание же гиз в монгольском языке не находится» [1955, с. 175].

Н. Ц. Мункуев считал правильным у Д. Банзарова то, что касается множественного числа в этом языке [1975, с. 110] в формате *гиз*.

Г. Н. Румянцев согласился с Д. Банзаровым в связи с отсутствием в монгольском языке искомого суффикса, добавил, что «превосходная степень выражается синтаксическими средствами» [1955, с. 311]. Д. Банзаров в данном случае «совершенно основательно отвергает такую этимологию имени “чингис”» [Там же, с. 310].

Впрочем, многие монголисты остановились перед решением вопроса множественного числа, о чем еще говорил Рашид-ад-Дин, правда, неудачно и неточно. Например, у Н. Н. Убушаева получилась форма *чинг* оригинальной, которая при наращении аффикса множественного числа *-с* или *-з* принимает протетический гласный *н*. Так, мы имеем слово Чингис/Чингиз [2001, с. 50].

Объясняя геополитические и политические амбиции Темучжина после столь удачных военных сражений, Д. Банзаров справедливо указал на то, что «когда Тэмудчин покорил себе все племена Средней Азии, ему нужен был приличный его положению титул, победив илханов и гур-ханов, он бы унизил себя, если бы усвоил себе их звание, их, которые были его подданными», чтобы быть выше них «он объявил себя сыном Неба» [1955, с. 176].

Д. Банзаров искал ответы в этимологизации слова *чингис* в китайских источниках, поэтому он просил помочь ему известных тогда синологов в эвристических разысканиях в китайской историографии о монголах. Ученый, в отличие от предшественников, выдвинул свою очень своеобразную концепцию о слове *чингис*, о котором он писал так: «Я думаю, что Темуджин восстановил древний титул великих ханов народов хиун-ну, владевших всею Монголией с 214 г. до Р. Х. по 93 г. по Р. Х. титул *tchen-уи*, чен-ю, а по северному китайскому, или новейшему произношению шань-юй ... Хи ун-ну называли своих ханов также тэнгри-кубу, т. е. “сын неба” ... не входя в этимологию слова “чингис”, принять, что оно равносильно титулу “сын неба” или император» [1955, с. 176–177].

М. Джолжанов частично был согласен с идеей Д. Банзарова, что титул *чингис* следовало бы искать в лексике языков Востока. Этот титул (в начале было новым именем) является символическим выражением понятия «сын вечного неба», при этом ссылается на калмыцкое *жингес* со значением «вечный, бесконечный» [1997, с. 3].

Калибек Данияров в своей книге по истории древности и средневековья Казахстана в жанре фэнтэзи старался переписать историю этого молодого государства, возникшего после распада СССР. Он пишет: «До объявления ханом Чингисхан... носил имя Темиршин. Имя Чингисхан ему было подобрано биями четырех родов: кият, найман, керейт, меркит, поднявшими его на белой кошме и объявившими его Ханом» [по: Джолжанов, 1997, с. 12]. По-казахски этот титул звучал так: *шынгыс*. Слово также распадается на два слова: *шын* 'самый высокий пик в горах', *гыс* – по древнетюркски означает 'луч'. Имя означает «высокий, лучезарный хан» – *Шын-гыс-хан* [Там же, с. 12]. В связи с этой догадкой автора заметим, что любой народ, находившийся во владении Чингисхана и его преемников, старался объяснить семантику слова *чингис* по-своему, видя себя частью геополитики эпохи завоеваний покорителя мира.

Ю. Л. Кроль, опубликовавший доклад Б. И. Панкратова в виде отдельной статьи, в примечаниях к ней нашел источник Д. Банзарова, на чем основано утверждение этого монголоведа по «Истории Бань Гу» (32–92) (Хань шу бу чжу «История хань» с дополнительными комментариями) Ван Сянь-цянь (Пекин, 1959, см.: 94А, с. 5310). Перевод Б. И. Панкратова гласит: «...фамильное имя Шань-юй эя – Люань-ди, его подданные величают его “Чэн-ли гу-ту шэнь-юй”» [1989, с. 187].

Сюн-ну небо называют *чэн-ли*, сына *гу-ту*. Шань-юй же означает «беспредельность», т. е. символизирует обширность, беспредельность неба [Там же].

Де Гроот считал, что перевод слова *шань-юй* сделан Д. Банзаровым неточно. Палладий возразил гипотезе ученого о титуле *чингис*. На основании мнений этих авторов Г. Н. Румянцев [1955, с. 316] отверг эту весьма интересную догадку не совсем верно.

Н. Ц. Мункуев писал, что «Д. Банзаров был неправильно информирован о древнем произношении в китайском языке» [1975, с. 110]. На основе замечаний П. Пеллио он выразил свое негативное отношение к гипотезе Д. Банзарова. Гипотезу первого французский синолог считал «для того времени остроумным предположением, на которое едва ли влияет высокомерное опровержение Эрдмана», также подчеркнул особо «шань-юй – это древний *Ziān-jū (?), от более архаичного Ziā-gū, и я думаю, чтобы древний звонкий начальный звук сюн-нуского оригинала мог дать начальный с – в монгольском языке» [Мункуев, 1975, с. 110].

Г. Н. Румянцев писал о догадке Банзарова в таких словах: «прежде всего у нас нет никакой уверенности, что хуннское шань-юй действительно значило “*tʃrɪ küvegün*” – ... “сын неба”, а во-вторых, метаморфозы слов, очень резко отличающихся в фонетическом отношении, совершенно невероятны» [Румянцев, 1955, с. 316].

В связи с вышеизложенным уместно привести слова В. С. Таскина: «как полагает Сиратори, значение шаньюя начинает падать с разделением сюн-ну в 48 г. н. э. на южных и северных, в связи с чем появились два шаньюя» [1986, с. 216].

Нам неизвестно, какой иероглиф Бань Гу использовал в данной ситуации в обозначении титула *шаньюй*, тогда как эти номинации в иероглифах обозначали, очевидно, свои записи. Таким образом, гипотеза Д. Банзарова о титуле *чингис* не утратила своего значения, потому что она не может быть выброшена из арсенала монгольской филологии, хотя в его этимологии есть немало спорного.

В. Шотт, рецензируя статью Д. Банзарова, был склонен этимологизировать титул *чингис* от слова *чинуа* – волк, о чем выше уже говорилось.

Б. С. Дугаров [1996, с. 163–166] выдвинул свою догадку о слове *чингис*, состоящую из схемы Буртэ-Чино > Тэнгис > Чингис, в основе которой лежит тотем волка. Оригинальный подход к решению этимонов *чин+гис*, он в свою градацию включил *тэнгис* «море, океан», объединил древнетюркские и монгольские корни этого титула.

К числу новейших работ по этимологии слова *чингис* относится статья Н. Н. Убушаева [2001, с. 49, 50]. Свои догадки он хотел обосновать исторически, считая, что *волк* был одним из сильнейших тотемов культа народов Великой степи, приписывает ему культурное, идеологическое и религиозное значение. Его заключение перекликается с мнением Д. Банзарова о вождевизме в чисто психологическом плане. Н. Н. Убушаев утверждает, что «Чингис-хан в своем имени возродил название тотема, только не древнее Кият, Койда, Хойт, а новое его название “чинно” – “волк”» [Там же, с. 50]. Закончив объяснения титула *чингис* на основе норм самого монгольского языка, ученые попытались объяснить это слово на факте древнетюркского языка. Он же вторит В. Шотту.

Ряд монголистов и тюркологов, синологов поддерживает гипотезу Г. Рамстедта, состоящую из семантического ряда лексем **čingis* >

tengri «море», акцентируя внимание лингвистов на фонетическом законе перехода древнемонгольского и древнетюркского *ti > ci*, например, турецкий *bitig*, монг. *bičig*. П. Пеллио выдвинул аналогичную идею по генезису слова *чингис*. Н. Ц. Мункуев уверял читателей в том, что они «высказали независимо друг от друга предположение о том, что “чингис” является палатализованной формой тюрко-монгольского *tenggis* – море» [1975, с. 111].

Б. Я. Владимирцов отверг гипотезу П. Пеллио, сомневаясь в таком объяснении титула монгольского хана, он писал: «...трудно себе представить, чтобы общеизвестное слово и впоследствии сохранившее в себе первоначальный консонантизм, могло бы вдруг подвергнуться такому большому изменению, как *t > c*, став прозвищем монгольского хана» [2002а, с. 219]. Тут произошел казус. А. Ангархаев, очевидно, повинувшись авторитету академика, высказал «мысль, что гипотеза Рамстедта, заключающаяся в парадигме тенгис “море” = чингис “кажется неприемлемой”» [1999, с. 51]. Г. Н. Румянцев [1955, с. 316–317] поддержал мнение своего учителя Б. Я. Владимирцова.

Н. Ц. Мункуев считал [1975, с. 111] гипотезу французского историка как обоснованную, построенную на большом фактическом материале, так как Г. Н. Румянцеву не были известны весьма ценные для ученых комментарии к «Книге Марко Поло» [Pelliot, 1959, р. 298–302]. Н. Ц. Мункуев в словарной статье «Чингисхан» для БСЭ [т. 29, с. 206] поддержал гипотезу Рамстедта – Пеллио. Тем не менее многим монголистам пришлось по душе гипотеза Рамстедта – Пеллио.

Н. Н. Козьмин перевел труд К. д'Оссона на русский язык и издал его в 1937 г. В одном из примечаний он отметил, что в монголоведении есть «вариант монгольского толкования титула. Ныне объясняют титул “тенгис” – “море, океан”, отсюда [следует] “великий, беспредельный” (ср.: Далай-лама, Далай-хан от монгольского “далай”, однозначного с “тенгис”))» [1937, с. 77]. К сожалению, Н. Н. Убушаев [2001, с. 48] приписал толкование Н. Н. Козьмина К. д'Оссону ошибочно, чего в тексте его книги нет.

Г. Д. Санжеев, поддержав гипотезу Г. И. Рамстедта, писал, что «устанавливается семантическая связь между словами “чингис” (в древнем произношении “тенгис”) и “тэнгис” “озеро” или “море” у тюрков, что полностью соответствует так называемым семантическим

пучкам академика Н. Я. Марра». Он уточнил это марристское толкование своими доводами так: «Объяснение Банзарова относительно имени чингис может быть подкреплено еще наличием у монголов таких титулов, как “далай-хан” и “далай-лама” (по современной этимологии “море-хан” и “море-лама”), а по более ранней “небо-хан” и “небо-лама”» [Санжеев, 1940а, с. 123].

Ц. Б. Цыдендамбаев впоследствии раскритиковал налет марризма в этимологии этого слова Г. Д. Санжеевым, считавшим его поиски, идущими в верном направлении, и тем самым помешал ему. Ц. Б. Цыдендамбаев писал так: «Современное тэнгэс в древнем монгольском языке могло произноситься как тэнгис – тингас – чингис ... Есть один доподлинно известный факт чередования даже тэ – чи: по старомонгольскому писалось tegekyü – тэгэжи и činggeiu – чингэжи в значении “так, точно так, почему же не так?” Стало быть, тэнгис и чингис допустимо принять за слово, возникшее в результате фонетической дифференциации» [1955, с. 143]. Он вполне справедливо заметил, что нельзя установить первоначальное слово *чингис*, считал, что его фонетический дуплет будет *тэнгис*, что является однозначным. В ходе анализа словосочетаний *далай-хан* и *далай-лама* он обнаружил кое-какие семантико-лексические неувязки. Так, Ц. Б. Цыдендамбаев отвергает предположение Г. Д. Санжеева, о чем выше уже говорилось.

Как известно, слово *чингис* очень древнего происхождения, точно не поддающееся этимологизации, потому авторы довольствуются лишь лексическими средствами монгольских языков. Ц. Б. Цыдендамбаев привел длинный семантический ряд словоформ типа «орчолонгой далай» ‘житейское море’, «зон далай» ‘сила народа беспредельна’, «улигэрэй далай» ‘море притч, множество рассказов’, ‘зоблонгой далай’, ‘море страданий’ и т. д. [Там же, с. 144]. В конечном итоге он пришел к выводу, что «далай лама», «верховный лама», далай хан «верховный или хан».

Ц. Б. Цыдендамбаев полагал, что титул *чингисхан* «в свое время имел вполне понятный смысл – верховный, или великий хан (ср.: титул “великий” в сочетании Карл Великий, Петр Великий)» [Там же, с. 144].

У.-Ж. Ш. Дондуков, придерживаясь мнения предыдущего лингвиста, писал: «Фонетическая дифференциация слов тэнгис и чингис,

возникших некогда из общего корня “тэн”, от которого, по-видимому, произошло и слово тэнгри (тенгри) явилось, безусловно, результатом их семантической дифференциации» [Дондуков, 1976, с. 135].

Ш.-Н. Цыденжапов сближает слова *tengges* ‘море’ и *шэнгэн* ‘жидкость’, считая их однокоренными, второе из них предлагает «при замене конечного согласного -н окончанием множественного числа – с древнемонгольского языка приобрело бы значение, называющее “обилие жидкости” ... выводит слово “шэнгэс” ‘море’, имеющее общее происхождение с его синонимом “тенкис”» [1990, с. 99].

Крупнейший историк, тонкий знаток исторической лексикологии среднемонгольского языка И. де Ракевильц выдвинул совершенно новую антитеорию по титулу *чингисхан*, отождествляя титулы *чингисхан* = *каган*, сделав вполне аргументированную гипотезу по этому имени на основе древнетюркских и древнемонгольских источников. Енисейская руническая надпись IV в., входящая в группу *ча*, изученная в разное время Археологическим обществом Финляндии В. В. Радловым, Г. Н. Оркуном (H. N. Orkun), С. Е. Маловым.

Главным персонажем надписи был военный правитель тюрков *totoq Alp Urunu*, отстраненный от власти, умерший в возрасте 40 лет. В тексте даны названия его родственников: *qıncıu* ‘принцесса’, *iki oylan* ‘двое сыновей’, *yañus qız* ‘дочь’*.

И. де Ракевильц пишет: «Те три слова на самом деле читаются как *biç: ciñiz* q(a)d(a), śl(a), r(i)m, что означает «тысяча моих стойких родственников» [Rachewiltz, 1989, p. 287]. В ряду этих слов нас интересует лишь слово *ciñiz*. Г. Дорфер (G. Doerfer) в своем труде «Турецкие и монгольские элементы в новоперсидском языке» делает обзор термина *ciñgis*, проанализировал его в разных интерпретациях, предложенных предшественниками. Личное мнение Г. Дорфера было в этой этимологии малопонятным и недосказанным. Он обнаружил в «Якутско-русском словаре» Э. К. Пекарского термин *ciñis* со значени-

* Inscriptions de l'Éniseï, recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archeologie. – Helsing tors., 1889. – Pl. XII and p. 15; Radloft W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Licterung. – St. Peterburg, 1895. – P. 320–321; Orkun H. N. Tski turk yaritlaari, III. – Istanbul, 1940. – P. 118–119; Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков / Тексты и переводы. – М.; Л., 1952. – С. 38–39.

ем *hard* 'сильный', *crud* 'жестокий', ссылаясь на эпитет *qadir* со значением *severe* 'жестокий', *ruthless* 'безжалостный'. Дорфер полагает, что «в якутском языке сохранилось исконное значение этого слова» [по: Rachewiltz, 1989, p. 284]. Он же пишет, что слово *ciŋis* означает 'tierce', что по-русски – 'огонь', будет производным от *ciŋis-xān*. Бог в якутском шаманском контексте назван + *ciŋis*, что приписывается Э. К. Пекарским в его словаре [Ibid]. Так, термин *ciŋis* стал табуированным именем после смерти монгольского завоевателя. Он приводит мнение А. Рачневского (A. Ratchnevsky), считавшего, что титул *fierce ruler* 'жестокий правитель' не может быть отмеченным как «всеобщий правитель».

И. де Ракевильц, окончив лексико-семантический анализ *ciŋis* и других слов, опровергает тех, кто отождествляет слово *тенгис* с *чингисом*, пишет, что *teŋiz* существовал в доклассическом монгольском, считает его заимствованием из тюркского с окончанием -s, вместо тюркского -z [Ibid, p. 283]. Он пытается обосновать свои идеи по этимологии слова *чингис* – *чингисхан*, семантически объединив их в одно целое. На основе работ западных востоковедов, исследовавших руническую надпись, он принимает объяснения Э. К. Пекарского на данных якутского языка.

Слово *чингис* Е. И. Кычанов [1995, с. 88] считает китайской версией этого слова, превратившегося в титул. В. П. Васильев полагает, что *чингис* есть исковерканное слово (из двух китайских букв) *тянь-цзы* «пожалованный небом» [1857, с. 218]. Н. Ц. Мункуев [1975, с. 119] писал, что В. П. Васильев принял этимологию Чжао Хуна за основу объяснения слова *чингис*, так как последний утверждал, что «“тянь-цы”, превратившееся у монголов в чингис, есть название годов правления Чингисхана» [1857, с. 140].

П. Пеллио находил в объяснении слова *чингис* названную интерпретацию правильной, отмечал, что «это не буквальный перевод, что я перевел, как «передает» – это и -юй, которое может означать как перевод, так и фонетическую транскрипцию. Однако, более вероятно, что Чжао Хун считал чэн-цзи-сы переводом, а не транскрипцией *тянь-цы*. «... этимология Чжао Хуна является явно фантастической» [Pelliot, 1959, p. 295]. П. Пеллио писал, что шаткое положение этимологии Чжао Хуна не смущало В. П. Васильева, который до конца при-

держивался этого мнения, что подтверждал и Н. Ц. Мункуев [1975, с. 119].

В. П. Васильев пытался объяснить свою этимологию слова *чингис* на грамматических основах тюркского и монгольского языков: «Среднеазиатские языки не способны выговаривать тянь. Поэтому и вышло Чань или Чинь; давать цы, сы в южных (но может быть и в северных) наречиях произноситься Ги» [1890, с. 379]. В связи с этим Н. Ц. Мункуев утверждает, что «на самом деле тяньцы не является ни девизом правления, ни переводом или транскрипцией слова “чингис”, а есть точный перевод монгольского эпитета *ingri-yin öggügsen* “данный небом”, употреблявшегося перед титулом хана» [1975, с. 119]. Ученый установил, что названный эпитет был изучен о. Палладием, А. Велеем (A. Walley), также он обнаружил тождество эпитета с текстом на пайцзе Абдуллы, который был исследован Д. Банзаровым [Там же, с. 181].

Один из современников В. П. Васильева Г. Цыбиков, касаясь неординарной этимологии Д. Банзарова, возражал ему: «Едва ли нужно пускаться в такую древность. Слово чингис, несомненно, имеет корень “чинг”, что по закону монгольской диалектологии может произноситься и “тинг”. Этот последний корень очень близок к китайскому слову *tiēn* (тянь), откуда и монгольское *тэнг(ри)*. Поэтому титул, полученный Тэмуджином, был, вероятно, связан по звуку со словом “небо”, от которого он и получил свою власть, как указывал шаман, т. е. Кокэчу» [1930, с. 16].

Э. Хениш предложил не менее экстравагантную версию, заключающуюся в том, что титул *чингис* можно связать с китайским *чжэнь* ‘правильный, справедливый’ [по: Ratschnevsky, 1983, s. 82–83]. Однако эта любопытная догадка не нашла среди востоковедов поддержки [Кычанов, 1995, с. 88]. К удачным находкам следует отнести одну маловероятную догадку Р. К. Дугласа [Douglas, 1877, p. 54], основанную на китайской почве *цзин-сы* ‘совершенный воин’.

Б. И. Панкратов предлагал нам еще одну версию объяснения слова *чингис*. Он нашел ее в языке квадратной письменности, слово писалось и произносилось как *jinggis*. В тибетских исторических сочинениях этот титул сохранился в форме джинг-гир [1989, с. 186]. Он же утверждал, что «джахан-гир» вполне законно может в устной пе-

редаче неперсоязычного народа перейти в форму «Джангир», а отсюда «Джангр» у калмыков, где произошла полная редукция гласного последнего слога, подобно тому как калмыцкий «*manggirsn*» образовался из «*manggir/sun*». Слово «Джангир», в свою очередь, в процессе устной передачи превратилось в «Джингир» подобно тому, как *ja'jaran* – перешло в *jiya* (заяан) ‘судьба’; *jorig* – *uu* – в *juuu* ‘кривой, упорный’, *jabqaraq* в *jibqaragu* – в *jibqaraq* ‘исчезать, становиться невидимым’ и т. д. «*Jingis*» превратилось в *jingis*», так как в монгольском языке «р» и «с» чередуются; одновременно существуют формы «бэлтэр» и «бэлтэс» «волчонок», «хабирга» и «хабис» «ребро» [Панкратов. 1989, с. 186]. Таковы лингвистические объяснения Б. И. Панкратова по поводу образования слова *чингис*, по его мнению, оно имеет явно немонгольское происхождение.

В монгольской среде придворных Хубилай-хана *Jinggis* бытовало на особом диалекте того времени, отразившиеся в лексике памятников квадратной письменности. Б. Я. Владимирцов объяснял так: «Самое имя Джангар есть заимствованное персидское Джахан-гир “завоеватель мира”» [1967, с. 26].

В. В. Бартольд предполагал, что богатейший цикл сказаний о Джангаре, бытующий среди монгольских народов, главным образом у волжских калмыков и ойратов, первоначально возник в Персии [1966, т. 6, с. 193]. Так, интерпретация слова *чингис*, которую мы привели выше, очень любопытна, но как новая, никак не может быть принята. По смыслу у В. В. Бартольда и Б. Я. Владимирцова толкования совершенно одинаковы.

Таким образом, завершая лексико-семантический и отчасти грамматический анализ слова *чингис*, суммировав объяснения титула *чингис* разными учеными, можно выделить три версии объяснения этого слова: местная (тюрко-монгольская), китайская и персидская.

Е. И. Кычанов в трактовке слова *чингис* выделяет две версии: местная и китайская [1995, с. 88]. Мы же думаем, что местную версию надо как-то уточнить, назвать тюрко-монгольской, добавить еще персидскую, отнюдь не новую, однако более или менее обоснованную в языковом плане.

У Б. И. Панкратова семантика слова *чингис* получается в таких парадигмах, как и в предлагаемых выше версиях.

Е. И. Кычанов и Н. Ц. Мункуев находились под сильным влиянием идей и изысканий знаменитого французского ориенталиста П. Пеллио, предлагавшего «считать слово “чингис” монгольской формой тюркского “тэнгис” “море, океан”. В этой интерпретации титул «Чингис-хан» означает «хан-океан, хан, обширный и могучий, беспредельный, как океан», что в переносном смысле означало «владыка вселенной» [Кычанов, 1995, с. 88].

Гипотезу В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова и Б. И. Панкратова условно назовем персидской. Они утверждали, что слово *чингис* означает ‘завоеватель мира’. «А от “Джингис” до “Чингис, расстояние не большое”», – писал Б. И. Панкратов [1989, с. 186].

Китайская версия представлена в доказательствах В. П. Васильева [1857, с. 218], который придерживался словосочетания *тянь-цы* ‘пожалованный небом’, основанного на работах Чжао Хуна, положения которого были отвергнуты П. Пеллио.

Таковы основные версии трактовки слова *чингис* в современном монголоведении и синологии. Очевидно, что одной из главных является тюрко-монгольская гипотеза, подвергнутая лингвистической критике Б. Я. Владимирцовым.

К местной версии можно отнести еще одну, более реальную, гипотезу Д. Банзарова, выдвинутую им в работе «Черная вера, или Шаманство у монголов», в которой он писал так: «... в первой из приведенных мною рукописей упоминается гений Хаджир Чингис-тенгри (Хаджир *čingis tenri*), один из духов-сыновей неба; его-то имя Тэмучин сделал своим титулом» [1955, с. 61]. Его мнение было поддержано В. В. Бартольдом [1968, т. 5, с. 262–263] и Л. Н. Гумилевым.

В этимологии слова *чингис* в монголоведении и синологии единого признанного мнения у востоковедов пока еще нет. Трудности этимологизации титула *чингис*, по-видимому, в том, что морфологический состав этого слова весьма узок, это слово находится почти на фонетическом уровне или на основе дэтимологизации, т. е. первоначальная семантика слова утрачена или искажена в источниках. Из предложенных выше гипотез можно рассмотреть догадку: *teng tengri* > *čingis* является более устойчивой, следовательно, вполне могла быть вероятной трактовкой титула *чингис*.

5. Слово «чингис» – титул или имя?

Китайские правители давали вождям кочевых народов и государств всякого рода титулы в политических целях. В. С. Таскин [1986, с. 213–218] изучал титулы *шаньюй* и *каган* и относит титул *шаньюй* к существовавшему у правителей сюнну еще в III в. до н. э. знаменитого титулом каган, что носили в VI в. до н. э.

Вернемся к титулу *чингис* со всеми его важнейшими атрибутами. П. Пеллио рассматривал слово *чингис* титулом во всех словосочетаниях *Чингисхан* [Pelliot, 1959, p. 297–298]. Вслед за ним Г. Н. Румянцев утверждал, что «“чингис” является именно титулом, а не именем» [1955, с. 310]. Его мнение было основано на позициях Б. И. Панкратова, который считал это слово тоже титулом [1989, с. 180–189].

Н. Л. Жуковская в своей ранней статье писала, что «...не столь важно значение слова “чингис”, важна его дальнейшая судьба. Будь то китайский титул или имя шаманского духа, оно стало вторым именем монгольского владыки ... Есть еще одна личность, именовавшая себя *činggis – gaγan*. Это Ликдан-хан Чахарский, весьма незаурядная личность в политической и культурной жизни монголов конца XVI – начала XVII в. В данном случае употребление слова “*činggis*” близко к понятию титула. И обязано оно этим не столько своей этимологии, сколько той роли, которую сыграл в истории его предшествующий носитель» [1970, с. 235–236].

Н. Ц. Мункуев [1975, с. 109] относительно словосочетания *чингисхан* полагал, что оно является титулом. Очевидно, на основе поздних монгольских источников, каким является «Эрдэнийн тобчи» Саган-Сэцэна Ордосского, в котором щебетание жаворонка «чингис» или «чинкис» является не только мифологемой властелина монголов, но и его идеологемой, ставшей символом борьбы монголов за независимость страны и стремления к былому могуществу и всемирной славе.

Культ Чингисхана бытует среди монгольских народов и в наши дни, шаманисты и дархаты считают, что бывший великий монгольский хан и его «золотой» род стали покровителями всех монголов. Е. И. Кычанов верно полагает, что Темуджин, если «прибегнуть к европейским меркам, был государем, поставленным волею бога, помазанником божьим», и в этом, несомненно, есть доля истины [1995, с. 89].

2.1.2.4. Ландшафтный геотермин «Эргунэ-кун» – родина монголов: вопросы локализации, датировки и лексико-семантический, грамматический анализ

Рашид-ад-Дин в своем «Сборнике летописей» рассказал нам страшную и трагическую легенду о выживании монголов после их жестоких распрей с тюркскими племенами. Персидский историк со слов знатных людей, глубоких знатоков своей истории и генезиса монгольских родов, записал нижеследующие судьбоносные моменты их существования: «Примерно за две тысячи лет до настоящего (времени) у того племени, которое в древности называли “монгол”, случились распри с другими тюркскими племенами и закончились сражением и войной. ...Над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение (среди) них, что (в живых) осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность... Название этой местности Эргунэ-кун*. ...Тот народ размножался и пространство (занимаемое ими) земли стало тесным и недостаточным», тогда они совещались, как «выйти им из этого сурового ущелья. ...У монгольских племен так установлено, что те чаще всего состоят между собой в родстве и монгол-дарлекины суть они» [т. 1, кн. 1, 1952, с. 153–154]. А имена тех людей были: Нукуз и Киян. Племена, восходящие к Кияну и Нукузу, в равной мере раздували меха, а «племя урянкат принадлежало к их ветвям» [Там же, с. 153]. Эти племена жили недружно, кунгираты раньше всех вышли из теснины, «не сговорившись с другими» племенами, «протоптав ногами, очаги других... получили болезни ног. Племя кунгират по этой причине удручено» [Там же].

Исторический миф об исходе монголов после жестокого поражения, переданный Рашид-ад-Дином, очевидно, был и остается очень ценным источником, который дошел до XIV в. исключительно в устной форме. Содержание легенды перешло в другие сочинения мусульманских историков, обросла разными оттенками, приобрела разные формы толкования. Так, «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина является основополагающим историческим источником, по крайней

* Топоним *Эргун-кун* дается по Рашид-ад-Дину [т. 1, кн. 2. 1952, с. 153–154].

мере, в объяснении горной местности Эргунэ-кун и в сообщении о геноциде монголов, оставшиеся в живых скрылись в теснине Эргунэ-кун, где спаслись и выжили.

Д. Банзаров, касаясь разгрома монголов, писал так: «Мусульманские историки рассказывают, что у Илинджэ, правнука Яфетова было два сына Монгол и Татар, которые сделались родоначальниками двух народов – монгольского и татарского, или турецкого.

Близкое родство не помешало этим народам поссориться: произошла кровопролитная война, окончившаяся совершенным истреблением монголов» [1955, с. 167].

С. Ш. Чагдуров считал, что миф об Эргунэ-куне в изложении Рашид-ад-Дина состоит из двух частей. Реконструируемый им миф дан в таком свете: Монгол, или Иль-хан (по Чагдурову), и татар – потомки прамонгола Аланчи, или Илинджэ (по Базарову), И. Н. Березин – Алиджа. С. Ш. Чагдуров далее пишет: они часто воевали друг с другом. Иль-хан всегда одерживал верх. Однажды второй (Сюнну-хан, по Чагдурову), сговорившись с киргизами, заманил ильхановцев (т. е. монголов) в горы и истребил всех, за исключением Кияна, сына Иль-хана, и его двоюродного брата Нукуза. Попавшие в плен братья через 10 дней бежали. Добравшись до родных кочевий, забрали жен, ушли со скотом в горы. Изрядно поплутав среди неприступных утесов по звериным тропам, попали в такую теснину, откуда не было выхода. Там и остались жить [1999, с. 77].

В странах Средней Азии и Иране в XIII в. возникло многообразное по содержанию летописание о монгольских завоеваниях. Первым был труд Ата-Малика Джувейни (1126–1283) под названием «История завоевателя мира», который начат им в 1252–1253 гг. в Каракоруме по настоянию «его верных друзей и чистосердечных братьев». Он был на службе Хулагу-хагана, Аргуна и Абака-хагана в Иране. В. В. Бартольд верно указал, что «огромное преимущество Джувейни перед Рашид-ад-Дином и Вассафом заключается в том, что он жил еще в эпоху единства монгольской империи и лично посетил Туркестан, Уйгурию, Монголию... Он старался, насколько это позволяли его источники, изложить историю всей империи» [1963, с. 88].

Поскольку история монголов пронизана эпическими мотивами и сюжетами, изображениями той эпохи, очень ценно для историков, что «Джувейни уже пользовался устными рассказами монголов, может

быть, ближе какими-нибудь записями, некоторые из его выражений прямо указывают на монгольский источник [Бартольд, 1963, с. 88]. В этом длинном ряду историков Рашид-ад-Дин, несомненно, занимает особое место по масштабу и хронологии истории монголов из «золотого» рода.

Персидский историк Хондемир (родился ок. 1475 г. – ?), сын Мирхонда написал обширный исторический труд о монголах. Он оставил нам еще одну версию легенды об Эргуне-куне, которая отличается от источника Рашид-ад-Дина: «...Одолев моголов, побили большую часть из них так, что кроме Каяна, сына Иль-хана, двоюродного брата его с матерней стороны, Тегуза (вместо Нукуза. – *В. Р.*) и двух женщин, находившихся с ними, никто из моголов не остался в живых. Скрывшись между убитыми на поле сражения, они по наступлении ночи обратились в бегство, сев на коней с быстротою подобно ветру, и к рассвету приехали в такое место: “Где множество гор столь тесно сходилась, что из них невозможно было найти выхода”. С большим трудом достигли они вершины одной горы, откуда увидели прекрасный луг, осеняемый плодоносными деревьями и орошаемый источниками приятнейшей воды; в сие место, называемое турками Эргунэ-кун, то есть ‘крутой скат’, они спустились и остались там навсегда. Через несколько времени от сих четырех человек произошли многочисленные племена; потомки каяновы именовались киятами, а тегузovy дерлигинами (дарликины. – *В. Р.*). Впоследствии кияты и дерлигины размножились до такой степени, что не могли поместиться в Эргуне-куне, оставив это место, как упомянуто в известных летописях, устремились на земли монголов, вступив в битву с владевшим оным народом, одержали победу» [Хондемир, 1834, с. 6–7].

Легенды эти носят нарратологический и ситуативный характер. Рассказ ведется от третьего лица, события даны ахронологично. Повествование претендует на некую историческую память о монголах той эпохи.

В ситуативном плане рассказ несет конфликт в целом, полное избиение племени – кульминация, жизнь в теснине – это развязка. Затем эпилог. Антология легенды об Эргуне-куне очень проста. Горная теснина была богата растительностью и чистой водой, несмотря на суро-

вость гор, климат, очевидно, был мягким. Жили: в землянках, держали скот, прожили 400 лет.

Л. Билэгт считает, что основными информантами по истории монголов у Рашид-ад-Дина были Пулад-чинсан и сам Газан-хан. Монголы при Юаньской династии стали заниматься при дворе историографической деятельностью. Ш. Бира, касаясь этих вопросов, пишет, что «в феврале 1264 г. Хубилай-хаган обнародовал указ об учреждении Ведомства династийной истории, которое должно было после смерти каждого хагана составлять на основании официальных документов летописи его царствования. Составление летописей производилось под строгим контролем хагана, который назначал специалистов для составления очередной летописи и активно участвовал в процессе самой работы» [1978, с. 105]. Как известно, «Пулад-чинсан занимал высокую должность министра (чинсана) при Хубилай-хане, который впоследствии отправил его своим полномочным представителем в Иран, куда тот прибыл в 1285 г. в качестве великого эмира и командующего войсками» [Он же, 1993, с. 111]. Несомненно, Пулад хорошо знал китайский язык, был знаком с синологическими историческими сочинениями о монголах. Л. Билэгт справедливо отмечает, что он мог позаимствовать у китайских историографов сведения о далеких предках монголов. Устные рассказы давно ушедших времен еще были свежи в памяти знатоков старины и монгольской знати, так ему было проще установить их связь с китайскими хрониками» [Там же].

Гунжийн Сухэ-Батор в своих монографиях «Сяньбийцы» (1971), «Древние предки монголов» (1980) и в других работах отмечает, что у монголоязычных тоба была зафиксирована историческая легенда с таким же содержанием. По мнению Г. Сухэ-Батора, эти легенды «типологически полностью совпадают», это «переселение произошло после падения государства, основанного Мао, или Маодунем шаньюем, поэтому хронологически это событие может быть отнесено к I в. до н. э.» [Там же, с. 109]. Проанализировав эти предания, он приходит к выводу, что переселение тобасцев было обычным, заурядным событием.

Древнетюркская легенда дошла до нас по китайской летописи «Вэй-шу». Согласно ей, тюрки «были истреблены воинами соседнего племени. В живых остался лишь десятилетний мальчик, которого

спасла от голодной смерти волчица, ставшая его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших и мальчика, последнего представителя уничтоженного племени, волчица бежала в горы севернее Гаочана, где родила десять сыновей, отцом был спасенный ею мальчик. Один из ее сыновей получил имя Ашина, ставшее именем основанного им рода. Его братья создали свои роды. В дальнейшем Ашина стал вождем нового племени. Позднее число родов увеличилось до нескольких сот. Один из наследников Ашина, Асянь-шад, вывел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае, где они стали подданными жуань-жуаней, добывали и обрабатывали для них железо. Здесь они приняли племенное имя “тюрки”» [Бира, 1978, с. 16].

Эти две легенды имеют много сходств. В вышеприведенной легенде есть элементы тотемизма и культа волка, чего не найти в монгольском предании. Если сравнивать персонажей легенд, то они совершенно разные. Трагический исход тюрков и монголов в этих мифических легендах создал для них единый исторический фон.

Ш. Бира справедливо отмечает, что «большой интерес представляет общность основной сюжетной линии приведенных выше легенд, их характер и дух повествования.

...Немалую роль играли здесь такие факторы, как одинаковый образ жизни, более или менее общие исторические судьбы, а также сходный уровень общественно-экономического развития» [Там же, с. 18].

Любопытно, что жужане были когда-то монголами, правда, неизвестно, какая их часть представляла монголов. Что касается тотема волка, то она есть во многих кланах всех монгольских народов.

Г. Сухэ-Батор, сопоставив тексты этих преданий, пришел к выводу, что они «представляют собой варианты одного и того же предания этнически родственных народов – тоба и монголов. Между обоими преданиями нет и большого хронологического разрыва. Тоба перед переселением на территорию хуннов жили по Онону и Аргуни» [1976, с. 127].

Датировки геноцида древних тюрков и монголов в те эпохи вовсе отсутствуют, поэтому нельзя установить, которая из этих легенд появилась раньше другой. Вернемся, однако, к Эргунэ-кун.

Слово Эргунэ-кун существовало в сознании монголов XIII в. как горная местность, превратившаяся в святилище давно ушедших вре-

мен. Есть факты, свидетельствующие об этом. Родословная Чингисхана восходит к роду киян, а Добун-Баян – их потомок, муж Алан-гоа. Рашид-ад-Дин писал, что «вследствие этого (люди) не забывают о той горе, плавке железа и кузнечном деле, и у рода Чингисхана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом нового года, готовить кузнечные меха, горн и уголь. Они раскаляют немного железа и, положив (его) на наковальню, бьют молотком и вытягивают (в полосу) в благодарность (за свое освобождение)» [1952, т. 1, кн. 1, с. 153–159]. Это указывает не только на культ этого оронима и огня, но о постепенном зарождении исторической памяти о далеком трагическом прошлом этноса и о культе предков. Так сложился стереотип устного мышления в форме исторического дерева родословий.

Очевидно, на основе цепей родословий возникло целое историческое древо, начало которого было положено в эргунэ-кунский период. Об этой традиции монголов Рашид-ад-Дин сообщал следующее: «Много ветвей и племен принадлежит к потомству (насл.) Алан-гоа. У всех (этих племен) четкое и ясное родословное дерево (шаджарэ), ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие (своих) предков и учат и наставляют в (знании) родословия (насар) каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом, они делают собственность народа (миллат) слово (зикр) о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени (кабилэ) и происхождения» [Там же, кн. 2, с. 13].

Эти генеологии не являются пустыми перечнями имен чьих-то родичей, что отмечает Ш. Бира совершенно верно: «Именно эта традиция, развивавшаяся в дописьменный период, явилась той питательной почвой, на которой впоследствии разрослась монгольская историография» [1978, с. 18]. Свод родословных образно был назван русским переводчиком, как дошедшая до нас в письме «словесная устная наука родословий» [Козин, 1941, с. 51].

Эта «устная наука родословий» получила в эпоху завоеваний Чингисхана и его потомков особую актуальность. Тогда возник вопрос о родовитости, составлены исторические мифы о Гоа-Марале и Борто-Чино, так идеологемы о Чингисхане и его предках стали очень созвучны будущим поколениям монголов. В этом деле родословия сыграли очень большую авторитарную роль во времена Чингисхана.

У монголов была развита терминология родства. По данным «Шейбани-намэ», приведем следующие термины родства до седьмого

колена на восходящей патрилинейной основе «ичэгэ» ‘отец’; «дэд ичэгэ» ‘дед’; «эленчик» ‘прадед’; «будалу» ‘прапрадед’; «угуд» ‘пятый’; «буретэй» ‘шестой’; «дутангун» ‘седьмой’. Монголы XIII в. знали предков до двадцатого поколения» [Бамбаев, 1929, с. 124]. У современных монгольских народов дети должны знать предков до седьмого колена.

Н. Г. Дамдинов об этом писал так:

В старину когда-то так бывало у бурят:
Если вдруг о предках они заговорят,
До двадцатого колена на пальцах сочтут,
Всех дедов, прадедов, прапрадедов учтут!
А ну-ка, сынок, без запинки нам поведай,
Кто твой отец, кто дед, кто отец деда?
Хоть смущен тот, но крепко в памяти жива,
Как таблица умножения, как дважды два,
Вся родная родословная за сотни лет,
Как учил его отец, как отца учил дед.

История монголов от Гоа-Марал до Алан-гоа как бы канула в Лету, ожила и возродилась она лишь в эпоху Чингисхана, тогда их прежняя история, опутанная мифологемами типа Алан-гоа, Гоа-Марал – имена безглагольного словосочетания, стали по сути апелляциями.

Эргунэ-кунский период истории монголов, если его считать доисторическим, то историческая память этноса об этой трагедии, которая сохранила хронотопос в архетипе данного предания. Информация о той эпохе в доисторический период монголов дошла до нас благодаря стереотипу мышления этих племен, сущность чего объясняется ниже.

Э. Г. Абрамян о феномене этнической культуры пишет так: «...В первобытной культуре любая инновация более или менее быстро превращается в стереотипы, тогда как временные интервалы между инновациями достаточны для того, чтобы любое изобретение или открытие успело уйти из этноса как реальный факт и войти в него в качестве предания, легенды или мифа» [1978, с. 91].

Если родословия внедрялись в этническое сознание народов устным путем, то наиболее важные исторические события и герои откладывались путем стереотипизации в проформах исторических легенд.

былин, преданий или мифов. Очевидно, до Рашид-ад-Дина легенда дошла в устной форме, затем она была зафиксирована им письменно, как и многими иранскими исследователями.

2.1.2.4.1. Датировка побега монголов в Эргунэ-кун

Рашид-ад-Дин определил дату этой трагедии двухтысячной давности и само пребывание монголов в теснине еще IV веком. Приблизительный расчет к датировке исторического миллениаризма монголов.

Л. Билэгт считает, что время ухода монголов после геноцида в Эргунэ-кун представляется как «взаимоисключаемые две хронологии» [1993, с. 108]. Продолжая эту идею, он утверждает, что «поскольку устная историческая традиция твердо указывает на то, что родословная Чингисхана в лице Буртэ-чино стыкуется с четырехсотлетним периодом Эргунэ-куна, мы можем сделать некоторые расчеты для выяснения начала этого периода и приблизительного определения даты поражения и бегства. Ориентирами служат дата рождения Буртэ-чино (758 г.) и 400–450-летний эргунэ-кунский период. Тогда путем вычисления получили $(758-400)$ или $758-450=308$ дату поражения и бегства в Эргунэ-кун» [Билэгт, Деревянко, 2000, с. 158]. Есть другой вариант, если рассчитать от года рождения Чингисхана. «Ориентиром служит 400-летний период от Буртэ-чино до Чингисхана. Получаем $(1162-(400+400))=362$ г. или $1162-(400+450)=312$ г.) дату между 312 и 362 годами» [Там же].

На наш взгляд, эти подсчеты времени трагедии монголов в 358 г. или 362 г., приведенные Л. Билэгтом, Е. И. Деревянко, вполне убедительны и не вызывают никаких сомнений.

Монгольские историки и археологи вопросами датировки бегства монголов после битвы с тюрками занимались давно. Х. Пэрлээ относит эти страшные события к 700–600 гг. до н. э. или к концу бронзового века и началу периода плиточных могил [по: Билэгт, 1993, с. 108]. Д. Гонгор считает, что эргунэ-кунский геноцид монголов учинен примерно с VI–VIII вв. [Там же, с. 108–109]. Г. Сухэ-Батор этот исход монголов относит к I в. до н. э. [1978, с. 20]. Что касается догадок Г. Сухэ-Батора, проанализировав эти предания по ландшафтным и антропонимным признакам, зафиксированным в соответствующих источниках, Л. Билэгт отмечает, что местности разные – это Эргунэ-

кун – долина среди лесов, а тобасцы жили в местности, которая «была темной, котлообразной и болотистой» у большого озера. Имена персонажей в двух легендах совершенно разные и реалии тоже, чего-либо похожего нет в них [Билэгт, 1993, с. 109–110]. Таким образом, гипотезы ученых в связи с эргунэ-кунским периодом монголов Л. Билэгтом проанализированы основательно и убедительно.

На основе археологических находок китайских ученых Б. Р. Зо-рикуев считает, что «исход древних предков монголов в Эргунэ-кун состоялся в начале второй половины I тысячелетия н. э.» [2004, т. 2, с. 584]. На наш взгляд, находки – предметы быта и остатки жилищ должны дать точный ответ. Но артефакты должны быть исследованы спектральным анализом и другими новейшими методами.

Таким образом, Эргунэ-кун – вторая родина монголов, ставшая для них надежным убежищем. Поэтому утверждение С. Ш. Чаг-дурова о том, что Эргунэ-кун – прародина монголов, противоречит хронологии. Н. Я. Бичурин [1850, с. 88] извлек сведения из китайских хроник о том, что монголы, находившиеся в составе татаней, вышли из подчинения Бохайского государства, двинулись в Южную Монголию, остановились в горах Инь-Шаня и стали жить там.

2.1.2.4.2. Местоположение Эргунэ-куна как проблема

Важной проблемой эргунэ-кунского периода истории монголов является локализация геонима-оронима. Д. Банзаров справедливо констатировал, что «Рашид-Эддин и другие историки не определяют местоположения этой долины» [1955, с. 178]. «Шмидт считает ее за урочище Гун-эрги около Коко-нора, Миллер и о. Иакинф предполагают ее между Алтайскими горами, Фишер – около берегов нынешней Аргуни» [Там же]. Д. Банзаров думал, что «европейские ученые отыскивали ее произвольно по всей Монголии. Эти мнения разные; согласить их невозможно. Да и принять какое-нибудь из них нельзя» [Там же]. Сам Д. Банзаров признавался в том, что «древняя Эргэнэ-хун находилась в цепи гор, идущих по Южной Монголии рядом с Великою Стеною, тем более что поколение монгол некогда кочевало в этих местах» [Там же, с. 179]. Г. Н. Румянцев [1955, с. 319] геотермин Эргунэ-кун рассматривал как обозначение реки Аргунь, название которой звучит по-монгольски как: Эргунэ-хун, тем самым было подтверждено мнение П. Кафарова и О. М. Ковалевского.

Д. Банзаров писал, что «татань означает сильное племя, к которому принадлежали монголы и поколение татар, с которыми не должно смешивать татань, но еще г-н Клапрот доказал, что у китайских историков *ta-ta* и *ta-tan* означают одно и то же (т. е. татар). Одна китайская летопись пишет, что когда кидани разрушили государство Мохо (в нынешней Манджурии), то часть этого народа перешла на юг к горам Ин-шань» [1955, с. 172]. Так, перемещения монгольских кочевников до XI в., как показывают современные исследования, при всей своей строгости и достоверности китайских источников имели неточности, их сведения оказывались запутанными, многие авторы копировали друг друга без соответствующих проверок.

На наш взгляд, Инь-Шаньский хребет, очевидно, был новой родиной после эргунэ-кунского периода, если считать амурский этап истории монголов их изначальной родиной. С. Ш. Чагдуров, обращаясь к мнению Чиндамани и Ч. Далая, которые полагают, что исторический ороним Эргунэ-кун якобы нашелся «в Саянах, в районе хребта Танну-Урянха, располагающегося в Туве», будто бы «монголы с Танну-Урянха во главе с Буртэ-Чино, минуя озеро Хубсугул, пришли в Трехречье» [1999, с. 129]. Х. Пэрлээ предполагает, что долина Эргунэ-кун располагалась в верховьях Аргуни в излучине рек Хайлар и Тура. Е. И. Кычанов считает, что «большой остановкой на пути на запад была местность Эргунэ-кун, которую можно сопоставить с районом Большого Хингана и р. Аргунь» [1980, с. 140]. М. Алтан-Оргил располагает этот геоним восточнее р. Аргунь. А. А. Семенов, Л. Р. Кызласов [1975, с. 171], возможно, справедливы в том, что Эргунэ-кун отождествляют с бассейном реки Аргунь, они обнаружили элементы материальной культуры таежных рыбаков и охотников Приморья в монгольской культуре XIII–XIV вв. «Как известно, монголы строили в оседлых поселках и городах квадратные дома без фундамента с каркасными стенами и П-образными канами-суфами» [Рашид-ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 1, с. 77].

Л. Гамбис предлагал эту картину в несколько субъективных чертах, но не лишенных исторической логики вещей и событий: «В течение столетий, которые последовали за эпохой Тан, монголы покинули эти районы (районы их первоначального обитания – разрядка Е. И. Кычанова [1980, с. 141]), чтобы постепенно занять территории к

западу от Большого Хингана до района, простирающегося до озера Келен (Далай-Нор – разрядка Е. И. Кычанова [1980, с. 141]), в которое впадает Керулен и до озера Буир» [Hambis, 1970, p. 131]. Так, догадки Л. Гамбиса также близки к гидронимической локализации Эргунэ-кун в бассейне реки Аргунь.

Л. Билэгт поддерживает аргунскую версию локализации местности Эргунэ-кун, приводит ряд веских доказательств с привлечением географических и картографических данных: «Река Аргунь начинается в горах Большого Хингана как река Хайлар с течением на запад. Затем в районе Далай-нора поворачивает дугой на северо-восток и далее течет прямо в противоположную сторону, с которой начинается Аргунь. Анализ географических названий обнаруживает совершенно определенную закономерность, позволяющую достаточно точно указать местонахождение Эргунэ-куна» [Билэгт, Деревянко, 2000, с. 159].

Б. Зориктуев, изучающий древность и раннее средневековье Забайкалья и Монголии, отмечает, что ороним Эргунэ-кун может быть вполне отождествлен с названием нынешней реки Аргунь. В танских хрониках отмечалось, что «этническая группа мэнью обитала по южному берегу р. Жилюхэ, правого притока Аргуни, обнаружены остатки двух поселений, которые на основании конструктивных особенностей нескольких раскопанных жилищ и найденного в них вещевого комплекса были определены как раннемонгольские поселения шивэйского периода». Это археологическое открытие и рассказы жителей Кулун-Буирского аймака Внутренней Монголии (КНР) о нахождении местности Эргунэ-кун в пределах территории их аймака позволяют предположить, что Эргунэ-куном называлось правобережье Аргуни (включая р. Хайлар) вместе с северной оконечностью Большого Хинганского хребта» [2004, с. 538].

Знание родословной у монголов через топонимистические сакральные легенды можно считать вполне сохранило эпоху Эргунэ-куна в народе, в его многовековой историко-генеалогической памяти. Об этом свидетельствуют устные рассказы кулунбуирцев, давших ориентиры археологам в деле разыскания родины древних монголов.

После археологических открытий, идентификации шивэйцев и их материальной культуры (после соответствующей современной экспертизы) должна быть поставлена точка в споре по Эргунэ-куну.

После распада могучего СССР в общественном сознании и научной жизни монгольских народов, как и во всем постсоветском пространстве, возникли оживленные споры: кто есть буряты, откуда они произошли? В свете, несомненно, актуальных и важных аспектов бурятоведения и бурятиеведения появился огромный интерес к прошлому, эпохе Чингисхана, «золотому» роду и т. д., оживились споры вокруг исторического течения панмонголизма.

Вопросы об Эргунэ-куне и о приходе Бортэ-чино в забайкальские территории получили тенденциозный характер в бурятской гуманитарной науке. С. Ш. Чагдуровым (1999), А. Л. Ангархаевым (1999) и другими авторами выдвинута новая гипотеза об Эргунэ-куне, которую можем назвать саяно-окинской. Этими авторами отождествляется местность Эргунэ-кун с геонимом *Нухэн дабаан* 'Дыра-перевал', который считался и считается священным местом в Тункинских горах. Есть еще и ущелье *Эрхуу-нухэн* 'Иркут-дыра', ведущее путников в Приангарье. На территории Закаменского и Джидинского районов Бурятии есть местность *Джадын газар* 'Джатская земля', через которую якобы пришли Бортэ-чино и Гоа-Марал из Хубсугула.

Анандын Амар в своей «Краткой истории монголов» (Улаанбаатар, 1935), коснувшись вопроса об Эргунэ-куне, наметил некое «западное направление» в поисках родины монголов, хотя и делает это с большой осторожностью. Его концепция покоилась на том, что в районе озера Хубсугул жили эвенки, пришедшие сюда из среднего течения Амура. А. Л. Ангархаев впервые поднял вопрос отождествления Тунки с Эргунэ-куном. А. Ангархаев объявляет долину Тунки прародиной хонгодоров=хонгирадов (?), выходцев из Эргунэ-хон. Древнемонгольские топонимы, особенно дочингисового периода, *Джад* (Дзэт, который напоминает Зэдэ 'Джида', *Тунхэлиг* (Тунхэн?), *Хэрлэн* (Хэрэн), *Туул* (такая река есть на востоке Тунки), *Бурхан* (Бархан?) *Халдун* [1999, с. 18]. Что касается отождествления названия *Тунхэлэг* (Tüנגgeli[k], в транскрипции Л. Лигети [1971, с. 29] оно не соответствует современному топониму *Тунхэн* территориально и географически. Здесь одно лишь сходство в корне: *тунхэ-лэг*. Х. Пэрлээ протранскрибировал его в форме *тунгэлик*, что ближе к

расшифровке Л. Лигети. Х. Пэрлээ считал, что «ручей Тунгэлик находится в 111-й долготе и 49-й широте. Название ручья изменено, ныне назван так: Угалзар Тэнгэлэг, впадает в Балжид, что в Керулен» [1958, с. 9].

Гора «Буркан Калдун возвышается по 109-й долготе и 49-й широте в истоках трех ручьев: Керулена, Онона, Толы, среди Большой и Малой Хэнтэйских гор, где простирается Хэнтэйский хребет. Весь ареал назвался Буркан Калдуном. Мнение многих историков, согласно которому эта вершина находится в Больших Хэнтэйских горах, можно считать неточным, ошибочным. Покойных почтенных предков монголы XIII в. хоронили в местности Буркан Калдун. Очевидно, местности с названием Калдун тогда существовали во многих районах Монголии» [Там же, с. 6]. Заметим, что у Л. Лигети [1971, с. 22] ороним транскрибирован как *Burqan-qaldun*, а в тексте Ц. Дамдинсурэна [1957, с. 25] – *Бурхан халдун*. Отсюда ясно, что А. Ангархаев пользовался художественным переложением «Сокровенного сказания монголов», не утруждая себя научным текстом этой хроники.

Отождествление Бархан-горы с Буркан Калдуном делалось бурятскими летописцами задолго до А. Ангархаева. Ц. Цэренов «переносил» Буркан-Калдун из Хэнтэйских гор на Баргузинский хребет, где возвышается священная гора *Бархан уула* ‘гора Бархан’ на основе старинных легенд, по чьим данным, «на южном склоне горы Бархан-агула до сих пор сохраняются следы стойбища Бортэ-Чоно» [Румянцев, 1956, с. 23]. Такое отождествление топонимов, личностей и событий тогда было кстати для популяризации исторических рассказов и летописей, хорошо, по-видимому, понимали монгольские, калмыцкие и бурятские хронисты, чему способствовали фольклор и народная фантазия сказителей.

2.1.2.4.3. Ландшафтный геотермин *Эргунэ-кун*: фонетический, лексико-семантический и грамматический анализ

В изучении геонима *Эргунэ-кун* ученые в основном интересовались историко-географическими, этническими вопросами, опираясь на археологические данные. Однако *Эргунэ-кун* исследовался лишь в историко-филологическом плане, не стал геотермином, серьезным объектом лингвистического анализа, что решило бы много неясных вопросов и произвольно толкуемых догадок.

Трагический исход монголов и их побег в Эргунэ-кун, очевидно, были мало известны китайским летописцам.

Рашид-ад-Дин впервые дал пояснение природного географического названия Эргунэ-кун в таком понимании: «Значение слова кун – косогор, а Эргунэ – крутой, иначе говоря, “крутой хребет”» [1952, т. 1, кн. 1, с. 153]. Для этимологии *Эргунэ-кун* подобное толкование носит явно общий объяснительный смысл. Очевидно, информанты персидского историка имели об этом объекте весьма смутное представление. Вслед за ним Хондемир писал в своем сочинении так: «В сие место, называемое турками (тюрками. – В. Р.) Эргунэ-кун, есть ‘крутой скат’» [1834, с. 7].

Это название, несмотря на свою глубокую древность, как на это указал Рашид-ад-Дин, сохранило в лексико-семантическом значении явно монгольские корни, которые еще могут быть обнаружены в диалектах древнемонгольской речи. «В нынешнем монгольском языке это название не известно, однако можно доказать, что оно монгольское» [Банзаров, 1955, с. 178]. Это слово зафиксировано в «Сокровенном сказании монголов» в форме *Эргунэ* [Румянцев, 1955, с. 519] и в труде Рашид-ад-Дина.

Таким образом, район Эргунэ-кун назван в источниках «*erqüne türen* (р. Эргунэ) и *erqüne qun* (гора Аргунэ)» [Билэгт, Деревянко, 2000, с. 159]. «Эргэнэ происходит от эрги ‘яр’, ‘берег’ (как кевепед ‘чехол’, ‘бурка’, от кев ‘форма’...) и будет значить “берегообразный, отвесный, крутой”» [Банзаров, 1955, с. 178].

Эргунэ-кун gj по-монгольски звучит как *Эргэнэ-хон*, так передает нам Д. Банзаров. На его взгляд, данный ороним можно разложить по морфологической схеме в таком виде: Эргунэ-кун = Эр-гэ-нэ (?) > хон.

Г. Н. Румянцев обвинил автора в вольном обращении с лингвистическими фактами, в пренебрежении законами монгольского языка, вытекающими из уровня развития востоковедения середины XIX в.: «Производя Эргэнэ от *ergi* ‘яр’, Банзаров ничего не говорит о том, каким образом конечное “i” в *ergi* превратилась в “e” второго слога в Эргэнэ. Такого перехода *i – e* мы не наблюдаем в монгольском языке. Затем, если предположить, что действительно *ergi – erge*, то что же представляет окончание *-нэ*? Об этом автор не говорит ни слова» [1955, с. 318–319]. А. Ангархаев в ответ на опровержение аргумента

Д. Банзарова, возражая предшественнику, писал: «Румянцев задается вопросом: каким образом конечное *i* в *erge* превратилось в *e* второго слога в Эргэнэ. Здесь не существует проблемы: ведь “эрги”, “эргэ”, “эрье” – разные произношения одного и того же слова» [Ангархаев, 1999, с. 21]. Он предлагает к словосочетанию «Эргэнэ-хон» версию *Эргэтэни-гол*, в котором есть *эргэтэ* ‘имеющее отвесной берег’, слова «эрги», «эрэг» ‘пропасть, карниз горы’ [Там же].

Слова *энги*, *энгим*, взятые из лексики тувинского языка, означают ‘круча, обрыв, крутизна’. Тофаларское слово *энгирик* – ‘обрыв’. «Тувинское слово “ингилеме < ин-ги-ле-ме”, первые два компонента которого соответствуют тофаларскому эн-ги-м, тувинское энги-ве, энги-инги – могли быть и глагольной основой, соотносительной с именной энги-инги. Структурно глагольная основа, по всей вероятности, была образованием от общетюркских: ин-... = ен-... ‘спускаться (в частности под гору)’ при помощи аффиксов -гы (-ги-) с интенсифицирующей семантикой. Именная же основа могла быть результатом конверсии указанного глагола или образовалась от того же глагольного корня ен-, ин- при помощи имяобразующего форманта -ги, а семантический компонент высокой степени качества мог появиться у энги... под влиянием сближения с глаголом энги-» [Татаринцев, 2002, с. 376-377].

Название *Эргунэ* может быть рассмотрено на фактах древнетюркского языка. Слово *ergu* ‘стоянка, жилище’. В парном слове *ergulug tur ulu* ‘места, предназначенные для обитания, бытия и существования’ [ДТС, с. 177].

Л. Билэгт, Е. И. Деревянко упоминают гору *Ergune qun* [2000, т. 1, с. 159], которая наводит на мысль, что слово *ergu* ‘стоянка, жилище’, состоит из слогов *er* + *qu* + *ne* и имеет такое же значение, что и в словаре.

Слово *erig* ‘место, местопребывание, стояние’ фонетически совпадает со словом *erig* ‘берег, отвесная скала’ и т. д. [Там же]. Слоги *er-*, *ir-*, очевидно, имеют между собой семантические связи. Э. М. Мурзаев предполагал, что основа *ir-* связана с субстратом для обширного региона Азии. Слово *ir* (в транскрипции Э. М. Мурзаева [1962, с. 129] дано на кириллице: *ир*) обнаружено во многих тюркских языках. Он отмечал, что «корень *ир* присутствует во многих гидронимах азиатской части СССР и Монголии: *Ир гиз*, *Ир су*, *Ир кут*, *Иро*, *Иркуль*. В

казахском Ир 'излучина, извилина', в Турции «Ирмак» 'река' [Мурзаев, 1962, с. 129]. Отсюда следует, что корень *ир*, или *ir*, означает 'излучина, извилина, миандр реки' [Там же].

Версии слогов из слова *Эргунэ* дает нам очень любопытную картину семантического поля, его лексемных элементов в ономастическом процессе. Однако это название без компонента *кун* не существует, так как он в содержательной структуре составляет единое целое.

Д. Банзаров, раскрывая этимологию *кун*, обратил внимание на то, что он может быть прочитан как *хун*, *гон*, *гун*, согласно орфографии монгольских слов, хотя писал *хон* [1955, с. 178], который вполне утвердился в современной литературе по монголоведению. Он не нашел отдельного слова в древнемонгольской речи: «От слова "хон" остались только производные, как-то: хон-хор 'углубление, ложбина'; хон-гил 'дупло' хон-дага 'чашка'; на семантике этих слов видно, что корень хон должен означать 'углубление', 'ложбина', 'скат' (в якутском: хону 'долина')» [Там же, с. 178–179].

Объяснения Д. Банзарова вызвали острую полемику, но позже критики ничего убедительного в своих отрицаниях не нашли. Г. Н. Румянцев конкретизировал отдельные положения примеров, приведенных ученым в пользу своей догадки [1955, с. 319]. А. Л. Ангархаев к цепочке слов, приведенных Д. Банзаровым, добавляет слово *гуу* 'яма, дыра', для того чтобы обосновать свой топоним *эрхуу гуу*, река, которая якобы течет по «Эргунэ-хон» [1999, с. 23].

Согласно легенде, оставшиеся в живых беглецы пришли в Эргунэ-кун, спустились туда и оставались там около четырех столетий. В древнетюркском языке есть слово *qon (kon)* 'опускаться', 'оседать, поселяться, избирать местом жительства' [ДТС, с. 459], производное от него слово *хон* (в современных монгольских языках *хоног* означает 'сутки', 'отрезок времени') 'остановка'. Г. Д. Санжеев, касаясь второго слова *хон* писал, что «в данном случае это "хон" или "кон" представляют собою тюркское "кун" в искаженной монгольской передаче, что значит 'песок'. А если это так, то нет никакой необходимости толковать данный топоним как 'долина'» [1955а, с. 20].

В «Большом академическом монгольско-русском словаре» дается длинный ряд слов с компонентом *хон*, в котором подтверждена семантика слов, приведенных Д. Банзаровым и Г. Н. Румянцевым, составители подходят к изучаемому ландшафтному топониму чисто логи-

чески. Из словаря мы берем лишь слова *хон I* – ‘седалище, ягодица, задняя часть тела; круп’, *хон II* – хон-хон звукоподражательное междометие, соответствующее ‘дзинь-дзинь’ [Пюрбеев, 2001–2002, т. 4, с. 104]. Феномен этого слова заключается в том, что семантика, по видимому, в течение многих тысячелетий разрушалась, впрочем, как и во многих составных словах. Парадоксально, но в словосочетаниях семантика сохранилась вполне, о чем свидетельствуют доказательства Д. Банзарова и Ц. Б. Цыдендамбаева [1955, с. 145] и др.

Эргунэ-кун является ландшафтным геонимом, отразившим родину прамонголов после их расселения из бассейна реки Амур. Естественно, в Эргунэ-куне была речка, без которой жизнь людей немыслима. Этот факт заметил Л. Билэгт. «Вероятнее всего, особенность течения реки с полным поворотом послужила поводом назвать реку Эргунэ, имеющую значение “поворот” ... обратимся к слову “кун”. Сравнения транслитерации слов и их контексты ясно показывают, что слово “кун” прилагается к названию отдельной горы, и у монголов XIII в. применялось в значении “гора” или “хребет”» [Билэгт, Деревянко, 2000, с. 159]. В этом плане Л. Билэгт солидарен с идеей Д. Банзарова, высказанной им еще в 1849 г. С. Ш. Чагдуров, критикуя положение Л. Билэгта, пишет: «Во времена Кияна и Нукуза было ли в обиходе значение “поворот” или “делающий поворот”, если учесть, что основным могло быть значение “кружащийся”, “возвращающийся”. А корень слова *хон//кун*... содержит не значение “верх” – вершина, гора, хребет, а значение низ – низина, углубление, впадина, овраг, котловина...» [1999, с. 126]. Очевидно, в этом споре объект географического названия Эргунэ-кун смещен С. Ш. Чагдуровым, что подтверждает его произвольные толкования названий местности типа *Нухэн дабаан* ‘Дыра-перевал’ или *Эрхуу гуу* ‘яма Иркута’ и т. д.

Возвратимся к Д. Банзарову, писавшему еще в XIX в. вполне логично: «Ныне у монголов *эргэнэк* значит ‘шкаф’. Можно допустить, что настоящее имя нашей горы было не Эргэнэ, а Эргэнэк, где окончательный *к* исчез от гортанной буквы» [1955, с. 179]. Ц. Б. Цыдендамбаев отмечал, что «в западных говорах бурятского языка зафиксировано слово *эргэнэг* в значении ‘маленькая загородка, стойка для овец и телят’. Все эти значения слова *эргэнэг*... намекают на ‘что-то закрытое или закрывающееся’» [1955, с. 146]. Современные лексикографы [БАМРС, 2002, т. 4, с. 421, 424] слово *Эргүүлэг* связывает с *эр-*

гэнэг в значении: 1) 'шкаф для посуды, буфет'; 2) 'этажерка'; эргэнэг шат 'подвеска – этажерка'. Эргүүлэг в баргузинском говоре обозначает 'кожемялка'.

Какая-то лексико-семантическая связь между словами эргэнэг и эргүүлэг, по-видимому, существует ассоциативно. В этом плане весьма интересно предположение Л. Билэгта о происхождении слова эргүүлэг в значении 'водоворот'.

Л. Билэгт считает, что историческая или мифическая ландшафтная местность находилась в районе современной реки Аргунь и горы с одноименным названием [2000, с. 159]. Очевидно, локализация Эргунэ-кун определена Л. Билэгтом верно, так «объяснение Рашид-ад-Дина можно считать справедливым» [Банзаров, 1955, с. 179]. В этом отношении очень любопытны показания таких тюркологов, как Н. А. Баскаков, К. Менгес. «...Прародину тюрков помещают в северо-западную часть Центрально-Азиатского плато, между горами Алтая и северной части Хинганского хребта. С юго-восточной части они находились в тесном контакте с монгольскими племенами» [Тенишев, 2001, с. 732]. Возможно, размещение монголов в юго-восточной части расселения тюрков вполне согласуется с эргунэ-кунскими трагическими событиями, так как монголы кочевали в северной части Хинганского хребта.

«Кроме безудержного и беспомощного этимологизаторства опасен "вульгарный географизм", смешивающий название с объектом. Название не присуще объекту, а дано обществом и, следовательно, всегда продиктовано историей, а не физической географией» [Никонов, 1962, с. 14]. Он вполне логично утверждал, что «даже сам выбор природного признака в качестве названия зависит от социальных и исторических факторов» [Там же].

Такая ситуация сложилась почти у всех этимологов, кто занимался и занимается историей слов Эргунэ-кун. Эргунэ-кун – это самоназвание, как его называли соседи монголов, мы не знаем. Все эти факты неизвестны.

Первые упоминания об Эргунэ-куне, вероятно, до Рашид-ад-Дина и других мусульманских историков отсутствуют. Э. В. Шавкунов вскрыл в этой связи несколько причин: «...географические наименования не всегда и не сразу находили должное отражение в сочинениях

китайских и корейских историографов, весьма смутно представлявших к тому же описываемые ими с чужих слов системы рек и гор далеких стран. К сказанному следует добавить, что нередко одни и те же географические объекты назывались различными народами по-разному, что еще в большей степени затрудняет определение местонахождения тех или иных народов древности и средневековья» [Шавкунов, 1986, с. 51].

Частые смены этносов и их передвижения по огромным просторам Азии не способствовали сохранению географических объектов, тем более когда они были ландшафтными. Такие географические объекты стали предметом «вульгарного географизма».

Р. Г. Ахметьянов критиковал С. Ш. Чагдурова в том, что «иногда возникает соблазн выдавать желаемое языковые связи за действительные. Эта, в общем, вполне понятная человеческая слабость этимолога, к сожалению, порою принимает характер невольной тенденциозности в трактовке материала. Примеры такого подхода можно найти в этимологических экскурсах С. Ш. Чагдурова в его книге «Происхождение Гэсэриады»» [1985, с. 70].

С. Ш. Чагдуров в своей монографии «Прародина монголов» подвел «итоги» того, что им было сделано в этимологии древнемонгольских онимов. Проблема автора в том, что монгольские древности объясняются с помощью современной диалектологии и фонетики бурятского языка. В основном эти его разыскания покоятся на показаниях местных краеведов.

В его книге есть главы: «Лингвистическое основание гипотезы» и «Историко-лингвистическая ретроспектива», которые, казалось бы, должны быть определяющими для этимолога, но таковыми не стали.

Во-первых, никаких лингвистических, этимологических обоснований важнейшим древнемонгольским этимонам исторической лексикологии монгольских языков им не дается, а лишь одни догадки на основе нормализованных дескрипторов ностратических языков, разработанных В. М. Илличем-Свитычем. Из этого явствует, что этимологии онимов у автора не получилось. У С. Ш. Чагдурова материалы не значительны, поле языковых контактов весьма ограничено.

Например, толкуя этноним или антропоним *монгол*, расширяя их производными словами типа *монголжин*, *монголжон* и т. д., или им

взят один компонент слова *мон* – получается, а вот форма мун (см. Мун+дур+га) противоречит теории и практике этимологизации.

Обратимся к оценке этимологических подходов С. Ш. Чагдурова, данной Р. Г. Ахметьяновым: «Автор поражает эрудицией, широким размахом сопоставлений, однако этот размах иногда проявляется в сравнении слишком далеко отстоящих друг от друга во времени и в пространстве генетически гетерогенных слов» [1985, с. 70–71]. Раскрывая этимологию мифонима *Гэсэр*, С. Ш. Чагдуров составляет такой семантический ряд слов: иранское слово: *xsart* ‘сила, отвага’ др.-тюрк.: *ked, kes, kej* ‘сильно’ – монг. *gesigün* ‘сучок, член’ – шумер. *gis ‘penisi*’, ‘дерево’ [1980, с. 49–51], отсюда делается вывод, что Гэсэр – это Кей-Хосров, Киаскер [Ахметьянов, 1985, с. 71].

С. Ш. Чагдуров оперирует при этимологизации древнемонгольских онимов отнюдь не лингвистическими методами и приемами. «Лингвистически однозначны все древние слова с корневой морфемой со значением женского начала и символикой священной Матери-Земли (ср.: Моне-уула [по: Банзаров, 1955, с. 170; Румянцев, 1955, с. 307], Мундарга, Мунгэши//Монгол, Могол, Мохэ, Бохай//>баха ‘черепаха’//баха ‘охота’, ‘страсть’, ‘желание’, ‘счастье’//>хаха японск. ‘мать’, Нихон ‘страна’ (Япония); некун эвенк. ‘младшая сестра’ и все другие слова с корнем *ax//эх//ох//ух*), то тем более однозначны топонимы Нухэн-Даббаа и Эрхуу-Нухэн» [1999, с. 96].

Фонетические вариации однокоренных или совершенно разных слов С. Ш. Чагдурова, которые автор называет «внешними сравнениями, свидетельствующими о дальнем родстве языков» [Там же, с. 104]. Эти фонетические манипуляции словами, сделанные С. Ш. Чагдуровым, не объясняют звуковых изменений. «Тотальные изменения обуславливаются внешними влияниями (субстрата, адстрата и т. п.), позиционные – главным образом внутренним развитием языка (хотя и здесь могут играть внешние влияния)... Но гипотезы такого рода, как бы настойчиво они не разрабатывались, остаются воздушными замками, пока они не приведены в достаточно строгое и детальное соответствие с данными истории, археологии и языкознания» [Ахметьянов, 1985, с. 71].

Э. Бенвенист справедливо писал, что «...в области значения мы можем опираться лишь на соображения правдоподобия, основанные на “здравом смысле”, на личной оценке лингвиста, на параллелях,

которые он может указать. Проблема здесь всегда заключается в том, чтобы... решить, могут ли две формальные тождественные или сопоставимые морфемы отождествляться, также и по своему значению, если да, то каким образом» [Бенвенист, 1974, с. 331].

Принципы Э. Бенвениста, которые мы считаем основополагающими, С. Ш. Чагдуровым проигнорированы. Р. Г. Ахметьянов был прав, когда утверждал, что «историзм в этимологии требует безупречной объективности от исследователя» [1985, с. 70].

Завершая подраздел по истории *Эргунэ-кун*, отмечаем главные проблемы гидронима – это датировка трагического исхода монголов, местоположения оронима – гидронима, где выжили монголы, собственно анализ морфологической структуры.

До Д. Банзарова бытовало лишь мнение Рашид-ад-Дина и ряд суждений российских ученых XIX в. Археологами, историками-древниками (термин Д. С. Лихачева) и медиевистами, географами и лингвистами в объяснении этого оронима сделано немало, кто посвящал свои работы всецело, кто попутно касался этого вопроса в свете иных историографических трудов.

Объяснения Рашид-ад-Дина не дали полного и ясного ответа на ряд вопросов, так как название это было ландшафтным, не оставляющим никаких следов в материальном плане.

Говоря об *Эргунэ-кун*, нельзя не коснуться главных действующих лиц – Кияна и Нукуза – прародителей «новых» монголов, впоследствии целого народа.

В тобаской легенде персонажи анонимны: это мальчик 10 лет, случайно оставшийся в живых после истребления тюрков, и волчица – жена уцелевшего тюрка. Нукуз – имя явно тюркского происхождения. На карте Узбекистана есть город Нукус, столица бывшей автономной Кара-Калпакии.

Б. Р. Зориктуев [2004, с. 584] на основе легенды, в которой выведен человек по имени Нукуз, его потомков идентифицирует с людьми из рода чинуа, т. е. *чино* (монг.), *шоно* (бур.). Род волка и его тотемы распространены среди тюркских народов, например, башкир, якутов и др.

Эпонимический род *киян* возник от потомков детей Кияна. Г. Сухэ-Батор это название рода транскрибирует в словоформе *kijan*. Он же предполагает, что род восходит к клану *хуянь*, пишет, что этот род

после хуннов «упоминался в составе сянбийцев, не исчез с исторической арены» [Сухэ-Батор, 1976, с. 128]. Укажем лишь, что род Чингисхана относился к *кыят-борджигину*. Как видим, род этот разросся, возникли свои подклары и ответвления. Таковы некоторые сведения о родах Кияна и Нукуза. Имена их жен неизвестны.

Рашид-ад-Дин упоминает ряд племен: *дарлекинов*, *урянкатов* и *кунгиратов*. Они произошли от кланов Кияна и Нукуза.

Х. Пэрлээ [1956, с. 9] полагал, что *Уряан-кан* есть имя шамана, прародителя этого рода, или онгона, точнее, тэнгрия. Так, уринхайцы являются одним из древнейших племен тюрков и монголов.

Кунгираты, по Рашид-ад-Дину, племена, вышедшие из теснины раньше всех, при этом они осквернили очаг прежде там живших людей и их кланов, оттого страдали болезнью ног. А. Ангархаев в этнониме *кунгират* обнаружил, что он возник в результате слияния слов *хон-гор* ‘простодушный’, ‘человек без задних мыслей’, ‘наивный’ и *иргэд* (мн. ч. от *irgen* ‘люди’). Лингвистическое объяснение этого явления, сделанное А. Ангархаевым, заключается в том, что при слиянии названных слов последний слог *-ор* в слове ‘хонгор’ может выпасть по закону стяжения слогов на стыке слов, так как второе слово начинается со слога, имеющего опять же звук ‘р’ – ир. А ‘г’ в слове должно быть стирается вследствие стечения согласных. Как убеждает Ш. Лувсанвандан, в «древнем монгольском языке гласные никогда не следовали друг за другом, а всегда вперемежку: гласная и согласная» [1977, с. 36]. Превращение *э* в *а* (хон+гирад), или в *о* (хонгирод) – по закону сингармонизма [Ангархаев, 1999, с. 36]. Почти по Д. Банзарову получается у А. Ангархаева *irgen=arad*, отсюда им сделан вывод: *хонгор + arad = хонгирад* [Там же]. Если же его заключение принять за основу, то получится, что *хонгираты* – это народ наивный, не соблюдавший запрет осквернения огня и очагов предков, наказанный за это преступление. Кунгираты были в составе войск хана Батыя в Золотой Орде. Наибольшую часть каракалпаков составляют кунгираты наравне с джалаирами и мангытами [Там же, с. 37].

Ш.-Н. Цыденжапов предлагает иную версию в имени *кунгират*, в слогe *хун* находит *хун* ‘лебедь’ – известный тотем у хоринских бурят.

Тем не менее название *Эргунэ-кун* имеет большое историко-познавательное значение в древней этнической и культурной жизни

монголов. Отсутствие достоверной фиксации этого геотермина в источниках и научной географической литературе затрудняет его изучение в деталях. Однако лингвистический анализ словоформ архетипа *Эргунэ-кун* дает некоторые возможности к постижению тайны этого загадочного исторического феномена у древних монголов.

Таким образом, отдельные положения Д. Банзарова об *Эргунэ-куне*, несмотря на критику ряда ученых, не потеряли своего этимологического значения и в наши дни. Д. Банзаров принял после толкования Рашид-ад-Дином *Эргуне-кун* в словоформах «крутой, горный скат» как монголизмы. Лектор Казанского и Петербургского университетов Г. Гомбоев в своей этнографической статье отмечал неподвижность и крайне медленное развитие нового в жизни древних монголов: «Нынешние способы остались до такой степени верны старине, что, читая описание Плано-Карпини, забываешь, что оно было сделано назад тому шесть столетий. Это показывает, до какой степени азиатцы неподвижны в своем быте и понятиях, монголы были разбросаны, составляли не только один народ, но как бы одно семейство» [1857, с. 236]. Замечание ученого относится и к орониму *Эргунэ-кун*, в силу консерватизма лексики древнемонгольской речи сохранились семантические значения этого словосочетания и дошли до нас в почти первозданном виде. Все эти факты исторической семасиологии в лексикологии древнемонгольского языка еще раз подтвердили достоверность и смысл толкования названия *Эргунэ-кун* Д. Банзаровым, сделанного в 1849 г., все еще не потеряло научного значения и до сих пор касающегося деталей исследуемого им предмета.

2.1.2.5. Этноним «ойрат» в исследованиях XX в.: исторический, этнологический и лингвистический аспекты

Этнические термины *ойрат* и *тунгус* являются синонимами, имеющими единую семантику, в которой обозначены как лесной народ, или лесные люди.

2.1.2.5.1. Имя «Ойрат» в историческом и этнологическом освещении

Ойраты, буряты и монголы участвовали в консолидации и образовании общемонгольской нации в период создания единого монголь-

ского государства в эпоху Чингисхана. Происхождение ойратов уходит нас во времена хунну, жужаней, шивей и киданей. Впрочем, ойраты имели тотемного предка в виде дерева. А. Г. Митиров [1998, с. 47–51], обратившись к бурятским этногенетическим мифам, обнаружил много общего с ойратскими и калмыцкими родословными преданиями.

Согласно записи М. Н. Хангалова, Барга-батор имел трех сыновей. Старшего звали Илюдэр-Тургэн, среднего – Гур-бурят, младшего – Хоридой-мэргэн. «При передвижении бурят от Тобольска на восток, рассказывается в кудинском варианте, старший сын Илюдар-Тургэн остался на месте. От него произошли нынешние ойраты, позже переселившиеся на Волгу. Незначительная часть потомков Илюдэр-Тургэна переселились на восток. Некоторые роды бурят, обитающие в районе Балаганска, как, например, зюнгары и икинаты, считают себя ойратами, по-бурятски: олёд, или сэгэнут» [Там же, с. 47].

А. Г. Митиров приводит отрывок из легенды о молодом охотнике и небесной фее. Охотник увидел купающихся небесных дев и овладел одной из них. Дева вскоре почувствовала, что должна стать матерью. Желая скрыть свой позор от подруг, она опять спустилась с неба на берег озера и там родила сына. Сделав для младенца люльку, положила в нее сына и подвесила ее на росшее здесь деревцо. Чтобы ребенок не плакал, мать оставила нянькой маленькую птичку – Элэт. Птичка забавляла ребенка своим чириканьем. Чтобы сын не умер с голоду, мать сделала закрытую чашку с носиком, которую дербеты называют «цорбогор аяга» – пузатая чашечка – и нацедила в нее собственного молока. От названия этой чашки и получил свое название дербетский княжеский род цорос» [Там же, с. 50].

Г. Н. Потанин записал от рапсодов еще одну легенду под названием Одунбай – Бодунтай. В этой версии роль няни играла птичка Ули. «По распространенным вариантам она является матерью предка князей кости Цорос, а дерево – отцом младенца. Оттого твердили, что “Урун модон эцэгтой, уули шубуун эхэтэй”. Отцы Бадын тайша. Имеющий отцом дерево Урун и матерью птицу Ули-Одун Бадын тайша» [Там же, с. 51]. Эти словосочетания А. Митиров принял как собственные имена, потому не стал их переводить. В действительности они вполне переводимы. *Урун модон* обозначает ‘свил на дереве’

[Муниев, 1977, с. 534], а словосочетание *Ули шибо эхи* – ‘мать-птица сова’. Так, в русском переводе они обозначают ассоциативно ‘отец-дерево’ и ‘мать-сова’. Г. И. Рамстедт из летописи Батур Убаши Тюменя приводит очень лаконичную версию: Ур модон екета; Ули шувун ецека ‘Дерево-мать и птица-отец’. Здесь слова «отец» и «мать» позиционно смещены [1909, с. 556]. Летописец Габан-Шараб приводит в своей хронике несколько видоизмененную версию этой легенды.

Персонификация дерева как тотема – вещь редкая и интересная. Тотемами, как правило, бывают живые существа. Е. И. Кычанов, изучавший образ жизни кочевых народов, предполагает вполне обоснованно: «У обитателей лесов древних ойратов-охотников, очевидно, тотемом было дерево» [1980, с. 9]. В. Б. Цыремпилов считает, что «в древности слово *ой* ‘лес’ употреблялось в значении ‘дерево’, первоначально была общим тотемом. Слово “ойрат” было у них самоназванием, затем заимствованное скотоводческими племенами» [1989, с. 142].

Как известно, во многих монгольских и калмыцких летописях XIII–XVIII вв. зафиксированы легенды о Дува-Сохоре и Добу-мэргэне. Обратимся к «Сокровенному сказанию монголов», по данным которого прародителями «золотого» рода Чингисхана были Гоа-Марал (Прекрасная лань) и Борто-Чино (Серый волк), их потомком был Бата-Чиган ‘Крепкий Белый’, в 12-м поколении которого родились Дува-Сохар и Добун-мэргэн [Козин, 1941, с. 79]. Они были ойратами. Считается, «миф о первом разделе ойратов с монголами в лице двух братьев Дува Сохора и Добу-мэргэна возник в середине IX в. в связи с таким крупнейшим политическим событием того времени, как разгром Уйгурского каганата в 840 г. енисейскими киргизами и освобождением прамонголов – “шивей” или “отуз-татар” (тридцать племен татар) от уйгурского господства» [Авляев, 2002, с. 191]. У Дува-Сохора ‘циклопа’ было четыре сына, их звали Доносем, Докшинам, Эмнекен, Эрдекем. По Г. О. Авляеву, какая-то часть «шивейцев», по мифу, это потомки четырех сыновей Дувы-Сохора, получившие имя огулет (‘олет’), т. е. обиженные, от глагола ‘огулеху’ ‘обижаться’, обособляется от основной массы монголов-шивей и движутся на северо-запад, в Прибайкалье и далее к верховьям реки Енисей, где по-

степенно вытесняет живших там курыкан и туматов, частично смешавшись с ними. Так, после событий 840 года было положено начало древнеойратскому племенному союзу, включившему в домонгольский период четыре основных племени: олет, батут, хойт и коргуд, т. е. киргизов с Енисея [Авляев, 2002, с. 192]. Заметим, что племя *олёт* ничего общего не имеет с этнонимом *элюты*, возникшим в маньчжурскую эпоху, обозначавшим джунгарцев вообще.

В «Сокровенном сказании монголов» (§ 239) говорится: «В год зайца (1207) Чжочи был послан с войском правой руки к лесным народам. Проводником отбыл Буха. Прежде всех явился с выражением верности ойратский Худуха-беки, со своими тумен-ойратами явившись, он стал провожатым у Чжочи. Проводил его к своим тумен-ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив ойратов, бурят, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов» [Козин, 1941, с. 174]. Здесь хроника XIII в. зафиксировала родственные связи ойратских князей с домом Чингисхана. За добровольное вхождение ойратов в состав монгольского объединения Чингисхан выдал за сына Инальчи царевну Чеченген, царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата – Торельчи, а царевну Алаха-беки отдал в замужество к Онудцам. Чингисхан, обратясь к Чжочи, соизволил сказать: «...в добром здравии благополучно вернулся, покорив без потерь людьми с лошадьми лесные народы. Жалую их тебе в подданство» [Там же, с. 175]. На основе показаний летописи Рашид-ад-Дина [1952, т. 1, кн. 1, с. 118] «местопребыванием ойратов была местность Секиз-мурэн (Восьмиречие), которая современными исследователями твердо идентифицируется с бассейном малого Енисея. Значит, можно считать, что в начале XIII в. ойратское племя обитало по этой реке» [Зориктуев, 2000, с. 120]. Любопытен вывод автора статьи, где говорится о том, что в 1207 г. Чингисханом был совершен поход, направленный на покорение западномонгольских и саяно-алтайских племен. В 1217 г. монголами в долине малого Енисея было окончательно сломлено сопротивление не желавших подчиниться им туматов [Там же, с. 126].

Рассказ о старшем сыне Илюдэр-Тургэне, жившем вблизи Тобольска, напоминает нам о прежних местах обитания, отмеченных в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина.

До Банзарова слово *ойрат* не исследовалось, лишь бытовали разного рода догадки на уровне народной этимологии. «Вот где начало и четырех ойратов», а не в формальном составлении настоящего четверного союза. Поэтому я думаю, что ойрат происходит вовсе не от ойро, а составлен из слов ой-арат (*oyi arad*), которые соответствуют Рашидову ойн ирген и турецкому агачери, т. е. «лесной народ»» [Банзаров, 1955, с. 182]. Это была вполне логичная гипотеза о происхождении слова *ойрат* и его семантике, выдвинутая Д. Банзаровым.

Спустя полвека гипотеза его об ойратах была подвергнута серьезной лингвистической критике Г. И. Рамstedтом, сделана попытка опровержения этимологии первого. С тех пор возникли споры лингвистов-монголоведов «за» и «против» банзаровской гипотезы. Г. И. Рамstedт писал: «...Я хочу лишь на почве лингвистических фактов доказать, что ойрат, или собственно *oyirag* точь-в-точь то же самое древнее турецкое наименование *oñuz*» [1909, с. 550]. Тождество этнонимов *oyirad*~*oñuz* ему хотелось доказать на основе фонетических сопоставлений на базе лексико-семантического анализа монгольских и тюркских языковых параллелей. Г. И. Румянцев писал: «Рамstedт устанавливает, что в одних и тех же монгольских и турецких словах монгольское *-ji* во втором слоге соответствует древнетюркскому спиранту или переднему г. На монгольской почве тюркское *gi* (*hi*, *hy*) → монг. *-ji*>I, которое впоследствии образовало дифтонг с предыдущим кратким гласным. Схематически это развитие в ойратском языке может быть выражено следующим образом:

ugi > *aji* > *ai* > *di* > *ä*
ori > *oji* > *oi* > *oi* > *ö* и др.

В тюркских же языках первоначальный гласный *i* стал в заднеязычных словах *ы*, после губных *o* и *y* губным *у*, после *ö* и *ü*, или же в некоторых словах совсем исчез. Отсюда получается также соответствие: *оги́зан* монг. *ојран* (мн. ч. *ојрад*) > калм. *өрөт* (*өрөд*) и древнетюрк. *оñуз*» [1955, с. 325–326]. Он же отметил, что Б. Я. Владимирцов [1929, с. 266–272] наглядно на фактическом материале доказал динамику *ori* > *oji* > *ö*; *ari* > *aji* > *ä* в монгольских языках.

Г. И. Румянцев считал, что этимология Д. Банзарова явно неудовлетворительна. Так, он поддержал Г. Рамstedта, который думал, есть «догадка весьма правдоподобная, подобное соответствие между тюркским оҕуз и монгольским ојгад... возможно...» [1955, с. 326]. Г. О. Авляев считает гипотезу Д. Банзарова «надуманной, узколингвистической попыткой этимологизации термина 'ойрат'» [2002, с. 184–185].

У Банзарова есть и сторонники. Г. Д. Санжеев писал: «...мы должны отметить, что гипотеза Д. Банзарова относительно этимологии ойрад не может быть выброшена из арсенала монголоведения, хотя, понятно, и не может считаться, безусловно, установленной теорией» [1955а, с. 19]. Ц. Б. Цыдендамбаев в своем докладе на конференции памяти Д. Банзарова, считая ряд аргументов Г. И. Рамstedта неубедительными, отмечал: «В лингвистических упражнениях Рамstedта трудно найти обещанную им точность и доказательность: его гипотеза о сходности образования турецкого огуз и монгольского ойрат построена почти полностью на одних лишь догадках, тогда как предположение Д. Банзарова о происхождении слова ойрат имеет гораздо более реальную почву» [1955, с. 148]. У.-Ж. Ш. Дондуков констатирует, что генезис слова *ойрат* Д. Банзаров объяснил исторически верно, впрочем, не вдаваясь в его лингвистический анализ [1973, с. 69].

Б. Я. Владимирцов обратил свое внимание на критику Г. И. Рамstedта, за основу своей догадки взявшего слово *ойра* (*ojira*) 'близко, близкий', что во множественном числе дает словоформу *ойрас* (*ojiras*). Ученый указывает на то, что «все грамматисты от Я. И. Шмидта, А. А. Бобровникова, В. Л. Котвича, Г. Цыбикова, А. Д. Руднева утверждают единодушно, что "в монгольском языке слова, оканчивающиеся на гласную, не могут иметь *-d* (*-t*) в качестве показателя множественного числа"» [1926, с. 61]. Только лишь М. А. Кастрен и П. М. Мелиоранский впервые отметили возможность возникновения форманта во множественном числе на *-t* (*<-d*), первый из них нашел эти признаки множественности в селенгинском говоре живого бурятского языка, а второй показал окончание на *-t* *-plural* от основ на гласные: *ketyat-kityat* *<ketya-kitya* 'нож' [Там же]. Он писал: «Однако же данные монгольского языка обнаруживают иное. В различных монгольских текстах находится известное количество имен, оканчиваю-

щихся на гласные и образующих множественное число через аффикс -d» [Владимирцов, 1926, с. 61]. Им приведены 10 слов с точным указанием источников языковых примеров, объясняющих этот феномен множественного числа. «К этим десяти примерам следует присоединить и *oyirad plurul*<*oyira*» [Там же, с. 62].

Здесь лингвист коснулся лишь одного момента ассоциативного отношения этнонима *ойрат* в иерархии рассматриваемых Б. Я. Владимирцовым слов, составляющих один семантический ряд, где читатель должен вести поиск слова *ойрат* через призму форманта -t (<-d). Поэтому в конце своей статьи автор дал оговорку, в которой сказано: «Установлением образования формы *oyirad*<*oyira*, конечно, вопрос об этимологии имени Ойрат (*Oyirad*) не решается ... он и не затрагивается» [Там же]. Г. И. Рамstedт в своей статье приводил пример слова *edüge* ‘сейчас, в настоящее время’. Б. Я. Владимирцов считал возможным формант множественного числа от этого слова: (3) «*eduge* ‘теперь, ныне’ > plural *edüged* ‘теперешние, нынешние’. Последняя форма в *genetiv* приводится нашими словарями: *edüged-ün* (словарь К. Ф. Голстунского) ‘нынешний, настоящий’» [Там же]. Г. Д. Санжеев с уверенностью писал: «Б. Я. Владимирцев приводил пример из монгольского языка, устранивший и первое соображение Г. Рамstedта: *эдугэ* ‘теперь’ – *эдугэд* ‘теперешние’. Ведь слово *эдугэ* в структурном отношении никак не отличается от “ойра”. Таким образом, критические замечания Г. Рамstedта, сделанные им против концепции о генетической общности слов “ойра” ‘близко’ и “ойрад”, в свете новейших данных монголистики не могут считаться безукоризненными, ибо с лингвистической точки зрения оказывается вполне возможным образование от “ойра” формы множественного числа в виде “ойрад”» [1955а, с. 18–19]. По Г. Д. Санжееву, финский лингвист считает, что словосочетание *ойрад* (*ой+арад*) должно соединяться по схеме: *ойдин арад* ‘народ леса’, или ‘лесные обитатели’, в которой *ойдин арад* – формант родительного падежа пропал, чего не могло быть. Г. Д. Санжеев утверждал, что во многих случаях в монгольских языках употребление формы родительного падежа оказывается факультативным, т. е. необязательным: сравнить бурятские *бурхан тура* ‘церковь’ или монгольские *мал аж ахуй* и *малын аж ахуй* ‘скотоводство’. Следует помнить, что образование возможного сочетания *ой арад* относится к более ранним периодам истории монгольских диалектов,

когда грамматические нормы могли быть несколько иными, чем в настоящее время. К тому же следует учитывать, что необычное и странное в языке одной эпохи может быть вполне обычным и закономерным для языка другой эпохи. Кроме того, ведь форма *ойрад* может быть результатом слияния не словосочетания *ой арад*, но *оййин арад* [Санжеев, 1955а, с. 19].

Ц. Б. Цыдендамбаев писал: «...Словосочетание, образованное путем примыкания одного имени к другому имени, может иметь и имеет в монгольских языках гораздо более широкое значение, чем полагает Г. И. Рамстедт, например, в сочетаниях халха монголы и хори буряад определительные слова халха и хори... выражают принадлежность последних в данном случае к месту жительства и племени... Слово *ой* в функции определения не обязательно должно принять окончание родительного падежа, а может порою примыкать к другому имени существительному в своей основе, например: *ой газар* 'лесистая местность' *ой нютаг* 'край лесной', слова из «Сокровенного сказания монголов» *hoai jubug* 'лесная долина' (Козин, 1941, с. 209). Вот почему, думается, замечания Г. И. Рамстедта относительно этимологии названия «ойрат» нельзя принять на веру» [1955, с. 147].

Ш.-Н. Цыденжапов считает слово *ойрад* возникло из сочетания фразеологических единиц *ой+арад*, о котором говорили выше. Г. Н. Румянцев [1955, с. 325], как и Г. И. Рамстедт, считал, что лексема *ойрат* не могла возникнуть без форманта родительного, так как это противоречит грамматической закономерности монгольских языков. В ответ на утверждения Г. Н. Румянцева Ш.-Н. Цыденжапов пишет: «Для монгольских языков характерно опускание или выпадение падежных окончаний во многих сочетаниях слов. Например: словосочетания старомонгольского языка Энэдкэг-ун орон 'Индия', «тубэд-ун кэлэ» 'тибетский язык', «унгэ бэн алдаху» 'отцветать, утратить окраску' в современном бурятском языке переданы как Энэдхэг орон, тубэд хэлэн, унгэ алдаха, в которых опущены фороманты -н, -йн, -бэн, что наличествовали в их развитии... По законам монгольских языков слово 'ой' могло бы сочетаться с лексемой арад даже без падежного окончания *уйн*» [1980, с. 326]. Тождество словоформ *ойрат* и *огуз* вызывает у всех лингвистов большой спор. Г. Д. Санжеев писал: «...Огуз есть одно из древнейших племенных названий у тюркоязычных народов. Специальные историко-фонетические соображения и

доказательства Г. И. Рамstedта являются в какой-то степени формально обоснованными, поскольку вполне доказаны соответствия монгольских й и р тюркских г и з. Но этого для решения данного конкретного вопроса очень мало, поскольку с историко-этнологической точки зрения подобное толкование Г. Рамstedта не находит почти никакого оправдания» [Санжеев, 1955а, с. 19]. Ц. Б. Цыдендамбаев думал, что Рамstedт «воссоздал искомые величины: гипотетическое древнетюркское *oġız* и монгольский корень *oġir*... Результат оказался далеко не достаточным для того, чтобы утверждать, что *огуз* корреспондируется со словом *ойрат*. Рамstedт искал нужное ему *-ан*, но оно пропало, исчезновение которого на турецкой почве явление обычное» [1955, с. 148], в монгольском это слово имеет во множественном числе формант *-д*. Г. И. Рамstedт сам задался вопросом: «возможно ли, чтобы ойраты – народ монголоязычный, приняли турецкое наименование *огуз*?» «Подобные явления перенесения этнических наименований с одного народа на другой в истории наблюдались нередко, но было ли так в данном случае, сказать трудно» [Румянцев, 1955, с. 326]. Ш.-Н. Цыденжапов также подверг догадки Рамstedта резкой критике на основе лингвистических обоснований [1980, с. 327–329].

В. Б. Цыремпилов [1992, с. 107] считает гипотезу Д. Банзарова об ойратах «первым научным объяснением этнонима» в русской ориенталистике. Любопытно узнать, как название *ойрат* идентифицируется в китайских источниках и в «Сокровенном сказании монголов», дошедшем до нас в иероглифической письменности. Согласно его интерпретации, «в слове *ouırad oi* ‘лес’ выступает в качестве определения – “лесной” и, казалось бы, эта часть слова должна быть затранскрибирована иероглифом *хуай*, по аналогии с выражением *hoi-yin irgen*, но здесь она передана иероглифом *во*, который обозначает ‘фамилию (особенно у чжурженей и монголов). Полностью слово *ouırad* передано иероглифами *во-и-ра-ти*» [Там же, с. 109]. Ойраты были лесными племенами. Их звали *hoi-yin irgen* ‘люди, живущие в лесу’. Это слово передано иероглифом ‘дерево’; ‘японская софора’; окончание родительного падежа *-yin*: *инь* ‘начало, исток, исходный’. Если принять во внимание, что гласные *o/y* тождественны, то в целом иероглифы *хуай* – *инь* фонетически более или менее точно передают монгольское *hoi-yin* в древней форме с инициальным *h*. Таким образом, словосочетание *hoi-yin irgen* ‘лесной народ’ передано иероглифами

линь – дэ, где *линь* ‘лес’, дэ – суффикс прилагательного; перевод тот же – ‘лесной’ [Цыремпилов, 1992, с. 108]. Отсюда следует, что китайские авторы и монголы, писавшие по-китайски, придерживались монгольских норм древнемонгольской речи. На персидском языке ойраты именовались также *хойин сюккан* ‘лесным народом’, являются словосочетанием – гибридом: *hoi-yin*+*сюккан*. У.-Ж. Ш. Дондуков считает гипотезу Д. Банзарова об ойратах «историческим объяснением» этого этнонима [1976, с. 136].

Л. А. Петров [1943, с. 31–32] и П. И. Хадалов [1952, с. 20] гипотезу Д. Банзарова оценили в целом, считая монголов и уйгуров в едином историческом контексте. Д. Б. Улымжиев [1994, с. 62] и Н. В. Ким [1992, с. 33] лишь констатировали новизну гипотезы Д. Банзарова для монголоведения его времени.

Кроме того, есть монголоеды нейтральной позиции. К ним относятся Б. Я. Владимирцов, А. Ш. Кичиков и Н. Н. Убушаев. А. Ш. Кичиков предложил приблизительную догадку о появлении этнонима *ойрат* на фоне истории киргизов, будто он восходит к слову *ойрон* ‘молодец, сильный, богатырь’.

Н. Н. Убушаев выдвинул свою версию данного этнонима: «Наши поиски значения этой формы привели к финскому слову “койра” ‘собака’. Фонетическая близость данных двух слов очевидна. Развитие койры и ойрат можно передать так: койра(н) ойра+т> ойрат» [1989, с. 58]. Его догадка заставляет нас перенестись во времена научной деятельности О. М. Ковалевского, который оставил кое-какие идеи компаративистики, созревали первые основы алтаистики, в состав которых входили и финно-угорские языки, что тогда считалось аксиомой. Н. Н. Убушаев обращается к авторитету В. М. Иллич-Свитыча, «считавшего, что слова с консонантным скелетом к (j) h/к (j) l/к (j)г имеют значение ‘волк, собака’ ... Вследствие развития дифтонгов в двоеслоги, монофтонгизации, ослабления начальных согласных до исчезновения, сращения с различными аффиксами дали серию гнезд слов различной продуктивности с различными прямыми и переносными значениями» [1989, с. 59]. Он воссоздал целый семантический ряд слов, взятых из лексики разных языков: *кян* ‘собака’ (папуас); *кя* ‘собака’ (корейский); *гуянь* ‘собака’ (китайский); *гаиль* ‘волк’ (армянский); *койт* ‘волк’ (англ.), *койра* ‘собака’ (финский), которые могут

быть продолжены [Убушаев, 1989, с. 99]. Он отождествляет корни *koi* и *kii*, от последнего слога возникает известный этноним *kiyan*, по его мнению, слог *kij* является связующим звеном во вновь образующемся слове *ойрат* в этническом плане через клановое название *kiyen*, а тотем *kojra* составляет лексему, в которой *к* выпал, остался лишь *ojra* без форманта *-t*, что берется от *kiyat*. Таким образом, *kiyan* как этнический знак с тотемом *kojra*, по Н. Н. Убушаеву, создали новое название *oirat*. Это вещь весьма замысловатая, вместе с тем очень соблазнительная для безударной этимологизации данного названия без учета историко-социальных явлений, если не брать во внимание *kujan*. Этимология названия ойрат в данной трактовке остается малопонятной и иллюзорной.

Б. Кемпф [2009, с. 103–106] выдвинул совершенно новую гипотезу по этимологии этнонима *ойрат*. Как известно, в истории Венгрии есть пласты собственно венгеристики, также вспомогательная венгеристика, возникшая на основе наслоения истории формирования самой нации с древнейших времен, в которую вошли разнородные этносы, составляющие суть смешения их в один крупнейший народ под названием мадьяров, или венгров. Поэтому венгерские ученые занимались и занимаются вопросами сложения своего народа, привлекая источники по восточным народам, когда-то в древности и средневековье имевшим к венграм непосредственное отношение как сложный конгломерат племен. Одним из них является Ю. Немет, изучающий ономастику и этимологию этнонимов восточных и славянских народов исключительно с лингвистической точки зрения с применением методов семантики и семасиологии. Он, «анализируя большинство этнонимов печенегов, состоящих, на его взгляд, из цветообозначений мастей лошадей и титулов, распознал тайну системы, сыгравшую важную роль в его последних работах» [Кемпф, 2009, с. 106]. По его словам, в работах Арпада Берты явно ощущается влияние Ю. Немета, последний позаимствовал у первого методику исследования в изучении собственно венгерских этнонимов [Там же].

Б. Кемпф, проявив интерес к этнониму *ойрат*, проанализировал работы своих предшественников по этой проблеме, но не принял во внимание их гипотезы. Поддержав Г. И. Рамстедта в том, что он выделял два этнонима к одному, потому Б. Кемпф предложил свою до-

гадку, состоящую в том, что слово «*ойрат*» имеет суффикс множественного числа от формы *oyiran* и этимологизируется как производное слово», «форма *ouïran* изначально имела геминанту, поэтому реконструкция выглядит как *ouïran*. Следующий шаг уже представлен и в работе Рамстедта. Суть которого состоит в том, что монгольское звуко-сочетание *-ui* в некоторых случаях происходит от *-gi*» [Кемпф, 2009, с. 104]. Б. Кемпф, опираясь на работы М. Ердала (Т. Erdal), Г. Клоусона (G. Clousen) и других европейских востоковедов, приходит к весьма интересным выводам.

Слово *ойрат*, по Б. Кемпфу, возводится к этнонимам *конгират* и *онгират* на основе работ Дерфера (Derfer) и других, а также некоторых монгольских источников [Там же, с. 104–105].

Гипотезы Б. Кемпфа по этнонимам *ойрат* и *уйгур*, имевшим синонимические основы, возможно, в семантическом плане чрезвычайно интересны и любопытны. На наш взгляд, гипотеза Б. Кемпфа из-за нехватки лексико-семантических материалов и исторических достоверных фактов и сведений пока остается малоубедительной. Главное, что не найдены источники по истории так называемых лесных народов – ойратов и уйгуров, которые могли бы открыть тайну завесы их генезиса и эволюции.

После добровольного вхождения «лесных народов» во главе с Худуха-беки в состав Монгольского государства, очевидно, эти племена были тюрко-монгольского типа. Монголизация шла усиленными темпами, впоследствии появились ойраты, став в родстве с «золотым» родом Чингисхана.

Б. Я. Бедюров полагает, что слово *ойрат* Д. Банзаровым объяснено неверно, так как в основе должно быть *ойрот*. Поэтому гипотезу Д. Банзарова считает он в корне неверной, может быть, он и прав. В данном случае догадку Д. Банзарова можно рассмотреть как вполне убедительную в социуме последующих эпох, когда монголы разделились на восточных и западных.

Однако до покорения Джочиева войсками, они, возможно, были ойротами. В этом отношении любопытны генезис и развитие уринхайцев, они живут среди якутов и бурят, сохранили этот этноним *ойрод* в своей исторической памяти.

В оценке идей статьи Д. Банзарова об ойратах все ученые единодушны в том, что работы сохраняют значимость в монгольской филологии, «...историко-этнологические соображения скорее говорят в пользу именно этой гипотезы Д. Банзарова, которая не противоречит данным современной монголистики» [Санжеев, 1955а, с. 19]. Таким образом, пока никто из монголистов не смог предложить такой гипотезы об ойратах, значит, банзаровские мысли не канули в Лету, а еще живут в умах современных ученых, побуждая их к новым научным поискам.

§ 2. Надпись на стеле Исунгге: историография дешифровки, историософия: спорное и бесспорное. Язык текста надписи: лексико-семантический и грамматический анализ

Надпись на каменной плите, известная под названием «Чингисов камень», сохранилась до сих пор. Стелу назвал так Я. И. Шмидт [Shmidt, 1833] видимо потому, что текст надписи начинается с этого имени и является одним из первых дошедших до нас памятников уйгуро-монгольской письменности. Длительная история исследования надписи и ее толкование показывают разные уровни развития монгольской палеографии, эпиграфики, герменевтики, истории и языкознания.

Объяснение надписи на стеле Исунгге состоит из двух частей исследования – экстралингвистической (место первоначального нахождения памятника, его современное состояние, история перевозки в Санкт-Петербург, место хранения, характер письма, история исследования надписи: переводы и интерпретации, личность Исунгге, в честь которого был поставлен памятник, дата памятника) и собственно лингвистической: фонетика, морфология, синтаксис в синхронном и историческом плане, вопросы пунктуации в надписи, геоним *Buka – So-čiqi* в палеографическом и фонетическом толковании. Отдельно рассмотрены вопросы графологии текста памятника.

2.2.1. Состояние памятника и его материалы

Памятник обнаружен в начале XIX в. в Южном Забайкалье известным путешественником и ученым Г. И. Спасским с помощью

местных жителей. С тех пор он стал объектом научного исследования сначала русских монголоведов, а позднее западноевропейских и других зарубежных востоковедов. Г. И. Спасский впервые сообщил в научной печати о надписи в 1818 г.: «...Стоял большой гранитный камень с прекрасно высеченною на нем восточными буквами надписью... Сей камень состоит из гранита, имеет длину 2 аршина, 13 вершков, ширины $14 \frac{3}{4}$ и толщины 5 вершков. Надпись на нем высечена сверху вниз» [1819, с. 122–123]. По данным У. Гонгоржава, стела «высотой – 202 см, шириной – 74 см, толщиной – 22 см, состоит из гранита» [1982, с. 33]. К сожалению, Г. И. Спасский ничего не сказал о состоянии выгравированного текста. Н. С. Щукин обследовал памятник древности намного позже и в своих заметках писал: «По дороге в Кличкинский рудник находится падь, или глубокая ложбина, где долго стояла на гранитном круглом основании плита с письменами на монгольском языке... Над плитой была кровля на столбцах... разрушили эту беседку: плита упала на землю и переломилась надвое, но так счастливо, что письмена не повредились» [1852, с. 46].

А. К. Кузнецов [1925, с. 58], основываясь на сведениях краеведов середины XIX в., касаясь перевозки «Чингисова камня» с места первоначальной стоянки, писал так: «Можно безошибочно утверждать, что плита вывезена управляющим рудниками Чевкиным в 1830 г. из Киркиринского городка в Нерчинский Завод. Здесь она лежала до 1832 года». По ходатайству Г. И. Спасского эту плиту с надписью вывезли с караваном золота из Нерчинска в Петербург, так она попала в Министерство финансов, оттуда как экспонат демонстрировалась на промышленной выставке российской столицы, по ее закрытии перевезли в Азиатский музей, где Я. И. Шмидт и Д. Банзаров изучали надпись. По словам Г. Н. Румянцева [1955, с. 287], в 1935 г. памятник был передан Академией наук Эрмитажу, где он и находится по наши дни. Что касается трещины на камне, повредившей текст надписи, следует сказать, что Н. С. Щукин полагался на данные своих осведомителей. Разрушение камня могло произойти при перевозке. Эти места осматривали археологи, историки, филологи и писатели. То, что С. В. Киселев, Н. С. Щукин изучали степи по дороге на Кличкинский рудник, сейчас именуется геонимом *Нарын тала* 'Солнечная степь' на берегу реки Онона [Баяртуев, 2001, с. 86].

«Чингисов камень» (Эрмитаж. Санкт-Петербург)

Трещина на камне (изменение букв и стершиеся знаки) задела буквы, что явилось причиной дополнительных трудностей для исследователей. Об этом говорили все эпиграфисты, начиная с Я. Шмидта до И. де Ракевильца, те, кто вплотную занимался расшифровкой текста памятника. Ученые, которые занимались прочтением надписи, сделали копии. Они сохранились в работах Г. И. Спасского [1819], Я. И. Шмидта [1833], Д. Банзарова [1851, с. X]. Опубликование В. В. Радловым фотографии эстампажа надписи в «Атласе древностей Монголии» [1892, с. 23] в определенной степени дало новый толчок к дальнейшему изучению памятника. В настоящее время в распоряжении исследователей [Rachewiltz, 1976; Rinchen, 1958–1959] имеются хорошего качества фотографии надписи на стеле Исунгге.

Накопилась обширная литература по изучению надписи, наиболее полная библиография содержится в «Памятниках доклассического монгольского языка XIII–XIV вв., т. 1 (I)» под редакцией академика АН ВНР Л. Лигети [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 17–18], в монографии «Древнемонгольские города» С. В. Киселева [1965, с. 23–58] и др., приведена литература по археологии, а у У. Гонгоржава [1982, с. 73–78] – библиография по этнографии монгольских народов.

2.2.2. История исследования памятника

Чтением и переводами надписи занимался ряд поколений русских и советских, а также зарубежных монголоведов. Г. И. Спасский с помощью местных толмачей и бурятских лам первым разобрал отдельные слова и словосочетания: «Чингис-хан... последуя временам ... все монгольские народы» [1819, т. IV, ч. IV, с. 123]. Г. И. Спасский эти отрывки включил в свое издание [Там же, с. 120–182], тем самым он стал первооткрывателем этого памятника в русской и европейской ориенталистике. Кроме своих сообщений, опубликованных в «Сибирском вестнике», издал работу «Сибирские надписи» [1822]. В журнале «Journal des Savans» [1822, кн. X (окт.), с. 595–602] А. Ремюза, известный французский ориенталист, крупный по тем временам исследователь истории письменностей народов Центральной Азии опубликовал полемическую рецензию. В ней критик призывал ученых бережно относиться к остаткам уцелевших памятников древности, которых пощадило время, тогда как «кочующие народы не останавливались для истребления оных» [Remusat, 1822].

А. Ремюза, касаясь надписей на «Чингисовом камне», восторженно писал, что «памятник сей замечателен потому, что надписи на нем, без сомнения, на монгольском языке. Вместе с автором (Г. Спасским. — В. Р.) я нахожу в ней слова: *omnium populorum Mongolorum* (всех монгольских народов)» [Remusat, 1822, р. 601–602]. Сейчас это словосочетание в общепринятой транскрипции передается в виде *Xatmū Mongyol ulus*, признано правильной расшифровкой этих словоформ. Он отмечал, что нахождение словосочетания *Čingisqan* на второй строке неверным [Ibid], так как оно нарушается этикой текста, когда называют высокое имя. А. Ремюза, несомненно, в этом замечании был прав, что и признали все последующие исследователи.

Г. И. Спасский попытался дать археологическое и рельефное описание Кондуйского городка и памятника монгольской культуры XIII в. в русской научной литературе впервые [1819, ч. IV, с. 121, 122]. Ученый сделал рисунок и копию памятника, прекрасно зная, насколько он важен как серьезный инструментарий и источник для его изучения.

П. С. Савельев отмечал, что «надпись, сделанная не знавшим монгольского языка, весьма неверна» [по: Банзаров, 1955, с. 206]. Это резкое замечание П. С. Савельева в отношении Г. И. Спасского как первооткрывателя надписи прозвучало не совсем корректно. Выше мы уже говорили о том, что несколько словоформ А. Ремюза переведены вполне удачно, эти первые находки вошли в историю изучения памятника на прочной основе.

Дело, начатое Г. И. Спасским, было продолжено после перевозки камня в Петербург, демонстрация которого прошла в 1839 г. Относительно полный перевод Р.-Н. Ванчикова стал поводом не только ввода его в науку Я. И. Шмидтом, но и предметом научной и вненаучной полемики среди петербургских ориенталистов того времени, свидетельствующей о том, что монголистика лишь зарождалась и находилась в руках одного монополиста — Я. И. Шмидта.

Р.-Н. Ванчиков предложил свой перевод надписи: «Когда Чингис-хан соизволил овладеть сартогольским народом и присоединить к древнему становищу всего монгольского народа, находящиеся вообще по Онону побеждены тремя стами тридцатью пятью посланными» [по: Банзаров, 1851–1955, с. 204]. Переводчик разобрал верно отдель-

ные слова и фразы: Чингис-хан захватил сартаголов... все монгольские народы... и цифру 335.

П. С. Савельев, комментируя работу Д. Банзарова и касаясь перевода Р.-Н. Ванчикова, указал на то, что учитель из Кяхты «перевел непонятные архаизмы гадательно» [по: Банзаров, 1851–1955, с. 204].

Несколькими годами позже академик Петербургской АН Я. И. Шмидт [1833, с. 243–256; 1839а, с. 1013–1014] опубликовал свой перевод надписи на немецком и русском языках. Он резко критиковал своего предшественника, втянув в полемику и других ученых, которые к этому переводу никакого отношения не имели [Он же, 1839а, с. 27–33]. Можно сказать, что памятник монгольской письменности был введен в научный оборот Я. И. Шмидтом, но его в науке открыл Г. И. Спасский.

Изучением надписи на стеле Исунгге занимался Д. Банзаров, активно привлекая исторические свидетельства хроник и другие источники: «Когда Чингис-хан после нашествия на народ сартагул (хивинцев) возвратился и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Сучигае, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов хонгодорских» [1955, с. 200].

Д. Банзаров проанализировал текст памятника палеографически, грамматически и дал содержательное толкование слов и словосочетаний, написал вполне обоснованные и убедительные по тому времени исторические комментарии. Исправив неправильное чтение И. Я. Шмидта, он внес огромный вклад в исследование памятника. Дешифровка памятника стала достижением русского монголоведения II половины XIX в. Вильгельм Шотт написал ряд статей о Д. Банзарове, в том числе и о дешифровке надписи [Shott, 1855, с. 297, 305], благодаря чему работа Д. Банзарова стала известной ученым Западной Европы.

В. Шотт, в отличие от русских ориенталистов, относился к Д. Банзарову с глубоким доверием как к носителю языка и с должным уважением. Рассмотрим все «за» и «против» академика более подробно.

«Новое, совсем другое объяснение памятника дал нам монгол с европейским образованием и уже признанным глубоким исследователем г-н Дорджи Банзаров, после того как ему удалось полное прочтение неразгаданных слов. ...Автор снабдил свое понимание текста

стелы историческими и филологическими толкованиями, которые мы не можем не одобрить» [Shott, 1855, s. 297–298]. Для наглядности он привел переводы И. Я. Шмидта и Д. Б. Банзарова, которые в корне отличаются друг от друга, причем оба толкователя надписи дают свои лингви-стические пояснения каждого слова и словосочетания, обнаруженные в тексте старинного памятника. Касаясь исторического комментария Банзарова, немецкий автор отмечал верность и логику его доказательств. В частности, он поддержал трактовку Банзаровым 14 слов надписи, начертанной над линией, как имени высокородной княжеской личности, а именно одного из племянников Чингис-хана – Исунке [ibid, s. 300]. В. Шотт вполне справедливо отмечает, что имя Исунке «является главной личностью в тексте надписи и через него далее проясняется многое» [ibid]. Он приводит ряд интересных исторических фактов из жизни и походов Чингисхана и его преемников в пользу гипотезы Банзарова о разделе ханом уделов между своими сыновьями.

Однако через 45 лет А. М. Позднеев [1896, с. 74–75] писал, что «этот памятник требует нового и основательного пересмотра ... повсюду возникают у нас вопросы и сомнения», а В. В. Радлов признал перевод Д. Банзарова «все-таки неудовлетворительным» [1892–1893, табл. 49].

В 1927 г. И. А. Клюкин, пользуясь «Атласом древностей Монголии», предложил новое чтение и перевод текста, его аргументы составили целую монографию [1927, с. 5–39].

Перевод И. А. Клюкина: «Когда Чингис-хан по возвращении с захвата сартагулов всех нойонов народа монгол поставил на состязание в стрельбе, то Исунхэ на триста тридцать пять маховых сажень расстояния (прицела) выстрелил из лука» [Клюкин, 1927, с. 32–33].

Перевод И. Клюкина внесли в изучение надписи немало нового. Но достижения Я. И. Шмидта, Д. Банзарова не утратили своего научного значения, о них писали Х. Пэрлээ [1962, с. 3–23], И. де Ракевильц [1976, р. 487–508] и др.

Касаясь досадной ошибки Д. Банзарова, допущенной им во второй части надписи (строки 4 и 5), искажившей смысл текста этого памятника, о чем много писал И. А. Клюкин, следует отметить, что последний не раскрыл догадки первого. Ю. Б. Ринчен в письме к главному редактору журнала «Байкал» А. А. Бальбурову указал на

отдельные промахи Д. Банзарова в чтении реконструируемого им текста на стеле Исунгге, в результате чего возникло надуманное слово *хонгодоры*. Как известно, племя хонгодоров из Джунгарии во время смуты Галдана Бошигто-хана бежало на север, обосновалось в Прибайкалье. А. А. Бальбуров в своем романе «Поющие стрелы» сочинил прелестную легенду о хонгодорах, об их метком стрелке Исунхэ, прославившим свое племя, в честь которого будто бы сам Чингисхан велел высечь на гранитном камне надпись об этой рекордной стрельбе из лука [1962, с. 225]. Ю. Б. Ринчен писал: «Банзаров по тогдашнему состоянию монгольской палеографии прочел онтудур-ун как Хонгодор-у. Слово алдас – множественное число от алда > алдан: маховая сажень прочел как алтак и, приняв это свое неправильное чтение за тюркское слово, триста тридцать пять воинов хонгодорских, якобы выделенных Исунгге в его владение Чингисом» [1999, с. 123].

Д. Банзаров в письме к о. Палладию от 4 августа 1848 г. из Казани сообщал о своих занятиях: «Мы все ломаем голову над Чингисовой надписью, но пока ничего не придумали» [1955, с. 218]. Будучи в Петербурге, он работал над расшифровкой этой надписи. Сделал копию надписи как инструментарий для своих научных изысканий. В письме к В. В. Григорьеву от 23 сентября 1848 г. о ходе работы над изучением языка памятника попутно заметил: «Надпись на столбе Чингисовом сводит меня с ума. Сколько я ни старался, не мог разобрать в ней ровно ничего; только знал, что слово, которое Шмидт переводил “вообще”, есть собственное имя племянника Чингисова». Заканчивая письмо, о себе говорил с иронией: «Остается ожидать вдохновения от “синего и вечного неба!”...» [Банзаров, 1955, с. 220].

В апреле 1850 г. он выехал из Казани в Иркутск. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев отправил его в Западное Забайкалье в командировку по проверке жалоб в связи со злоупотреблениями местных нойонов и тайшей. Некоторое время работал в Кяхте, оттуда его перевели в Иркутск. Д. Банзаров, несомненно, был наслышан о хонгодорах, в итоге все эти обстоятельства подтолкнули его к простой догадке об этом племени, это слово, казалось ему, имеет кое-какое сходство с тем, что было выгравировано в надписи. Ю. Б. Ринчен считал легенду о хонгодорах из романа А. А. Бальбурава как факт перехода письменного текста в фольклор [1999, с. 122–123].

Ряд ученых поддерживал перевод и трактовку бурятского востоковеда. По мнению Г. Н. Румянцева [1955, с. 329], несмотря на свое критическое отношение к переводу Д. Банзарова, А. М. Позднеев принял его трактовку без изменений. А. К. Кузнецов в своей брошюре «Развалины Кондуйского городка» (1925) был согласен с переводом надписи на «Чингисовом камне» Д. Банзарова, без учета работы И. Клюкина. Но статья И. Клюкина в Бурятском ученом комитете была отвергнута по причине резкого тона автора в адрес его предшественника. Кузнецов привел в своей брошюре перевод Д. Банзарова. Так, А. К. Кузнецов принял перевод надписи на «Чингисовом камне» за основу, очевидно, не зная ревизии И. А. Клюкина, касавшейся некоторых положений работы Д. Банзарова [1925, с. 58].

В послевоенные годы интерес историков, археологов, филологов и культурологов к переводу этой надписи, сделанной Д. Банзаровым, не ослабевал, а возрастал. Несмотря на относительно новое чтение надписи И. Клюкиным, ученые разделились на два противоположных лагеря; первые считались с ревизией И. Клюкина, а вторые стояли на позиции Д. Банзарова, по-видимому, имели свои мотивы в пользу подобного решения этого вопроса.

П. И. Хадалов в своей публичной лекции о Д. Банзарове дешифровку надписи на стеле Исунгге бурятским ученым «считал наиболее правильной» [1952, с. 21], утверждая, что чтение И. Клюкина являлось лишь попыткой «дать новое толкование надписи, правда, малоубедительное для читателя» [Там же, с. 22]. Вслед за ним Г. Д. Санжеев в своем научном докладе о жизни и деятельности Д. Банзарова отмечал, что «поздние исследования этого памятника... почти не продвинули дело, по сравнению с тем, что было сделано Д. Банзаровым» [1955а, с. 21].

О. Намнандорж [1956, с. 3–6, 11] в своей брошюре, посвященной исследованию надписи Мунке-хана (1257), оставил нам немало места для истории изучения надписи на стеле Исунгге, в которой принял перевод надписи Д. Банзарова всецело [Там же, с. 6; фото камня, с. 5], считая, что Исунгге был родом из племени хонгодоров, или онтодов [Там же, с. 4]. Ц. Дамдинсурэн также принял реконструкцию надписи на этой стеле и чтение без изменений по Д. Банзарову [1957, с. 34–35]. Однако сделал оговорку о том, что И. Клюкин прочел надпись иначе,

раскрыл суть его новизны [Банзаров, 1957, с. 34]. Вполне доверяя академику, Л. Галбаатар [2002, с. 389] также принял чтение Д. Банзарова.

С. В. Киселев, объединив переводы Д. Банзарова и И. Клюкина в одно семантическое целое, не вдаваясь в подробности и интерпретации перевода, утверждал, что надпись «была высечена по случаю награждения Чингисханом племянника его Исункэ» [1965, с. 54]. Его установку принял Н.-О. Цултэм [1984, с. 41].

Д.-Н. Дамдинов [2001, с. 13] и Б. Баяртуев [2001, с. 86] реконструкцию надписи Д. Банзарова приняли также без всяких изменений. Таким образом, перевод надписи на «Чингисовом камне» и объяснение текста, сделанные ученым, все еще, по мнению некоторых авторов, непоколебимы, сохраняют свое историческое и лингвистическое значение, в связи с чем есть немало сложного и спорного.

Работы Д. Банзарова и И. Клюкина важны тем, что они решили часть явно спорных вопросов в дешифровке надписи, но многое еще осталось за пределами их внимания. Уместно отметить, что С. Мураяма [Murayama, 1950, s. 108–112] опубликовал небольшую статью о надписи на стеле Исунгге, в которой счастливо «связал воедино часть чтения Банзарова» (первые 3 строки) с чтением Клюкина (строки 4 и 5)» [Румянцев, 1955, с. 329]. Тем самым он подтвердил верность некоторых позиций последующих специалистов по монгольской эпиграфике в исследовании этого памятника. В 1950–1970-е гг. чтением и переводом текста памятника XIII в. занимались известные ученые – Л. Гамбис (Hambis, 1960, p. 141–157), Л. Лигети [1962], И. де Ракевильц [Rachawiltz, 1976], Х. Пэрлээ [1962], Ц. Дамдинсурэн [1957], Ю. Б. Ринчен [1958, 1965], Ц. К. Корсункиев [1980, с. 62–71]. Так, по мнению И. де Ракевильца, важный вклад в исследование памятника внесла работа Л. Гамбиса. Поэтому мы считаем целесообразным привести перевод Л. Гамбиса на французском языке: «Alors que Cinggisqan, taisant campagne contre le peuple Sartayul (=musulman) était descendu du cheval, les nobles du peuple de tous les mongols s'étant rassemblés a Buqa-/S/ ujiyai(?), Yisüngka tirant de l'arc, a envoyés une flèche a trois cent trente-cinq toises» (Hambis, 1960, p. 145), что на русский язык можно передать следующим образом: «В то время как Чингисхан выступил против сартагульского народа, захватив его, возвращался, собралась знать всего монгольского народов в Бука-Суджигае(?), то Исунгка выстрелил из лука на расстоянии 335 сажень».

Л. Лигети, делая перевод «Сокровенного сказания монголов» на венгерский язык [1962], в примечаниях дал перевод надписи на стеле Исунгге на родном языке. Венгерский текст И. де Ракевильц перевел на английский, а с него переведен нами на русский: «Когда Чингисхан, завоевав сартагульский народ, остановился лагерем, дворяне всей монгольской империи собрались в Буқа-Суҗиҗай, Исунгге выстрелил в стрельбе из лука на 335 сажень» [Rachewiltz, 1976, p. 497].

Х. Пэрлээ не дал своего перевода надписи на современный монгольский язык, ограничившись транскрипцией своего чтения и уточнением расшифровки отдельных слов прежними учеными, семантическим и грамматическим толкованием слов и выражений, которые до него не получали достаточного освещения.

Ц. К. Корсункиев [1980, с. 62–71] опубликовал сообщение «Еще раз к дешифровке надписи на так называемом “Чингисовом (Хирхиринском) камне”», изданное в Улан-Баторе. Он подводит итог чтениям предыдущих специалистов, выдвигает свою версию. На основе априорных рассуждений Ц. К. Корсункиев попытался внести новое, но будучи не знаком с работами С. Мураямы, Х. Пэрлээ, Л. Лигети, Л. Гамбиса, И. де Ракевильца, он дал версию, мало отличающуюся от известных, мотивируя свою интерпретацию следующим образом: на 3-й строке надписи первое слово Д. Банзаров прочел «арат-и», а И. Клюкин соответственно «*noyon-i*», Корсункиев считает, что это слово должно бы читаться в форме множественного числа, что уже и сделано С. Мураямой и другими: *noyad-i* [Там же, с. 146].

Ц. К. Корсункиев предлагает читать слово *арат* «эрэд-и», т. е. мужчины-воины, обосновывая его грамматически. Он дает свой перевод памятника: «Когда Чингис-хан по завоевании сартагульского народа возвратился, и мужчины-воины всего монгольского государства собрались во впадине Буга Сочигай (“Олений испуг”), то Исунгге выстрелил (из лука) на расстояние трехсот тридцати пяти сажень» [1980, с. 70].

Последним по времени опубликования можно считать исследование И. де Ракевильца, в котором проанализированы наиболее трудночитаемые слова и выражения, освещены вопросы датировки и пунктуации: «When Čingis-qan, having sabjugated the Sartayul (Mohammedan) people set up camp (and) the noblemen of the empire of all the Mongols gathered at Buqa-/S/očiyai (?)= Buqa /S/učiyay, at the long dis-

tance shooting contest Yisungge shot an arrow 335 alda» [Rachewilzt, 1976, p. 487–488].

Предлагаю свой перевод текста И. де Ракевильца: «Когда Чингисхан, подчинив сартагульский народ (мусульман), сделал привал, собрались знатные люди империи всех монголов *Буца-/S/оҗйай= (?) = Буца-/S/иҗйау*, в стрельбе на дальность расстояния Исунгге выстрелил из лука на 335 алда».

Рассмотрев достижения в области монгольской эпиграфики, сделанные Л. Гамбисом и И. де Ракевильцем, переходим к текстологии надписи.

В силу сложности объяснений имя Исунгге и геотермина Бута-Сучигай у тех ученых, кто изучал эту надпись, все это предлагаем обзорно в суммарном виде. Эти названия из текста надписи в толкованиях лингвистов-монголистов и историков-монголистов трактуются по-разному, в связи с чем мы решили выделить их из контекста надписи.

2.2.3. Исунгге в исторической памяти и хронологии Монгольской империи, а также юаньского Китая

Исунгге (1170–1268) был крупным политическим и военным деятелем своего времени. Он был племянником Чингисхана, будучи сыном его родного брата Джучи-Хасара, у которого был большой семейный клан. «Исункэ был высок ростом, краснощекий и имел длинное лицо и бороду» [Березин, 1858, с. 55].

По данным Рашид-ад-Дина, «юрта и стойбище Есунгу и рода Джочи-Хасара находятся внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэ, Кулэ-наура и Килара» [1952, т. 1, кн. 1, с. 52]. Эту территорию Рашид-ад-Дин называет холодным Могулистаном, окраиной Монгольской империи.

Д. Банзаров, работая много лет над дешифровкой труднейшего текста надписи на «Чингисовом камне», сумел собрать убедительные сведения об Исунгге, являвшемся главным историческим лицом, в честь которого была возведена стела, ставшая впоследствии памятником уйгуро-монгольской письменности, дошедшей до нашего времени. Так, Исунгге, несомненно, был и остается яркой фигурой эпохи чингисидов.

И. де Ракевильц [1976] обнаружил несколько фактов и событий из биографии Исунгге на основе тщательного изучения письменных источников по истории того времени. Так, по его мнению, Исунгге после старшего брата Еку вполне успешно продвигался по службе. Свою военную карьеру он начал под предводительством Чингисхана. Он участвовал в Великом хурилтае, на котором был выбран Угэдэй (сентябрь 1229 г.), также при избрании Мунке в июле 1251 г. Участвовал в корейской экспансии в 1253 г., назначен одним из командиров левого крыла армии в войне против Сунской династии. Мунке-хан умер в августе 1259 г. Этот хан вел поход против южных сунов. Ч. Далай рисует ситуацию взаимоотношений чингисидов после смерти Мунке-хана так: «Ариг-буга тогда жил вблизи Каракарума, бывший хан перед своей кончиной наделил своего младшего брата Ариг-бугу правом на владение древними кочевьями... Поэтому Ариг-буга в отличие от Хубилая обладал законным правом наследовать ханский престол...» [1983, с. 34]. Старшая жена Мунке-хана созвала в Каракаруме Великий хурилтай для возведения Ариг-Буги на престол, когда влиятельные нояны рода, послов и аристократов из улусов Чигатая и Бату поддержали его.

Затем Хубилай, получив известие о том, что Ариг-Буга сел на ханский трон, созвал в Кайпине в июне 1269 г. еще один Великий хурилтай и провозгласил себя монгольским «великим ханом» [Там же, с. 35–36]. Так, в 1260 г. в этой империи возник раскол, появились две столицы, началась борьба между братьями Ариг-Бугой и Хубилаем за власть.

«Монгольские нояны во главе со старшей женой Мунке-хана, созвавшие хурилтай в традиционном месте, энергично поддерживали Ариг-бугу. Что касается Хубилая, то он нарушил монгольское правило наследования хаганского престола, переманив на свою сторону, путем подкупа, часть неустойчивых монгольских нойонов, жадных до золота, серебра... Он незаконно захватил хаганский престол» [Далай, 1983, с. 36].

«Ариг-Буге приходилось поневоле вести вооруженную борьбу со своим старшим братом, который пренебрег законом династии и предал интересы страны. Осенью 1260 г. армии под командованием Ариг-Буги и Аландара двинулись на Кайпин (где основал новую столицу страны Хубилай) в двух направлениях. Части Аландара были

разгромлены, а он сам убит. Главные силы противников под командованием Ариг-Буги и Хубилая также вступили в сражение в южной части Монголии. В результате Ариг-Буга потерпел поражение и отступил. Хубилай, преследуя по пути войска Ариг-Буги... подчинил Каракарум» [Далай, 1983, с. 36].

Исунгге был среди князей, избравших Хубилая «всемонгольским хаганом» в Кайпине в мае 1260 г. Как мы уже отмечали, войска Хубилая заняли Каракорум, для закрепления победы первый «оставил там часть армии во главе с нояном Есунгэ для обороны города, а сам с главными силами возвратился в Кайпин» [Там же]. После ухода основной части армии Хубилая Ариг-Буга наращивал силы, он разгромил гарнизон нояна Есунгэ, отвоевал Каракорум. Войска Ариг-Буги сражаясь с силами Хубилая, опять потерпели поражение, он спасся бегством [Там же, с. 37].

В борьбе с Хубилаем за трон Ариг-Буги Исунгге сыграл решающую роль, когда командовал армией. Несомненно, Хубилай отнюдь не случайно отметил его верную службу, наградив золотой печатью 12 мая 1262 г. Печать с рогами дракона и рукоятью гласила: «Печать великого князя Исунгге увековечена как событие должным образом в официальной истории Юань». Брат Ариг-Буга был разгромлен окончательно в августе 1264 г. Хубилаем. Исунгге допрашивал и судил Ариг-Бугу и его сторонников [Rachewiltz, 1976, p. 494]. Современники оставили такие данные о здоровье Исунгге: «на сейм к Хубилай-хаану он прибыл, хотя ему было 75 лет, но на голове не имел ни одного седого волоса». Рашид-ад-Дин дал Исунгге такую блестящую и весомую характеристику: «В век Мункэ-хаана и Хубилай-хаана заместителем Джучи-Хасара был Исункэ: имя и молва о нем приобрели известность, и он имел доступ в важнейшие дела и совет царских обстоятельств. Ему давали много почету и авторитета» [Березин, 1858, с. 56].

Китайские историки и Рашид-ад-Дин создали яркий образ Исунгге, раскрыли масштабную деятельность, обрисовав его незаурядным человеком того времени.

Ряд русских и зарубежных ученых считают расшифровку Д. Банзарова в имени Исунгге наиболее удачной и вполне приемлемой. В. Шотт поддержал трактовку бурятского ученого по этому антропониму, являющемуся «главной личностью в тексте надписи и

через него далее проясняется многое» [Shott, 1855, s. 300]. Г. Ц. Цыбикив [1930, с. 17–18] высказался в том же духе, что и В. Шотт еще в 1855 г. Верность чтения Исунгге подтверждал и И. А. Клюкин [1927, с. 11].

Таким образом, расшифровка имени князя Исунгге, сделанная Банзаровым, вошла во все исследования, связанные с надписью на «Чингисовом камне».

2.2.4. Геотермин «Буга Сочигай» как локация знаменитого боевого игрища в истории чингисидов

Все исследователи в своих работах сохранили геотермин *Буга Сочигай* как место действия. Однако лишь И. Клюкин вычеркнул из контекста надписи это название и сам пришел в тупик, допустив серьезную ошибку: приведя *boγtoγocīyag*.

Строка 3: *Buqa /S/ocīyai* «Это название местности, где Чингисхан расположился лагерем после западной кампании и где происходило состязание по стрельбе из лука» [Rachewiltz, 1976, p. 488]. Начало второго слова стерто. «Банзаров был первым ученым, который связал это название с местностью *Buqa Sūjigū*, упомянутой Рашид-ад-Дином, где Чингисхан и его армия располагались на время по возвращении в свои становища в Монголии» [Рашид-ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 1, с. 230]. Мы делаем заключение по сообщению Рашид-ад-Дина, что это место может быть далеко от реки Эмэл, где-то между старой территорией уйгуров и найманов, по всей вероятности, вблизи Иртыша, где Чингис провел лето 1224 года, в той же зоне, где располагался лагерь летом 1219 года» [Там же].

Следует отметить, что Ю. Б. Ринчен в связи с этим геотермином утверждает: «Местность Буха Сочихой теперь находится в районе Бухтармы, и я думаю, что монгольское название Буха Сочихой является монгольским переводом старого тюркского названия Бухтарма – Бычий испуг» [1999, с. 123]. По Ц. К. Корсункиеву, «был прав Д. Банзаров, прочитавший в надписи слова Буга Сочигай как топоним, а Клюкин, обошел это чтение, когда говорилось о выстреле Исункэ на 335 сажень расстояния» [1980, с. 68–69].

Л. Гамбис писал о том, что Мураяма присоединился к расшифровке того слова, где было состязание и собрание монгольских нойо-

нов, сделанной еще Д. Банзаровым, это мнение с оговорками разделял и П. Пеллио (Hambis, 1970, p. 145). Он, касаясь расшифровки этого топонима, сделал фонетический и графический анализы. Слово *Вуца* прочитано верно, второй компонент *ујіуаі*, который подпадает на третью очень труден для чтения (Ibid, p. 146).

Что касается мнения Ю. Б. Ринчена, который идентифицировал эту местность с районом Бухтармы, возможно, в ней есть доля правды. На наш взгляд, ландшафтный топоним *Бухтарма* состоит из двух компонентов: это *Буха* «бык» и *тарак* «разбежаться, исчезнуть от испуга», слово *тара* может находиться в деепричастии цели: *тарамар* «чтобы разбежаться», в этом отношении догадка Ю. Б. Ринчена имеет свою внутреннюю логику. В этом топониме есть *Буха* в форме монгольского слова, не тюркское *Бука*, а *Буга Сочигай* как ландшафтное название могло быть забыто. Итак, догадка Д. Банзарова по этому геотермину устояла в огне критики последующих историков-медиевистов. Таковы некоторые вопросы идентификации геотермина *Буга Сочигай*.

Вопросы эпиграфики этого словосочетания носят лингвистический характер. Поэтому, на наш взгляд, весьма любопытным представляется письмо Н. Н. Поппе к И. де Ракевильцу (от 3 мая 1974 г.), в котором выражена его позиция в отношении словосочетания *Буга Сочигай*. Он пишет: «Я склонен думать, что камень поврежден там, где имеется начертание *Вуца Соѳіуі*... Камень поврежден очень сильно, некоторые слова почти нечитаемы. В отношении точек — очень часто точки поставлены для “q”. Вы, вероятно, заметили, что “q” в слове *Вуца* имеет точки. Поэтому возможно принять форму *соѳіуі* (с точками для “q”), в которой “a” (a — зубцы) есть остаток от “i”. Конечно, это гипотетически, но *соѳіуі* еще более трудно для объяснения. Я склонен думать, что окончание формы Рашида-ад-Дина “qu” верное, особенно ввиду множества монгольских топонимов с именными и глагольными окончаниями на “-qu”. Иными словами, я не доверяю форме *соѳіуі* на камне, думаю, что будем читать как *соѳіқуі* [Rachewiltz, 1976, p. 499–500]. Таким образом, И. де Ракевильц отмечает, что «все-таки чтение ... подтверждается как копиями надписи с камня, так и фотографиями надписи. Еще остается, безусловно, вероятность того, что на камне неверно высечено слово *Соѳіуаі* вместо *Соѳіқуі*» [Ibid, p. 499–498].

Таково слово И. де Ракевильца об орфографии выражения *Buqa Soçiyui*. Однако доводы ученых еще остаются неясными во многих моментах палеографии, лингвистики, топонимики, истории. Окончательное решение неясностей в топонимах *Buqa Soçiqui* и *Buqa Soçiyui* остается пока делом будущего.

Но ученые отдают предпочтение уйгурскому геониму *Buqa Soçiqui*, вероятно потому, что он зафиксирован во многих источниках и документах [Rachewiltz, 1976, p. 493–499]. И. де Ракевильц не без основания предполагает, что этот геоним может быть известным названием, выраженным тюркским (уйгурским) словом. *Buqa* «бык» слово общее, как в монгольских, так и в тюркских языках, что касается слова *soçi*, то в тюркских языках имеется слово *süci* «испугаться, шарахаться от чего-либо, стать на дыбы, выпрыгнуть» [Ibid, p. 489]. Сравним старомонгольское *soçi-soçi* «пугаться, шарахаться, вздрагивать».

Вероятно, информантам Рашид-ад-Дина не была известна местность. Поэтому И. де Ракевильц принимает монгольскую форму *Buqa Soçiyui*, воссозданную после Ключкина Л. Лигети, за которой, по его мнению, следует исконно тюркское название [Ibid], которое совпадает с позицией Ю. Б. Ринчена [1999, с. 123]. Все посылки этих ученых верны, если учесть генетические или контактные связи урало-алтайских языков.

2.2.5. Язык текста надписи на стеле Исунгте: лексико-семантический и грамматический аспекты. Фонетические и текстообразующие элементы в дешифровке памятника

И. де Ракевильц, на наш взгляд, вполне справедливо хвалит работу Л. Гамбиса, что явствует из статьи первого, в которой патриарх французского монголоведения имеет весьма высокое реноме.

Л. Гамбис составил интересный свод сравнительных чтений слов текста надписи по строкам каждого из монголистов в отдельности. Свод дан в общепринятой транскрипции. Автор этих строк лишь дополнил его результатами тех, кто изучал надпись после него (Hambis, 1960, p. 144–145).

1-я строка:

Шмидт: *ᠰingis – qan-u*

Банзаров: *ᠰingis – qan-i*

Клюкин: Ćingis – qan-i

Мураяма: Ćinggis – qan-i

Гамбис: Ćinggis – qan-i

Пэрлээ: Ćiŋkis – qan-i

Лигети: Ćinggis – qan-i

Ракевильц: Ćinggis – qan-i

Ринчен: Ćingis – qan-i

2-я строка:

Шмидт: Sartayul irge ejleju bayoju qamuy monyol olos-un

Банзаров: Sartayul iran tauliju bayoju qamuy monyol olos-un

Клюкин: Sartayul erke tayuliju bayuju qamuy monyol olos-un

Мураяма: Sartayul irge dayuju bayuju qamuy mongyol olos-un

Гамбис: Sartayul irgan/d/ayliju bayuju qamuy Mongyol ulus-un

Пэрлээ: Sartayul irke /t/ayliju bauju qamuy Mongol ulus-un

Лигети: Sartayul irge /d/ayuliju bayuju qamuy Mongol ulus-un

Ракевильц: Sartayul irge/d/ayuliju bayuju qamuy Mongyol ulus-un

Ринчен: Sartayul irge/d/uuliju bayuju qamuy Mongyol ulus-un

3-я строка:

Шмидт: erteni boya oryai qoriysan dur

Банзаров: arat-i Buqa Suĉiyai quriysan-dur

Клюкин: noyon-i boytoyoĉiyar (?) qoriysan-dur

Мураяма: noyad-i Buqa Suĉiyai quriysan-tur

Гамбис: noyad-i Buqa-/S/uĉivai (?) quriysan-dur

Пэрлээ: noyat-i Buqa Sujigai qurigsan tur

Лигети: noyad-i Buqa-/S/oĉiqai guriysan-tur

Ракевильц: noyad-i Buqa-/S/oĉiyai (?)=Buqa-/S/uĉiyay) quriysan-dur

Ринчен: noydd-i Buqa-/S/oĉiyai quriqsan-dur

4-я строка:

Шмидт: jürenke ... un yurban jajun yuĉin tabun elbun elyiye

Банзаров: Yesünke Konyodor-un yurban jayun yuĉin tabun

Клюкин: Jsunke ontodor-un yurban jayun yuĉin tabun aldas

Мураяма: Yecunge ontudur-un yurban jayun yuĉin tabun aldas

Гамбис: Yisungka ontudur-un yurban jayut yuĉin tabun aldas

Пэрлээ: Yisunke ontudur-un; qurban jaut quĉin tabun aldas-

Лигети: Yisungge ontudur-un yurban jayud yuĉin tabun aldas-

Ракевильц: Yisungge ontudur-un yurban jayud yuĉin tabun aldas

Ринчен: *Yisunge ontudur-un yurban jayud yučin tabun aldac*

5-я строка:

Шмидт: *dur činduralayan*

Банзаров: *dur ontuulaya*

Клюкин: *dur ontudulaya*

Мураяма: *-tur ontočalayı*

Гамбис: *-tur ontudulay-an*

Пэрлээ: *-tur ontudlq-a*

Лигети: *-tur ontutulay-a*

Ракевильц: *tur ontudulay-a*

Ринчен: *-tur ontudulaya*

Сводная таблица транскрипции текста памятника показывает, кто из ученых, как и по какой причине ошибался. Все эти работы взаимосвязаны, так как каждый из авторов анализировал работы предшественников. Имя *Чингис Х.* Пэрлээ передал как *Činkis* в отличие от всех других, во второй строке в слове *dayuliju* варьируется «D» и «T», в третьей строке, начиная с Мураямы, все дают *noyad-i*, исправив Клюкина, лишь у Пэрлээ – *noyat-i*, геоним *Buqa/S/učigai* или *Buqa/S/očiyai* много спорного и неясного. В 4-й строке слово *ontodor-un* исправлено на *ontodur-un*, собственного имени Исунгге мы касались выше, в 5-й строке *ontudulay-a* Мураяма читает как *-tur ontočalayı*, а Гамбис – *tur ontudulay-an*.

Таковы некоторые итоги транскрипций разных авторов по сопоставительной таблице Л. Гамбиса.

И. де Ракевильц вполне справедливо считает транскрипцию Л. Лигети наиболее точной, что является серьезным достижением в фонетической и лексико-семантической идентификации текста этого памятника. Ниже приводим их как образец контекстуальности содержательной структуры данной надписи:

1. *Cinggis qan-i*

2. *Sartayul irge [d]ayuliju bayuju qamuy Mongyol ulus-un*

3. *noyad-i Buqa-[s]očiqaı quriysan-tur*

4. *Yisunge ontudur-un yurban jayūd yučin tabun aldac*

5. *-tur ontutulay-a*

[Ligeti, 1972a, vol. II, p. 17].

Ю. Б. Ринчен [1999, с. 122] этот текст надписи в русской транскрипции воспроизвел следующим образом:

Чингис кан-и

Сартагул ирге (д)аулиджу багуджу камуг

Монгол улс-ун

нойад-и Бука (С)очигай курикан-дур

Ийсунге онтудур-ун гурбан джагуд гучин

табун алдас

тур онтудулага.

Если сравнивать эти транскрипции, то можно убедиться, что Ю. Б. Ринчен принял от предшественников фонетическую передачу текста надписи почти полностью.

Рассмотрев транскрипции в реконструируемых ими текстах, нам хотелось бы изучить их текстологию, так как они проанализированы в соответствии с контекстом всего нашего исследования. Замечено, что от Спасского до Клюкина произведены организация и инвентаризация текста надписи в целом, затем происходит детализация лексико-семантического анализа. Так, ученые остановились в 1927 г. перед переходом от количественного к качественному.

Их расшифровки даются в транскрипциях, принятых в настоящее время в монголоведении:

а) Г. Спасский обнаружил следующие словоформы: *Činggis qan ... irge bayuju... Gamuy Mongyol ulus... buxa xurlısan dur* (1819, рис.). Его рецензирует Ремюза, поддержав его в чтении и добавив слово *tabun* (Abel Remusat, 1822, p. 602).

б) Р.-Н. Ванчиков определил такие слова надписи:

Činggis qan ... Sartayul ... Xamay Mongyol ulus ... Yurban jayun gucin tabun ... [по: Банзаров, 1955, с. 204].

На основе анализа копии надписи, изготовленной Я. И. Шмидтом, мы получили такие слова и словоформы:

Činggis xani

Sartayul irgi ... bayuju ... Xamay Mongyol ulus Buya ... xorigsan dur, или xuriysan-dur ... Yurban jayun yučin tabun ... (Schmidt, 1834, с. 259).

Сравнивая результаты исследований своих предшественников, И. Клюкину хотелось получить совершенно новые данные в толкова-

ниях, увы, он не учел того, что у всех исследователей был один и тот же источник.

Д. Банзаров после долгих раздумий реконструировал свой текст надписи:

čingis хаҗан-и Sartayul irgen/t/alidji баҗуҗу Gamuy Mongyol ulus ...
Buga [S]učiyai quryсан-tur Yisunke ... Yurban jaҗун yučin tabun ... [Бан-
заров, 1955, прил. X].

Результаты И. А. Клюкина даем в более совершенной транскрипции Г. Н. Румянцева [Там же, с. 335]:

čingis хан-и

sartayul erke dayuliju баҗуҗу Хаmuу Monҗol ulus ... хориҗсан-дур
Yisunke ontudur-un yurban jaҗун yučin tabun aldas-tur ontudulaya.

Текстология надписи на стеле Исунгге складывалась постепенно, учитывались достижения научного монголоведения, что наглядно показывают успехи монголоведов XX в.

Если коснуться вопросов перевода рассматриваемых нами работ по изучению этого памятника, мы отсылаем к статье Ц. К. Корсункиева [1980, с. 67], где эта работа сделана вполне удовлетворительно. К сказанному добавим, что анализ переводов на разные языки мира нами осуществлен в традициях изучения этого памятника монгольской культуры XIII в.

И. Клюкин [1927, с. 9] в надписи обнаружил 20 слов и словосочетаний. Разные формы начертаний букв монгольского алфавита проанализированы им построчно и подробно на основании разбора копий своих предшественников. Работы Я. И. Шмидта и Д. Б. Банзарова им подвергнуты беспощадной критике, впрочем, не совсем верной. Эти неправомерные замечания И. Клюкина оставлены со временем вне поля зрения. Так, критицизму подобного типа последующими монголистами был поставлен конец. Все авторы словосочетание *Чингис хан-и* читали верно.

2.2.5.1. Лексико-семантический анализ надписи на стеле Исунгге

Словосочетание *Cingis-qani* передавали в русском переводе по-разному. Читая имя *Чингис* как *činkis*, Х. Пэрлээ [1968, с. 13] считал, что Чингис, принимая этот титул, хотел себя возвысить в ранге императора, свою обширную страну называл империей. Идею Д. Банзарова

[1955, с. 176] о присвоении Темучином нового, более высокого, титула, чем его простое имя, поддержал Х. Пэрлээ.

На 2-й строке написаны 7 слов: *sartayul* прочитан Шмидтом, Ванчиковым, Банзаровым точно. Но семантика этого этнонима ими объяснена не совсем последовательно и верно. Р.-Н. Ванчиков и Я. И. Шмидт [1839, с. 1014] подумали, что речь здесь идет о сартольском народе. Второй из них отождествлял их неверно, т. е. *sartag-hol'ob* с монгольским названием ханства Хара-китайцев. Но они «никогда не назывались сартагулами у монголов» [Банзаров, 1955, с. 188]. По Банзарову, сартагулами назывались обитатели Хивы, входящие в состав населения Бухарии, Туркестана, следовательно, правильнее это слово перевести как туркестанцы, или бухарцы.

Строка 2: *irge* Гамбис (1960, с. 145), следуя за Д. Банзаровым, читает *irgen*. Фото стелы подтверждает чтение *irge*, предложенное Шмидтом и Мураемой. Пэрлээ и Лигети также дают правильное чтение *irge* [Rachewiltz, 1976, p. 488], в тексте *sartayul irge* дано в виде словосочетания, потому все перевели как *сартагольский народ*.

[d]ayuliju bayıju – первое слово [d]ayuliju Банзаровым понято было верно, как «напавшие», по данным джагатайского наречия, «налетать, наскákatь, набежать», и в военном смысле «нападать» [Банзаров, 1955, с. 190–191]. Ж. Надмид [1967, с. 35–36] чтение этого слова передает в таком виде [d]ayuliju, что считает верным. И. Клюкин не решается «утверждать, что вариант Банзарова tauliju непоколебим, но он близок к палеографии слова» [1927, с. 19]. Ц. Дамдинсурэн [1957, с. 35] и Л. Д. Шагдаров [1997, с. 23] отмечали, что слово *dayuliju* (у обоих дано как глагол в русской транскрипции: *дахулижу*, у второго – *дахулиха* «нападать, задеть» найдено в лексике «Сокровенного сказания монголов». Х. Пэрлээ обнаружил это слово в киданьском языке X–XI вв. в словоформе *douliben*, означающей «дайлж товшин болгох» 'нападавши, усмирить'. Он считал, что слова *douli-tauli* превратились в одно [1962, с. 14]. Вслед за ним Ж. Надмид утверждал, что этот глагол найден в киданьском языке в форме “*dayülijü*”, тогда звук “*ү*” отсутствовал между двумя гласными» [1967, с. 35–36].

Л. Гамбис (1970, s. 153–154) утверждает, что в тексте «*Leko che*» (XVII в.) обнаружено слово «*dayülijü*», транскрибируемое *tono-li-pen*, переводимое как *t'ao-p'ing* «умиротворять». Это слово восстановлено

еще Клапротом. Ж. Надмид считал, что это слово есть в лексике киданьского языка.

Японский ученый Сиратори приближает его к монгольскому *dailaqui* и маньчжурскому *dailambi* «воевать, вести войну» [Гамбис, 1970, с. 54].

Глагол *doli* со значением «быть в походе» проник в китайский язык как «умиротворять», поэтому в киданьском языке имеет такое же значение, что и в мусульманской лексикографии. Так, арабо-монгольский словарь XIV в. Ibn-Al-Muhanna, изученный Мелиоранским [1904, т. 14, с. 112], зафиксировал слово в транскрипции *doliba* со значением «грабить, опустошить», дается оно в прошедшем времени *dulla* «он грабил».

Bayuji все толкователи перевели как «воротившись, вернувшись» вполне верно. Глагол *bayuxu* (*bayu-*) в современном монгольском языке означает «останавливаться, располагаться станом на привале» [Пюрбеев, 2001, т. 1, с. 296].

Gamuy Mongol ulus – это словосочетание разные исследователи перевели по-своему, в их толкованиях возникли разночтения. Историки-монголисты считают, что *Хамаг монгол улус* являлся государственным объединением при Хабул-хане, образовавшемся в бассейне рек Онона и Керулена в XII в. Государственное название Хамаг Монгол улус после Чингисхана перестало употребляться в административной номинации, огромная страна стала называться Великим монгольским государством (*Yeke mongol ulus*) [Пэрлээ, 1962, с. 14–15].

В «Сокровенном сказании монголов» (§ 52) зафиксировано это словосочетание. Например: «*Gamuy Mongoli Gabul qaqaṅ meden aba*» [Козин, 1941, с. 208], что переводится как: «Государством всех монголов правил Хабул-хан».

К сожалению, все исследователи надписи на стеле Исунгге интерпретировали реестр слов *Gamuy Mongol ulus* весьма произвольно, переводили приблизительно, не замечая наименования государства, которое называлось *Gamuy Mongol ulus*, как «Всемонгольское», которое может быть передано как общемонгольское государство. Другие полагают, что это название лучше перевести по-русски: «государство всех монголов», беря за основу слово *улус* «государство».

Ц. Корсункиев на основе выводов И. И. Майского утверждал, что при Чингисхане «родилось единое монгольское государство раннефеодального типа», «указанную формулу следовало бы перевести на

русский язык как “всемонгольское государство”» [1980, с. 68], что вполне согласуется с нашим мнением. Однако словосочетание *Gamuy Mongol* Г. Д. Санжеевым объяснялось как «коренные монголы» или «ядро образования монгольского народа», которое близко по значению к объединению всех монголов. Н. Ц. Мункуев [1977, с. 381–382] *xamuy tonγol* принял в форме этнонима как этнос *чахар-монгол, халха-монгол, бурят-монгол*, на наш взгляд, такое объяснение нуждается в историко-лингвистических доказательствах.

На 3-й строке надписи размещены слова: *noyad-i Buqa* – [S]očiqai qurγusan. Слово *noyad* без окончания винительного падежа. И. Клюкин на основе эстампажа В. В. Радлова предлагает свой вариант *noyon*, или *noyad*, он поясняет это так: «Наличие диакритической точки при первом зубчике, что позволяет установить чтение начальной буквы как н; что касается второй буквы слова з, то этот полустершийся овал буквы а “о”, т. е. получается первый слог ... “но”» [1927, с. 22–23]. Говоря об этимологии слова *noyon*, как установил Х. Пэрлээ [1962, с. 16], оно заимствовано из китайского языка от слова *лао-е* и зафиксировано в лексике «Сокровенного сказания монголов». Повидимому, оно возникло в монгольском языке в начале XI в. Он считает, что слово *лао-е* подверглось большой интерференции от начального до превращения на монгольский *noyan* и не подлежит никакому сомнению [Там же, с. 16–17]. Сейчас слово *noyan* употребляется во всех монгольских языках. Но до недавних пор это слово было объявлено историзмом, с приходом рыночных отношений оно приобрело прежнюю семантику.

Геотермин *Buqa-/S/očiqai*, имеющий для многих монголистов ряд непреодолимых трудностей, нами рассмотрен с помощью И. де Ракевильца. Впрочем, Л. Лигети [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 17] принял как подходящий вариант, не сохранившийся в истории монгольских завоевателей. Сделан лексический и палеографический анализ геотермина *Buqa-/S/očiqai* Н. Н. Поппе и И. де Ракевильцем. К их мнению присоединяется и Ю. Б. Ринчен. Н. А. Баскаков считает, что тюркское слово *бука* ‘бык’ могло появиться в эпоху, когда тюркские и монгольские языки еще не разделились, что и отразило общетотемические представления, сопряженные с культом быка [Габуев, 2002, с. 35–36]. Таким образом, этот геотермин в словоформе *Buqa Sočiqai* был принят И. де Ракевильцем, что можно считать наиболее верным.

Слово *quri-*, данное в причастии прошедшего времени, Д. Банзаров перевел как 'собратиться', его семантика соответствовала «скопляться», верность этой интерпретации не подлежит никакому сомнению, подтверждается словниками монгольских словарей А. Лувсандэндэва [1957, с. 566], Я. Цэвэла [1966, с. 782] и других лексикографических пособий.

И. А. Клюкин проанализировал слова *хори* и *хура*, в итоге принял первое слово 'запрещать', хотя и Я. Шмидт был не прав, а Д. Банзаров будто бы заблуждался в слове *хури*, сославшись на глагол *хуримой* 'собираться', джагатайское *курумак* [Банзаров, 1955, с. 192]. На основе веских аргументов И. Клюкина Г. Н. Румянцев поддержал его мнение, утверждал, что «глагола хигахи "собираться" нет в монгольском языке» [Там же, с. 332]. Вот и вышел парадокс в их дискуссии по поводу слова *quri*, найденного в тексте памятника. Впоследствии Ц. Дамдинсурэн в пояснении лексики этого памятника, говоря о слове *quri*, или «хурих», отмечал, что означает «хуралдах», или «цугларах» [1957, с. 35], что можно перевести как «собираться, стекаться». Х. Пэрлээ [1962, с. 17] придерживался той же точки зрения, что и Ц. Дамдинсурэн. Все эти данные вполне соответствуют лексикам вышеназванных словарей. Почти все современные исследователи надписи на «Чингисовом камне» слово *xuri* дают в значении «собираться, стекаться». Таким образом они сохранили толкование этого глагола, выдвинутое Д. Банзаровым.

Четвертая строка, через которую прошла трещина на камне, вывали каверзы и сюрпризы в чтении этих слов всеми исследователями без исключения.

По мнению Х. Пэрлээ, имя *Yisungge* этимологически восходит к числу «9». В пользу своей гипотезы он приводит ряд монгольских имен с числовой символикой, например: *Yirentei* (90), *Doluqadai* (7), *Dalantai* (70) [1962, с. 17].

И. Клюкин, по Румянцеву, подтвердил правильность чтения Исунхэ (*Yisunke*) [1927, с. 11]. Л. Гамбис [Rachewiltz, 1976, p. 146] читает *Yisungka*. Однако многие ученые считают чтение Есунке, по Банзарову, неправильным, особенно это касается слога *-нке*, если считать его корнем Есун-9. Окончание *-ngge* есть в маньчжурском языке, например *Sele-ngge* (это название реки Селенга; бур. Сэлэнгэ, впа-

дающей в Байкал и берущей свои истоки в Монголии), означает «железо». Поэтому Х. Пэрлээ считает возможным образование семантического ряда *Yisunke*, *Yisungge*, *Yisutu*, которые могут иметь одни смысловые корни [1962, с. 17–18]. По мнению И. де Ракевильца, чтение *Yisungge* предпочтительнее, потому что фактически подтверждается китайскими и персидскими источниками [1976, р. 489]. До него такое объяснение предполагалось С. Мураямой [Румянцев, 1955, с. 334]. За этим именем в тексте следует слово *ontudurun*, последнее из них является формантом *-un*. Это слово оказалось самым трудным в палеографическом и семантическом плане.

И. Клюкин прочитал верно это слово, как *ontudurun* на основе фотоснимка в атласе В. В. Радлова, сравнивая свое уразумение с чтениями Я. И. Шмидта и Д. Банзарова. Он предлагал читать *ontudurun* в его понимании: «стрелял на расстояние» или «пролет стрелы» [1927, с. 12]. Ю. Б. Ринчен позже писал об этом слове так: «Древнее онтудку в современном языке звучит как онтухсу – онтусах и состоит из двух слов: он – от “онох” и “тудку” – “тудах”, бурятское “тудаха” “попасть в цель”» [Ринчен, 1999].

Ц. Дамдинсурэн отмечал, что «в старинных рукописях и книгах не раз попадалось выражение “сум тусах” “место, куда попала пуля или стрела”, которое соответствует словосочетанию “сум онтудах”» [1957, с. 34].

Таким образом, догадка И. А. Клюкина была ключевой в расшифровке этого малопонятного места текста, т. е. 4–5-я строки, являющиеся второй частью этой надписи, закрепившейся прочно в деле изучения данного памятника средневековой культуры монголов в современной мировой монгольской эпиграфике [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 17].

Ряд числительных, написанных словами, наводит нас на мысль о том, что тогда монголы не пользовались цифрами, они возникли у них позже. Это *yurban jayud yučin tabun* прочитаны всеми исследователями правильно, начиная со времени Р.-Н. Ванчикова и до наших дней. Однако семантика этих цифр весьма интересна, как в лингвистическом, так и в этнографическом плане. «Пока неизвестно, были ли и какие именно цифры в средневековой монгольской письменности, – писал Д. Кара, основываясь на своих познаниях в области монгольской кодикологии, – встречаются только китайские знаки числитель-

ных и то только в нумерации, в остальных случаях числительные пишутся прописью» [Кара, 1972, с. 53]. Он предполагает, что цифры индо-тибетского происхождения начали употребляться только с начала XVII в. Х. Пэрлээ обратил внимание на цифру *jaγud* «сто», возникающую на слогe *jaγan* в единственном числе, которая будет в тексте *jaγud* во множественном числе. Он считает очень любопытным фактом, когда цифра *jaγud*, являясь определением слова *γurban*, поставлена во множественном числе *jaγud*. Автор приводит ряд примеров из «Сокровенного сказания монголов», например § 195: «*yesūn jaut aldo*» ‘900 сажень’, или «*tabun jaut aldo*» ‘500 сажень’ [1962, с. 18]. Последним на этой строке словом оказалось *aldas*, которое дано во множественном числе, а в единственном *ald* «маховая, ручная сажень», которая считается народной мерой длины, равной приблизительно расстоянию вытянутых рук [БАМРС, 2001, т. 1, с. 73], Я. Цэвэл [1966, с. 30] считает эту длину равной 1 м 60 см. И. де Ракевильц [1976, р. 490] расстояние в 335 *alda*, или *ald*, по оценке Шуберта, более надежно и равно 586 м.

На 5-й строке надписи были высечены *tur ontutulaya*. На предыдущей строке написано: *ontudur-un*, на 5-й строке – то же слово, но в форме *ontutulay-a*. *On tusqu*, *on tudqu* были спортивными терминами, по мнению Х. Пэрлээ, вышеназванные слова этимологически восходят к этим словоформам. По его мнению, если слово *ong* проанализировать семантически, то станет ясно на основе слова *ong* из лексики казахского языка, означающего «верно, точно». Отсюда следует, что *on tusqu* – «попасть в цель» или «стрельба точная, т. е. верная». Так эти два слова, соединившись, превратились в глагольные формы *ontusqu*, *ontudqu*. Мера длины или дистанции обозначались словосочетаниями типа *on tudqu-ac ondušun-a qajar*, *ontudum-a qajar* «мишень или тир, или стрельба из лука на определенное расстояние». Слово *on* есть и в маньчжурском языке, по-монгольски *бай* «мишень, цель» [1962, с. 20–21]. Завершая толкования этих слов, подкрепляем их данными из монгольской мифологии, в которой есть легенда об Эрхий-мэргэне, стрелявшем на небе во множество солнц и, промахнувшись, оставил на земле лишь одно солнце. Главного героя этого солярного мифа называют «меткий стрелок – большой палец», так как стрелки были не только зоркими, но и обладали сильными пальцами.

Д. Банзаров и И. Клюкин не поняли значение слова *on tunqu* и *ontutulaya*, второй уловил семантику этих слов интуитивно, поэтому и дал перевод верно. В силу уровня монголистики XIX в. никто из монголоведов не мог дать новое толкование этого слова.

Ц. Шагдарсурэн, касаясь лексической базы этого памятника, отмечает, что словесный запас надписи на стеле Исунгге отражает особенности восточного диалекта среднего периода монгольского языка [2001, с. 23].

2.2.5.2. Надпись на стеле Исунгге: грамматический анализ

Л. Лигети и группа его учеников составили и издали каталог «Памятники доклассического монгольского языка XIII–XIV веков» (Budapest, 1972) и «Памятники квадратного письма» (Budapest, 1972). К ним были даны «Indices verborum Linguae mongolicae monumentis traditurum» в 2 частях (Budapest, 1970, 1972). Издания снабжены предисловиями, примечаниями, аббревиатурами, применяемыми в этих справочниках. Описание конкретного памятника написано точно и лаконично, дается по схеме: где объект был найден и где сейчас хранится; затем приводится текст памятника в транскрипции в соответствии с расположением его в оригинале; дается их инструментарий: факсимиле, фотоснимки; объясняется изучение памятников учеными с точной библиографией работ. В предисловии [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 5–7] объяснены происхождение памятников по территориям и их виды с указанием материалов, на которых был выгравирован текст, также с упоминанием моно- и полиязычного текста. В примечании к каталогу [Ibid, p. 9–12] раскрываются особенности гласных а, о, и, ā, ū, ū; согласных п, q [k], q̄, ṛ (r), s, š (ш), s, t, t̄, d, d̄, на основе которых транскрибирован текст памятника, что соответствует фонетическим нормам, обозначающим графические свойства оригинала. Л. Лигети составил полный каталог по индексации всей лексики памятников доклассического монгольского языка в двух частях [Ligeti, 1970, 1972a], в которых проанализированы монгольские слова, имеющиеся в текстах памятников в разных его расположениях, формах (корень, основа глагола), словосочетаниях, а также в частях речи и грамматических категориях, словообразовании и словоизменении, включая форманты, наречия и предлоги.

Переходим к грамматическому анализу надписи на стеле Исунге. Д. Банзаров вполне справедливо отметил, что Я. И. Шмидт, издавая свой перевод этой надписи в «Записках Академии наук», «не представил ни филологического отчета в переводе, ни достаточного исторического объяснения о назначении памятника» [1955, с. 187].

Д. Банзаров, касаясь морфологии монгольского языка, объясняет, что в этом языке «слова образуются и изменяются посредством прибавления различных частиц к концу корня ... В каждом слове первый слог необходимо должен быть и притом всегда односложный. Если слово многосложно, то непосредственно за корнем следует один или два слога, которые составляют лексикографическое значение производного слова; затем следуют наращенные грамматические, определяющие грамматическое значение слова ... в этих языках (т. е. агглютинативно-суффиксальных. — В. Р.). Корней может быть не больше того, какое число слов, с помощью возможных комбинаций всех гласных и согласных, может быть получено. ... Характеристическое значение односложность корня никогда не теряется в производных» [Там же, с. 195]. Д. Банзаров, А. А. Бобровников и их учителя под наращением разумели суффиксную морфологию монгольского языка. Объяснение Д. Банзаровым семантики односложного корня и основ, являющейся стержневой и показательной, Г. Д. Санжеев [1955б, с. 22] нашел совершенно правильным, считал его постулирование в этом вопросе вполне плодотворным и приоритетным.

М. Н. Орловская, раскрывая сущность морфологической структуры слова в старописьменном монгольском языке, отмечает: «Словообразовательные и словоизменятельные суффиксы присоединяются непосредственно к корням или основам слова, которые при этом не изменяются, а звуковой суффикс зависит исключительно от того, на какой звук оканчиваются производящие основы или изменяемое слово, например, *mal* “скот” — *mal-laqu* “пасти скот, содержать скот” — *mal+chin* “пастух, скотовод, животновод” — *mal-iyar* “скотом”» (орудн. пад.) [1997, с. 22]. Д. Банзаров в силу состояния грамматической теории монгольского языка своего времени не смог объяснить последовательно процессы словообразования в изучаемом языке и словоизменения в морфологическом строе языка монголов XIII в. В целом агглютинативно-суффиксальную природу монгольского языка понимал хорошо.

И. А. Клюкин показал содержание надписи на «Чингисовом камне» в морфологическом и синтаксическом плане в таком свете: «Во всех пяти строках мной найдено отдельных слов 20, из них 6 слов имеют падежные наращения (два послелого родительного падежа, два дательно-местного, один винительного и одну усилительную частицу). Всего в надписи приведено собственных имен 4, существительных – 7, числительных – 4, местоимений – 1 и глаголов – 4. Знаков препинания в надписи два: одним заключенное предложение, другим весь период надписи» [1927, с. 9].

В транскрипции текста надписи, данной Л. Лигети [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 17–18], геотермин *Буга Сучигай* после ревизии И. Клюкина был восстановлен и узаконен контекстуально, что не подлежит никакому сомнению. Сведения, выгравированные в этой надписи, переносят нас в эпоху Чингисхана, рисуют военные и спортивные игры монголов того времени, так, в этом высказывании есть субъект, предикат и локация. Памятник позже был перевезен в район рек Онона, Курулена и Аргуни, в имение Джучи-Хасара.

Содержание надписи включено в одно сложноподчиненное предложение. Оно дано в нижеследующем: «Yisunge ontudur-un yurban jayud yučin aldas-tur ontutulay-a» 'Исунгге выстрелил в цель на расстоянии 335 сажень'. Придаточное предложение времени дано в таком виде: «Cinggis qani sartayul irge [d]ayulliju bayuju qamuy mongyol ulus-un noyad-i buqa – [S]uciqai quriysan-tur». Часть придаточного предложения переводится в нижеследующей трактовке: «Когда Чингисхан, покорив туркестанцев, возвратился, в то время как собралась знать Государства Всех Монголов».

Текст надписи состоит из 21 слова. На надписи можно найти собственные имена Чингис, Исунгге; официальное наименование страны Хамуг Монгол Улс «Государство Всех Монголов»; геоним Буга (С)очигай.

В лексикологическом каталоге, изданном Л. Лигети [1970, т. 1, вып. 1, с. 7–8] содержательная структура изучаемой нами надписи дана в весьма выгодной и показательной форме.

Надписи на «Чингисовом камне» (1224 или 1225):

(Pierre de Gengis khan 1224 ou 1225)

aldas pl.: aldas-tur: Gen 4–5 / yurban Jayud yučin tabun aldas-tur bayu-: bayuju Gen 2

Buga- (s)očigai: Bug-a-(s)očigai quriysan-tur Gen 3

Činggis: Činggis gan: Činggis gan-i Gen 1
dayuil-: Gen 2 / Sartayul irge [d]ayuliju
yučin: Gen 4 / yurban jayud yučin tabun /
yurban: yurban jayud yučin tabun Gen 4
irge: Gen 2 / Sartayul irge /
Jayud pl.: Gen 4 / yurban Jayud yučin tabun /
qamuy: qamuy Mongyol ulus Gen 2
qan: qan-l: Gen 1 / Činggis qan-i
quri-: quriysan: quriysan-tur: Gen 3 / Buqa-[s]ločigai quriysan-tur /
Mongyol: Mongyol ulus Gen 2
noyad pl.» noyad-i Gen 3
ontud-: ontudur-un Gen 4; ontutulay-a Gen 5
Sartayul: Sartayul irge Gen 2
tabun: Gen 4 / yurban jayud yučin tabun /
ulus: ulus-up: Gen 2 / qamuy Mongyol ulus-un /
Yisüngge Gen 4

Лексический состав памятника, вошедший в каталог Л. Лигети, по сути, представляет собой лексикографическую систематизацию всех словоформ, выявляет закономерности сочетаемости слов монгольского языка XIII в. Весь материал надписи наглядно отражает грамматический строй текста памятника доклассического монгольского языка.

И. Ключин [1927, с. 10–17] верно акцентировал на объяснении глагольных форм текста надписи в соответствии с монгольской филологией своего времени, сейчас возникает необходимость изучения их морфологической характеристики по такой системе: [d]ayuliju bayuju – являются соединительными деепричастиями с суффиксом -ju; quriysan-tur «собралась» – причастием прошедшего времени с суффиксом -ysan; ontutulay-a «попал в цель» выражен глагол в форме прошедшего времени заведомо известного действия в изъявительном наклонении. Суффикс -run/-rün, встречающийся в словоформе ontudur-un, имеется в лексике рассматриваемого нами памятника.

Ш. Чойма [1997, с. 123–128] проанализировал суффикс -run/-rün на основе языковых материалов «Сокровенного сказания монголов», памятников квадратной письменности и др. Этот суффикс интересовал еще Я. И. Шмидта, он имеет длительную историю изучения как в генетическом, так и в функциональном плане.

В диалогической речи джатаки «О мальчике, едущем без седла на черном быке» из «Монгольской хрестоматии для начинающих» А. В. Попова можно найти немало оборотов, таких, как *bayši ögölrün* «учитель сказал». В изучаемой надписи говорится: «...Yisungge ontudur-un yurban jayud yučin tabun aldas-tur ontutulay-a». Автор статьи обнаружил форму, схожую с вышеприведенной конструкцией: *ontudur-un*, а также «*ondulay-a* в “Сокровенном сказании монголов”, которая была использована в 40 случаях» [Чойма, 1997, с. 127].

Ученым, изучавшим надпись на стеле Исунгге, хотелось бы дать свои объяснения с исчерпывающей полнотой и на должном научном уровне. Д. Банзаров понимал, что расшифровать лапидарный текст памятника еще на заре развития монгольской эпиграфики и палеографии можно лишь с учетом достижений монгольской филологии и истории монголов эпохи Чингисхана того времени. Текст надписи требует истолкования исторических фактов на основе филологических данных. Однако некоторые монголоведы XIX в. считали, что объяснить смысл надписи можно посредством исторических фактов. Нетрудно заметить, что интерпретация логики надписи шла через переводы на другой язык, так возникла критика на перевод реконструируемых слов разными исследователями этого памятника. Мы неоднократно указывали это на примерах работ монголоведов, занимавшихся изучением этого памятника. Нечто схожее обнаруживаем в исследованиях памятников русской древности в трудах славистов и русистов-филологов. У них была развита критика текста памятника. Г. О. Винокур писал о Ф. Ф. Зелинском, чья критика имела цель «восстановить данный памятник в том виде, в каком он был в искомую эпоху». Но далее наступает необходимость понять данный памятник и при этом «понять всесторонне, так, чтобы в нем не осталось ни одной невыясненной стороны» [2000, с. 49]. Вот такой тип исследования памятников у русистов именовался герменевтикой, восходящей к античной филологии и мифологии. Термин этимологически связан с именем бога Гермеса, покровителя торговли и дорог, который передавал людям повеления олимпийских богов. Он обязан был объяснять и исповедовать смысл этих посланий.

Памятник надо изучать и объяснять. Так возникает аналитическая герменевтика. Затем наступает черед истории, «памятник есть лишь чем-то, в чем отразились общие закономерности развития», в

результате чего между филологией и историей существует «мост» в виде «синтетической герменевтики» [Винокур, 2000, с. 49]. Благодаря истории, которая изучает другие сходные памятники, обобщает в одно целое.

Заканчивая собственно лингвистическую часть своей работы, мы не должны забывать о пунктуации текста надписи. Я. И. Шмидт и Д. Банзаров впервые подняли вопрос о пунктуации в надписи на этой стеле. И. Клюкин [1927, с. 9] нашел «знаки препинания в надписи два: одним заключением – членное предложение, другим – весь период надписи». Почти то же самое утверждает И. де Ракевильтц. По его мнению, в тексте поставлены знаки препинания отдельными точками (сег) после *quriysan -dur* (строка 3) и *ontudulay-a* (строка 5) [1976, р. 491], но у Л. Гамбиса и Л. Лигети текст не имеет пунктуации. На этом завершаем лингвистический анализ текста на стеле Исунгге.

2.2.5.3. Графологический анализ надписи на стеле Исунгге

Д. Кара сделал графологический анализ текста в таком изложении: «Первый известный памятник уйгуро-монгольского письма – короткая надпись Чингизова камня (1225 г.), дает нам образец среднемонгольского почерка времени, когда монгольской письменности было уже не менее 20 лет. Этот памятник содержит большинство монгольских графем (здесь в порядке графического сходства *A, N, Q, S, Z, Y, R, K, O, B, T, D, C, L, M*) и многие из них во всех позициях. В этом почерке “хвосты” висячие, вертикальные (у *N₃, T₃* и даже *Q₃*), легко изгибающиеся и в начале с длинным “зубцом” вверх. Вместо “багра” (в *A₁*) здесь также вертикальная линия в оси. Из финальных аллографов поперечные только *S* и *Z*. Вязь не образует прямой линии, “зубцы” мелкие, “петли” овальные, немного удлиненные в направлении к оси, *R* – перекресток двух остrokонечных, косых штрихов, *C* – имеет два аллографа: инициальный похож на русское *Ч*, медиальный – длинный “зубец”, загнутый вверх. *M* имеет два “зубца” и преломленную ось; *T₁* треугольный, *D* остrokонечный и открытый большой крюк. Финальные *O, Y, R* имеют “дугу”. На конце “дуги” *K* “сидит” не только буква *O*, но и *Q*. “Палочка” *K* без “жала змеи”. Диакритическая точка круглая, линии жирные. Соразмерности величины графем налево от оси: *A, Q, Z, O < R, Y, C < D*; направо от оси: *Q ~ S, Z < B, K, R*,

У, О (“дуги”), $M < L$. В этом почерке, вероятно, только B_3 имело “багор”. В основном такой же почерк печати Гуюка (1246 г.)» [Кара, 1972, с. 56–57].

Б. Я. Владимирцов [1929, с. 66–89] стремился разрешить спорные вопросы формирования от заимствованного уйгурского письма до окончательного сложения монгольского алфавита, в котором могли быть обнаружены модификации Гунгәжалцана, затем Чойджи-Одсера. Однако монгольские фонологи сочли нужным объявить выше-названных иерархов реформаторами зародившейся монгольской письменности. Б. Я. Владимирцов установил, что нововведения монгольской письменности были найдены в тексте грамоты Алтан-хана Тумэтского (1590 г.). Этот документ стал окончательно адаптированным образцом новой монгольской письменности, в котором отразилась наиболее точно вся система звуков монгольского языка.

Монгольская палеография является уделом крайне узких специалистов. Она изучена совсем мало. Д. Кара [1972, с. 7–104] внес огромный вклад в изучение монгольской письменности, дав в своем труде ее полную историю. Его работа состоит из двух частей: это история монгольской письменности и становление кодипологии и книговедения.

2.2.6. Дата памятника

На самой стеле нет никакой даты. Это обстоятельство вызвало среди ученых много споров, догадок и подсчетов. Я. И. Шмидт думал, что памятник относится ориентировочно к 1219 или 1290 гг. [Банзаров, 1955, с. 189]. Касаясь даты памятника, он отмечал: «Время сооружения памятника надобно отнести к тому времени, когда Исунке построил себе дворец на реке Кыркир, приблизительно между 1224–1300 гг., предполагая, что Исунке мог поставить его незадолго до своей кончины» [Там же, с. 202].

Н. В. Именохоев считает это положение Д. Банзарова вполне приемлемым, если учесть хронологию существования города и некрополя, где был обнаружен памятник [1992, с. 42]. И. Клюкин и Х. Пэрлээ вовсе не датируют его. Л. Лигети датирует памятник в честь награждения Исунгге 1224 или 1225 г. [Ligetі, 1972a, vol. II, p. 17]. Мотивирует свою датировку кампанией войск Чингисхана в

Туркестане. Монголоеды из Пекина считают дату надписи 1225 г. [Орловская, 1992, с. 75, 85], исходя из содержания текста. Догадки Л. Лигети и других ученых очень близки в целом. Однако если надпись была высечена сразу же после рекорда Исунгге в стрельбе из лука, то, по-видимому, камень перевезли позже и неизвестно, когда установили в имени Джучи-Хасара.

И. де Ракевильц считает, что надпись на стеле Исунгге может относиться к периоду от 1225 до 1270 г. [Rachewiltz, 1976, p. 495]. Ученые, которые пытались как-то датировать памятник, отсчитывают дату с 1224 или 1225 г., что является единственной их зацепкой. Если многие монголоеды датируют памятник 1225 г., то И. де Ракевильц [ibid] вновь вернулся к датировке Д. Банзарова, хотя и указывает с оговоркой, что его доводы перекликаются с мнением Н. В. Именохоева [1992, с. 42].

Таковы взгляды исследователей по вопросу даты надписи на стеле Исунгге. Однако точная дата памятника важна для монголоведения как для науки, будучи одним из ранних источников уйгуро-монгольской письменности.

Труды Я. И. Шмидта, Д. Банзарова, И. А. Клюкина, С. Мураямы, Х. Пэрлээ, Л. Лигети, И. де Ракевильца, Л. Гамбиса были основными по датировке надписи на стеле Исунгге, впрочем, небольшие заметки Ц. Дамдинсурэна, Ю. Б. Ринчена, Д. М. Позднеева, Г. Н. Румянцева, Э. Р. Рыгдылона, Г. И. Спасского оказались звеном одного эпиграфического, палеографического, герменевтического анализа в целом. Статьи Я. И. Шмидта, Д. Б. Банзарова, И. А. Клюкина были основополагающими.

Неточности, ошибки и недочеты предшественников сейчас можно признать исправленными в новейших исследованиях, в них же прямо или косвенно определены заслуги пионеров изучения этого памятника. Нет сомнений, что надпись на стеле Исунгге в целом исследована обстоятельно, но в определении геотермина *Buqa-/S/uciqai* = *Buqa /S/očiqai* имеется много спорного. Восстановление этого геотермина имеет свою логику и историчность. С помощью компьютера и других сверхчувствительных высоких технологий возможно более правильное прочтение этой надписи.

И. Клюкин [1927], Х. Пэрлээ [1962], Гонгоржав [1982], И. де Ракевильц [1976] и другие уделяли внимание спортивным, военным и

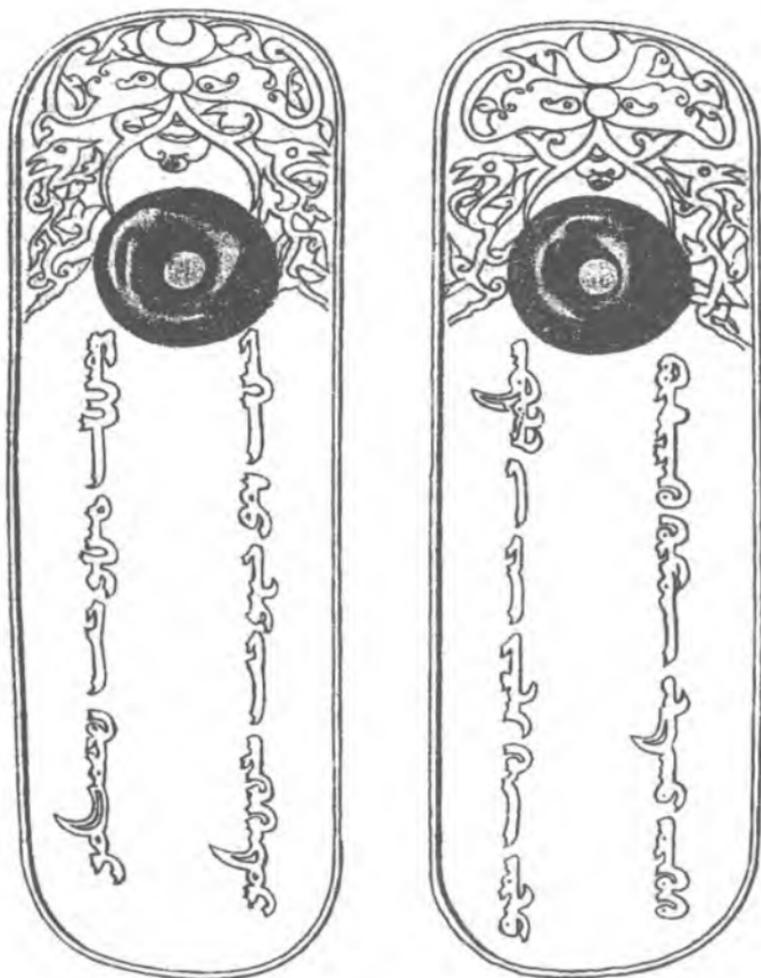
этнографическим вопросам этого памятника. Задача нашего исследования заключалась в лингвистических, филологических, историко-культурных проблемах монгольской эпиграфики, палеографии и герменевтики на основе изучения текста надписи на стеле Исунгте с учетом достижений предшественников.

§ 3. Объяснения Д. Банзаровым по аналогичному содержанию текста на пайцзах: лексико-семантический и грамматический анализ. История изучения текстов пайцз

2.3.1. История находки и состояние памятника

Текст на пайцзах, обнаруженных в XIX–XX вв. в России, были даны правителями Золотой Орды разным лицам. Надписи на пайцзах писаны на монгольском языке уйгурскими буквами. Их тексты совершенно идентичны, а имена ханов даны теми, от кого исходили эти эдикты. Вот имена ханов: Тогтох (1290–1312), Узбек (1312–1340), Кильдибек (1361–1362) и Абдулла (1362–1369), правившие Ордой, чьи грозные указы должны были выполняться неукоснительно. Определенных дат эти пайцзы не имели.

Первой из них по времени оказалась пайцза – эдикт Абдуллы, обнаруженная в деревне Грушевка одним крестьянином в 1848 г., недалеко от Сечи запорожских казаков Екатеринославской губернии, где находилось имение барона А. фон Штиглица. Хозяин имения предоставил эту ценную находку в Петербургскую академию наук. Как известно, Д. Банзаров в том году выполнял поручения Азиатского музея. П. С. Савельев об этом прецеденте писал: «Вскоре неожиданная находка новой серебряной дощечки с монгольской надписью обрадовала нашего изыскателя» [1851, с. 21]. Эта удивительная вещь попала к Д. Банзарову, который взялся за ее изучение, а 19 мая 1848 г. на историко-филологическом отделении АН прочитал свой доклад. Его статья опубликована в Бюллетене АН [Bansarov, 1848] на немецком языке, переведена на русский Г. Н. Румянцевым, включена в Собрание сочинений [Банзаров, 1955, с. 125–139]. Так началось научное изучение надписи на пайцзах, найденных в России, грушевкинской суждено стать первой в серии текстов на металлических дощечках, выданных правителями Золотой Орды.

Серебряная пайцза, найденная в 1848 г. в Екатеринославской губернии (Эрмитаж, Санкт-Петербург, зал истории Золотой Орды)

Хотя пайцза пролежала много веков в толстой кирпичной стене, ее состояние вполне удовлетворительное. По сведениям М. Г. Крамаровского, «пайцза Абдуллаха; длина пластины 28 см; ширина 9 см; вес 359.3 г.» [2002, с. 215]. Она хранится в Эрмитаже в зале истории Золотой Орды. Фото пайцзы воспроизведено в «Атласе древней серебряной и золотой посуды. Восточное серебро» Я. И. Смирнова [1909, табл. XCIV]. Ее снимок помещен в Собрании сочинений Д. Банзарова и в других изданиях.

2.3.2. Об Абдулле и его правлении в Орде и ставке Мамай

Абдулла – сын Узбека, золотоордынский хан правил с весны 1361 по 1370 г., от его имени руководил Мамай-хан в Сарае [Румянцев, 1955, с. 285]. В хронологической таблице правления ханов Золотой Орды (улус Джучи) в 1236–1481 гг. В. В. Похлебкина [1999, с. 8] Абдуллах правил в 1361–1369 гг. в период междоусобиц темника Мамай. Л. Лигети [1972а, vol. II, p. 278] считает, что Абдулла правил Ордой в 1361–1362 гг.

2.3.3. О пайцзе и ее назначении

Ученые, изучавшие свойства и категории пайцз, называли их по-разному. Д. Банзаров, написавший по заказу П. С. Савельева [1855, с. 21] обобщающую обзорную статью, сумел подытожить все достижения ориенталистики того времени по изучению надписей на пайцзах квадратной и уйгуро-монгольской систем письма. Эти пайцзы текстуально близки друг другу, содержат аналогичные инициалии и некоторые заключительные финалии.

Д. Банзаров совершенно правильно полагал, что пайцзы были двух родов: одни были знаки отличия и давались за важные заслуги; другие же – простые дорожные документы, охранные грамоты для чиновников, посланных куда-нибудь от имени хана [1955, с. 156]. Синолог П. И. Кафаров (о. Палладий) уточнил разновидности пайцз: синьпай, означавший объявление, приказание, посылаемое куда-нибудь. Ученый, касаясь исходных материалов пайцз, писал, что «при разных китайских династиях делали эти таблички или значки из металлов, камней, дерева и даже шелковых материалов» [Там же].

Ц. Жамцарано, путешествуя по Южной (Внутренней) Монголии в начале XX в., нашел много интересного по этнографии, религиоведению, фольклору. Он обнаружил пайцзы, находящиеся в употреблении среди населения монгольских сеймов, имевшие исключительно местное значение. Пайцзы Цинской династии ученый разделил на два вида: дархатский – для чиновников и начальников, первые пайцзы (собирали народ для тайлганов) носили религиозный характер, вторые – служебные удостоверения, которые давали право владельцу просить подводы и другое для него [Жамцарано, 1904, с. 156–157].

Д. Банзаров интересовался и вопросом функционирования пайцз у монголов дочингисовой эпохи. Х. Пэрлээ установил, что пайцзы, или доски, применялись у гуннов при хане Лаошане II (174–161 гг. до н. э.).

«До возвышения Чингис хана p'ai-tzu употреблялись среди киданей и чжурчженей. Эта практика была приспособлена монголами от них. По мнению Ханеды Тори (Haneda Tōri), Чингис ввел в практику пайцзы, возможно, по совету своего астролога, секретаря и советника Елюя Чуцая (1183–1243), который был по происхождению киданецем» [Münküev, 1977, p. 186–187].

Г. Сухэ-Батор обнаружил, что тогда котировались два вида пайцз – синь (служебные) и цзе (верительные). Х. Пэрлээ утверждает, что при строительстве новых городов и объектов были найдены гуннские памятники. Например, около Дархана обнаружены гуннские захоронения, среди извлеченных предметов были пайцзы, которые хранятся в археологической лаборатории Института истории Академии наук Монголии [1976, с. 91, 99]. Эти пайцзы употреблялись монгольскими завоевателями во всех уголках огромной империи. Они были найдены в Иране, России (Сибири и Поволжье), на Кавказе, в самой Монголии и Китае.

Д. Банзаров в своей обобщающей статье рассмотрел пайцзы западных путешественников – Марко Поло и др. [1955, с. 153–156].

Из числа металлических пайцз наиболее почитаемы были из драгоценных металлов, которые «даются сотникам, бывают серебряные, тысячникам – золотые или серебряные позолоченные, темники (или десятитысячники) получают золотые дощечки с изображением львиной головы...» [Там же, с. 154]. А. П. Григорьев [1978, с. 68], касаясь цзинь-пай, отмечает, что он имеет монгольскую параллель – «барс теригютю алтан гэреге», что в переводе значит «золотая дощечка с головой тигра»; она представляет собой кальку с китайского *ху-фу* 'тигровая бирка' [Cleaves, 1990, p. 80]. Б. Я. Владимирцов [1929, с. 35] видел в Пекине крупную бронзовую пайцзу с параллельными текстами на уйгурском и квадратном письмах, принадлежащую Синь Юаньши (новой Юаньской истории) – Кэ Шао-миню.

Кроме металлических пайцз были найдены деревянные дощечки. О. Латтимер (O. Lattimore) сделал сообщение о неизвестной пайцзе на

II конгрессе монголоведов. Ученый получил ее от амбана Чахарии Тодбажава (Жодбажаб) в 1937 г. Пайцза была найдена в песках на границе между Чахарией и Даригангой. Гость конгресса подарил ее Национальному музею Монголии в Улан-Баторе [Lattimore, 1973, p. 241–242].

Поздние пайцзы подверглись значительным изменениям в текстуальном плане. Таковыми являются пайцзы для дархатов: *tayilya-a-yin erkim šixula alban-u kereg-tu jaruxu elči-yin ulay-a unaxu temdey* 'По особо важным служебным делам жертвоприношения командированного гонца знак на пользование подводой' [Жамцарано, 1904, с. 157–158]. В Чахарском сейме и вблизи него функционируют пайцзы онгонов до сих пор. Это любопытное сведение о бытовании пайцзы в Южной Монголии мы получили от Алтан-Очира, сотрудника НИИ центра по изучению истории и географии пограничных районов Китая при Академии общественных наук КНР.

В современном мировом востоковедении накопилась богатая и разнообразная научная литература о пайцзах, с чем можно ознакомиться в обзоре Н. Ц. Мункуева [1977, с. 178–180] и в статьях монгольских ученых.

Таким образом, пайцзы в содержательном и логическом плане на различных этапах истории Монголии менялись от сверхгеополитики до локальной политики и утилитарности.

2.3.4. Язык текста пайцзы Абдумы и аналогичных дощечек к ней

Д. Банзаров [1955, с. 127, 146] прочел надписи на этой пайцзе в такой реконструкции:

1. Мбнгкэ тэгри-ин кучундур
2. Иэкэ сү джали-ин игэгэндур
3. Абдулла-ин дзрлг кэн улу
4. Буширэку кумун алдаху укуку.

Г. Н. Румянцев отмечал, что «транскрипция Банзарова не совсем точна» [1955, с. 284, 290–291]. Недостатки транскрипции Банзарова объясняются современным ему уровнем развития монголоведения. Поэтому комментатор его работ предложил свою, более точную, транслитерацию:

1. Mönke tngri-yin küčündür
 2. Yeke suu jali-yin igegen-dür
 3. Abdulla-yin jarlg ken ülü
 4. Bүširekü kemen aldaqu үкүкү
- [Румянцев, 1955, с. 291].

Л. Лигети текст надписи транслитерировал следующим образом:

а)

1. Monke tngri-yin küčündür
2. Yeke suu jali-yin igegendür

б)

1. Abdull-a-in jrlg ken ülü
2. Bүširekü күмүн aldaqu үкүкү

[Ligeti, 1972a, vol. II, p. 287].

Их транскрипции немного отличны друг от друга. Д. Банзаров [1955, с. 146] в своей второй транслитерации ввел новшества: *кучун-дур; игээн-дур, джарлиг*. Однако в вышеприведенных транслитерациях *küčündür* и *igegendür* даны слитно.

Д. Банзаров [Там же, с. 127] в первой статье текст пайцзы перевел так:

1. Силою вечного неба,
2. Милостью величества и могущества
3. Кто указу Абдуллы не покорится,
4. Тот будет виновен, умрет.

Позже он сделал перевод более точно: «Вечного неба силою, великим соизволением и могущество (его), Абдуллы повелению, который человек не повинуется, (тот) проступится, умрет» [Там же, с. 146].

А. М. Позднеев писал, что Д. Банзаров без труда разобрал текст пайцзы, утверждал, что «смысл этой немногоречивой надписи так ясен...» [1896, с. 125–126]. Он дал свой перевод так: «Силою вечного неба и покровительством великого величия и блеска. Кто повелению Абдуллы не покоряется, (тот) человек будет виновен, умрет» [Там же, с. 125].

Затем Б. Лауфер дал свой перевод текста пайцзы: «Силою вечного неба, помощью его великой защиты и могущества: кто не послушается повеления Абдулла, достоин наказания и должен умереть» [1927, с. 29].

Г. Н. Румянцев подчеркивал, что «перевод и объяснение грушевкинской пайцзы без существенных изменений сохранили свое значение и в наши дни», его комментарии к двум статьям о пайцзах в целом подтвердили его мнение [1941, с. 147].

Н. П. Шастина в своем докладе на юбилейной конференции, посвященной памяти ученого, отмечала, что «чтение и перевод надписи на Екатеринославской пайцзе, предложенные Д. Банзаровым, не вызвали возражений и удержались в дальнейшем» [1955, с. 53]. В словарной статье исторической энциклопедии, касаясь переводов надписей на пайцзах, она высоко оценила изыскания Д. Банзарова по текстам пайцз, отметив, что они выполнены на высоком уровне, являются «образцами филологического исследования» [Она же, 1962, стлб. 98].

Н. Ц. Мункуевым была найдена одна пайцза из Симферополя в Центральном архиве древних актов. Мы отмечали, что обнаруженная находка совершенно идентична надписи на пайцзе, найденной вблизи Днепра. Ученый предпринял попытку ревизовать работы своих предшественников, особенно это касается некоторых положений двух эпиграфических статей Д. Банзарова, трактующих содержание надписи на пайцзах. В его статье изучены все известные ему китайские источники в свете достижений крупных европейских ориенталистов XIX–XX вв.

Текст симферопольской пайцзы:

(on the obverse) 'на передней стороне'

Mongke tngri-in küčündür

Yeke suu jali-yin igegendür

(on the reverse)

Keldibeg-ün jrlg ken ülü

büşirekü kümün aldaqu ükükü [Münküev, 1977, p. 208].

Перевод гласит:

«By the strength of eternal Heaven and by the protection of the great might and radiance. An edict of Keldi Beg. Any person, who shall not respect (this), shall be slain and die» [Ibid].

Перевод на русский язык:

«Силою вечного Неба,

Покровительством (его) великого могущества и сиятельства.

Кто не повинуется
Эдикту Келдибека,
Тот будет убит и умрет».

Текст перевода Н. Ц. Мункуева, сделанный М. Г. Крамаровским [2002, с. 216], представлен в такой форме: «Силою Вечного Неба, покровительством великого могущества и блеска. Указал Кельдибек: всякий, кто им не покорится, будет убит и умрет». Им дан перевод в иной интерпретации.

За 150 лет существования и развития монгольской эпиграфики и палеографии накопилась огромная научная литература на восточных и европейских языках, чем и воспользовался Н. Ц. Мункуев [1977, с. 186–219].

Такова история изучения надписей на пайцзах, найденных в России.

2.3.5. Вопросы адекватности и достоверности в переводах текстов на пайцзах как предмет переводоведения монгольской эпиграфики и герменевтики: лексико-семантические предпосылки

Ученые-тюркологи, синологи и монголисты, написавшие работы по текстам пайцз, передавали ряд архаизмов, историзмов и устаревших терминов по-разному, сообразно своему миропониманию веяний и черт той эпохи. Поэтому был прав А. М. Позднеев, писавший, что «...ввиду существующих разноречий в понимании учеными этих самых уже простейших слов будет все-таки небесполезно установить их точное значение» [1896, с. 126].

Охранные грамоты и послания золотоордынских ханов стали объектом исследования русских историков XIX в. Их стали систематизировать еще в XVIII в., на них обратил внимание и Н. М. Карамзин. В. В. Григорьев насчитывал 7 грамот. Они были выданы русским священникам, высшему русскому духовенству от ханов Золотой Орды, имели политический и идеологический характер. В них подчеркивались льготы, уважение к обладателям, которые должны выполняться местными властями в отношении тех, кто ими был награжден.

В. В. Григорьев [1842] основательно исследовал эти грамоты, изучил указы ханов Золотой Орды. Заметим, что он ограничился

лишь материалами русской историографии, заложил основы монгольской дипломатии и официальной политической культуры чингисидов на Руси.

В. В. Григорьев ханские повеления *зарлиг* именуется ярлыками, так получилось не совсем точное название указов ханов. Во многих письмах иль-ханов и юаньских императоров Китая тексты их обращений имели стандартные инициалии: *Münke tngri-yin kücündür*. В. В. Григорьев писал, что «все вариации начинались фразой: “Мөнгкэ тэгрійнь кючундурь”, что означало: Вечность Бога (или Неба) силою» [1842, с. 58]. Д. Банзаров эту формулу сравнивал с инициалиями надписи грушевкинской пайцзы, считал словосочетание *монкэ тэгриин кучун-дур* очень древним и перевел так: «Вышнего и бессмертного бога силою» [1955, с. 147]. В. В. Григорьев привел инициалии грамоты Узбека в таких словах: «Вышняго и бессмертного Бога силою и волею и величеством и милостью его мною Узбеково слово» [1842, с. 112]. Этот перевод Григорьева Банзарову показался верным, «нежели тот, который мы видим у Марко Поло» [1955, с. 147].

Банзаровское объяснение лапидарной надписи на грушевкинской пайцзе удержалось вплоть до выхода в свет монографии Н. Н. Поппе, который оценил то, что сделано его предшественниками.

Еще Б. Я. Владимирцов [1929, с. 35] в номинации важных памятников монгольского письменного языка указал на идентичность текста на трех серебряных пайцзах, выданных ханами Тогтога, Ёзбека и Абдуллаха (Abdulla), потому их объединил в один список.

Затем Л. Лигети [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 373–374] составил обновленные транскрипции всех аналогичных по содержанию текстов, сделал сводный лексико-семантический каталог, помогающий постичь структуру текстов на пайцзах в лексико-семантическом и грамматическом аспектах.

Лексико-семантический анализ текста пайцзы из Грушевки приводим по словам и словосочетаниям последовательно:

Монке «вечный»

тҗри «Небо».

Д. Банзаров объяснил это слово как Небо, высшее божество монголов-шаманистов, так как все великие монгольские ханы провозглашали легитимность своей власти как благосклонность Высшего неба. В своей работе по шаманству Небо ученый отнес к всеобщему богу

в монгольском Олимпе. Это объяснение было принято А. М. Позднеевым [1896, кн. 1, с. 126–127].

А. П. Григорьев вслед за Банзаровым доказал, что словоформы *Menqū tñri kücündā* (на древнетюркском) и *Mōngke tngri kücün-tur* (на монгольском) очень близки, почти совпадают по смыслу. Он приводит такие формы в древнеуйгурском языке как словосочетание *küclüg tāñri* ‘сильный бог’, найденные в древнетюркском памятнике V–VII вв. «Покаянная молитва манихейцев», а сочетание *tanri küc* ‘божья сила’ – в памятнике VIII в. в честь Кюль Тегина на руническом письме. Слово *tanri* ‘небо’ понимается как ‘бог, божество’. Так, А. Григорьев подразумевает под тэнгэри в пайцзах и грамотах чингисидов единого бога [1978, с. 18]. Так, идея Д. Банзарова оказалась более жизнеспособной, в работах поздних авторов она, возможно, нашла свое развитие.

Kücün-dür ‘силою’, восходит к древнетюркскому слову *küc* ‘сила’. И. Т. Зограф [1984, с. 110] считает, что Н. Н. Поппе поддержал перевод Д. Банзарова, который дал форму творительного падежа ‘силою’:

yeke ‘великий, большой’

suu ‘величие, авторитет’.

В монгольской лексикографии можно найти объяснение слова *su=суу* ‘гений, величие’ [БАМРС, 2001, т. 1, с. 135].

Д. Банзаров слово *suu* рассматривал как атрибут неба, оно было для исследователей шаманства силой, которая защищала их от злых духов и поэтому могла называться «защитой», как это понимается в китайском переводе ярлыка Буянту-хана [1955, с. 128]. Все эти факты напоминают нам о действиях белого шаманства или о покровителях родового клана шаманистов.

jali ‘могущество’, по Банзарову, исчезнувший архаизм. Г. Н. Румянцев [1955, с. 294] считает это слово труднопереводимым. А. М. Позднеев [1897, т. 2, с. 494] принял объяснение этого слова Д. Банзарова. К. Ф. Голстунский в своем словаре переводит сочетание *suu (sū>su)* ‘величие’, в другом контексте *jali* ‘пламя, ухищрение, хитрость, коварство, оболъщение, обман’ [1938, с. 454]. Ф. В. Кливз переводил это слово как ‘пламя, яркий свет’ [Cleaves, 1953, p. 26].

Л. С. Пучковский [1949, с. 396–422] в переводе формулы *yeke suu jali-yin igegen-dür* последнее слово транскрибировал неверно. По мне-

нию Ф. В. Кливза [1953, с. 43], «дал как под покровительством великого могущества; итак, он оставил слово *jalı* вне контекста» [Münküev, 1977, p. 209]. Все эти факты говорят о том, что это слово оказалось семантически малопонятным и изучено слабо.

Так, в семантике этого слова в плане исторической лексикологии монгольского языка более точных апробированных объяснений еще, очевидно, не найдено.

Слово *igegen* является архаизмом, в современном монгольском языке бытует в форме морфемы *ивээл*. Д. Банзаров считал, что это слово должно значить 'благословение, милость' [1955, с. 130]. Ф. В. Кливз объяснил слово *igegen* «в семантике современного монгольского языка таким образом: 'протекция, патронаж'» [Cleaves, 1953, p. 43–44]. Это слово в современном монгольском языке употребляется как *ивээл*, «восходящее к *igegen*, имеющее адекватности в полисемии: 'покровительство, помощь, защита, попечение, опека, благодеяние, милость, филантропия, фавор, протекторат, эгида'» [Пюрбеев, 2001, с. 259].

Абдуллах (Abdulla, или Abd ullah) – золотоордынский хан, который выдал какому-то заслуженному человеку пайцзу, дающую владельцу привилегии. Время выдачи пайцзы неизвестно. Она пролежала в стене сооружения много лет, была найдена одним крестьянином совершенно случайно, дошла до нас в хорошей сохранности.

jarliy 'указ, приказ'. В монгольской лексикографии в полисемии этого слова есть пометы, в которых сказано об архаизмах и историзмах слова *jarliy*, употреблялось в значениях 'повеление, веление, изъявление воли' [БАМРС, 2001, с. 213]. Иногда не совсем точно употреблялось слово *ярлык* для обозначения охранных грамот, пайцз и повелений золотоордынских ханов, данных высшим иерархам русского духовенства.

ken 'кто; некто; всякий'.

ülü 'частица отрицания'.

büšira – Д. Банзаров, сделав лексический анализ этого слова, заключает, что оно обозначает: «поступать по убеждению, исполнять предписание, подчиняться, повиноваться» [1955, с. 131]. Последнее значение прекрасно подходит к нашей надписи! – восклицал он, найдя свою «эврику» в глубинных пластах монгольской исторической лексикологии. Слово *бишрэх* в современном монгольском языке по-

нимается в значении «верить, благоговеть, боготворить, чтить, поклоняться, почитать, уважать» [БАМРС, 2001, с. 250]. У О. М. Ковалевского это слово зафиксировано и объяснено семантически верно [1846, с. 1136].

kütiin 'человек', 'люди'. Слово может быть употреблено в значении «кто-то», «кто-нибудь», «кто-либо».

Aldaq – это слово было переведено Д. Банзаровым совершенно правильно: «провиниться, сделаться виновным» [1955, с. 131]. Н. Н. Поппе подтвердил верность перевода этого слова Д. Банзаровым. Он писал: «совершит проступок и умрет» – *aldaqu ükükü*. Эти слова большинством исследователей переводились неправильно, как «погибнет, умрет» (о. Аввакум, Позднеев) и лишь Доржи Банзаров дал правильный перевод: «проступится, умрет» [Там же, с. 146]. Н. Н. Поппе в своей книге, касаясь глагола *alda-*, писал, что «в письменном языке существует как независимый от *ala* – 'убивать' и значит 'упустить, потерять, промахнуться, не попасть, погрешить, ошибаться' [1941, с. 129].

Ц. Жамцарано, находясь в Южной Монголии в 1904 г., побывав в Эджин-хороо и у дархатов, узнал о пайцзах и их функции в общественной жизни монгольских народов. Дело в том, что почти все прежние исследователи не могли ознакомиться с пайцзами на месте, так как изучали их лишь после случайных находок, не знали их значения, влияния пайцз в сознании начальствующих глав сеймов, хошунов и других структур Монголии.

В отличие от них, Ц. Жамцарано был в выгодном для исследователя положении. Он видел своими глазами этих дархатов, которые вызывали у начальства округов страх и общую ксенофобию. «В случае неуважения со стороны князей (ханов, ванов – все равно) и народа дархаты обыкновенно угрожают им именем Чингиса и Черного сулдэ смертью и разорением» [1904, с. 158]. Основываясь на причинной связи с пайцзами онгонов, Ц. Жамцарано утверждал: «Поэтому на дошедших до нас древних пайцзах слово алдаху правильное было бы передать: разориться, будет разорен, как это делалось прежними исследователями» [Там же].

Это очень любопытное и ценное замечание Ц. Жамцарано по поводу слова *aldaqu* Н. Н. Поппе [1941] и Г. Н. Румянцев [1955]

обошли молчанием по известным политическим обстоятельствам тех лет.

Н. Ц. Мункуев решил ревизовать банзаровский перевод слова *aldaqu* на основе анализа китайских источников на среднекиданьском языке. Он отмечает, что Д. Банзаров и другие авторы словосочетание *aldaqu üküki*, состоящее из двух слов, приняли за одно слово, в результате чего перевели неправильно [Münküev, 1977, p. 211]. Он же считает, что перевод Ц. Ж. Жамцарано слова *aldaqu* как «разорится, будет разорен» более точный [Ibid, p. 210]. В китайских источниках он нашел выражение *aldaši*, производное от *alda* – с формантом *-ši*, то слово *alda* «to be slain», т. е. быть убитым. По Н. Ц. Мункуеву, слово *alda-u* производное от него *aldaši* были термином монгольского права XIII в., означающем казнь [Ibid, p. 215]. Возникает вопрос: кто же прав в оценке банзаровского перевода? Ц. Жамцарано прав в том, что дархаты, являясь шаманами, несомненно, могли разорить того, кто был бы не согласен повиноваться их приказам. Юаньские правители виновного казнили в подобных случаях, так как юридически это было установлено и узаконено.

Следует сказать, что при всех неточностях перевод Д. Банзарова в целом отражает суть дела, так как словосочетание *aldaqu üküki* носило в себе одну семасиологическую нагрузку, ибо китайские источники подтверждают отчасти правильность постулируемых доводов Д. Банзарова.

Üküki ‘умереть’. Л. Лигети включил в свой лексикологический каталог еще одну пайцзу с очень коротким текстом и с большим дефектом. «Она содержит текст на персидском, монгольском и китайском языках. Монгольский текст дается в передаче знаками квадратного и уйгурского письма» [Поппе, 1941, с. 129]. Уйгурский текст даем в транскрипции Л. Лигети [Ligeti, 19726, p. 373–374], который является по счету четвертым:

jar tungγay

mayun-i seregdekü.

В переводе Н. Н. Поппе [1941, с. 129]: «Объявление. Следует остерегаться злых».

Лексический анализ текста: jar tungγay ‘объявление’ – парное слово. Mayu ‘плохой’ в переосмыслении ‘злое’. Seregdeku ‘остерегай-

тесь', в современном монгольском языке *сэрэмжлэх* 'быть настороже, начеку, проявлять бдительность' [Лувсандэндэв, 1957, с. 377].

2.3.6. Тексты на пайцзах: грамматический и морфологический анализ

Наша цель – рассмотреть грамматические особенности текста на пайцзе Абдуллы и еще одной фрагментарной 3-язычной пайцзы, для чего ниже воспроизводим их в транскрипции Л. Лигети [1972а, vol. II, p. 287]:

а)

1. Mongke tngri-in kücündür

2. Yeke suu jali-in igegendür

б)

1. Abdull-a-in jrlg ken ülü

2. büširekü kümün aldaqu ükükü

Сведения, сообщаемые на этой пайцзе, состоят из 15 слов, не считая падежных формантов. Поскольку Л. Лигети текст той дефектной пайцзы, которую изучал Н. Н. Поппе, включил в свой каталог [Ligeti, 1972б, vol. II, p. 373–374], посчитав его полезным и нужным. Приводим текст в транскрипции Л. Лигети:

jar tungyaу

mayun-i seregdekü.

Эти тексты являются объектом грамматического анализа, в котором будут отражены фонетические, орфографические, морфологические и синтаксические особенности языка пайцз. Сводный лексикологический каталог этих текстов, составленный Л. Лигети [Ibid], наглядно показывает сочетаемость слов и грамматический строй, орфографию текстов на пайцзах. Вот почему приводим этот свод, так как он стал надежным ориентиром.

Надписи на пайцзах:

(Inscription sur pai-tseu)

Abdull-a: Abdull-a-in: Abdull-a-in jrlg pt3*: bl

alda: aldaqu: aldaqu ükükü pt2: b2; 3:в2.

al[daqu]: a l[daqu ükükü] pt1»b2

büšire-: büširekü pt1: b2 /[ken ülü] büširekü];

* pt3 – пайцза Абдуллы, pt – пайцза.

b2, 3: b2 /ken ülü büširekü kümün/
igegen: igegendür: pt2: a 2, 3: a2 /yeke suu jali-
in igegendür/

jali: jali-in: pt2: a, 3: a 2 /yeke suu jali-in
igegendür/; l: a 2 /yeke suu jali-in [igegendür]/

jar: jar tungγay pt4:l

jrly: pt3: b1 /Abdull-a-in jrly/; 2: b1 /Ös-beg-in
jrlg/; jrl[γ]: l: b1 /Toytoya-in jrl[γ]/; Keldibeg-un jrly: 5: b1
Keldibeg: keldibeg-un jrly pt 5: b1

ken: ken ülü büširekü kumun pt 2: b l, 3: b l

küčün: küčündür: pt 2: a l, 3: a l, /monke tngri-in küčundur/

kümün: pt 2: b2, 3: b2 / ken ülü büširekü kümün; 1:b2 [ken ülü]
büširekü kümün/;

mayun pl.: mayun-i: mayun-i seregdeku pt 4: 2

monke: monke tngri-in küčündür pt 2: a l, 3: a l monke tngri-in [kü-
čündür] l a l

Ös-beg: Ös-beg-in: Ös-beg-in jrlg pt 2: b l

suu: suu jali pt l: a2, 2: a 2, 3: a2

tngri: tngri-in: pt 2: b1, 3: a l / monke tngri-in küčündür /; l: al / monke
tngri-in [küčündür]/

Toytoya: Toytoya-in: Toytoya-in jrl[γ] pt1: b1

tungγay: pt 4:l /jar tungγay /

ükükü: pt 2: b2, 3: b2 /aldaqu ükükü /;

ülü: ülü büširekü kümün pt 2: b l, 3: b l

yeke: yeke suu jail-in igegendür: pt 2: a2, 3: a2

yeke suu jali [igegendür] l: a2.

В номинации частей речи в надписи есть 8 существительных, 1 имя собственное, 1 местоимение, частица отрицания, 1 прилагательное, 3 глагольных формы. В тексте употреблены для связи сообщаемого форманты родительного и дательно-местного падежей. Надпись представляет одно целое простое предложение с повелением и угрозой расправы с тем, кто не захотел бы покориться. Порядок слов в данном предложении типично монгольский – SOV (подлежащее – дополнение – сказуемое). Предложение состоит из двух частей – *Mongke tngri-in küčündür*.

Yeke suu jali-in igegendür ‘Силою Вечного Неба, покровительством великого могущества и сиятельства’ в первой части выражено

условие наказания, при котором силы у субъектов не равны, как по пословице: «У сильного бессильный виноват», а во второй – он обязан повиноваться, чтобы остаться в живых.

Переходим к морфологическому анализу рассматриваемого нами текста.

Слово *Mongke* является неотъемлемой частью начальной формулы *Mongke tngri-in kücündür*. Однако в середине XIX в. на заре русского монголоведения по поводу минусинской пайцзы разгорелась серьезная полемика между Я. И. Шмидтом, с одной стороны, и В. В. Григорьевым и прочими – с другой, в круг спорных вопросов попало прилагательное *mongke*. Научный скандал прекратился со смертью Я. И. Шмидта, предлагавшего считать *mongke* прилагательным, как позже доказал Д. Банзаров [1955, с. 144–145], что было совершенно верным, так как это слово является частью начальной формулы в обращениях монгольских ханов императоров и золотоордынских ханов.

Вопрос о фонетических и орфографических особенностях слова *mongke* в истории монгольской грамматики носит дискуссионный характер. На пайцзах минусинской, нюкской это слово пишется *mongka*, что стало предметом научной полемики среди лингвистов и ориенталистов. Спор об этом слове на квадратном письме не утихал и позже. На это различие в данном слове на квадратном письме А. А. Бобровников [1870, с. 33] и А. М. Позднеев [1897] обратили серьезное внимание.

Н. Ц. Мункуев разделил авторов, касавшихся этого вопроса, на две противоположных лагеря. Н. Н. Поппе писал так: «Однако в текстах квадратного письма, включая минусинскую, боготольскую и нюкскую пайцзы, гласный последнего слога в слове *mongk'a* поставлен в форме задней гласной а, в нюкской пайцзе читается как *монца*, т. е. согласный второго слога дан в знаке глубокого задне-небного *q*» [Poppe, 1957, p. 70]. Такова констатация Н. Н. Поппе в связи со словом *mongk'a*. Впрочем, Д. Банзаров, изучив формулы разных пайцз, в том числе «на вновь найденной надписи», т. е. грушевкинской, утверждал, что *монкэ* стоит в начале, в значении «вечный», если присоединим к этому два перевода подобных надписей, которые сохранились у Марко Поло и где вовсе не будет

принято *монкэ* в обыкновенном его значении «вечный» [1955, с. 151–152]. Он же писал, что слово *mongke* было вынесено в красную строку гравером ошибочно [Там же, с. 152].

В. Л. Котвич, Н. Н. Поппе, Н. Ц. Мункуев [Münküev, 1977, p. 208] считают, что допущены орфографические ошибки. Н. Н. Поппе писал, что в надписи Гуюка было найдено это слово в форме *monk'e* [Poppe, 1957, p. 72].

Так, рассуждения Д. Банзарова по поводу слова *mongke*, написанные 100 лет назад, перекликаются с объяснениями Н. Н. Поппе, В. Л. Котвича и др.

Доказательства в связи со словом *monk'a* П. Пеллио, Б. Я. Владимирцова, Г. Н. Румянцева [1955, с. 297–299] приобретают в лингвистическом отношении серьезный характер.

А. А. Бобровников писал: «Самое первое слово грамоты, которое по смыслу должно читать не иначе, как монг-ка. Точно такое слово изображено в пайцзе, изданной впервые В. В. Григорьевым» [1870, с. 32]. Разнотчение этого слова он пытался объяснить на основе своего грамматического труда. Вслед за ним А. М. Позднеев, приняв отдельные его положения, писал, что «тщательное рассмотрение употребления начертанного в этом слове $\overline{\text{ᠮ}}$ /к'/ делало для меня несомненным заключение, что знак этот употреблялся монголами исключительно в словах мягкого звука, т. е. при гласных ö, ü, э. По своему характеру он совершенно соответствовал знаку «ᠮ» q современного монгольского языка» [1897, с. 99]. Б. Я. Владимирцов в отношении форм слово *mönx* сделал весьма любопытные замечания: «формы старомонгольского письменного *möngka, jüg, joblaku, jobšiyaku*, из которых первая *möngk'a*, встречающиеся регулярно в старой монгольской письменности... в рукописях и даже ксилографах нового периода развития монгольского письменного языка, показывают, что они возникли благодаря воздействию живого языка монголов XIII в. Формы ... *möngka, jüg, joblaku jobšiyakü* произносились в XIII в. как *möngka jüg jobšiyekü*, т. е. с гласными о и ü, которые, по всей вероятности, походили на халх. о или ó, халх., дэрб.-кобд. ó халх., дэрб.-кобд. ü, т. е. на лабиализованные палатальные среднего ряда... Следовательно, *mongka: mongke=mön-k'a: mon-k'e*. Показания, как квадратной письменности, так и старого монгольского пись-

менного языка, одинаково определяют звук о, который был известен языку монголов XII–XIV вв.» [Владимирцов, 1929, с. 167–169].

Д. Төмөртогō в своей статье о написании слова *tongka* на квадратном письме поддерживает идеи А. Позднеева и Б. Я. Владимирцова: «В документах квадратной письменности в словах мягкого ряда при звуковых сочетаниях $\ddot{o}=eo$, $\ddot{u}=eu$ гласную пишут на а, о. Так установилось сокращение этих звуков. Этот принцип в монгольской письменности стал традицией» [2002, с. 353]. Д. Төмөртогō слово *mögke* транслитерирует в форме *mön-k*, считает его произношение как *mön-ke* вполне удачным [ibid, с. 356]. Так, по Д. Төмөртогō, в слове *möngka* утрачена гласная *a*, осталась лишь форма *mön-k*. На наш взгляд, ряд его форм *tongka: möngke=mön-k'a: mön-k'e* был более точным.

tingri. Этимология и семантика слова *tingri* имеет очень древнюю и интересную историю. К. М. Мусаев считает: «Тегіг этимологизируется как образование от пратюркского (возможно, праалтайского, если родство будет доказано) глагола *teŋ* ‘возвышаться, подниматься, взлететь’ присоединением аффикса деятеля *-ig*, что в совокупности дает имя существительное со значением то, что поднимается, возвышается наверху над человеком’. От этой первичной семантики слова развились древние и современные его значения: ‘небо; бог, господь’. От *teŋ* – возникли и другие слова со значениями, относящимися к небу: *teŋ-eŋ* ‘воздух; небосвод’ и т. д.» [2002, с. 378]. Он же проанализировал фонетические особенности слова *teŋir* в двух аспектах: 1) *Tenir* в алтайских, в том числе и тюркских, языках распространены два фонетических варианта. Кроме присоединения аффикса принадлежности, возникла форма *teŋiri*, как бы происходит метатеза. Первый более архаичный вариант с переднерядными гласными и конечным *-r(-r)* сохраняется в восточном регионе тюркских языков: сары-юг, икалы, кирг., куманд. *teŋir*, каз. *taŋir/teŋir/täŋir*, хак. *tigir*, тув. *deŋer/deer*. О том, что это весьма древнее слово, наряду с его семантикой свидетельствуют фонетические соответствия по разным языкам: начальное согласное *-t/d*, первого гласного *-e/ä/a/i/u*, среднего согласного *-ŋ/n/j/g/x/o*, второго гласного *i/e/y/a*. При многочисленных изменениях гласного и других согласных неизменным остается конечный сонант *-r* [Там же, с. 377]. Очень важно, что, отмечая архаичность этого

слова, К. Мусаев доказывает свою позицию на основе фактов древнетюркских памятников, расшифровываемое обычно как *teŋri/tāŋri* (считает более правомерно расшифровывать его как *teŋir*) имело оба современных значения существительного: 1) 'небо', 2) 'бог' (здесь приводится пример из малой надписи Кюль-тегина) [2002, с. 377].

Слово *ŋgri* в монгольский язык вошло от тюрков, прежде всего уйгуров. Так считают монголисты. Б. Я. Владимирцов указал, что уйгурское слово *ŋgri* 'небо, небожитель' при сопоставлении слова «тенгер<tenggeri [ср. ойрат.-письм. *tenggeri*])//монг.-письм. *ŋgri~tengri*» [1929, с. 332]. К. Мусаев очень детально рассмотрел вопрос функциональности слова *tenger* в современных монгольских языках [2002, с. 379].

В эпоху войн Чингисхана сам завоеватель нарек себя сыном Неба, чтил Небо как бога, свою власть считал легитимной только с соизволения Неба и его защиты. Своему брату Шиги-Хутуку Чингисхан сказал так: «Когда с помощью вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство наше...» [Козин, 1941, с. 159].

Нам представляется весьма интересной этимология и семантика слова *köök*, которое звучит по-монгольски *xəx* 'синий, голубой'. К. Мусаев находит «первичную семантику слова *kook* – небо, как она сохраняется в тюркских и монгольских языках. М. Ряснен, А. М. Щербак, Э. В. Севортян считают эту форму тюркским архетипом» [2002, с. 381]. Слово *kökoči* 'верховный/небесный священнослужитель', состоит из основы *kök* и форманта *či* [Там же, с. 382]. У Чингисхана был шаман, Теб-тэнгэри, имевший титул кокочу. Он из рода хонхотанов, который поднялся против Чингисхана. Тогда он поручил борцам сломать у Теб-тэнгэри спинной хребет, так они умертвили его. Теб-тэнгэри значит 'прямо в Небо', а титул кокочу близок архетипу *kök*, следовательно, был верховным жрецом.

Слово *огторгуй* тоже означает лишь одно значение 'небо', является в отношении к слову *ŋgri* синонимом, но в нем нет семантики бога. Слово *küčün* 'сила', корнем которого является *küč* [по: Щербак, 1997, с. 128], есть древнетюркское заимствование в среднемонгольском языке. *Küč* представлен корнем слова *küč*, с суффиксом *-ün* образовано слово *küčün*, в тексте пайцзы дан с формантом дательного падежа *-dür*.

Yeke 'великий, большой'. Слово «*sū* (*sū*>*su*)» представляет собой интересное явление в грамматическом отношении. Д. Банзаров [1955, с. 128] строил такой семантический ряд слов: *sür* 'благоволение и недосыгаемость могущественного величия, авторитет', *sürtei* 'величественный, внушительный, страшный', *surdemu* 'страшусь, благоговее'. Такой взаимосвязанный в логическом плане ряд слов Н. Н. Поппе считает верным, на что Д. Банзаров указал впервые, но «не было, однако, дано каких-либо разъяснений насчет форманта -г в составе *sür*, вследствие чего образование это осталось не выясненным» [1941, с. 99]. Л. Лигети по поводу замечания Н. Н. Поппе в отношении Д. Банзарова писал так: «Что касается этимологии слов *suu* (*sü*>*su*), следует сказать, китайские и тунгусские деривации не дают основания на уйгурское происхождение слова, которое ныне вовсе не приемлемо... Мне кажется, старое сближение, предложенное уже Банзаровым, остается обоснованным и ныне, так, монгольское слово *suu* (*sü*>*su*) должно быть в одном формообразовании, несмотря на то что интерпретация древних суффиксов представляет трудности. Образование древних суффиксов монгольского языка должно быть еще изученным наиболее полно» [Ligeti, 1973, p. 7]. Очевидно, этимология слова *suu* (*sü*>*su*) остается пока не изученной до конца.

Этимологией слова *jali* интересовались те, кто занимался дипломатическими и эпистолярными документами эпохи чингисидов. «Этим словом переводчики тибетских сочинений передавали санскритское слово *чч* «обман, обман чувств», *Māṅā* у буддистов иногда, как сила, делает чудо. Если понятно вызывание призраков, то можно допустить, что *джали* у шаманов означало сверхъестественную силу неба... Настоящий смысл его должен быть: «Я отдаю свою защиту под покровительством могущества неба». Я мог бы точно перевести в надписи *джали* как сверхъестественное могущество» [Банзаров, 1955, с. 302]. Он же утверждал, что в словосочетании *џоу jali* (*џок джали*, или *дзали*) значит «могущество, чудесная сила» [Там же]. Впоследствии Л. Лигети предполагал, что слово *jali* имеет уйгурское происхождение. В приводимой словоформе *џоу jali* [Ligeti, 1973] он находил такую полисемию, как *eclat* 'успех, известность', *lustre* 'глянец, блеск, слава'.

Слово *igege* монголистами воспринято в фонетическом плане весьма разноречиво. Например, Габеленц читал его *кигэн*, однако он сам не был уверен в правильности этого чтения [Банзаров, 1955, с. 129], Л. С. Пучковский транскрибировал это слово неверно: *ibegedür* [Cleaves, 1953, p. 43]. Д. Банзаров замечал: «...когда я познакомился с изданным ярлыком Габеленца, то я прочитал игэн, что ныне найденной дощечкой подтверждается» [1955, с. 129]. Ученый пояснил, что «ихэн написано вместо игэн: это последнее с помощью уйгурского алфавита может быть передано не иначе, как через игэгэн, так как через второе гэ выражается как раз долгий слог, если теперь первое гэ заменим бэ, то получим слово ибэгэн, которое, несмотря на находящуюся на конце букву н, вовсе не отличается от ибэгэн, что, по Ковалевскому, значит: 1) защита, помощь; 2) милость, от ибэгэху 'помогать, защищать, покровительствовать'» [Там же, с. 130]. Слово *ibegen* найдено в тексте «Сокровенного сказания монголов» [Haenisch, 1957, s. 81], в текстах памятников квадратной письменности [Поппе, 1941, 151в]. Так, морфологическое объяснение Д. Банзарова не потеряло своего семантического значения до сих пор, ибо он пояснил морфологическое внутреннее изменение слов этих типов вполне правильно. Г. Н. Румянцев объяснение этого слова, интерпретируемое Д. Банзаровым, признал правильным. Он считает, что монг.-письм. *ibegel* < *ibegen* < *igege* произошло по таким дефинициям, в целесообразности которых нет никаких сомнений [1955, с. 294].

Имена золотоордынских ханов даны в родительном падеже как повелителей выдачи пайцз.

Вот слово *jarlig* 'указ, повеление' дано в подписях этих пайцз в форме *jrīg* без гласных, вместо слова *jarlig* [Cleaves, 1953, p. 3]. На такую орфографию указывает и Н. Ц. Мункуев [Münküev, 1977, p. 210].

Слово *ken* – это неопределенное местоимение первого лица, данное в именительном падеже.

Частица *ülü* является отрицательной, стоящая согласно порядку слов в монгольском языке перед глаголом, определяет его семантику.

Глагольная форма *büširekü* означает 'благоговеть', соответствует письменно-монгольскому *biširekü* [Поппе, 1941, с. 128] объяснена всеми монголистами верно. Транскрипция этого слова у Л. Лигети и Г. Румянцева дана в форме *biširekü* [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 284–287; Румянцев, 1955, с. 290]. Последний заметил верной в написании этого

слова в форме *bu-š'i-re-qu* на старописьменном монгольском – *büširekü* и в современном монгольском – *büširekü*, по А. Лувсандэндэву [1957, с. 71], на кириллице – *бишрэх*, что значит: 1) 'верить'; 2) 'благоговеть; почитать, уважать'. «Чередование *bu~bi* присуще как, например, древний монг.-письм. *visu*, ючбш, *vi-si Altan товči* (XVII), *visi*, древней, так и современной письменности и живому языку халх, бишир ...» Касаясь орфографии и фонетики двух форм одного и того же слова, отмечал, что «озвончение суффиксов причастного будущего времени *kü* (*qü*)→*qü*(*γüü*) является особенностью не только языка квадратной письменности», это явление свойственно некоторым другим диалектам, а также памятникам монгольской письменности Минской эпохи, дошедших до нас в китайской транскрипции. «Недостаточное количество фактов не позволяет нам утверждать это с большой определенностью» [Румянцев, 1955, с. 290–291]. Слово *kümin*, обозначающее кого-либо, кому будет адресовано это грозное повеление, стоит в винительном падеже.

Глагольная форма *alda-* в монгольском языкознании имеет полемическую историю. В каталоге Л. Лигети это слово дано в форме *al[daqu]: al[daqu üküü]* [Ligeti, 1972b, vol. II, p. 373], что дает повод для размышления. Н. Н. Поппе [1941, с. 129] писал, что слово *ala* – 'убивать' существует независимо от глагола *aldaqu*. *Aldaqu* не является формой страдательного глагола *ala* 'убивать', ибо глаголы, оканчивающиеся на гласные, образуют страдательные залоги при помощи суффикса *-yda*; что же касается суффикса образования страдательных глаголов *-da*, то таковой принимают лишь основы, оканчивающиеся на *l* (напр., *olda* – 'быть найденным' и *ol-* 'найти') [Там же, с. 128–129].

Что касается версии толкования этого слова, по Ц. Жамцарано, *alda-* 'разориться' имеет подтекст, означающий 'растерять' или 'лишиться всего', ибо строптивца обязательно накажут черные духи Чингисхана, находившиеся в тех местах, где ежегодно, по определению астрологов, проводятся тайлганы.

Слово *üküü* является основой глагола, находящейся в форме инфинитива, употребляется лишь в сочетании со словом *alda-*, так как они составляют единый компонент, хотя имеют близкие по значению смысловые нагрузки.

Н. Н. Поппе отмечал, что *jar tunqaq*, парное слово, бином, состоящий из *jar* и *tunqaq*. И то и другое значит «объявление». Мон-

гольское слово *tunɣuɣu* 'объявление', 'воззвание', халхаское – *tʰɯŋχak* id. 'манифест' [Поппе, 1941, с. 129].

Словоформа *тауун-и* дана в *тауун* во множественном числе от *тауи*, носит собирательный характер. Она находится в винительном падеже. Глагол *seregdekü* находится в страдательном деепричастии от *sere-* 'чувствовать' [Там же]. Однако это слово в форме *сэргийлэх* 'остерегаться', 'быть настороже' употребляется в современном монгольском языке [Лувсандэндэв, 1957, с. 376–377], основано на морфеме *сэрэх*: 1) проснуться; 2) подозревать, которые близки к слову *сэргээг*, особенно в сочетании *сэргээг байх* 'быть бдительным'.

Таковы лексико-семантические и грамматические особенности языка однотипной надписи на аналогичных пайцзах, относящихся к истории Золотой Орды, восходящей к Монгольской империи эпохи Чингисхана и его преемников.

§ 4. Монголизмы, объясненные Д. Банзаровым: лексико-семантический анализ и их место в русской лексикографии

2.4.1. Из истории написания работы Д. Банзарова

Один из членов Археологического общества Ф. А. Жиль написал статью о татарском вооружении, находящемся в музее в Царском Селе, в которой перечислил ряд вооружений и предметов военной экипировки, употреблявшихся в России в XIV–XVI вв.: байдана; бехтерец (кольчуга); колонтарь; юшман (юмшан); куяк. В конце своей работы он выдвинул перед ориенталистами того времени одну из интересных, вполне логически понятных для специалистов задач: «С помощью сравнительного труда, в высшей степени занимательного, можно было бы достоверно определить происхождение оружия, употребляемого в России от XIV до XVI столетия, таким образом, обозначить, какие оружия и вооружения принадлежали древним русским, какие ими заимствованы были от татар и вообще от восточных народов. Это потребовало бы содействия ориенталистов, которых сведения и проницательность были бы необходимы для разрешения этого вопроса» [1847, с. 51].

Задолго да этого были систематизированы одежды и вооружения российских войск генералом А. В. Висковатовым (1841 г.). Он издал альбом, который был просмотрен А. Ф. Жилем. Затем Д. Банзаров, опираясь на его статью, идентифицировал их, определил, какие из них являются чисто монгольскими на основе материала А. В. Висковатова.

Перед Д. Банзаровым стояла, казалось бы, простая задача – идентификация вооружений, на что главный упор сделал А. Ф. Жиль, однако на самом деле задача была намного сложнее.

2.4.2. Исторический экскурс

В своей статье Д. Банзаров сделал два важных замечания: каким образом вооружения восточных народов попали к русским, как они были заимствованы ими. «Говорят, что русские, признав превосходство монгольского вооружения, заимствовали его у них для побеждения врага его же оружием. Мне кажется к этому можно прибавить еще другие причины заимствования. Известно, что побежденные народы обязывались выставлять монголам войско для их походов, а потому и русские нередко должны были участвовать в их войнах, междоусобных или внешних. Тут не только русские знакомились ближе с вооружением победителей, но и последние сами могли требовать, чтобы русские воины вооружались как следует...» [1955, с. 165].

Сказанное Д. Банзаровым подтверждают сейчас историки Золотой Орды. Например, «кампанию 1236–1240 гг. по завоеванию Восточной Европы возглавляли 12 принцев, каждый из них привел свои собственные войска, общее руководство которыми осуществлял хан Бату» [Егоров, 1997, с. 54]. Приведем еще один красноречивый факт: «...в 1262 г. между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном вспыхнула война. Хан Берке начал обширную мобилизацию и при этом потребовал от великого князя Владимирского прислать в действующую армию русские полки» [Там же, с. 59]. Русские князья не раз вызывались в Кара-Корум, в столицу Монгольской империи, помимо вызовов их в ставку ханов Золотой Орды. Они, естественно, являлись владельческими лицами в торжественном военном облачении.

Еще одним из путей проникновения монгольских доспехов в русскую среду были подарки или заказы. «Сверх того, сохранившиеся

доныне в России доспехи и оружия принадлежали царям и знатым лицам» [Банзаров, 1955, с. 164]. Он же отмечал, что эти предметы «отличались роскошью, далеко не доступной для простого воина» [Там же]. Следует отметить, что при рассмотрении вооружений Д. Банзаров четко разграничивал статус воинов: богатого, влиятельного и простого, бедного. Он понимал сущность эстетизации вооружений, попавших к русским, ставших частью военных снаряжений и экипировок.

2.4.3. Названия русского оружия, толкуемые Д. Банзаровым: лексико-семантический анализ и их место в русской лексикографии

Д. Банзаров не придавал особой значимости рассматриваемой нами работе. Он писал об этом так: «Статью о монгольских названиях древних русских вооружений пришлю Вам скоро, но предупреждаю Вас, многого от меня не ждите» [1955, с. 224]. А. Г. Митрошкина оценивает ее высоко: «Труд его (Д. Банзарова. – В. Р.) имеет большую научную значимость» [2001, с. 144]. Это в противовес мнению самого Д. Банзарова, весьма скромного, когда это касалось его работ.

На наш взгляд, детальные описания пяти наименований русских вооружений легли в основу кратких, но емких по содержанию словарных статей этимологических и толковых лексиконов русского языка. Из массы оружий, представленных в альбоме А. В. Висковатова, ученый выбрал пять названий: бехтерец, куяг, тегилай, джид и сайдак. При этом он определил их статус свойства и полезности. Он считал вполне логично, что бехтерец, куяг и тегилай являются оборонительными средствами, а джид и сайдак – наступательными.

Д. Банзаров обрисовал предметный мир монгольского оружия в таких достаточно подробных деталях: 1. Куяк «доспех из круглых или четверугольных металлических пластинок, или блях, которые набивались на сукне, на бархате и т. п. У монголов доселе существует куяк, который делается из железных блях, пришитых к коже, или к какой-либо материи» [1955, с. 162].

К категории куяк, по-видимому, относились и латы (у Плано Карпини назван под именем «лат» (logica) [Там же], которые делались простолюдинами.

Э. Шавкунов [1987, с. 166] привел интересные сведения о латах, использовавшихся у древних мэн-гу в IX–XV вв., делали их из шкуры акулы, защищавшей людей от шальных стрел. Очевидно, куяки являются такими же древними, как и стрелы, находившиеся на вооружении у многих кочевников. Никто из монголоведов не этимологизировал эту лексему. Г. Н. Румянцев привел длинный семантический ряд этого слова в тюрко-монгольских языках: «хиуау в монг. письм. языке существует форма *küge*, <монг. *küwe* = халх. *хó(ху)жак*», балт. *кõ хујик* ‘панцирь, кольчуга, забрало’, тюркск. осм. *күре* ‘серьги’, джагат. *күве* ‘панцирь’, шор. *кубе* ‘кольцо в струе’, кирг. *кујõ* ‘стеганный халат’» [1955, с. 304].

На основе этих выводов А. Г. Митрошкина [2001, с. 144] пришла к выводу о том, что *küge* – форма, взятая из монгольского письменного языка, киргизская форма *кујõ* (у Митрошкиной она дана в виде *кудо*. – В. Р.) являются исконными. Итак, они как бы вплотную подошли к этимологии этого слова. Однако это не этимология, этимологом могло быть слово *куяк*. А. Г. Митрошкина сближает словосочетание ‘стеганный халат’ к праформе *куяк*. По ее мнению, будто бы это значение бытует в говоре верхоленских бурят: *хуягаа хуяглаха* ‘долго наряжаться’ (неодобрительно). К. М. Черемисов [1973, с. 609] в словарной статье по этому слову делает пометку в словосочетании *хуяг номо* – доспехи в таких словах: «сбир., уст. слово», в словоформах даны *хуягаа хуяглаха* ‘одевать доспехи’, ‘вооружаться’. А. Г. Митрошкина отмечает верно, что от слова *хуяг* произошло старинное имя *Хуяг* (≈ *Хояк*) в монгольских языках. Такое имя дают новорожденным, чтобы в них обозначалось значение ‘крепкого’, ‘сильного’ как «бата» – ‘крепкий, стойкий’.

2. Бахтерец, или бехтерец, по Д. Банзарову [1955, с. 162], – это род кольчуги, у которой на бытовой, нагрудной и спинной частях были вместо колец по несколько рядов металлических дощечек. Название этого доспеха переделано, без сомнения, из монгольского *begter* (в транскрипции Банзарова – *бэктэр*).

Это слово, по Г. Н. Румянцеву, «имеет иранское происхождение, хотя и проникло в русский язык через посредство монгольского». Это его предположение. Затем он усомнился в правомерности такой этимологии. Б. Я. Владимирцов [1929, с. 212] показал, что семантизация этого слова состоит из такого ряда: монг.-письм.: *-begter* < тур. *vegter*,

джагат. *bekter* ‘особый род панциря’ [Румянцев, 1955, с. 304]. Последнее утверждение согласуется с мнением Д. Банзарова. Г. Н. Румянцев [Там же], ссылаясь на Т. А. Бертагаева и О. В. Иванову, пишет, что в словарном говоре бурятского языка бытует слово *bügterke* ‘накинуть’, например, узду на лошадь и *begter* ‘накидка’. В древности у монголов мужчина являлся защитником, воином, опорой семьи. У агинских бурят существует колыбельная песня, есть такие строки: «Бэгтэр тогтор хаяадаа, бүүбэйн аба хунжэлдөө» – ‘Бэгтэр-тогтор (оружие) на стене, отец младенца под одеялом’. Эти строки приведены у А. Г. Митрошкиной [2001, с. 144] и взяты из архива Ц. Ц. Бальжинимаевой.

Одного из братьев Темучина звали Бектером [Козин, 1941, с. 90], *Begter* [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 46], которого Темучин и Хасар из-за ссоры с ним убили выстрелами из лука. Такое имя встречалось у монголов в XIII в., о чем свидетельствует «Сокровенное сказание монголов» (§ 77). Эта лексема употреблялась в нарицательном значении, как показал Б. Я. Владимирцов. Например, русское имя Виктор произносится по-монгольски в форме *Бэгтэр*.

3. Тегилэй – это «доспех с короткими рукавами и высоким стоячим воротничком, толсто подбитый хлопчатой бумагой или пенькой ... Тэгэлэй, или дэгэлэй, ныне обозначает у них хуяк без наплечника и пол» [Банзаров, 1955, с. 162–163].

Что касается происхождения этого слова, то Д. Банзаров полагал так: «...название тэгэлэй от существительного тэгэл ‘шить, стежка’, происходящего от ‘шить’» [Там же, с. 163]. Г. Н. Румянцев [1955, с. 305] на основе словарных статей К. Ф. Голстунского строил такой семантический ряд словоформ: монг.-письм. *degel-debel*, халх. *del*, бурят. *дэль-дебел* и дегел ‘шуба, тулуп, платье, одежда’. Глагольная форма *degelekü* ‘задевать крюком, закрючивать’. Слово это явно производное. А. Г. Митрошкина [2001, с. 145] находит ландшафтный геоним, что встречается в форме *дэглээтэ* ‘крючковатый’. Е. И. Кычанов в занимательном очерке «Золотой век монгольской конницы», коснувшись вооружений монголов эпохи Чингисхана, писал так: «Другой вид доспеха “хатангу дегель” “затвердевший тэгэлэй” представляет собой некое подобие картины из ткани, войлока и кожи, простеганных и проложенных металлическими пластинами. Такие доспехи, надежные и легкие, не стесняли в бою» [1998, с. 242].

4. Джид – «метательное копьё». У монголов и сейчас копьё называется не иначе, как джида, или джада (*jida*) [Банзаров, 1955, с. 163]. А. И. Митрошкина нашла в монгольских языках *жад* (в современном монгольском), *жада* и *яда* (в говорах бурятских диалектов). «Личное имя с этой основой обнаружено у монголов – Жедан, где конечный – народ представляет антропосuffix» [Там же, с. 145].

5. Д. Банзаров дал праформы одного монгольского оружия в таких номинациях – сайдак, сагадак или саадак. «Русские так называли весь прибор для стрельня, т. е. лук с токтуем и стрелы с колчаном. У монголов и татар прибор этот называется садаком» [1955, с. 163].

Говоря об этимологии слова *саадак*, Л. Н. Гумилев относил его к лексике языка хуннов. Среди историков, изучавших язык хуннов, нет единого мнения в отношении языка племен, вошедших в состав хуннов. Лигети отмечает, что «хуннское слово, обозначающее “сапоги”, известное нам в китайской транскрипции, звучит “саадак” и не имеет аналогий ни в тюркских, ни в монгольских языках» [1980, с. 39]. Однако из этюдов К. А. Иностранцева явствует, что «связь его с хуннским словом “саадак” совершенно очевидна, так как хунны затыкали за голенище стрелы, которые не помещались в колчане, что понятно, ибо всего в колчане помещалось 30 стрел» [Там же]. Л. Н. Гумилев утверждал, что слово «*саадак* восходит, возможно, к той же тюркомонгольской языковой стихии, которая была еще в I тысячелетии до н. э., возможно также, что общность известных нам хуннских и монгольских слов объясняется культурным обменом между народами, которых тесно связывала историческая судьба» [Там же].

Стрелы как оружие возникли в глубокой древности, никто из археологов и историков-древников не рискует датировать их происхождение. Они были на вооружении у всех кочевников в военных и охотничьих целях, отличались большим разнообразием, делались из дерева (ивы или березы).

«На луки натягивались сухожилия и носили их в колчанах (гори-тах) вместе со стрелами». Такими их описала Т. Т. Райс [2003, с. 131], на основе найденных археологических раскопок в скифских курганах. «У колчана была обычно деревянная основа, покрытая драгоценным металлом или кожей, украшенной тисненными узорами величайшей тонкости и сложности – от зооморфических рисунков до геометрических орнаментов» [Там же]. Так, мы обрисовали предметный мир са-

даков, бытовавших у древних скифов, хуннов, тюрков и монголов в более позднюю эпоху.

Слово *садак* представлено в древнетюркской исторической лексикологии в большом разнообразии, которое зафиксировано в лексикографии тюркских и монгольских языков. А. Г. Митрошкина [2001, с. 145] на основе Опыта словаря тюркских наречий (СПб., 1893) выявила некоторые закономерности вариации словоформ *саадак*. Она пишет, что «в тюркских языках наблюдаются соотносительные формы, в древнетюркском -*ја*, в тюркских говорах -*са/-ја* ‘лук’; *саадак* ‘колчан’; *саудак/саадак* ‘лук’ (для стрельбы); *сагах/сагак* ‘колчан’. Таким образом, в тюркских языках наблюдается соответствие звуков *ј* с в родственных корнях, а звукокомплекс *а* представлен в суффиксальных образованиях со значениями “лук” и “колчан”». По мнению диалектолога А. Г. Митрошкиной, семантические изменения слов «лук – колчан» обусловлены смежностью реалий [Там же].

Обратимся к лексическим единицам современных монгольских языков с семантикой слов *лук – колчан*. Слово *саyаdау* зафиксировано в монгольском письменном языке, которое соответствует в халха-монгольском *саадак* ‘колчан’ у Б. Я. Владимирцова [1929, с. 325] в образовании редуцированных гласных. У него это слово дано в форме *саадак* < *саyаdау* ‘колчан’. В словаре [БАМРС, 2002, т. 3, с. 60] слово *саадаг* < *саyаdау* ‘колчан’ (для стрел); ‘футляр для лука и стрел’. В современном бурятском языке словоформа *haаdaг* < *саадаг* имеет ряд модификаций: *зайдаг*, *саадаг*, *сайдаг/haадаг*. Вышеприведенные словоформы составляют первый ряд, а во втором ряду найдены слова *няа*, *няадатай няанай*, *няаха*, *яа*, *янтай*. Из них этимологически прозрачными являются *саадаг/haадаг* – от письменного монгольского *саyаdау* ‘колчан’ (для стрел).

Форма *haадаг* имеет место в бурятских говорах как вторичная по отношению к *саадаг*, которая, в свою очередь, в монгольских языках образовалась в результате ослабления интервокального -*h* с последующим выпадением его и стяжением однородных гласных в один долгий -*aa* [Рассадин, 1982, с. 39]. Сравним также монгольский письменный *саyah* ‘самострел’ [Митрошкина, 2001, с. 145]. Она как антропонимист находит в слове *haадаг* апеллятив *haадагтай* ‘имеющий колчан (со стрелами)’ вместо табуированного *хубүүн* ‘мальчик,

мужчина» и имена *Наадаг* и *Саадаг*. «От этих форм личных имен образовались соответственно фамилии Садыков и Хадыков» [Митрошкина, 2001, с. 145].

А. Г. Митрошкина проанализировала слово *саадаг* в структуре этой морфемы. На основе наблюдений Б. Я. Владимирцова [1929, с. 369] выявлены соответствия между -н/-ј [Митрошкина, 2001, с. 146]. Она выделяет первые слоги приведенных нами словоформ, которые представлены инициальными согласными: -с, -з, -н, -народ, -ј, что образуют слоги *-саа, -сай, -зай, -няя, -яа*. Таким образом, безаффиксальные формы в своей основе имеют аппеллятивный элемент *-яа, -няя, -са* со значением 'лук', аффиксальные *-зайдаг, -сайдаг, -няадаг* имеют значение 'колчан (для стрел)' и произошли от слова со значением 'лук'. «Причем сайдаг есть исконная тюркская форма, а в зайдаг имеет место озвончение глухого свистящего -с в звонкой -заа-баринууд при заимствовании в отдельных бурятских говорах» [Там же].

Этимология слова *садаг* как заимствование из языка гуннов, хотя это догадка спорная, по-видимому, исторически и социально вполне осязаема и вероятна. Очевидно, поздняя тюркская форма *сайдаг* тогда была принята в виде военного термина – историзма, но не архаизма. Н. А. Баскаков [1993, с. 7–8] указал на статью А. М. Селищева, который отнес имя *Саадаг* как попавшее в русскую номенклатуру антропонимов через тюркское посредство.

На наш взгляд, это слово попало в русскую лексику в нарицательном значении, о чем еще в XIX в. писал Д. Банзаров. Н. К. Дмитриев отмечал, что оно заимствовано в русский язык давно. В языке художественной литературы введено А. К. Толстым*. Вслед за Д. Банзаровым, О. М. Ковалевский, А. А. Бобровников и В. В. Григорьев дали свои объяснения в «Материалах...»** [1854, т. 1], первый из них слово *сагайдак* 'лук, орудие для метания стрел', или 'колчан' [Там же, стлб. 379], А. А. Бобровников [Там же, стлб. 196] объяснял их как заимствования от монголов и калмыков. В. В. Григорьев [Там же, стлб. 20–21] слово *сагайдак* считал тюркизмом.

* Толстой А. К. Князь Серебряный. – М., 1958. – С. 29.

** Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. Т. 1, 2. – СПб., 1854.

Эти краткие словарные объяснения, данные Д. Банзаровым, О. М. Ковалевским и А. А. Бобровниковым, легли в основу словарных статей и толкований по монголизмам, попавшим в лексику русского языка, стали словниками этимологических словарей русского языка и толкового словаря В. И. Даля.

Слова *сайдак*, *сагадак*, или *саадак*, даются в словаре М. Р. Фасмера в трех кратких словниках, очевидно, составитель следовал Д. Банзарову. Он, в отличие от своего предшественника, словники давал в сравнительных тюрко-монгольских толкованиях. В. И. Даль включил в свой «Толковый словарь живого великорусского языка» все монголизмы, предложенные Д. Банзаровым, с той разницей, что отразилась в специфических провинциализмах, в которых давались их объяснения с учетом семантики носителей местных диалектов, где они им зафиксированы впервые. Например, у В. И. Даля [1991, т. 4, с. 393] даны слова *тартуй*, *тахтуй* ‘чехол на него, т. е. налучник’.

К сожалению, эти слова из лексики монгольских и тюркских языков сейчас стали архаизмами, эти предметы превратились в музейные раритеты как историческая память давно ушедших времен, а термины из военной лексики монгольских языков пополнили запасы словарных пластов русской лексикографии, их заметный след оставлен в этимологических словарях славянских языков.

§ 5. Гипотеза Д. Банзарова по этимологии «саха-якут» и ее версии в бурятском и якутском языкознании

Как известно, Д. Банзаров полгода провел в Петербурге, ожидая решения Сената, чтобы выйти из казачьего сословия, затем поступить на службу. Тогда он выполнял поручения Петербургской АН в Азиатском музее, который курировал О. Н. Бётлингк. О. Н. Бётлингк работал как раз над своим трудом «О языке якутов», ставшим впоследствии классическим в русской тюркологии. Д. Банзаров был рядом с ним. По свидетельству Е. И. Убрятовой, «многие высказанные Д. Банзаровым суждения о якутском языке, отраженные в трудах Бетлингка, сохранили свое значение. Так, Банзаров дал Бетлингку свое объяснение слова «якут» – русского названия якутов как монгольской формы множественного числа от самоназвания предков якутов -*јака*, к которому восходит слово «саха» – их современное самоназвание.

Это предложение Д. Банзарова, принятое О. Н. Бётлингком и приведенное им во «Введении» (Böhtlingk, 1851, s. XXXIV), подтверждается данными сравнительно-исторической фонетики тюркских языков (соответственно тюркский *j/як* С., а также тем, что якутов до сих пор соседние народы называют *екэ/эвенки* ; *иёка/ёка* ; *якут/яхад* . В русских документах якуты первоначально назывались двояко: якуты и *яколь(цы)* . Эти слова представляют собой формы множественного числа монгольского *jakut* и эвенкийского *joko-t*» [Убрятова, 1973, с. 23–24].

«При создании “Якутско-немецкого словаря” О. Н. Бётлингком консультантом у него по монгольским языкам был уже упоминавшийся нами Дорджи Банзаров. Оба они считали, что для слова “якут” характерен формант множественного числа монгольских языков -д» [Дондуков, 1978, с. 52]. Он же сделал одно важное сообщение для монголистов-лингвистов: «...начальный сонант *j* тюркских и монгольских слов в якутском языке последовательно заменяется на *с*, поэтому бурятское “яхад” стало “саха”, однако формант -д, свойственный множественному числу монгольских языков, в якутском не привился, в русском же он сохранился в виде -т (якут)» [Там же, с. 53].

При рассмотрении слов *саха* и *якут* лингвистами выделены три аспекта: это лексико-семантический, фонетический и морфологический. В слове *саха* выступает этимолом *jaq* ‘сторона’, *jaqa* ‘ворот, воротник’, семантика которых подсказывается историей этого слова. В. В. Радлов [1899, с. 9] расширял границы содержания этого слова на лексических источниках многих тюркских языков и наречий, а вот слово *йаха* означало ‘воротник’ и ‘берег’.

В связи с объяснением этих слов уместно обращаться к номадологическому дискурсу: «тюрки-монголы» – «тунгусо-маньчжуры» [Рыкин, 2003, с. 240–241] с той разницей, что круг замыкается на этот раз снова тюрками-якутами, вытесненными из Баргуджин-Токума.

* Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. – М., 1958. – С. 152.

** Цинциус В. И., Ришес Л. Д. Русско-эвенкийский словарь. – М., 1952. – С. 690.

*** Русско-бурятско-монгольский словарь / Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. – М., 1954. – С. 773.

**** Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Ч. 2. – СПб., 1875. – С. 564.

Н. К. Дмитриев назвал этимологию утилитарной лингвистикой, наглядно показал парадоксы или метаморфозы этимологизации. Он привел очень любопытный факт пути и «мытарств» слов, данных через разные языки в таком ярком описании: «...для ботаников “арбуз” проделал длинный путь через португальский ‘плод’ (1 путь) и другой путь – через Иран, что видно из ‘orange’, восходящее к персидскому ‘наран’ж’. Наконец, к русским пришел через немецкий прототип *arfelsine* ‘яблоко Китая’» [1958, с. 5].

Н. С. Щукин [1844] писал: «Мангазейские казаки, покорив виллюйских тунгусов, узнали от них, что далее к востоку обитает народ еко. От “еко” произошло екот, а потом и якут». Это же повторили и позднейшие исследователи.

По мнению А. К. Сивцева, это эвенкийский фонетический вариант слова *сах* [1973, с. 182]. Он же сближает слова *еко* и *юка*, от последнего компонента возник этноним *юкагиры*. Вот «мучительный» путь слова *еко* от эвенков к якутам.

Как известно, якуты, по народной этимологии, произошли от уринхайцев, живших в древности, в домонгольскую эпоху обитали на территории Забайкалья и Прибайкалья. А. К. Сивцев пытался доказать, что «прежнее название якутов было ураанхай, а потом к этому слову прибавилось эвенкийское “Саха”, впоследствии вытеснившее его» [Там же, с. 181]. Очевидно, так думал и Г. В. Ксенофонтов, назвав свою монографию «Ураанхай-сахалар».

Возвращаясь к эвенкийскому варианту объяснения слов *сах*→*якут*, следует обратить внимание на замечание У.-Ж. Ш. Дондукова: «С эвенками же русские встретились только на Ангаре» [1978, с. 52]. На этот раз миграция этого слова У.-Ж. Ш. Дондуковым дана от эвенков через бурят к якутам. Тогда события разворачивались на территории Приангарья, что немного западнее бассейна реки Вилюй.

История слова *сах*, из *jako* превратившегося в *якут*, может быть вполне понятной, если ее рассмотреть лишь лексически.

Так, А. К. Сивцев на основе показаний Г. М. Василевич утверждал, что «на северо-байкальском диалекте эвенкийского языка имеется слово *сах* со значением ‘серый’, которому в якутском языке соответствует слово “борон”». В якутском олонхо бытует эпитет-словосочетание ‘борон ураанхай’, что переводит Э. К. Пекарский как ‘смуглый урянхаец-якут’» [1973, с. 180–181]. Он пытается это аргу-

ментировать путем сопоставления слова *борон* от монгольского *бор* через бурятское *боро*, причем А. К. Сивцев полагал, что это слово исконно якутское. Простое словоизменение дает такой лексический ряд: *бор*→*боро*→*борон*. Так слово семантически произошло от монгольского через бурятское. Его вывод достаточно краток: если считать слово *сах* иноязычным, т. е. эвенкийским, то как-то оно делается адекватным слову *борон* 'серый'. Отсюда явствует, что *борон* 'серый', или 'серко', восходит к тотемному статусу отдельных якутских кланов, хотя в прямом смысле слова – это масть животного. А. К. Сивцев извлек из словаря И. И. Захарова слово *сахали* 'черный' от него производное *сахалту* 'черный, черномазый' [1973, с. 181].

А. К. Сивцев отмечал, что долгане, жившие среди эвенков, оказались далеко на севере, себя они называют *сах*, слова *якут* у них нет. Это очень любопытный, труднообъяснимый факт в якутской лексикологии. А. К. Сивцев считал, что «слова “сах” и “якут” совсем разные, потому их сопоставлял. Отсюда у него получается, что “якут” не есть эвенкийский фонетический вариант слова “сах» [1973, с. 180–183]. Его версия объяснения слова *сах* основана на лексическом материале якутского языка.

Другой вариант дан лингвистом П. Барашковым, который писал так: «С фонетической точки зрения название “сах” соответствует тому же эвенкийскому “яко” (екэ). Это происходило так. В начале якутского слова никогда не встречается согласный “й”, потому что он по способу образования относится к слабым согласным, а в начале якутских слов бывают только сильные, или взрывные, согласные. В соответствии с этим правилом эвенкийский начальный “й”, имеющийся в слове “яко”, видимо, был заменен якутами сильным переднеязычным “с” или гортанным звуком этого типа. В результате вместо эвенкийского “я” появилась в якутском произношении “са”. Второй слог “ко” принят якутами почти без серьезного изменения как “ха”. Дело в том, что эвенкийский заднеязычный “к” после гласного “а” переходит в якутский увулярный “х”: конечный гласный “о” (“ко”) преобразуется в якутский “а” в соответствии с законом гармонии гласных, так и получился слог “ха» [1977, с. 126–127]. Тождество названий *сах* и *якут* им доказано вполне убедительно. Это его версия, которую он подкрепил фактами разговорного якутского языка.

Таким образом, у А. К. Сивцева и П. П. Барашкова по этимологии названий *сах* и *якут* были диаметрально противоположные мнения.

Есть и тюрко-монгольские объяснения слов *сах* – *якут*, данные О. Н. Бётлингком и Д. Б. Банзаровым, их последователями Е. И. Убратовой и У.-Ж. Ш. Дондуковым. Как известно, Д. Банзаров не оставил никакой работы по этимологии названий *сах* и *якут*. Поэтому рассмотрим позиции У.-Ж. Ш. Дондукова по гипотезе Банзарова – Бетлингга. У.-Ж. Ш. Дондуков [1978, с. 51–93; 1997, с. 93–94; 1997а, с. 3] посвятил проблематике этимологии названий *сах* и *якут* несколько статей, в которых развивает идеи Д. Банзарова и О. Бётлингга.

Название *сах* генетически связано с лексикой древнетюркского языка. Оно зафиксировано в такой полисемантике *jaq* ‘сторона’, *jaqa* ‘ворот, воротник’ [ДТС, 1969, с. 237].

У.-Ж. Ш. Дондуков, отталкиваясь от постулатов своих предшественников-тюркологов, пишет: «для доказательства, что “якут” и “сах” – это одно и то же слово по своему происхождению, можно сослаться на системное фонетическое чередование, имеющееся в тюркских языках. Например, звуковое чередование “j” на “c”: татар. “jul”, а в якутском это слово звучит как сол ‘дорога’. Отсюда произошло то же чередование “яха” и “сах”, как себя называют якуты» [1962, с. 94].

В противовес Н. С. Щукину, он утверждает, что западные буряты сообщили русским первопроходцам, что дальше их земель обитает народ *jaxad* ‘окраинные’ [Там же]. «Буряты называли якутов в прошлом “захын улас” ‘окраинным народом’» (здесь уместно вспомнить происхождение названия украинцев), ибо, по представлению бурят, якуты проживали на окраине Азиатского материка. Кроме того, у монголов также есть народность дзахчин, занимающая юго-западную окраину Монголии [Он же, 1976, с. 135]. Слово *сах*, как и *якут* на почве якутского и эвенкийского языков не этимологизируется, поэтому считает его монгольским, точнее бурятским. В свете сказанного гипотеза Банзарова – Бётлингга становится более вероятной. Следует заметить, в разговорной речи якуты больше всего говорят, откуда они, чем о народе. Так, это название было дано соседями, затем оно

упрочилось, попало в лексику якутского языка. Самоназвание *уринхай* было забыто, заменено словом *саха*.

По этимологии слов *саха* и *якут* среди ученых нет единого мнения. Название *саха*, по-видимому, возникло после их прихода из Баргуджин-Токума, на территорию, где ныне живут якуты. Такой даты в истории якутов нет, ибо название, данное якутам соседними народами, дошло до русских колонизаторов значительно позднее, до нас – в резко измененном виде.

В бурятском и якутском языкознании есть лишь одни версии этимологии слов *якут* и *саха*, остаются в этом деле немало спорных, диаметрально противоположных точек зрения.

*Подумайте, что все эти слова,
собранные вместе, есть творения души,
плоти и крови народа и всего человечества.*

А. Франс

ГЛАВА 3. Монгольская лексикография с XIII в. до 50-е гг. XIX в: вопросы преемственности и взаимовлияния

§ 1. Монгольские лексикографические источники и глоссарии в трудах мусульманских, армянских и грузинских ученых, словари, изданные в Китае в XIII–XVI вв. при Цинской династии (1644–1911 гг.), а также тибетско-монгольская лексикография

Монгольская лексикография исторически возникла в XIV в. Самые первые двуязычные и полиязычные словари составлены учеными арабо-персидского мира. Проявив интерес к языку монголов, армянские и грузинские историки создали свои небольшие глоссарии в политических и экономических целях. Затем сложилась монгольская лексикография в Китае, интенсивнее она развивалась в Тибете и Монголии.

3.1.1. Монгольские лексикографические источники и словари в трудах мусульманских, армянских и грузинских ученых

В древности монгольский функционировал только на бытовом уровне. Памятники монгольского языка относятся лишь к XIII в. Л. Лигети поэтому писал так: «Эту дату мы должны понимать механически. Бесспорно, что состояние монгольского языка, зафиксированное в этих памятниках, не связано только с XIII в. Дело в том, что это же состояние монгольского языка, диалекта памятников, могло быть место за 100–200 лет до XIII века» [1955, с. 137]. Объединив разрозненные земли и мелкие ханства в одно крупное государство, Чингисхан назвал его Великой Монголией, взяв за основу этот этнос.

В те времена не могло быть и речи о лексикографии. Был ли к XIII в. единый монгольский язык, остается пока делом будущего, когда найдутся неизвестные доселе памятники протомонгольского языка.

Когда возникла огромная империя Чингисхана и его преемников, язык их возродился не только в сердце Центральной Азии, но и далеко за пределами Монголии. Так, составлены полиязычные глоссарии и словари, имевшие научные и практические ценности. Н. Н. Поппе [1929, с. 114–117] выделял в истории монгольской лексикографии несколько этапов: вклад мусульманских, китайских, европейских путешественников, ученых-филологов и историков. Итак, период XIII–XVI вв. составляет первый этап возникновения и развития монгольской лексикографии, появившейся благодаря усилиям иностранных лексикографов в эпоху владычества монгольских ханов и ильханов. Н. Н. Поппе вполне справедливо писал, что «перед монгольским языкознанием имели наибольшие заслуги народы мусульманской культуры ... количество лингвистических работ не так велико, их стоит здесь перечислить» [Там же, с. 114] и по мере возможности их необходимо рассмотреть в историческом и лингвистическом контексте. Очевидно, у монголистов впервые интерес к наследию авторов мусульманского культурного сообщества возбудил выдающийся тюрколог П. М. Мелиоранский, нашедший арабский текст и издавший его в большой археографической работе «Араб-филолог о монгольском языке» [1904, с. 75–171]. В. В. Бартольд [1906, с. 587] считал, что он всегда «сознавал себя не историком и не филологом (в смысле исследователя литературных памятников народа), а лингвистом, для которого язык сам по себе является не средством, а целью изучения», работая над грамматиками турецкого языка, составленными арабоязычными авторами, он обнаружил уникальный и богатый в лексическом и грамматическом плане арабский текст [Мелиоранский, 1904, с. 75–97], в котором была обнаружена монгольская лексика в арабском написании. Он перевел текст на русский язык. Указывая прямо на автора, у кого он позаимствовал, он как ученый застраховал себя от ошибок других лиц, не грешил присвоением чужого, четко очертил круг своих знаний по данному объекту исследования. Изучив досконально текст словаря, касаясь времени составления текста и его автора, выдвинул свою гипотезу: «Мы заключаем из этого, что монголы, которых знал наш автор, находились в близком общении с турками и были подвергнуты отуречению». Отметив об их аккультурации в массе завоеванных народов, предполагал: «Такого положения дела также указывает на Персию в эпоху Хулагидов... когда монголы впоследствии

растворились» [Мелиоранский, 1904, с. 155]. Ученый так и не установил точного времени появления текста вообще. Впрочем, ильханы Ирана, начиная с Хулагу (1256–1265) по Абу-Саиду (1315–1335), правили в течение столетия. По-видимому, он подразделил его на части, в четвертой части включен материал по монгольскому языку [Мелиоранский, 1909, с. 96–103], на основе чего он составил глоссарий [Там же, с. 98–154] и комментарий к нему [Там же, с. 155–171]. Вслед за глоссарием Мелиоранский написал грамматический очерк [Там же, с. 154–155] по этому тексту, в который вошли подразделы по фонетике и правописанию, именам, местоимению [Там же, с. 166–168], числительному, глаголу [Там же, 168–171].

Арабско-монгольский глоссарий, состоящий из 19 глав, был расположен по тематическому принципу. Следует отметить, что тематика глав весьма разнообразна и охватывает все сферы жизни и быта человека того времени. При создании глоссария составитель опирался на словари Шмидта, Ковалевского и Голстунского. Пользовался ими весьма широко, о чем говорят его ссылки на эти лексикографические источники. Он также прибег к помощи А. Д. Руднева, например, слово *bolxi* «сварившийся» дан по Рудневу [Там же, с. 129]. П. М. Мелиоранский считал, что словарь был анонимным. Однако Л. Лигети установил, труд «*Hilyat al-insān va ḥalbat al-lisān*» был написан Джамал ал-Дин Ибн ал-Муханной в начале XIV в. [1962, р. 4].

Надо отметить, что в XX в., когда востоковедение развивалось интенсивно, возникло взаимодействие разнополярных его дисциплин в одном направлении. Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе стали изучать иноязычное и инокультурное наследие в монгольском языкознании по ориентации тюркологов, что стало давать свои реальные результаты.

Затем были найдены словари, составленные мусульманскими авторами. Таковыми по времени появления и большими по объему были монгольско-персидский и арабско-монгольский глоссарии, приложение к известному кыпчакскому глоссарию, изданному в свое время Хоутсма в Лейдене в 1894 г. Монгольские глоссарии, дошедшие до нас в рукописи, датированы 643 г. Гиджары (≈1245 н. э.). Глоссарий, известный из книги М. Jh. Houtsma (Хоутсма), изучен и издан Н. Н. Поппе в 1927 г.

В лексике монгольского языка этого периода выявлены названия животных в труде историка Хамдаллаха Казвини (1339 г.), исследованном Н. Н. Поппе [1925, с. 195–208]. Труд Хамдаллаха Казвини назван «Нузхат ал-кулюб» ('Услада сердец'), в его космографической части были приведены персидские, тюркские и монгольские названия животных, автор статьи считает, что список названных животных «является любопытным для истории монгольских наречий документом» [Там же]. Список оказался весьма трудным для изучения, потому непонятными остались отдельные слова и термины. Н. Н. Поппе помогали советами и замечаниями И. Ю. Крачковский и Б. Я. Владимирцов, последний из них исправил много неточностей [Там же, с. 208].

Заслуги тюркологов в монгольской лексикографии, созданной в мусульманском научном мире, вполне реальны и ощутимы, о чем можно узнать из статьи А. К. Боровкова [1965, с. 57–101].

После работы Х. Казвини были найдены рукописи полиязычного словаря ал-Замахшари, озаглавленного *Muqaddimat al-Adab*, принадлежавшие библиотеке имени Авиценны в Бухаре в 1926 г.

Как нам известно, Н. Н. Поппе не был в Средней Азии. У читателя возникает вопрос, каким образом столь уникальный полиязычный словарь, каким являлся «*Muqaddimat al-Adab*», попал в руки монголоведа. Вот что сообщает в связи с этим В. М. Алпатов: «...рукопись нашел видный узбекско-таджикский ученый и писатель Фитрат в начале 20-х гг. в библиотеке бухарского эмира, передавший фотокопии в Ленинград» [1996, с. 96]. К несчастью, он был оклеветан, незаконно репрессирован, но выход книги в свет задерживался по полиграфическим причинам. Она издана намного позже, а «в корректуре пришлось из нее изымать упоминание о “враге Фитрате”» [Там же].

Труд ал-Замахшари дошел до нас в двух рукописях, наиболее важное лингвистическое открытие представляла вторая рукопись, переписанная катибом Дервиш Мухаммедом, датированная 898 г. Идисры (т. е. 1452 г. н. э.). Н. Н. Поппе отмечал, что «в этом экземпляре арабские слова снабжены переводом на персидский, тюркский (среднеазиатский литературный язык, так называемый “чагатайский”) и монгольский язык» [1938, с. 6], он же полагал, что «монгольская часть этого труда была составлена кем-то до 1492 г., так как 1492 годом датировал свою рукопись переписчик» [Там же].

Словарь Мукаддимат ал-Адаб определен учеными как «четырехязычный – арабско-персидско-тюркско-монгольский» [Поппе, 1938, с. 3]. Именно арабская часть словаря была исходной, так как персидская, тюркская (джагатайская) и монгольская являлись переводными. Джагатайский язык был литературным языком для населения Средней Азии. Монгольская часть этого полиязычного словаря вполне реально была дополнена знатным монголом, жившим в Маверннахре, вышедшим из рода джалаир, или барулас. Н. Н. Поппе, касаясь специфики языка монгольской части словаря, считал, что «материал может быть несколько более древним ... что доказывается значительным количеством языковых особенностей его, характерных именно для начала и середины XIV в. Этот язык является типичным представителем монгольской речи XIII–XIV вв., характеризуется сохранением начального “h”, сочетаний ai и ей на место aуc, eуi письменного монгольского языка» [Там же, с. 7].

Н. Н. Поппе до этой поры имел некоторый опыт работы над языком текстов мусульманских ученых: писателей, географов и историков. Например, он опубликовал статью о монгольских аналогичных названиях, обнаруженных Хамдаллахом Казвини. Научная обработка старинного материала для исследователя была трудной и крайне сложной. Автор должен был сочетать в себе превосходного знатока монгольского, который имел бы также познания в области арабского, персидского и джагатайского языков, для достижения серьезных результатов нужна была помощь арабистов, иранистов и тюркологов. Последние оказали автору неоценимую помощь в расшифровке и изыскании слов, словосочетаний, в объяснении лексики, простых и сложных фраз, идиом. Его консультантами были И. Ю. Крачковский, С. Е. Малов, Ф. А. Розенберг.

Н. Н. Поппе, отмечая микроструктуру словаря, писал так: «В словаре слова и фразы расположены в следующем алфавитном порядке, соблюдаемом не только в отношении первого слова фразы, но и в отношении также второго и всех последующих слов и фраз» [Там же, с. 91].

Для словарной статьи со словом *emeуi* «женщина» для объяснения микроструктуры словаря выбран ряд примеров. Например, *emeуin hekinî qudaldaba* «продали женские украшения», как *emeуin kökenî*

sütü bolba «груди женщины наполнились молоком» [Поппе, 1938, с. 154]. По данным Ж. Надмида, в монгольскую часть этого полиязычного словаря вошли более тысячи слов, словосочетаний и фраз. Он же замечает, что составитель употребил местоимение *энэ* «этот» больше чем 100 раз [1967, с. 154]. Так, лексика монгольской части имеет, безусловно, огромное значение для монгольского языкознания, в частности, исторической грамматики монгольских языков. Расположение слов и фраз, по мнению Ж. Надмида [Там же, с. 80], в синтаксисе монгольских языков имеет свои порядки и позиции, материал словаря в монгольской части неукоснительно следует нормам предложений арабского и персидского языков. Это свидетельствует о том, что составитель хорошо знал традиции и нормы арабско-персидской лексикографии того времени.

Монгольская часть словаря представляла немало трудностей и сложностей для исследователя. Н. Н. Поппе потратил на изучение текста монгольской и тюркской частей около 10 лет. Он разделил свою работу на три части – это фонетика и морфология, синтаксис автор не затронул, хотя некоторые элементы были в тексте в виде причастных и деепричастных оборотов, синтаксиса падежных форм; монгольско-тюркский словарь. Очевидно, без помощи коллег по арабистике и иранистике нельзя было выполнить эту работу. Н. Н. Поппе для удобства использования читателями составил четыре приложения, где объясняются мотивы и намерения автора.

Л. Лигети опубликовал небольшой по объему, но интересный фрагмент 4-язычного арабско-персидско-тюркско-монгольского словаря. Он был обнаружен в стамбульской рукописи турецко-персидского словаря «*Şamil ül-luḡat*», составленного приблизительно в конце XV или начале XVI в. Хасаном б. Хусейн б. Имад ал-Карахисири [Боровков, 1965, с. 98].

Полиязычный глоссарий «написан арабскими литератами в четыре колонки; в первой – арабские, во второй – персидские, в третьей – тюркские и в четвертой – монгольские слова. Слова в глоссарии размещены по тематическим разделам» [Там же, с. 98–99]. Л. Лигети предполагал, что «анонимный компилятор мог воспользоваться монгольской лексикографической традицией XIII–XIV вв., если не окажется, что монгольские материалы в этом глоссарии представляют словарь афганских монголов XV в., что, возможно, не исключено» [Там же, с. 99].

Гипотеза Л. Лигети о происхождении монгольской части подтвердилась при текстуальном изучении этого словаря. В действительности глоссарий оказался сокращенным вариантом «Мукаддимат ал-Адаб» Замахшри, по мнению А. К. Боровкова [1965, с. 99], он представлял одну из редакций этого списка. Корпус словаря расположен по тематическому признаку и разделен на главы (баб.) и отделы (фасл.) Предметный состав глоссария имеет 19 глав. Он сделан по известным порядкам идеографических словарей, например, глава 2: небо, небесные светила и т. д. (1.1, 10б – 15а), глава 12: одежда (1.1, 113а – 118б) и т. д.

А. К. Боровков [Там же, с. 100–101] проанализировал версии этих словарей, выяснил некоторые сходства и различия, отбор лексики. Он писал, что «теперь выясняется, что бухарский список “Мукаддимат ал-Адаб” оказывается не единственным списком с монгольскими глоссами, что имеет большое значение и для монголистики» [Там же, с. 101].

Кроме этих глоссариев найдены полиязычные: арабско-персидско-тюркско-армянско-монгольский словарь «*Rasūlid Hexaglot*» ал-Малик ал-Афдиля ал-Аббаса б. Али (между 1363 и 1377 гг.). Лексикографический труд был исследован П. В. Голденом (Golden, 2000). Обнаружен и многоязычный глоссарий «Шамиль ўл-Лугат» конца XV – начала XVI в., представляющий собой арабско-персидско-турецко-монгольский словарь [Ligeti, 1962, 1973].

Монгольский язык был исследован на лексической базе персидских средневековых памятников [Рыкин, 2003, с. 338] Г. Дерфером, издавшим книгу в 1963 г.

Несколько слов и выражений, названий монгольских этнонимов, собственных имен и титулов дошло до нас в труде Рашид-ад-Дина «Сборник летописей», который широко исследуется историками, географами и культурологами. Этот пласт непростых онимов и часть лексики XIII–XIV вв. остается пока для нас, лингвистов, заповедным полем.

Н. Н. Поппе относил к мусульманским авторам турецкого путешественника Эвлия Челеби, побывавшего на Кавказе в середине XVII в. Он составил небольшой список кайтакских слов. Этот глоссарий изучен В. В. Бартольдом [1968, с. 369–375]. Автором проанализи-

рован материал о кайтаках по данным Э. Челеби [Бартольд, 1968, с. 370]. Список, состоящий из 41 лексемы, из них 16 названий животных и птиц оказались чисто монгольскими. В идентификации этих слов автору помог Б. Я. Владимирцов: 1) *мори* «лошадь»; 2) *аджарга* «жеребец»; 3) *гювен* «кобыла»; 4) *кулун* «жеребенок»; 5) *нохой* «собака»; 6) *таулай* «заяц»; 7) *гахай* «свинья»; 8) *керулен* «белка»; 9) *булаган* «соболь»; 10) *чиноа* «волк»; 11) *темеген* «верблюд»; 12) *лооша* «мул»; 13) *хуер* «бык»; 14) *тэмэгу* «курица»; 15) *итавун* «куропатка» (итагу); 16) *бюдюкчин* «перепел» [Там же, с. 371]. Эти примеры из лексики кайтаков отражали состояние аккультурации языка пришлых монголов в иноязычной сфере местного населения. В. В. Бартольд предполагал, что монголы «могли быть потомками только выходцев из Золотой Орды или из государства персидских ильханов» [Там же, с. 372].

Вслед за Н. Н. Поппе эти материалы исследовал Ж. Надмид с точки зрения фонетики и морфологии среднемонгольского языка и монгольской речи XIV в., чьи изыскания немного отличаются от положений Н. Н. Поппе, несколько дополняют обретения предшественника, так как автор – носитель национальной культуры, внес свой сильный вклад [Надмид, 1962, с. 80–84].

В начале работы над монгольской частью словаря Н. Н. Поппе высоко оценил лингвистическое значение этого полиязычного словаря, особенно монгольскую часть. Она «содержит не только значительное количество отдельных слов, но также много связных предложений. Этому суждено будет сыграть большую роль в истории исследования монгольского языка в XIV в.» [1929, с. 115].

К этому же периоду относится так называемая рукопись Зирни, содержащая в себе «Персидско-монгольский словарь», состоящий из 600 слов. Эта рукопись издана Ш. Ивамурой (Sh. Iwamura, 1961). Автор исследовал язык словаря, опубликовал его текст, в этой работе участвовали Н. Осада и Т. Ямасаки, Н. Н. Поппе сделал предварительные замечания к рукописи Зирни.

По данным А. А. Дарбеевой, «японская миссия обнаружила рукописный материал в афганской деревне Зирни, опубликованный под названием “Zirni Manusript” (ZM)» (Iwamura, 1961). Н. Н. Поппе считает, что лингвистическая информация, содержащаяся в данной руко-

писи, характеризует язык этого документа как разговорную речь на диалекте марда монгольского языка, на котором говорят в Кундуре» [Дарбеева, 1996, с. 12].

Автором отмечаются особенности языка памятника, отражающего речь монголов Афганистана, описывается морфология данного языка, говорится о заимствованиях, пришедших из иноязычной среды. Язык «Zirni Manusript» изучали Л. Лигети, П. Поуха и др. «Язык рукописи ZM имеет много общего с монгольскими словарями на арабской графике, датированными XIV и XV вв., представляющими диалекты среднемонгольского языка, имеют зафиксированную близость с диалектами моголов Афганистана, в могольском языке сохранились рудименты первичной долготы благодаря наличию признака долготы гласных в окружающей языковой среде. Несомненно, в результате ассимиляции населения происходит вымирание монгольского языка в ираноязычной среде» [Там же, с. 13].

Монголы во время походов на запад соприкасались с разными народами, которые имели свою письменность, и отразили этот процесс в своих исторических записях. Например, до нас дошли небольшие глоссарии армянского и грузинского авторов. Б. Я. Владимирцов отмечал, что «монгольские слова, переданные армянскими писателями, в особенности Кирокосом (XIII в.), важны как лексикографический источник соответствующего периода истории монголов». Он же включил «монгольские слова и фразы, переданные анонимным грузинским историком XIV в., в актив лексикографии монголов, составленный иномонгольскими авторами» [1929, с. 43; 2005, с. 453]. Б. Я. Владимирцов [2005, с. 66–77] написал содержательную статью о вкладе грузинского историка XIV в. в монгольскую лексикографию. Он проанализировал небольшой глоссарий о названиях месяцев из календаря монголов, называемых циклом животных. Он определил текст историка-грузина как речь западных монголов XIII в. показал, насколько изменилась она с XIII в. в сравнении с современной речью. Дана фонетическая система, в конце статьи приведен список слов в алфавитном порядке и список морфем. Так, Б. Я. Владимирцов показал, насколько интересным был запас слов монголов у грузинского анонимного историка, данный глоссарий любопытен как лексикографический опыт в историко-этимологической лексикографии.

3.1.2. Региональная лексикография в Китае (XIII–XVI вв.) и при Цинской династии (XVII – начало XX в.)

Весомый вклад в монгольскую полиязычную лексикографию внесли китайские и маньчжурские филологи, педагоги и методисты-учителя.

Н. Н. Поппе считал «наиболее ценным трудом китайских ученых такие работы, как китайско-монгольский словарь “Хуа-и-и-юй”, относящийся к промежутку времени между 1368 и 1389 гг.» [1929, с. 110]. Б. Лауфер [1907, 1927, с. 9] писал, что Нирт (Хирз) открыл рукопись произведения «Хуа-и-и-юй» в 24 томах. Первый том содержит распределенный по предметам словарь, китайское значение слов в середине, монгольское слово в оригинальном написании справа и произношение в китайских иероглифах слева. В восьмом томе имеется собрание монгольских документов с китайским переводом. Очевидно, двуязычный словарь был учебным и предназначен для переводчиков. Ж. Надмид [1967, с. 73] отмечает, что словарь составлен по тематическому принципу, который в первой книге содержит 845 слов, состоит из 17 предметных тем. Он же отмечает, что Х. Лувсанбалдан и А. Бошиан нашли две книги этого словаря, опубликовали в журнале «Монгол хэл, зохиол, туух» (Монгольская филология и история) в 1959 г. № 2 в Хухэ-Хото во Внутренней Монголии. Ж. Надмиду удалось сравнить текст вновь найденных книг с содержанием первой книги, было обнаружено, что в этом томе немало ошибок и ненужных повторений, поэтому он склонен думать, что книги словаря сделаны несколькими людьми, которые не согласовали всю работу, в результате чего возникли в тексте ошибки такого рода. Ж. Надмид, исследовав особенности языка текста, пришел к выводу, что монгольская часть словаря отражает язык XIV в., обнаружены архаизмы и историзмы, отсутствующие в языке, немало ошибок и путаницы [Там же, с. 74–76]. Он привел текст письма, написанного уринхайским рабом Торгоچارом в переложении на современный монгольский язык. Текст письма проанализирован в лексико-грамматическом плане, им найден ряд непонятных слов, выражений. Это письмо написано по правилам этикета, регламентирующим отношения между простоллюдином и вельможей, определяется особый стиль общения с представителем высшего класса [Там же, с. 77–78].

Этот словарь, по его данным [Надмид, 1967, с. 74], изучен такими учеными, как Э. Хейниш, М. Левицкий, Ф. Кливз, ими осуществлены перевод и транскрипция с комментариями.

Н. Н. Поппе также указывал на «китайско-монгольский словарь 1598 г. “И-юй”, имевший определенную ценность как лексикографический труд в ряду китайских филологов» [1929, с. 116]. Б. Лауфер [1927, с. 10] упоминал составленный монгольско-китайский словарь «Хань-линъ» «Хо юань-цзе», по предметам при династии Мин. Он же [Там же, с. 13] считал большой монгольско-китайско-маньчжурский словарь (в 16 т.), отпечатанный в 1891 г., весьма удобным и нужным для исследователя.

Найдены и введены в научный оборот такие китайские лексикографические труды, как китайско-монгольский словарь «Хуа-и-и-юй» (1389 г.), который исследован и изучен Э. Хейнишем [Haenisch, 1937], и китайско-монгольский в честь Чжан Инжуя (1335 г.), изученный Л. Лигети [Ligeti, 1972a, vol. II, p. 36–50], им же открыт для лингвистики китайско-монгольский словарь «Чжюань и-юй» (1282 г.) [Он же, 1990, p. 279–344] и издан Д. Карой [Kara, 1990, p. 279–244]. Кроме них Ж. Надмид [1967, с. 51] указывает и на другие небольшие лексикографические источники, инкорпорированные в отдельные китайские книги, зафиксированные иероглифами.

«Сокровенное сказание монголов» – важный лексикографический источник в монгольской лингвистике. Усилиями многих ученых создан обширный ряд работ по транскрипции этого памятника. Наиболее ценным и достоверным в научном плане является труд И. де Ракевильца [Rachewiltz, 1972], в котором автор обобщил достижения своих предшественников. Э. Хейниш (1938) издал «Словарь “Сокровенного сказания монголов”» в Лейпциге. Ганс-Петр Фице, Эрик Вице-Матер и Хервит Цойнер (1969) составили и издали «Обратный словарь языка» «Сокровенного сказания монголов».

По данным Б. Лауфера [1927, с. 14–15], для учащихся составлялись полиязычные разговорники. В школах и училищах Пекина, наряду с другими языками, преподавался монгольский язык, для них и составлялись разного рода двуязычные, чаще всего полиязычные словари. Так, в XVI–XVII вв. изучение монгольского процветало в Китае [Там же, с. 11]. В период правления цинских правителей Юн-ло (1407 г.), Кань-си, Цянь-лун «монгольский язык был слишком рас-

пространен, чтобы существовала еще нужда в переводчиках», значение языка при династии Мин и Цин «скорее увеличилось, чем уменьшилось; потому что с включением Монголии в систему управления империей потребовалось содержание административного аппарата. В обязанности его, само собой разумеется, входили перевод китайских эдиктов и законов на монгольский язык и составление монгольских документов» [Лауфер, 1927, с. 8].

В период правления цинских императоров были составлены и изданы словари и разговорники под их патронажем. Таковы, например, полиязычный маньчжурско-тибетско-монгольско-уйгурско-китайский словарь, составлявшийся на протяжении многих лет группой ученых. Создание словаря шло очень долго, он появился на свет под названием «Зерцало маньчжурского языка» в 1708 г. «Словарь состоял из более чем 12 тысяч слов, классифицированных по 280 словарным статьям. Словарь 1708 г. послужил основой для двуязычного маньчжурско-монгольского словаря, составленного Ла И-дэном и вышедшего в свет в 1717 г.» [Мальцева, 1960, с. 263]. Работа над этим словарем продолжалась, тексты обновлялись и сокращались, в результате дополнительный объем увеличился в полтора раза. «Весь словарь, за исключением комментариев, был переведен на китайский язык, китайские слова были снабжены маньчжурской транскрипцией, а маньчжурские слова китайской транскрипцией» [Там же]. Словарь был 3-язычным. Маньчжурско-китайско-монгольский лексикон был завершен в 1779 г. К этому источнику позже были дополнены тибетская и уйгурская части, так был создан в окончательном варианте 5-язычный. Цель создания состояла в пособии для переводчиков, в котором не давались толкования слов. «Словарь строится по темам (материям), имеет 29 разделов. Слова, включенные в словарь, отражают хозяйственно-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь Цинской империи XVIII в. Лексика каждого раздела подразделена на словарные статьи по принципу от общего, гнездового понятия, к мелкому, частному. Например, раздел “небо” разбивается на такие словники, как звезды, туман, облака, снег, дождь, град, роса, гром и т. д.» [Там же, с. 260].

Этот 5-язычный словарь, находившийся в рукописях в библиотеке Гугунского музея, был издан в 1957 г. в Пекине, содержал богатый лексический материал по данным языкам, имел большое познаватель-

ное значение в лингвистическом плане. Словарь стал важным и ценным источником для истории изучения этих языков, а также и для их сопоставительного анализа.

Цинские императоры, издавая словари, разговорники и пособия по национальным языкам, преследовали не только политические цели, но и практические задачи – регулярное воздействие на духовную жизнь подчиненных Китаю народов, с одной стороны, тибетский буддизм для маньчжуров был гарантом против поглощения их как нации китайским большинством – с другой.

3.1.3. Тибетско-монгольская лексикография

Тибетский буддизм, проникнув в Монголию, основательно укрепился среди духовенства. Буддизм был мощным фактором объединения стран Центральной Азии в противовес огромному китайскому влиянию. Н. Н. Поппе [1937, с. 201] вполне верно считал, что и «центрально-азиатская культура есть не что иное, как буддизм». Перед монгольским обществом ставилась задача перевода на монгольский язык Ганджура и Данджура. «Перевод Ганджура при Лигдан-хане имел социальный заказ, это мероприятие отвечало задачам этого хана, осуществлявшего разные формы борьбы за независимость страны» [Там же, с. 200].

Так, XVIII в. являлся бурным этапом переводческой деятельности монгольской интеллигенции в области пропаганды буддизма, ставшего частью духовной культуры всей Центральной Азии, а перевод энциклопедий буддизма на родной язык по идее независимых идеологов и патриотов должен стать гарантом сохранения самобытности монголов как нации.

Как известно, после вторжения в Индию великих моголов буддисты покинули пределы своей родины, обосновались в соседних регионах, где они насаждали свою религию, так ряд стран стали теократическими, в их числе был и Тибет.

* Пятиязычный словарь в Германии переиздан с дополнениями на немецком, от чего он стал еще больше, но этот лексикографический труд станет более доступным для европейских ученых, к тому же его раннее издание давно превратилось в библиографическую редкость.

Индийские пандиты в общем потоке буддийской культуры принесли и свою богатую лексикографическую традицию, которая прижилась на новой тибетской почве, нашла благодатную сферу влияния и укрепилась. Н. С. Яхонтова [2006, с. 262–263] указывает на двух индийских лексикографов, Амарасангху и Хемачендру, чьи труды имели огромное влияние на новую буддийскую среду в Тибете. Первый из них – автор словаря Амаракоша (Бессмертная корзина, VIII в.) и второй – создатель Абхидханачинтами (XII в.).

Словари писались в поэтической форме, в них включены имена и названия (эпитеты и синонимы) для мифологических персонажей и существ, предметов и отвлеченных понятий [Там же, с. 262]. Н. С. Яхонтова детально описывает микроструктуру словаря «Амаракоша», которая состоит из древнеиндийской мифологии, теонимии и атрибутивных субстанций неба, звезд и планетной системы.

«Санскритский словарь “Амаракоша” был переведен на тибетский язык в XIII в., а позже созданы аналогичные собственно тибетские словари, из которых самым знаменитым является словарь “Украшение ушей мудрецов”. Структурно и тематически он построен по подобию санскритских лексиконов» [Там же, с. 361]. По утверждению автора, корпуса словарей создавались уже на канонической лексике тибетского буддизма.

Так, индо-тибетская лексикографическая традиция утвердилась в Монголии, попала и в соседнее Забайкалье. Из поэтики в тибетском переводе «Амаракоши» в словаре «Украшение ушей мудрецов» много позаимствовал Р. Номтоев и включил в свой словарь.

Н. С. Яхонтова проанализировала лексику, микроструктуру корпуса тибетских словарей с точки зрения полноты передаваемых санскритских источников. Она пишет, что «...лексический пласт, с одной стороны, сохранил связь с санскритом (в частности, со словарем Амаракоша), эта связь претерпела изменения порою до неузнаваемости – с другой» [Там же, с. 364].

Знаток письменности тибетского и монгольского языков, исследователь тибетско-монгольской лексикографии, монгольский лингвист Д. Бурнэ в своей статье «Об актуальности изучения тибетско-монгольских словарей» наметила тенденции развития монгольской лексикографии, тем и были определены важнейшие труды по лексикографии тибетско-монгольского культурного мира XVIII–XIX вв.

Автор в этом содержательном обзоре характеризует историко-научную значимость трудов Брова Равжамбы Гунгѣжамца, а также «Мэргэд гарахын орон» (Источник мудрецов) – терминологический словарь под общим руководством Чжанжа Рольбий-Дорже, изданный в 1742 г., словари крупнейшего филолога и философа Агвандандара Алашанского, поэта Р. Номтоева и ряд ценных 2-язычных словарей, составляющих гордость тибетско-монгольской лексикографии, которые стали ныне классическими для изучающих буддизм Тибета и Монголии средних веков. Так, возник масштабный подъем переводческой деятельности среди монгольского ламства, осуществлявшего переводы Ганджура и Данджура на монгольский язык.

Д. Бурнѣ относит к числу первых значительных лексикографических трудов 2-язычные словари Гунгѣжамца, состоящие из трех самостоятельных работ. Первый словарь «Нэрийн далай» (Море имен) был предназначен для обучения детей правильному произношению. Второй «Угсийн далай» (Море слов) являлся по содержанию грамматическим словарем. А третий – «Нарны гэрэл» (Солнечный свет) – переводной. По свидетельству Г. Цыбикова, словарь был составлен в 1718 г., имел полное название: «Üčugen süg помоyатqalka-yin jirüken-ü-qaranqui-yi arilyan üyiledügči mingyan naran-u gerel kemekü» (Свет тысячи солнц, очищающий мрак укрощаемого сердца). «Этот словарь страдает отсутствием систематического порядка расположения слов, недостаточным богатством терминов и неправильным переводом их» [Цыбиков, 1991, с. 35]. Тем не менее Бурнѣ считает, что этот словарь – основа для составления новых словарей. Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма «Мэргэд гарахын орон» (Источник мудрецов) в монгольской феодальной лексикографии занимает почетное место. Он был составлен в середине XVIII в. коллегией образованнейших переводчиков из 40 человек под руководством Чжанчжа Рольбий-Дорже для изучения канонов Ганджур и Данджур и их перевода на монгольский язык.

Словарь имел огромный успех в тибетско-монгольском духовном мире, пользовался большим спросом во всех монастырях тибетско-монгольского буддизма. В. П. Васильев составил двухтомный «Буддийский лексикон», который имел прямое отношение к «Источнику мудрецов», но эта фундаментальная лексикографическая работа ученого до сих пор не издана. Б. В. Семичев предпринимал попытку для

его издания, но свое намерение так и не осуществил [Дандарон, Пубаев, 1968, с. 3]. Затем Б. Д. Дандарон и Р. Е. Пубаев [Там же, с. 4] планировали издать «Источник мудрецов» в пяти выпусках. Авторы составили и издали лишь первый выпуск этого словаря, содержащий разделы Парамита, Мадхьямика. Очевидно, остальные выпуски были запрещены, так как Б. Д. Дандарон стал тогда советским диссидентом, был арестован и отправлен в ГУЛАГ, где впоследствии умер.

Словарь охватывает важнейшие термины по 5 наукам. «Источник мудрецов» состоял из 11 разделов:

I раздел – Парамита, имел 60 листов, в котором перечислены термины по парамите и объяснены ее основные положения.

II раздел – Мадхьямика, где изложены учения школы шуньявадинов. Перечислены термины.

III раздел – Абхидхарма, дана терминология трудов Васубандху – перечисление 75 элементов (дхарм), а также Асанги – перечисление 100 дхарм.

IV – Виная. Устав и правила поведения буддийской общины. Термины взяты в основном из сочинений Асанги и Гунаправа, входящих в Данджур.

V раздел – Дуб-тай гор, говорится о различных философских взглядах, из буддийских указаны хинаянистические – вайбхашика и саутрантика, и махаянистические – йогачара и мадхьямика Д. Бурнэ [2005, с. 36] (в примеч. Сиддханта (grub mtha'i skor).

VI раздел – Тантра. Перечислены основные направления тантрийской мистики и дана терминология.

VII раздел – Логика. В основу терминологии положены труды Дигнаги и Дхармакирти и приводится терминология.

VIII раздел – Языкознание. Перечислены 64 алфавита, дана грамматическая терминология.

IX раздел – Прикладные науки.

X раздел – Медицина. Терминология взята из «Чжуд-ши».

XI раздел включает в себя архаизмы и неологизмы в тибетском языке.

Словарь «Источник мудрецов» был издан в Пекине, по-видимому, в 1742–1743 гг. [Дандарон, Семичев, 1960, с. 239–240].

По сведениям Д. Бурнэ [2005, с. 33], словарь был опубликован в 1988 г. в Пекине Жамьянтувдэном и Зоригтом в полном объеме, охва-

тывающим все 11 разделов. Издан он и в сокращенном виде в двух томах Рашсурэном в Хухэ-хото в 1998 г. Д. Бурнэ считает, что составитель внес некие новшества, а именно: «три заглавные тибетские слова он расположил в алфавитном порядке. Далее он приложил к словарю индексы переводной части тоже в алфавитном порядке, параллельно снабдив их тибетским указателем, тем самым сделал его удобным для широких пользователей» [2005, с. 33].

Лхарамба Агвандандар был не только видным философом, но и грамматистом, незаурядным лексикографом. По данным Д. Бурнэ, лхарамба Агвандандар – составитель трех словарей. Она называет почему-то в усеченной форме заглавие первого из них «Сарны гэрэл» (Лунный свет). Г. Цыбиков приводит его полное название «Nere utqayı todotqaycı saran-u gegen gerel kemeqdekü dokıyan-u biçig» (Словарь, именуемый светлым блеском луны, уясняющим смысл имен) [1991, с. 35], который был издан в 1838 г. в Пекине в типографии Сун-чжусы. Хотя он небольшой по объему, однако, по мнению автора, охватывает основные буддийские термины и слова. Словарь быстро стал весьма популярным и нужным для переводчиков. Перу лхарамба Агвандандара принадлежат словари архаизмов и неологизмов тибетского языка, а также орфографический.

Д. Бурнэ из массы самых нужных и ценных в лексикографическом отношении выделяет словарь «Хялбар сурах» (Как обучаться быстро и легко), полное название которого автор дает в примечании в такой транскрипции «Töbed üge kilbar surqu biçig şigüjü jasaısan oruşıbai» (Учебник для быстрого усвоения лексики тибетского языка по трем методам обучения), а оно также приведено и в тибетском оригинале «Bod kyı brda yig rtogs par sla ba zhes bya ba bcos zhus gyı zhus dag gsum song bu bzhugs so». Д. Бурнэ определяет этот словарь как первую часть лексикографической работы, составленную по методике Шалу Ринчена и Агванчойчжижамцо. Она же поясняет, что заглавные слова в словниках «охватывают сразу 5–6 лексических единиц, объединяющих строку по 9 слогов, не только в обычных словосочетаниях, а в стихах. Вторая часть словаря является глоссарием неологизмов, архаизмов и иносказательных выражений. Третья часть представляет собой краткий переводной словарь» [2005, с. 34].

В. Л. Успенский этот словарь назвал на основе тибетского заглавия как «Тагбар лаба» (тиб. rtags par sla ba) (Легкий для понимания).

Проанализировав все варианты данного словаря, доступные автору, установил, что он был полиязычным, предназначенным для переводчиков, составлен в I половине XVIII в. Успенский указал и имена его составителей. Говоря о важности и уникальности этого словаря, подчеркивал: «“Тагбар Лаба” представляет большой интерес и ценность для изучения монгольской лексикографии, принципов перевода с тибетского языка на монгольский и истории формирования собственно монгольской буддийской терминологии» [1986, с. 110–112].

В тибетско-монгольской лексикографии есть словарь «Лиши гурхан» (Li-chi gur-khan) (Гвоздичный замок), который был изучен Б. Я. Владимирцовым, определившим его «как изящное описание, показывающее различие между старыми и новыми словами тибетского языка» [2005, с. 138]. Д. Бурнэ утверждает, что этот словарь был создан тибетским ученым Жогом, переведен на монгольский язык и издан в 1742 г. [2005, с. 34]. Б. Я. Владимирцов дал этому словарю высокую оценку, считая, что он содержит в себе ценный и уникальный материал для исторической грамматики монгольских языков, рассмотрел всего 10 слов, имевших совершенно уникальную судьбу в истории монголов.

Д. Бурнэ как исследователь монгольской лексикографии отмечает ценность поздних словарей, составленных в XIX в. Она считает наиболее важными в научном плане словари Галсанжимбы Тугулдурова [Пубаев, 1965, с. 228–233], Суматиратны (т. е. Р. Номтоева) и других, отмечая, что традиция монгольской лексикографии не прекращалась и в XIX в., доля деятельности бурятских ученых лам в этом отношении весьма значительна и показательна.

Словарь Суматиратны был распространен в ксилографах. Издан отдельной книгой под названием «Töbed mongyol-un dokiyan-u bičig nere üge udqa yurban-a todurayulan qarangyui-yi arilyayčü yula» (Светоч, рассеивающий мрак в мире имени, слова и семантики). Издан в 1959 г. в Улан-Баторе.

В наши дни Д. Бурнэ и Д. Энхтор издали «Төвд монгол толь» (Тибетско-монгольский словарь) (2001), тибетский словарь с переводом на современный монгольский, составленный на основе словаря Суматиратны [Яхонтова, 2006, с. 365].

Р. Е. Пубаев опубликовал научное сообщение о Г.-Ж. Тугулдуурове и его тибетско-монгольском словаре. Автор писал: «Наиболее из-

вестным трудом Г.-Ж. Тугулдурова является тибетско-монгольский словарь “Светильник, разъясняющий значение слов”, который может быть признан первым в Бурятии словарем тибетского языка, если иметь в виду, что известный словарь Ринчена Номтоева был составлен в 1877 году» [Пубаев, 1965, с. 229]. Он дал краткие сведения о составителе, описал рукописный список и ксилографическое издание словаря, охарактеризовал его как словарь переводный [Там же]. Есть весьма любопытные наблюдения ученого о том, что составитель следовал принципам расположения слогов и слов по Шмидту и Дасу [Там же, с. 233], что говорит об обратном влиянии европейской лексикографии на тибетско-монгольскую.

Монгольская лексикография, созданная усилиями Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского, К. Ф. Голстунского, Г. И. Рамстедта и других, базировалась на богатой основе тибетских и монгольских лексикографов. Взаимодействие двух сторон нами будет рассмотрено в соответствующих параграфах третьей главы. В связи с этим уместно привести слова Д. Бурнэ: «Лексикографический опыт монголов чрезвычайно богат, а специальные исследования, направленные на изучение тибетско-монгольской лексикографии, отсутствуют» [2005, с. 35].

§ 2. Становление и развитие монгольской лексикографии в России и Европе в XIX в. Синтез восточных и западных достижений в монгольской лексикографии

3.2.1. Монгольские вокабулярии, глоссарии в полиязычных словарях русской лексикографии XVIII–XX вв.

Спустя 10–12 лет после Мессершмидта по тем же местам путешествовал и Герард Фридрих Миллер, записавший материалы по языку из уст качугских бурят-эхиритов, которые ныне представляют ценность в плане историко-языковедческого исследования. Г. Ф. Миллер в течение 10 лет описывал и обследовал архивы 20 сибирских городов, собрал огромную коллекцию по истории и культуре народов, которая в востоковедении названа «портфелями Миллера». Им был составлен латинско-аринско-котско-камасинско-бурятский словарь, включающий в себя около 300 бурятских слов, записанных им в 1735 г., которые даны в латинском переводе. По сведениям

Ц.-Д. Будаева [1992, с. 7], оригинал словаря находится в СПб ИВ РАН (ф. 21, оп. 5, д. 143). Копия его, по-видимому, хранится в ЦГАДА (см.: портфели Миллера, ф. 199, д. 529, ч. 2). В обзоре рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии к языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках, составленном Н. А. Баклановой и А. И. Андреевым [Миллер, 1999, с. 558, 560], обнаружены и приведены «словарь калмыцко-бухарско-латинский» (портф., д. 529, л. 1), «словарь монголо-латинский» (портф., д. 529, л. 2), лексикон калмыцкого языка (портф., д. 529, тетр. 4, л. 1–4), лексикон калмыцкий по диалекту контайских калмыков с прибавлением разности диалекта волжских (портф., д. 529, тетр. 5, л. 1–2), лексикон братский (портф., д. 529, тетр. 9, л. 25), лексикон мунгальско-калмыцкий (портф., д. 529, тетр. 11, л. 1–14).

Поворотным моментом в истории этой грандиозной собирательской деятельности путешественников-ученых по многочисленным языкам народов России явилось составление больших полиязычных всеобщих словарей. Касаясь бурятских источников этого полиязычного словаря, Н. Н. Поппе предполагал, что «самую древнюю попытку собрать некоторый материал по бурятскому живому языку сделал иркутский дворянин Иван Чемезов, составивший небольшие списки слов, озаглавленные: “Иркутской губернии перевод братского языка. Подлинный переводил иркутский дворянин Иван Чемезов в 1773 г. к “Перевод разговора братских иноверцев иркутского уезду”», хранящиеся в бумагах Аделунга в рукописных собраниях Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. При посредстве Иркутского губернатора Клички были собраны «слова и мелкие фразы на селенгинском наречии около 1779–1780 гг.» [1933, с. 46].

Эти материалы были переданы известному путешественнику и естествоиспытателю Петру Симону Палласу для подготовки их к изданию. Это поручение он выполнил в весьма сжатые сроки, опубликовав «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы Екатерины II» в двух частях в 1787 и 1789 гг. Издатель написал к ним пространное предисловие. Данный глоссарий хранится в музее книги Российской государственной библиотеки (РГБ) под шифром Ш4/87С, микрофильмирован, что можно найти по алфавитным каталогам РГБ, заказать его для чтения и работы по нему. Думается, он также хранится в отделе редких книг Рос-

сийской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге и Исторической публичной библиотеки. Этот универсальный глоссарий представляет собой предметно-тематический словарь, в основу которого лег лексикон, состоящий из 273 слов на русском языке, к ним приведены адекватные слова и выражения, взятые из лексического запаса 200 разных языков и наречий Азии и Европы.

По сведениям Ц.-Д. Б. Будаева, в этих полиязычных словарях содержится около 200 бурятских словоформ [1992, с. 7]. Рукописные материалы словарей хранятся в коллекции Ф. П. Аделунга в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) (ОР РНБ, ф. 7, архив Аделунга, оп. 812а).

Н. Н. Поппе отмечает, что «в этом сравнительном словаре содержится довольно значительное количество бурятских слов. Несмотря на неточную транскрипцию и множество искаженных слов, материал этот заслуживает внимания и теперь. В частности, на основании этого словаря можно установить, что за время, истекшее с момента издания его, бурятский язык не претерпел особенно резких изменений в своем звуковом составе» [1933, с. 46–47]. Однако он не подсчитал их в количественном плане, что сделал Ц.-Д. Б. Будаев. По сведениям С. К. Булича, имеется несколько многоязычных словарей, которые могли стать материалами для исторической грамматики калмыцкого языка. Он упоминает путешественника С. Г. Гмелина, составившего словарик татарских и калмыцких названий рыб, обитавших в Волге [Гмелин, 1783, с. 341]. С. К. Булич также указал на рукописный анонимный Словарь языка калмыцкого, содержащий около 3 тысяч слов, который находится в РНБ, в отделе рукописей (Эрмитажное собрание, № 221). Он проанализирован А. А. Бурыкиным и Э. У. Омакаевой [1999, с. 18–21], расценен как ценный памятник исторической лексикологии и лексикографии калмыцкого языка. С. К. Булич назвал еще анонимный полиязычный калмыцко-армянско-персидско-татарский словарь, относящийся к XVIII в., хранившийся тогда в библиотеке Азиатского музея (ныне СПб ИВ РАН) (отдел III, № 36). Ученый полагал, что этот словарь был черновым материалом для универсального глоссария, столь модного в ту эпоху [1904, с. 410].

Однако исследования по старинным калмыцким глоссариям ведутся очень вяло. Н. С. Яхонтова [1996] издала свою книгу о языке ойратов XVII в., которая построена на материале ойратской кодико-

логии, А. А. Бурькин и Э. У. Омакаева написали интересную заметку [1999]. В статье Д. А. Сусеевой [1996, с. 89–91] затронуты отдельные аспекты калмыцкой лексикологии и лексикографии, сделанные европейскими подвижниками науки.

Лексикографическое наследие прошлого по монгольским языкам дошли до нас благодаря успешной деятельности архивов и библиотек города на Неве. Оно оставалось вплоть до 60-х гг. XX в. вне поля зрения монголоведов, бурятоведов и калмыковедов. Заметим, что к достижениям русской ориенталистики XVIII в. у нового поколения востоковедов XIX в. сложилось по вполне понятным причинам негативное отношение. Они критиковали путешественников XVIII в., их исследования и добытые ими материалы признавались как недостоверные источники. Может быть, такими и являлись некоторые факты и данные, связанные со странами зарубежной Азии. Очевидно, это было веянием времени, перечеркнувшим все старое, дабы самим утвердиться во вновь создаваемом пространстве.

Исследования бурятских лингвистов по лексикографическому наследию XVIII в. говорят об обратном. При серьезном изучении полиязычных глоссариев нашлись положительные моменты. Например, Ц.-Д. Будаев отмечает ценность этих глоссариев для бурятской диалектологии. В указанных материалах сравниваются слова, бытовавшие тогда в трех основных монгольских языках: бурятском, монгольском и калмыцком, например, *Burätisch – Mongolisch – Calmuckischen Vocabularum* Г. Ф. Миллера [1999, с. 42]. Он подчеркивает, что «в материалах 18 в.» (ЦГАДА, ф. 199, портф. 693, д. 513; ОР РНБ, ф. 7, № 110) упоминается три диалектных образования (*Buraetice 1, Buraetice 2, Buraetice 3*), а также «селенгинское наречие», ср.: «Слова и фразы селенгинского наречия, собранные в 1779–80 гг.» (см.: ОР РНБ, ф. 7, с. 11).

Добавим лишь «*Mongolischer Wörterspiegel*» (Монгольский словарь) И. Иерига, составленный им в Забайкалье в резиденции хамбаламы Восточной Сибири, работа над которым шла в течение многих лет. Он остался в рукописи, хранится в научном архиве РАН в Санкт-Петербурге.

Таким образом, лексикографические труды русских ученых XVIII–XIX вв. были оценены по-настоящему лишь в конце XX в., как бы открыты заново бурятскими и калмыцкими лексикографами, это

видно на примере работ Н. Н. Поппе и особенно Ц.-Д. Будаева. Эти работы принесли пользу бурятскому языкознанию, обогатив историческую диалектологию бурятского языка материалами, доселе оставшимися вне поля зрения лингвистов-монголистов.

3.2.2. А. В. Игумнов – первый сибирский лексикограф

А. В. Игумнов был неутомимым исследователем Монголии, к сожалению, его труды по монголоведению издавались крайне редко, в большей части они дошли до нас в рукописях. Он был автодидактом, составил монгольско-русский словарь, который в конце работы «...увеличился до четырех огромных томов» [Пучковский, 1960, с. 178].

Среди ученых нет точных данных о начале работы составителя над этим словарем. О. М. Ковалевский указал дату начала его деятельности над словарем – 1778 г., его биограф Н. Щукин – более позднюю – 1787 г. [Там же, с. 177].

А. В. Игумнов не имел филологического образования, поэтому опирался на принципы словарей, изданных в Пекине. Например, он использовал как образец маньчжурско-монгольский словарь под названием «Составленное императором маньчжуро-монгольское зеркало слов». Из него А. В. Игумнов производил выборку монгольских слов, количество собранных слов за период с 1778 (1787) по 1824 г., составило около 12 тысяч, они были расположены в двух томах. В дальнейшем он использовал в качестве источников различные исторические, юридические, медицинские, буддийские и другие сочинения, имевшиеся в его домашней библиотеке. Так, в основу словаря А. В. Игумнова легли первоисточники, что являлось одним из главных его достоинств [Там же, с. 178]. Лексический материал он «расположил по корням слов» [Щукин, 1838, с. 92], такая методика составления словаря вызвала ряд трудностей в деле продвижения работы автором.

Л. С. Пучковский писал о работе А. В. Игумнова так: «...он не располагал словарный материал на карточках, вследствие чего техника составления словаря представляла для него большие трудности» [1960, с. 179]. Позже опыт подсказал ему другой способ расположения словников, входящих в алфавитном порядке. Он приступил к ра-

боте по-новому, «к приезду Ковалевского успел закончить лишь первый том. Точных сведений о содержании и объеме этого тома не имеется» [Пучковский, 1960, с. 179].

А. Н. Хохлов обнаружил в библиотеке Кяхтинского музея им. В. А. Обручева и в отделе рукописей ИМБТ СО РАН в Улан-Удэ две рукописи А. В. Игумнова [1992, с. 222–225]. Первая рукопись, хранящаяся в Кяхте, была озаглавлена так: «Монгольский словарь, расположенный по азбучному алфавиту с русским переводом». Рукопись состояла из двух томов, в которых имелись водяные знаки (1-й том – 1819 г., 2-й – 1833 г.). Второй том пострадал от пожара, скорее всего, в 1845 г.

Вторая рукопись этого труда имеет водяные знаки, имеются подписи его владельцев И. Турчеева и И. Муромова. По данным А. Н. Хохлова, по формату он значительно меньше кяхтинской (21×33,5 см). А. Н. Хохлов, проанализировав микроструктуру этих словарей, приводит объяснение отдельных канцеляризов, номенклатурных названий титулов с китайского языка, которыми одаривал император своих вельмож и генералов. Отмечает также исправления толкований слов [1992, с. 223–224]. Он упоминает о работе А. В. Игумнова над составлением большого (академического по тем временам) монгольско-русского словаря, что сохранилось в письмах О. Ковалевского и А. В. Попова [Там же, с. 224].

Касаясь исторической ценности словаря А. В. Игумнова, А. Н. Хохлов совершенно правильно подчеркнул, что на фоне этих публикаций (грамматических пособий словарей) значение оставшегося в рукописи труда А. В. Игумнова представляется особенно значимым, поскольку именно с него начались научные штудии питомцев Казанского университета – будущих видных ученых. Он отмечает, что «если бы не пожар, стгубивший часть его фундаментального труда (из 4-х томов словаря до нас дошли лишь три, причем в ущербном состоянии), представление о важном вкладе А. В. Игумнова в российское и мировое монголоведение было бы более весомым и зримым, что не подлежит никакому сомнению» [1992, с. 224]. А. Н. Хохлову, в отличие от Л. С. Пучковского, удалось изучить лексикографический труд А. В. Игумнова более подробно. Но, очевидно, что есть и рукопись его словаря в архивах Иркутска.

Я. И. Шмидт в отличие от А. В. Игумнова имел европейское образование, хотя и был автодидактом, сумел составить первый в России и Европе полиязычный переводной словарь на основе лексики монгольского языка. Он плодотворно общался с учеными по смежным дисциплинам ориенталистики, чего нельзя сказать про А. В. Игумнова, который нуждался в научном общении до приезда питомцев Казанского университета.

Я. И. Шмидт был штатным сотрудником Петербургской АН, а А. В. Игумнов работал над составлением словаря с урывками и бессистемно, вследствие чего работа последнего продвигалась очень медленно.

Я. И. Шмидт работал над своим 3-язычным словарем в течение четырех лет. Издавая свою грамматику монгольского языка, он поведал ученому сообществу о намерении создания первого монгольского словаря в России [1835, с. 3].

Монгольско-немецко-русский словарь Я. И. Шмидта – это первый переводной словарь монгольского языка, изданный в 1835 г. в Санкт-Петербурге.

Им был составлен для руководства Академии наук первоначальный план этого словаря (всего 10 тысяч слов). Но «при обработке лексикона встретилось еще довольно речений, заслуживающих войти в состав его, так что под конец число их возросло до тринадцати тысяч слов» [Там же, с. 4]. Он подчеркивал большие заслуги императоров Цинской династии в Китае Каньси и Цзян-луна в деле приумножения лексикографии подвластных им монголов, маньчжуров, тюрков и других народов. Я. И. Шмидт для своего труда взял за основу «Маньчжурско-монгольское зеркало слов», составленное по повелению императора Каньси, вышедшее в свет при Цзян-луна, содержащее в себе более 16 тысяч слов» [Там же, с. 3]. Касаясь структуры этого 2-язычного словаря, сетовал на то, что словники были расположены не по алфавиту, а по порядку предметов, что создавали трудности авторам и пользователям. Шмидт верно считал, что такой способ составления словарей допускал «изменение размножения слов», следовательно, возникали диспропорции словников и лемм [Там же].

Ученый видел много недостатков в этих дву- и полиязычных словарях, издаваемых в Пекине: «в этих словарях-зеркала опущены буддийские термины, редакторы довольствовались преимущественно китайскими обиходными словами, не обращали надлежащего внимания на древнюю народную литературу монголов, что отнюдь не может удовлетворить высшему понятию о языкоучении» [Шмидт, 1835, с. 5].

Составитель сделал к своему словарю ряд, по его мнению, необходимых и ценных дополнений из нескольких монгольских сочинений. Он был уверен в том, что «нашлись бы еще гораздо обильнейшие материалы для составления лексикона» [Там же, с. 7]. В конце словаря Я. И. Шмидт выразил свою признательность Академии наук, его президенту С. С. Уварову, выделившему средства для его издания.

Структура его 3-язычного словаря основана на традициях европейской лексикографии, имеет в своем составе мегаструктуру, или рамочную схему: это предисловие (с. 3–8); отсутствуют правила пользования, что могло бы облегчить работу читателям; корпус словаря (с. 1–378), имеет ряд словников, организующий весь словарь в целом. Текст корпуса словаря расположен в трех в колонках: дано монгольское входное слово, например, *tungxay* «объявление», *tungxay üge* «извещение», *tungxaylaxu* «объявлять», *tungxay tarayaxu* «обнародовать», которые переведены на выходные слова или фразы на русском и немецком языках [Там же, с. 247].

Составитель свой труд снабдил списками немецких (с. 379–504) и русских (с. 505–612) слов, индексы для пользователей, которые помогут читателю в поисках нужных слов, разбросанных по всему корпусу словаря. Например, *ayasan* ‘голос’ ‘звук’ (с. 19), производное от него *ayasti* ‘голосистый’ автор дает такой перевод: «что имеет голос, что звучит» (с. 19). Он же объединяет это слово со словом *dayün* (с. 161), например, *kongxuyin dayün* ‘колокольный звон’ или ‘бренчит колокольчик’, или же *dayün-u* ‘эхо’, ‘отголосок’; *dayün-u xubilayaxu* ‘переменить голос’, ‘подделаться под чужой голос’ (с. 267). Таким образом, индексы русских слов помогают читателю быстро найти нужные слова и выражения. Если сослаться на авторитет, то об этом списке монгольских слов Б. Лауфер писал так: «указатели в конце со ссылками на монгольскую часть делают этот труд до сих пор очень ценным» [1927, с. 6].

Итак, мы касались лишь слов именных, обнаруженных в полиязычном словаре Я. Шмидта. Г. Ц. Пюрбеев [1972, с. 92–93] нашел в этом словаре свыше трех десятков фразеологических единиц. «Такowymi являются: 1) глагольные сочетания типа идиом, или сращений: *ад үзэх* ‘быть злым’, ‘бесноваться’ (с. 17), *хүйс тэмтэрэх* ‘уничтожить, искоренить, истребить’ (с. 178), *дотор гувих* ‘чувствовать нестерпимый голод’ (с. 283), *бэрэя гүйх* ‘свататься за кого-либо’ (с. 101), *нуур зовчих* ‘вести себя бесстыдно’, ‘подвергать себя позору’, ‘срамиться’ (с. 87), *нидун хорхойтох* ‘питать зависть’, ‘завидовать’ (с. 89) (букв. ‘глаза подверглись паразитам’) и т. д.;

2) глагольные сочетания типа фразеологических единств и сочетаний: *ам алдах*, *ам огох* ‘дать обет’, (с. 9) (еще *ам алдах* – ‘обмолвиться ошибочно’, ‘признаться под чьим-то давлением’), ‘обещать’ (с. 9); *эм хэлэлцэх* ‘свататься’ (с. 27), *умдан хаах* ‘утолить жажду’, *бэри буулгах* ‘жениться, сочетаться браком с девицей’ (с. 106), *хар дарах* ‘удуше во сне’ (с. 149), *хар санах* ‘ненавидеть, желать зла’, (с. 140); *өлбөр ядах* ‘соболезновать, сожалеть’ (с. 54) и т. д.;

3) именные фразеологические обороты: *тушаата эр* ‘жених’ (букв. ‘связанный мужчина’ (с. 256), *олон гэдэсэн* ‘тонкие кишки у овец’ (с. 71), *огторгуйн оёдол* ‘Млечный путь’ (с. 50);

4) адъективные фразеологизмы: *нуур зуузан* ‘наглый, бесстыжий’ (с. 87), *хөл хүнд* ‘беременная’ (с. 184) и т. д.

Некоторые из перечисленных фразеологизмов не зарегистрированы ни в последующих словарях О. Ковалевского и К. Голстунского, ни в лексикографических изданиях последних лет [БАМРС, 1972, с. 92–93].

Как известно, Б. Морщунаев и Н. Унагаев перевели текст Нового Завета на монгольский язык, который позднее был издан Я. И. Шмидтом. Он пользовался огромным успехом у забайкальских бурят. Последние продавали их зарубежным монголам. Этот перевод позже был использован О. М. Ковалевским как источник.

Н. И. Ильминский и И. Н. Березин, опубликовавшие рецензию на «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова, высоко оценили словарь Шмидта, отметив, что несмотря на свою неполноту для повседневного употребления превосходен и удобен, и в этом отношении стоит гораздо выше словаря г-на Ковалевского» [Березин, 1850, с. 346]. Известный тюрколог также одобрил словарь

Шмидта, «как первый опыт, заслуживающий признательность ученого мира» [Григорьев, 1846, с. 7].

Ж. Тумурцэрэн в своем труде «Исследование лексики монгольского языка» (1964, 1974) особо отметил лексикографический труд Я. И. Шмидта по монгольскому письменному языку, который являлся одним из ранних переводных полиязычных словарей, вышедших в странах Европы [Төмөрцэрэн, 1974, с. 145].

Полиязычный словарь Я. И. Шмидта по старописьменному монгольскому языку, несомненно, сохранил и сохраняет свое историческое значение и в наши дни в деле изучения традиционной культуры монгольских народов.

3.2.4. О. М. Ковалевский – крупнейший лексикограф

О. М. Ковалевский в своей программной речи «О знакомстве европейцев с Азией» на сессии торжественного собрания Казанского университета 8 августа 1837 г. призвал быть знатоками языка, быта и культуры восточных народов, справедливо требовал от них, «чтобы поддержать сношение с Азией, чтобы внедряться в ее дух... необходимо знание азиатских языков как важнейшее и единственное средство достигнуть предположенной цели...» [1837, с. 268]. Оратор был уверен в том, что «...азиатские грамматики и словари... служат ключом, за которым сокрыты все сокровища восточной учености» [Там же, с. 269]. Т. В. Ермакова справедливо отметила, что «О знакомстве европейцев с Азией» проникнута не только симпатией к азиатской культуре, но и пониманием ее как самостоятельной части общемирового историко-культурного процесса [1998, с. 17]. Основные положения программной историко-культурной речи О. М. Ковалевского послужили методологическими предпосылками его научных трудов для возникновения прочных основ научного монголоведения, сделав его объектом и предметом преподавания в Казанском университете.

3.2.4.1. Из истории составления 3-язычного словаря

О. М. Ковалевский начал работать над своим словарем в период учебы у иркутского монголоведа А. В. Игумнова. Сначала они составляли учебные 2-язычные словари монгольско-русский и русско-

монгольский, а также небольшие разговорники. Впоследствии А. В. Попов сдал в архив свои учебные словари, которые ныне хранятся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ. По словам Л. В. Успенского, они дошли до нас в хорошем переплете и в великолепной сохранности.

О. М. Ковалевский признался в том, что «в продолжение двадцати лет одним из главных предметов моих занятий было составление, по возможности, полного монгольско-русско-французского словаря с подлежащей фразеологией» [по: Шамов, 1983, с. 76].

В ходе работы над полиязычным словарем большую помощь оказали А. В. Игумнов и Н. Я. Бичурин. А. В. Игумнов подарил своему ученику одну из частей 2-язычного словаря.

В донесении попечителю Казанского учебного округа о результатах своего пребывания в Пекине от 27 февраля 1832 г. Ковалевский писал так: «...имел средства обогатить... словарь, пополнить коренными словами и выражениями. Для имеющих учиться по-монгольски сделано им извлечение из российско-монгольского словаря, включающего в себе более 5000 употребительных слов в разговоре и письме» [по: Лобачевский, 1976, с. 310]. По данным Г. Ф. Шамова, «Ковалевский в Казань возвратился уже с несколькими словарями: “Монгольско-русским” в котором насчитывалось около 40 тыс. слов с объяснительным текстом и указанием источников и двумя “Русийско-монгольскими» словарями”» [1983, с. 76]. Один из них, по выражению автора, был просторным, а другой – сокращенным, состоящим из 5 тысяч слов. Очевидно, вначале был монгольско-русский словарь, в основу которого легли: 1) маньчжурско-монгольский в 21 тетрадь с объяснениями пространными; 2) маньчжурско-китайско-монгольский, известный под названием «Сан ха бяньлянь» в 12 тетрадях. Соединенные в одну, при дальнейших исследованиях и постоянном чтении книг оказались во многом недостаточными и не могущими служить удовлетворительным пособием...» [по: Лобачевский, 1976, с. 310]. В этом отчете он говорил о нескольких направлениях в развитии монгольского языка в разных условиях его существования, об узкой специализации переводчиков, начиная от канцеляристов и маньчжуристов до терминологистов по буддизму. Он также отмечал засилье тибетского языка в монгольской ламской среде. Поэтому он поставил перед собой цель создать словарь «для

полноты и точности...», вносить еще слова, употребляемые в сочинениях разного содержания и различных эпох, с приложением значений со всеми оттенками в логическом порядке и подкрепленных примерами, заимствованными из книг.

«После собранных им материалов дел сего предприятия в Пекине он получил: 1) маньчжурский словарь (в рукописи), составленный... европейскими миссионерами и переведенный на латинский язык гораздо полнее и точнее Амиотова словаря; 2) такой же (в рукописи) с латинского на маньчжурский; 3) епископ Пирес позволял ему долгое время пользоваться огромным рукописным в 3-х томах *in fol* Сочинения знаменитого Пуарта французско-китайско-монгольский словарь; 4) при чтении законов, юндженовых поучительных указов, трех христианских и четырех буддийских книг, все новое он также вносил в словарь» [по: Лобачевский, 1976, с. 310].

Такова история составления О. М. Ковалевским полиязычного словаря.

3.2.4.2. Научные и практические принципы, заложенные в структуру многоязычного словаря О. М. Ковалевского

Составитель, имея хорошее образование в латинской и современной европейской лексикографии, сумел обобщить достижения восточной и западной лексикографической традиции.

Структура разных типов словарей имеет мегаструктуру, составляющую взаиморасположение частей словаря, включает в себя предисловие (предваряющий текст). Словарь имеет макро- и микроструктуру.

О. М. Ковалевский основательно продумал структуру словаря. Его словарь имеет обширное введение, всю лексику монгольского языка он подразделил на четыре части.

Теоретики общей лексикографии выделяют два важных взаимосвязанных фактора в составлении словарей – это разработка макроструктуры (отбор лексики, принцип расположения слов и словарных статей) и микроструктуры, т. е. отдельной словарной статьи. Его исходным принципом в деле создания «хорошего лексикона» для какого бы то ни было языка, является его «полнота и точность» [Ковалев-

ский, 1844, с. 1]. Он подумал больше всего о полноте словаря. Увлечшись этим, забыл о надежности и удобстве своего детища, в котором был бы максимум информации, занимавшей минимум места.

Во введении к своему словарю О. М. Ковалевский лексику монгольского языка разделил на «четыре элемента их образованности, и следовало различить у них (у монголов. – В. Р.) четыре источника значений слов» [1844, с. 4]. Он постигал картину мира у монголов постепенно, по мере углубленной работы над текстами. Ковалевский рассматривал народную лексику монгольского языка как основной элемент словарного состава языка, называл его «номадным: в нем заключается вся жизнь пастуха и зверолова с его верованиями, понятиями, привычками, добродетелями, пороками. Здесь более слов для предметов видимых, нежели отвлеченных; здесь находим много названий, общих и соседних тунгусским и тюркским поколениями» [Там же, с. 4–5]. Эта лексика составила основу всей структуры лексических ресурсов монгольского языка. О. М. Ковалевский справедливо указывал на то, что язык, несмотря на все неблагоприятные условия своего развития, «стойко сохранил свою чистоту и первобытную силу» [Там же, с. 2]. Все остальное – три элемента образованности монголов в их языке состояло из слов и выражений иноязычной лексики. Тибетизмы и санскритизмы «с возвышенными идеями и энциклопедией наук» обогатили монгольский культурный мир новымиобретениями [Там же, с. 5]. Третий и четвертый элементы лексики являлись китайским и русским, последний из них расширил мир восприятия монголов духом христианства и европейской культуры.

Во введении он дал обширный список источниковой литературы, который свидетельствует об огромной работе составителя над своим лексиконом и богатстве языкового материала. Отбор лексического материала в разработке макроструктуры будущего словаря является вопросом архиважным и решающим. В нем автор принял за основу письменный монгольский язык, назвал языком книжным, или языком *номов*, т. е. буддийских трактатов и сутр.

Он указал на «главные сочинения, которыми пользовался и на которые сделаны здесь ссылки», список делится на две части: это главные рукописи и изданные дву- и полиязычные словари европейских и восточных составителей [Там же, с. 7].

Автор привел длинный перечень словарей: санскритско-английский словарь Wilson'a (Калькутта, 1832. 2-е изд., in-4); Amara Kocha, A. Loiseleur Deslongchamps (Paris, 1839); санскритский глоссарий Вории; тибетско-английский словарь А. Чома де Кёреши (Калькутта, 1834); тибетско-монгольский словарь Я. И. Шмидта (SPtbg, 1841); eiusdem mongolish-deutsch-russisches Wörterbuch (SPtbg, 1835); тибетско-монгольский словарь (в рукописи) 1080 с. по три столбца; сборник тибетских и монгольских синонимов (рукопись); татаро-маньчжурско-французский словарь, составленный М. Amyot, миссионером, жившим в Пекине; словарь с дополнениями L. Langles'a (Париж, 1789–1790, т. 1–3); татарско-маньчжурско-латинский словарь (рукопись); «Merged yagaxu-yin oron neretü toytaγaysan dakiuay» (Источник мудрецов. Буддийский терминологический словарь); сборник санскритских, тибетских и монгольских слов, перепечатанный Я. И. Шмидтом.

Он сделал выборку слов из исторических, буддийских, переводных сочинений на монгольский, а также китайских и русских источников. В списке указаны, например, летопись «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна, изданная Я. И. Шмидтом, переводы из Евангелия, бурятские степные уложения, художественные тексты из «Üliger-ün dalai, Üliger-ün nom» (изд. Я. И. Шмидта), буддийские сочинения, например, труды Джанджа-хутухты в семи сумбумах, Бодхичарья-аватары (пер. Чойжи-Одсера) и т. д.

Такова макро- и микроструктура словаря О. М. Ковалевского. В целом вполне удовлетворительная с точки зрения практики составления словарей, если учесть состояние лексикографии XIX в.

Корпус словаря прост. Им применен весьма распространенный вид: прямой, или начально-алфавитный, в отличие от обратных словарей. Весь материал словаря организован на основе монгольского алфавита, три тома имеют сквозную пагинацию: 1-й отражает лексику монгольского языка на основе гласных от *a* до *u*, следуя по слоговым принципам слов; 2-й – от *на-ша*, 3-й – от *T, D – V – B*. Словарь имеет 2690 страниц, включая дополнения и поправки.

Микроструктура данного словаря состоит из отдельных словарных статей. Она представляет объект исследования составителя, показывает «дериивационные возможности слова, его словообразователь-

ное гнездо; продемонстрирует фразеологический потенциал в словосочетаниях, идиомах» [Шведова, 1990, с. 10].

Словарь О. М. Ковалевского построен на основе словников, образованных из лемм. Он делится на базовый и полный. Составитель не выделял гнездо лексических единиц, оттого в нем имеются существенные недостатки.

Корпус словаря состоит из пластов лексики монгольского языка того времени: политического, экономического, правового, административного, законодательного, финансового, религиозного (шаманистического и буддийского).

С. Е. Бачаева общественно-политическую лексику в словаре О. М. Ковалевского разделяет на следующие группы: 1) административная (канцеляризмы), 2) политическая, 3) судебная, 4) религиозная, 5) обозначающая сословия [2002, с. 175–179]. Касаясь периодической, отмечает, что «ключевым словом в тематической группе, обозначающей судопроизводство и судоустройство, является слово *јагүи* “суд”. В словаре Ковалевского слово *јагүи* обозначает ‘тяжба, процесс, суд’» [Там же]. Приводит примеры семантизации этой лексемы, значительно расширяющие лексическое поле слова. Это показано на фактологии ойратских уложений.

«В нем представлено достаточное количество социальной лексики, которую можно ввести в современный калмыцкий для активного употребления» [Там же, с. 178]. В отношении активного адресата, на наш взгляд, можно вполне успешно использовать достижения современной монгольской лексикографии, например, словари А. Лувсандэндэва, Я. Цэвэла, а также Большой академический монгольско-русский словарь в 4 томах под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Этот словарь удобен и надежен, так как он составлен на основе кириллицы, в нем более совершенная систематизация, чем в словарях Ковалевского.

Д. Д. Доржиев по поводу корпуса словаря пишет так: «О. М. Ковалевский ознакомился с текстами собственно бурятского происхождения... В словаре Ковалевского собран огромный лексический материал не только собственно монгольский, но и немало бурятских слов и выражений. Однако весь лексический материал подан в виде лексики старописьменного языка монголов. Лишь изредка делается пометка на бурятское происхождение тех или и иных слов. Ковалевский рассматривал бурятский язык как наречие единого монгольского языка»

ка» [Доржиев, 1992, с. 15]. Все сказанное относится к общей характеристике словаря Ковалевского, исходящей из лексической базы его лексикографического труда.

Словарь Ковалевского является переводным, отчасти толковым, в котором входной язык – монгольский, с которого переводят, а языки, на которые переводят, – это французский, русский, отчасти тибетский, называют выходными. Словники даны в простом алфавитном порядке. Он ограничился алфавитной подачей слов, выражений и словосочетаний. Рассмотрим на примере слова *möngke* [Ковалевский, 1849, с. 2053–2054]:

1) *möngke* объяснено им параллельно на арабском, тибетском, а по-русски это значит «вечный, нетленный»;

2) *tabun möngke* в русском переводе «пять добродетелей, человеколюбие, справедливость, порядочность»;

3) *törügsen bie-e dür möngke ügei* «рожденное тело не вечно»;

4) *möngke orön*. В русском переводе им даны: «вечное царство, срединное царство, провинция Вуй».

Так, им даны 24 словника со словом *möngke*. В словарь включено немало идиом, фразеологизмов. Г. Ц. Пюрбеев [1969, с. 213] указывал, что «предпосылки фразеологии были заложены в практике лексикографии» уже в XIX в., он проанализировал их на материале словарей Я. И. Шмидта и О. М. Ковалевского. «Словарь О. М. Ковалевского содержит около двухсот фразеологических оборотов, в том числе более двадцати пословиц и поговорок» [Там же]. Здесь мы приведем примеры выражений, которые были привнесены автором как новые, не известные по словарю Я. Шмидта: *алтан мэлхий үзүүлэх* «предсказывать будущее» (с. 86), *арга үүсгэх* «хитрить» (с. 239), *ул авах* «убеждать; настойчиво требовать» (с. 392), *оройдоо авах* «любить высоко почитать, кого-либо» (с. 392), букв. «брать на макушку» (с. 446), *нуд татаж элэглэх* «смеяться в глаза» (с. 658), *нүүр харах* «лицемерить» (с. 649), *шар авах* «оскорблять, огорчать» (с. 1518), *цагийн номтой төгсөх* «умереть», *цазаар аваачих* «казнить» (с. 2086), *зүг барих* «говорить намеками, намекать» (с. 2119), *магнай толгойт* «бесстыжий, медный лоб» (с. 1978), *би гэсэн үзэлтэй* «самолюбивый, эгоистичный» (с. 1130) и т. д.

Так как словарь Ковалевского в основном отражает лексику литературно-исторических памятников и многочисленных переводных

буддийских трактатов, язык которых был строго выдержан в книжных нормах, то не удивительно, что в нем изобилуют устойчивые обороты, обозначающие нравственно-философские и культовые понятия, например, *нар барих* «затмение солнца» (с. 621), *уул наадах* «воздушные явления, миражи в горах» (с. 1853), *цагаа өмдөх* «быть в трауре» (с. 2081), *урагша өргөх* «приносить жертву», *хойшо өмдөх* (с. 855) в том же значении (старый обычай монголов приносить жертву Большой Медведице) [Пюрбеев, 1972, с. 93–94]. Ряд словосочетаний автор рассматривает как архаизмы. Им обнаружены неточности и ошибки в микроструктуре этого словаря. По мнению Г. Ц. Пюрбеева, для удобства Ковалевский специально выделял фразеологизмы с пометками «метафорические» [Там же, с. 95]. Таков внутренний строй этого 3-язычного словаря.

3.2.4.3. Словарь О. Ковалевского в оценке его современников и монголистов последующих времен

Монгольско-русско-французский словарь принес О. М. Ковалевскому мировую славу. На основе рецензий Я. И. Шмидта Петербургская Академия наук удостоила составителя премией П. Н. Демидова. В. В. Григорьев опубликовал несколько восторженных отзывов об этом словаре в журналах «Финский вестник» и «Северное обозрение». Ученики Ковалевского не остались в стороне от оценок данного словаря. В анонимной рецензии, приписываемой И. Н. Березину [по: Банзаров, 1997, с. 25–26], содержалось немало критических, но вполне справедливых замечаний по многим вопросам структуры словаря и грамматическим аспектам, связанным со словарными статьями и толкованиями отдельных слов. К. Ф. Голстунский также критически относился к лексикографическому труду своего учителя. Б. Лауфер [1927, с. 6] сделал критические замечания в отношении этого словаря, в которых он писал, что «тибетские эквиваленты не всегда правильны, и несмотря на высокое достоинство в общем, существуют многочисленные недостатки в мелочах». Н. Н. Поппе высоко оценил достижения монголоведов XIX в., «составленные с большой полнотой и знанием языка словари Ковалевского и Голстунского завоевали себе мировую известность. Недаром словарь Ковалевского был издан за границей и вместе со словарем Голстунского лег в основу изданного

недавно в Японии монгольско-японского словаря, представляющего собой почти целиком компиляцию названных словарей. Но словари эти были составлены давно» [Поппе, 1938, с. 1284]. Вслед за ним Г. Д. Санжеев считает словарь Ковалевского, несомненно, «непревзойденным как по качеству выполнения, так и по количеству охваченного им лексикографического материала...» [1947, с. 297]. Г. Н. Румянцев назвал словарь Ковалевского «шедевром в области монгольской лексикографии» [1947, с. 140].

Ф. Х. Бак в предисловии своего словаря писал так: «Словарь Ковалевского предназначен для первоначального чтения монгольских текстов. Прекрасные справки имеются в “монгольско-русско-французском словаре” Ковалевского по классическому языку» [1983, р. 9].

В. Л. Успенский рассматривает словарь Ковалевского в качестве «одного из главных пособий по старописьменному монгольскому языку и в наши дни» [1986, с. 206]. По его сведениям, словарь О. М. Ковалевского переиздавался (фотомеханическим способом) трижды: в 1933 г. в Пекине, в 1941 г. в Тянь-Цзине и в 1964 г. в Нью-Йорке.

Таким образом, словарь Ковалевского не только прочно вошел в лексикографическую базу всех монгольских словарей, но останется и в будущих. Замечательный труд ученого стал неотъемлемой частью лексикографической традиции монгольских народов.

3.2.4.4. Ковалевский – новатор в создании разнотипных монгольских словарей

О. М. Ковалевский после выхода своего фундаментального словаря продолжал работать и над дополнительным четвертым томом, о чем узнаем из его письма В. В. Григорьеву, где говорилось о том, что составитель ищет издателя [Шастина, 1956, с. 159]. Очевидно, том оставался в рукописи и не дошел до нашего времени. А вот его рукопись «Опыт монгольского корнеслова» каким-то чудом сохранилась. Кто-то из бывших слушателей Казанской духовной академии вывез ее в годы гражданской войны в Иркутск. Рукопись описана Г. Н. Румянцевым, подвергнута им текстологическому анализу. Он же установил ее авторство. По словам Г. Н. Румянцева, «рукопись анонимная, но по мелкому бисерному и очень четкому почерку, так характерного для Ковалевского, очень легко определить его автора. По своему содер-

жанию·словарь представляет первую попытку не только в области монгольской лексикографии, но и вообще в области изучения турецких и дальневосточных языков, за исключением китайского, дать этимологию (происхождение) монгольских слов. Соответственно с этими задачами «Опыт монгольского корнеслова» и построен: слова-корни даны в обычном для монгольских словарей алфавитном порядке и снабжены многочисленными ссылками на соответственные слова турецких и монгольских, тибетского, угро-финских, китайского, маньчжурского и других языков» [Румянцев, 1947, с. 140–141]. На основе сведений из письма Ковалевского неизвестному лицу Г. Ф. Шамов установил, что «опыт монгольского корнеслова» был закончен составителем в 1853 г. [1983, с. 78]. Ковалевский был уверен в том, что «если удастся напечатать его, он не будет лишним в науке» [Там же]. Его работа над этим по существу этимологическим словарем монгольских языков шла и в последующие годы.

Г. Н. Румянцев дал такое описание рукописи: «толстая тетрадь в зеленом картонном переплете, формата 25,5×20 см, насчитывающая 307 страниц текста. Рукопись в хорошей сохранности» [1947, с. 140]. Совершенно случайно в Иркутске эту рукопись удалось приобрести директору бурят-монгольского педагогического техникума А. И. Алексееву. Техникум передал рукопись в НИИ культуры и экономики [Там же]. Очевидно, эта рукопись ныне хранится в рукописном фонде ИМБТ СО РАН.

Рассмотрим содержательную сторону «Корнеслова»:

1) and, Монг.: *angan, angga* OS, *restrum, oriticium*; Якутск: *ana öffen*. Ostjak *on, Mündung, Öffnung*. Suomi *ava offen*; «щель, трещина, расщелина...» и т. д. (с. 4);

2) *Absa* тунгус. *afsa, S av* «ящик», «гроб». Отсюда *abdar-a* «ящик, коробка, ларчик» (с. 6). *Абдар* означает на современном бурятском «сундук» [Там же, с. 141]. Эти примеры показывают методику работы Ковалевского как лексикографа.

Г. Н. Румянцев вполне справедливо отмечает, что «Ковалевский выступает как глубокий знаток монгольской лексики в ее историческом аспекте. В этом отношении он далеко оставляет за собой всех монголистов XIX века» [1947, с. 142]. Ковалевский также написал труд «Опыт монгольской семантики», оставшийся в рукописи, уте-

рянной безвозвратно для науки. Монголовед планировал создать многотомный толковый словарь монгольского языка. Мечтал о специализированных отраслевых словарях.

Таково лексикографическое наследие О. М. Ковалевского, который оставил яркий след в мировой монгольской филологии, получил по праву высокое реноме у многих монголистов разных поколений, занимавшихся и занимающихся традиционной культурой монголов.

3.2.5. Д. Банзаров – маньчжуровед и лексикограф

Д. Банзаров в Казанском университете кроме монгольского изучал маньчжурский и санскрит. Его куратор О. Н. Бётлингк дал очень лестную характеристику о Д. Банзарове: «Кроме монгольского, г-н Банзаров ревностно занимался калмыцким, маньчжурским и санскритским, в которых имеет весьма основательные сведения...» [Böhtlingk, 1848, p. 55].

Банзаров был учеником О. П. Войцеховского, преподававшего китайский и маньчжурский языки в Казанском университете. Он впервые ввел маньчжурский язык как учебный предмет в высшей школе того времени, самостоятельно разработал курс этого языка.

Б. К. Пашков писал о Банзарове как о «выдающемся знатоке маньчжурской письменности» [1955а, с. 60] и «маньчжурского языка», с сожалением отмечал, что «он как маньчжуровед был почти совершенно не известен специалистам» [Там же, с. 215].

Г. Н. Румянцев, перепечатывая список работ Д. Банзарова, составленный П. С. Савельевым, включил Маньчжурско-русско-монгольский словарь, датируемый 1846 г. 588 с. в рукописи [1955, с. 352]. «Рукопись принадлежит библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского университета» [Там же, с. 348]. Она зафиксирована в каталоге В. Л. Успенского.

Г. Н. Румянцев дал такое описание рукописи: «Без заглавия. На белой плотной бумаге, в коричневом переплете. Черновик с большим количеством примечаний на полях. Почерк мелкий». Составитель найден на последней странице рукописи, в «которой сохранилась лаконичная запись: «Ene toli bičig-i student Dorji Banzarun bičijü tegüš-bei» 'Этот словарь окончен написанием в 1846 г. студентом Дорджи Банзаровым'. Он, очевидно, находился у Г. Гомбоева, закончившего

русскую часть словаря вместе с И. Пирожковым 9 января 1858 г. в Петербурге [Румянцев, 1955, с. 349]. Эти сведения узнаем из приписки к словарю.

Живя в Иркутске и работая у генерал-губернатора, Д. Банзаров по заданию РГО исправлял топонимические названия на карте, в работе над которой ему пригодилось хорошее знание маньчжурского и монгольского языков.

Все эти факты наглядно свидетельствуют о том, что Д. Банзаров был признанным маньчжуроведом.

3.2.6. Синтез восточных и западных достижений в монгольской лексикографии

Монгольская экспансия в XIII в., принимавшая мировые масштабы, сопровождалась зарождением основ и разных форм монголоязычной лексикографии в составе национальной лексикографии завоеванных монголами народов, стоявших в культурном отношении на более высоком уровне духовного развития. Так, монгольские глоссарии и словари, составленные инонациональными авторами, пополнили резерв монгольской лексикографии. Эти работы создали немало трудностей для монголистов, так как они были результатами многоязычных ресурсов и сплетений иных традиций лексикографической деятельности.

В этом отношении значительны успехи П. Пеллио, Э. Хейниша, Н. Поппе, Л. Лигети и современных монгольских ученых – Ш. Лувсанвандана, Ц. Дамдинсурэна, Ю. Б. Ринчена, Д. Тѳмѳртогѳ и др.

Мы останавливались на особенностях некоторых лексикографических трудов в соответствующих параграфах нашей работы. Словари мусульманских авторов составлены на основе арабско-персидской древне(средне-)тюркской лексикографической традиции. Таким оказался полиязычный словарь, изученный П. М. Мелиоранским. Лексический материал дал много интересных фактов для исторической лексикологии и грамматики монгольского языка среднего периода. Словари XIII–XIV вв. были в основном переводными. Ж. Тумурцэрэн, изучивший лексикографическое наследие этой эпохи, относит их к типу исторических словарей [Тѳмѳрцэрэн, 1974, х. 132–134].

Структура словарей имеет свою концепцию, о чем выше говорили. Главным в этой лексикографической теории является организация отобранной лексики, в зависимости от его назначения они бывают разными. Строй словаря диктуется практикой их составления. В этом плане существенную роль имеют расположение слов и способы гнездования, характер словников, составляющих микроструктуру лексикографического труда. Почти все восточные словари были идеографическими (слова располагаются не по алфавиту, а по смысловым ассоциациям) [ЛЭС, 1990, с. 462].

Санскритские и тибетские словари были изначально идеографическими, составленными по тематическим признакам. Л. В. Щерба называет их идеологическими, приводит в качестве примера словари Роджета и Балли, имевших шесть классификационных тем [1974, с. 293]. Он же, касаясь исторических словарей, писал так: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени... причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение» [Там же, с. 303].

Настоящим примером словаря такого типа может стать Историко-этнологический словарь современного русского языка, составленный П. Я. Черных, вышедший в двух томах [1993]. Составитель учел новейшие достижения своих предшественников [Варбот, 1993, с. 5]. Так, словарь П. Я. Черных является не только этимологическим, но и историческим, хотя составитель уделял много внимания этимологии слова, реже касался их истории возникновения или отмирания.

Словари Я. И. Шмидта и О. М. Ковалевского, К. Ф. Голстунского являются предвестниками новейшей монгольской национальной лексикографии в дихотомном диалоге культурного обмена между Востоком и Западом в историко-лингвистическом аспекте.

Я. И. Шмидт при составлении своего первого полиязычного словаря опирался на словарь, называемый «Зерцалом», вобравший в себя 16 тысяч слов [1835, с. 4]. Так, он воспользовался теорией и практикой словарной работы при Цинской династии в Китае. Он пополнил свой труд из других доступных ему лексических источников.

Я. И. Шмидт был первым составителем тибетско-русского словаря в России. Он отобрал лексику для будущего словаря из трех ори-

гинальных источников: тибетско-монгольский словарь ... «Мингидьямцо» (Море названий), или 3-е отделение, известное под названием ... которого взял «Ни-одъ» (Солнечное сияние), заключающее в себе настоящий словарь; 2) тибетско-монгольский словарь ... «Бодши – гаиугъпагтаръ – лова «для удобного понятия правил тибетского языка» и 3) «манджурско-монгольско-тибетско-китайское зеркало слов» под заглавием ... 'Каджи шанджарвай мелонгги iuge 'Зерцало слов четырех соединенных языков' [Шмидт, 1843, с. 5].

Он позаимствовал немало из тибетско-английского словаря А. Чома де Кёрёши. Венгерский тибетолог использовал традиционную тибетскую методику практики, следуя принципам идеографических словарей. Таковой была практика создания Я. И. Шмидтом двух первых в России словарей.

О. М. Ковалевский был в более выгодном положении, чем Я. И. Шмидт, который довольствовался теми знаниями, которые имели калмыцкие гелюны и бурятские ламы.

Он, находясь в Забайкалье, близко общался с высшими бурятскими ламами и образованными феодалами, позже летописцами, оставившими содержательное и интересное наследие. Ковалевский, побывав в Пекине, подружился с иезуитами и тибетскими ламами, благодаря чему он смог существенно обогатить свой словарь [Лобачевский, 1976, с. 310].

Как известно, О. М. Ковалевский за основу взял монгольско-русский словарь А. В. Игумнова, но его отношение к последнему менялось по мере того, как он заканчивал свой многолетний труд.

Лексикографическая база словаря О. М. Ковалевского обширна. Он включил в мегаструктуру своего труда 'Amarakocha' (Амаракоча) Амарсанги (VIII в.), основанной на картине мира древнеиндийской мифологии. Кроме того, он использовал Wilsona «Dictionary in Sanscrit and English» (Санскритско-английский словарь), составленный Вильсоном, изданный в Калькутте в 1832 г. Естественно, в нем были учтены результаты древнеиндийской лексикографии. Он также учел и «Vopri glossarium sansnticum» (Санскритский глоссарий Боппи).

Ф. Х. Бак писал: «Ковалевский был современником Александра Чома де Кёрёши, сохранил некоторое высшее реноме по учености в своих исследованиях» [Виск, 1970, р. 15]. Он указал на то, что тибетско-монгольские параллели буддийской терминологии были списаны

Ковалевским из словаря А. Чома де Кёрёши, которые не потеряли своего научного значения и в наши дни [Buck, 1970, p. 15].

Успехи О. М. Ковалевского в монгольской лексикографии были приумножены его учеником К. Ф. Голстунским, который не всегда последовательно шел за своим наставником.

Б. Лауфер справедливо отмечал успехи монгольской лексикографии при Цинской династии. Впоследствии, когда значительно расширился круг связей, возник симбиоз культурного сотрудничества между местными и западными лексикографами, такими как А. Ремюза, Э. Шаванне, Я. И. Шмидт, О. М. Ковалевский [1927, с. 9–16], так монгольская лексикография сформировалась в основных направлениях и тенденциях.

Таким образом, синтез восточной и европейской лексикографии на фоне монгольской культуры – явление вполне состоявшееся, о чем свидетельствуют труды Я. И. Шмидта и О. М. Ковалевского, Д. Банзарова и К. Голстунского, следующие поколения монголоведов продолжают их дело. Большой академический монгольско-русский словарь под редакцией Г. Ц. Пюрбеева тому подтверждение, в его основе лежит монгольско-русский словарь (1936–1938).

Таков культурный диалог между восточными и западными монголистами и тибетологами на ниве монгольской лексикографии, берущей начало в XVIII в.

Заключение

Монгольская филология развивалась в России в двух разных центрах русского востоковедения. Я. И. Шмидт был избран адъюнкт-академиком Петербургской академии наук, занимал кафедру литературы и древностей Востока. В Казанском университете на философском факультете имелся Восточный разряд, в котором было открыто несколько кафедр по восточным языкам, в том числе монгольского, которую возглавлял О. М. Ковалевский. До перевода в 1855 г. этого разряда в Санкт-Петербургский университет она была первой в мире. Эта же кафедра на факультете СПбГУ существует и сейчас. Кафедра монгольской филологии подготовила немало специалистов по монгольской и тибетской филологии для Бурятии, Калмыкии и Монголии. Без всякого преувеличения можно сказать, что основы монголистики, бурятоведения, калмыковедения были заложены в советское время питомцами этой кафедры, не говоря о локальных монголооведах и тибетологах города на Неве, которые работали и работают в разных научных и культурных учреждениях города, в том числе в бывшем ЛГУ (СПбГУ) и Институте восточных рукописей.

Монгольская филология сформировалась как составная часть русской ориенталистики в Казанском университете, когда была образована известная школа монголоведов во главе с О. М. Ковалевским. Однако до этой поры монголоведение, как и многие другие отрасли ориенталистики, было уделом одиночек. Например, А. В. Игумнов, чья деятельность носила в целом практический характер, занимался наукой самостоятельно. Единственным научным центром в Иркутске был Сибирский отдел Русского Географического общества (СОРГО), основанный в 1851 г. и находившийся под личным надзором генерал-губернатора Н. Н. Муравьева.

Однако первые ростки монгольской филологии появились в Азиатском музее АН, поэтому вполне справедливо ученые отмечают, что Я. И. Шмидт был одним из основателей, который первым «ввел монгольский язык и литературу в европейскую науку» [СЭС, 1984, с. 1512].

Монгольское языкознание получило дальнейшее развитие в Казанском университете в содержательных и уникальных трудах монголоведов-филологов О. М. Ковалевского, А. В. Попова, В. П. Василье-

ва, Д. Б. Банзарова, А. А. Бобровникова, Г. Гомбоева, К. Ф. Голстунского.

В монгольской филологии в России был и донаучный период, представленный именами Г. З. Байера, И. Е. Иерига и А. В. Игунова.

С XVIII в. по 60-е гг. XIX в. в монгольской филологии было несколько научных направлений: языкознание, источниковедение, историческая лексикология и лексикография. Первым в России грамматистом на монгольской почве был Я. И. Шмидт. В его «Грамматике монгольского языка» разработаны труднейшие аспекты грамматики, впервые дана классификация частей речи. Заслуга Шмидта состоит в том, что он умело использовал концепцию «Грамматики Пор-Рояля», не случайно автор составил «Грамматику монгольского языка» на немецком. Универсальная грамматика отрицалась в советское время и находилась в полном забвении. Сейчас как памятник грамматической мысли прошлого возвращена новым поколениям лингвистов и вполне справедливо восстановлена в своих правах. Современные грамматисты унаследовали от них все лучшее и обязаны воздать должное первопроходцам.

Впервые в Грамматике Я. И. Шмидта зародилась концепция о частях речи в языке, которая не потеряла своего научно-исторического значения и в наши дни. Н. Н. Поппе наглядно продемонстрировал в своем морфологическом анализе первенство классификации частей речи в монгольском языке, сделанной Я. И. Шмидтом. Автор, изучив классификации частей речи в языке, сопоставив эти классификации в трудах ученых начиная от Я. Шмидта до А. Руднева, показал самостоятельность и особенности грамматик указанных ученых. В итоге получилось то, что В. И. Вернадский сущность нового в старом объяснил конкретно так: «Строится и создается новое; оно для своего создания часто использует, перерабатывая до конца, старое» [1981, с. 232]. Так, процесс обновления был во всех грамматиках после Шмидта, что показал анализ частей речи в монгольском языке, сделанный Н. Н. Поппе. В этом новом сохраняются «родимые» пятна прошлого. «Грамматика калмыцко-монгольского языка» А. А. Бобровникова продвинула грамматическую теорию монгольского языкознания того времени значительно вперед.

Предметные, качественные и относительные имена, предложенные А. А. Бобровниковым, отражают семантику слов в различных субстанциях речевой деятельности говорящего, с одной стороны, имена в монгольских языках, соприкасаясь с грамматическими категориями, теряют свои функциональные свойства – с другой. Эти имена как бы замыкаются в семантике. Инновации в частях речи в монгольском языке, предложенные А. А. Бобровниковым, ныне названы и признаны как классы слов. В этом свете не лишены научного интереса выводы выдающегося грамматиста В. М. Солнцева: «То что мы называем по традиции «части речи» и что по существу означает классы слов с одинаковыми или, по меньшей мере, сходными грамматическими свойствами, действительно является обязательным атрибутом грамматической системы любого языка – своего рода универсалией, такие классы («части речи») могут менять свои характеристики-функции, сочетаемость, морфологию, но их наличие как классов обязательно всегда» [1995, с. 218–219].

Ряд монголистов XX в. именные части речи, следуя Бобровникову, стали рассматривать в семасиологии монгольских языков. Русисты разработали и составляют Русский семантический словарь (РСС). Но это происходит в русской идеографической лексикографии. Повидимому, дуальность сознания человека, его отражение в языке, классы слов детерминированы более основательно лишь в семасиологии и лексикологии, нашли свое применение и в семантической лексикографии.

Инновации А. А. Бобровникова относительно частей речи в монгольских языках остаются нерешенными до сих пор. Г. Д. Санжеев в плане лингвистической эвристики оставался адептом бобровниковских идей до конца своей жизни.

Говоря о глаголе, следует отметить, что грамматисты I половины XIX в. разработали систему глагола в монгольском языке в целом неплохо. Однако, по справедливому замечанию В. М. Егодуровой, в грамматиках прежних монголистов-филологов «остался не затронутым вопрос об аспектуальных значениях, о виде глагола в монгольском языке» [2001, с. 38].

Синтаксис монгольского языка для первых грамматистов по объективным причинам остался мало разработанным. Я. И. Шмидт ограничился лишь словосочетаниями. О. М. Ковалевский и А. В. Попов

дали лишь элементарные данные по синтаксису этого языка. Лишь А. А. Бобровников коснулся актуального членения в синтаксисе, дошел до периодов. К сожалению, некоторые плодотворные мысли А. А. Бобровникова не были восприняты последующими лингвистами-монголистами.

Синтаксис падежей, предложенный А. А. Бобровниковым, привлек внимание Г. Д. Санжеева, статус падежных форм нашел свое отражение в его «Сравнительной грамматике монгольских языков». Из числа трудов прежних монголистов лишь грамматика А. А. Бобровникова имела и будет иметь в будущем высокое реноме цитирования. Этот факт свидетельствует о том, что идеи А. А. Бобровникова сохраняют свою актуальность в монгольской филологии, имеют свою значимость и сейчас.

Другим важным направлением монгольского языкознания I половины XIX в. была историческая лексикология. Ею занимались почти все монголоеды и синологи того времени. Эта лексикология развивалась в рамках эпиграфики, нумизматики, топонимики и ономастики. Вся лексика памятников письменности, следы исчезавшей топонимики, слова, затерявшиеся в археологии, чудом дошедшие до нас в ономастике, составляют основу исторической лексикологии. Это — надписи на стеле Исунгге, на пайцзе Абдуллы, объяснения по этнониму «монгол», титулу «чингис», имени «ойрат» и названиям монгольских вооружений на Руси. Надпись на стеле Исунгге изучалась целыми поколениями монголоедов XIX—XX вв., однако в чтениях и интерпретациях текста этого памятника учеными нет единого мнения в научном сообществе монголоедов. Аргументированные статьи Д. Банзарова по исторической лексикологии монгольского языка, например, когда касается чтения ученым надписи на стеле Исунгге, хотя и подвергнуты серьезной научной критике, но отдельные детали его исследований привлекают внимание современных монголоедов нашего времени, о чем свидетельствуют исследования Л. Лигети, Л. Гамбиса, И. де Ракевильца и других, восстановившие геоним Буга — Сучигай в реконструируемых ими чтениях после ревизии И. А. Клюкина. Так, чтение Д. Банзарова стало текстообразующим в дешифровке надписи Исунгге.

Монгольская лексикография — одна из прикладных наук русского монголоведения XIX в., которая имеет свои корни и богатую

традицию. Монгольская лексикография состоит из трех источников – это лексикография иномонгольская (арабская, китайская, санскритская, тибетская, маньчжурская), тибетско-монгольская и собственно монгольская.

Монгольская лексикография в России в XIX в. унаследовала лучшие традиции предшественников, представляет собой синтез достижений Запада – Востока в дихотомном диалоге этих двух планетарных начал. Я. И. Шмидт и О. М. Ковалевский, используя огромные пласты лексикографических источников, отказавшись от принципов идеографических восточных словарей, следуя по схемам словарей, составляемых в Европе, смогли обогатить монгольскую лексикографию, сказать свое веское слово в этом нелегком деле.

По свидетельству современных ученых, 3-язычный словарь О. М. Ковалевского являлся и является незаменимым и бесценным пособием для тех, кто занимается историей монгольского языка, в частности тибетским и монгольским буддизмом в Монголии и Тибете в XVII–XIX вв., не утратил своего научного, утилитарного и историко-культурного значения и в наши дни.

Лексика монгольского языка имела узкую сферу функционирования, высшее ламство пользовалось тибетским языком, тибетоязычной литературой, а делопроизводство шло на монгольском языке по инструкции цинских правителей в Пекине, в котором превалировали маньчжуризмы и их канцеляризмы. Лексика монгольского языка в XX в. с тех пор изменилась всецело в силу исторических перемен в Монголии. Эта схема лексики ушла в историю. Ветер исторических перемен не прошел даром.

Само языкознание стало территориально подразделяться на бурятское, калмыцкое, собственно монгольское, а также Внутренней Монголии. Появились центры монголоведения в России (Москва, Санкт-Петербург, Улан-Удэ, Элиста, Иркутск), КНР (Пекин, Хухэ-хото, Урумчи) и Монголии, где оно динамично развивается в научном, справочном и учебном направлениях.

Говоря о советском монголоведении, надо сказать, что именно в те годы возникли системные тенденции и направления. У языковедов нет своей модели истории лингвистики. Но они воспользовались моделью Т. Куна, известного американского историка естествознания, приспособив ее к условиям развития и тенденций языкознания в це-

лом. «Согласно Куну, наука, достигшая определенного уровня развития (“зрелая наука”), развивается циклически: периоды планомерной деятельности (то, что Кун называет “нормальной наукой”)» [Ромашко, 1985, с. 21]. Пользуясь понятийными аппаратами Т. Куна применительно к истории монгольского языкознания, можем сказать, что в период культурной революции в бывших СССР и МНР бурятское и монгольское языкознание в XX столетии стали зрелыми лингвистическими отраслями собственно монголоведения. Калмыцкое языкознание в годы войны 1941–1945 гг. было приостановлено: народ депортировали, республику упразднили – эти печальные события отразились на науке, что сказывается до сих пор.

Языкознание в Монголии возникло и развивалось под непосредственным влиянием российского монголоведения. «Нормальное» языкознание в России (Москва, Ленинград, Улан-Удэ) сложилось во II половине XX в. В послевоенные годы возникла школа лингвистов-монголоведов Н. Н. Поппе в США, где были переведены и переизданы наиболее ценные его труды и работы его учеников.

В конце прошлого века реанимируется языкознание в Калмыкии, лингвистика стала интенсивно развиваться во Внутренней Монголии в университетах Хухэ-хото, Урумчи, в системах Академии общественных наук АРВМ.

А. В. Десницкая рассматривала сравнительно-историческое языкознание как «качественно новое научное направление, открывшее свой собственный круг исследовательских проблем и совершенно новые методы подхода к языковым фактам» [1984, с. 3–4].

XX век ознаменовался возникновением сравнительно-исторического направления в монгольском языкознании, что указывает на то, что оно вступило в новую фазу своего исторического развития.

Абрамян 1978 – *Абрамян Э. Г.* Инновации и стереотипизация как механизм развития этнической культуры // *Методологические проблемы исследования этнических культур: мат-лы симпозиума.* – Ереван, 1978.

Авляев 2002 – *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. – Элиста: КИГИ РАН, 2002.

Алексеев 1955 – *Алексеев Д. А.* Именные части речи в монгольских языках // *Вопросы языкознания.* – 1955. – № 4.

Алексеева 1989 – *Алексеева Е. А.* Онтология сознания: проблемы исследования // *Человек: философские аспекты сознания и деятельности.* – Минск, 1989.

Алпатов 1996 – *Алпатов В. М.* Николай-Николас Поппе. – М., 1996.

Ангархаев 1999 – *Ангархаев А. Л.* Истоки. – Улан-Удэ, 1999.

Андреев 1964 – *Андреев В. И.* История бурятской школы (1804–1962 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.

Аноним 1835 – *Аноним*, рец. на кн.: *О. М. Ковалевский.* Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835 // *Сев. пчела.* – 1835. – № 265.

Аноним 1838 – *Аноним.* Обзорение книг, вышедших в России в 1835 г. // *ЖМНП.* – 1838. – Ч. 19, вып. 8.

Античные теории... 1936 – *Античные теории языка и стиля* / под общ. ред. *О. М. Фрейденберг.* – М., 1936.

Ахманова 1958 – *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1958.

Ахметьянов 1985 – *Ахметьянов Р. Г.* Об историзме в этимологии // *Теория и практика этимологических исследований.* – М.: Вост. лит., 1985.

Бадмаев 1966 – *Бадмаев Б. Б.* Предисловие // *Грамматика калмыцкого языка. Морфология.* – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966.

Бадмаев 2001 – *Бадмаев Б. В.* Проблема служебных частей речи в современном калмыцком языке: послелогои // *Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка.* – Элиста: КИГИ РАН, 2001.

Балданжапов 1962a – *Балданжанов П. Б.* *ᠵᠢᠷᠦᠭᠡᠨ-ᠦᠲᠤᠯᠠ-ᠶᠢᠨᠲᠠᠶᠢᠯᠦᠷᠢ.* Монгольское грамматическое сочинение XVIII в. // *Введ., монг. текст и рус. пер., примеч.* – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962a.

Балданжапов 1962b – *Балданжанов П. Б.* *Kelen-ᠦ ᠸᠡᠮᠡᠭ.* Монгольское грамматическое сочинение XIX в. // *Монгольский текст в факсимиле ксилографа в латинской транскрипции и русском переводе. Список тек-*

стов Kelen-ü čimeg. в прил.: грамматика тибетского языка. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962б.

Балдунников 1926 – *Балдунников А.* Предание о Чингис-хане // Бурят-товедческий сб. Вып. 1. – Иркутск: Обл. кн. изд-во, 1926.

Бальбуров 1962 – *Бальбуров А. А.* Поющие стрелы. Роман. – М.: Сов. Россия, 1962.

Бамбаев 1929 – *Бамбаев Б. Б.* К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Бурятиеведение. – 1929. – Т. I–II (9–10).

Банзаров 1846 – *Банзаров Д.* Манчжурско-русско-монгольский словарь. Рукопись.

Банзаров 1891 – Черная вера, или Шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова. – СПб., 1891.

Банзаров 1955 – *Банзаров Д.* Собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Банзаров 1997 – *Банзаров Д. В. В.* Письма Григорьеву // Собр. соч. – Улан-Удэ, 1997.

Барашков 1977 – *Барашков П. П.* О происхождении слов «саха» и «якут» // Полярная звезда. – 1977. – № 4.

Бартольд 1963 – *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. – М.: Вост. лит., 1963.

Бартольд 1966 – *Бартольд В. В.* Монгольское завоевание и его влияние на персидскую культуру // Соч. Т. VI. – М.: Вост. лит., 1966.

Бартольд 1968 – *Бартольд В. В.* Соч. Т. V. – М.: Вост. лит., 1968.

Бартольд 1977а – *Бартольд В. В. П. М.* Мелиоранский (Некролог) // Соч. Т. IX. – М.: Вост. лит., 1977а.

Бартольд 1977б – *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Соч. Т. 9 (1924, 1925). – М.: Вост. лит., 1977б.

Баскаков 1993 – *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: О-во «Мишель»; Вост. лит., 1993.

Бачаева 2002 – *Бачаева С. Е.* Социальная терминология в Монгольско-русско-французском словаре О. М. Ковалевского // Монголоведение. – 2002. – Вып. 1.

Баяртуев 2001. – *Баяртуев Б.* К предыстории бурят-монгольской литературы. – Улан-Удэ, 2001.

Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.

Березин 1850/1997 – *Березин И. Н.*, рец. на кн.: Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849 // Д. Банзаров. Собр. соч. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Березин 1858 – *Березин И. Н.* Примечания // Рашид-эд-Дин. Сборник летописей. Кн. 1, ч. 1. – СПб., 1858 (Тр. вост. отд-ния РАО, т. 5).

Березин 1888 – *Березин И. Н.* Примечания // Рашид-эд-Дин. Сборник летописей. Кн. 3. – СПб., 1888 (Тр. вост. отд-ния РАО, т. 15).

Бертагаев 1956 – *Бертагаев Т. А.* Проблема классификации частей речи (на материале монгольских языков) // Зап. БМНИИК. – 1956. – Ч. XXI.

Бертагаев, Цыдендамбаев 1962 – *Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б.* Сложное предложение. Общая часть // Грамматика бурятского языка. Синтаксис. – М.: Вост. лит., 1962.

Бертагаев 1969 – *Бертагаев Т. А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. – М.: Наука, 1969.

Бертагаев 1979 – *Бертагаев Т. А.* От редактора // Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979.

Билэгт 1993 – *Билэгт Л.* Гипотеза о времени ухода монголов в Эргунэ-Кун // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1993.

Билэгт, Деревянко 2000 – *Билэгт Л., Деревянко Е. И.* Эргэнэ-кун – родина монголов // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.

Бира 1978 – *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–XVII вв.). – М.: Наука, 1978.

Биткеев 1995 – *Биткеев П. И.* Языки и письменные системы монгольских народов. – Элиста: АПП «Джангар», 1995.

Бобровников 1835 – *Бобровников А. И.* Грамматика монгольского языка. – СПб., 1835.

Бобровников 1849 – *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1849.

Бобровников 1856 – *Бобровников А. А.* Устные наставления манджушрия // Вестн. Рус. Геогр. о-ва (РГО). – 1856. – № 3, ч. VII.

Бобровников 1870 – *Бобровников А. А.* Памятники монгольского квадратного письма. – СПб., 1870.

Бокодорова 1990 – *Бокодорова Н. Ю.* Историография лингвистики // ЛЭС. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1–4 / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001–2002.

Большой немецко-русский словарь. В 2 т., т. 1. – М.: Рус. яз., 1969.

- Бор 1992 – *Бор Ж.* О происхождении бурят-монгололв // Банзаровские чтения (К 170-летию со дня рождения Д. Банзарова). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992.
- Боровков 1965 – *Боровков А. К.* К истории словаря «Мукаддимат ал-адаб» Замахшири // Вопросы языкознания. – 1965. – № 2.
- Бочарников 2003 – *Бочарников А. Е.* Семантический словарь. – Нижний Новгород: Дело, 2003.
- БСЭ 1990 – *Байер Г. З.* // БСЭ. – 1990. – Т. 2.
- Будаев 1978 – *Будаев Ц. Д.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск: Наука, 1978.
- Будаев 1992 – *Будаев Ц. Д.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). – Новосибирск: Наука, 1992.
- Булич 1904 – *Булич С. К.* Очерк истории русского языкознания в России (XIII в. – 1825 г.). – СПб.: Тип. М. Меркулова, 1904.
- Бураев 1959 – *Бураев И. Д.* Звуковой состав бурятского языка. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959.
- Бураев 1962 – *Бураев И. Д.* Фонетика // Грамматика бурятского языка. – М.: Вост. лит., 1962.
- Бураев 1987 – *Бураев И. Д.* Становление бурятского языка. – Улан-Удэ, 1987.
- Бураев 1992 – *Бураев И. Д.* Звуковой состав бурятского языка. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992.
- Бураев 1995 – *Бураев И. Д.* Эволюция консонантизма // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. – Новосибирск: Наука, 1995.
- Бураев, Шагдаров 2004 – *Бураев И. Д., Шагдаров Л. Д.* Строй бурятского языка // Буряты. – М.: Наука, 2004.
- Бурлаков 1915 – *Бурлаков Н. Н.* К истории учебных заведений г. Верхнеудинска // Сибирский архив. – 1915. – № 7–9.
- Бурнэ 2005 – *Бурнэ Д.* Об актуальности изучения тибетско-монгольских словарей // Письменное наследие монгольских народов: мат-лы I междунар. семинара (Улан-Удэ, 2–6 августа 2004 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
- Бурыкин, Омакаева 1999 – *Бурыкин А. А., Омакаева Э. У.* Русско-калмыцкий словарь половины XVIII века как памятник отечественного калмыковедения // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы междунар. симпозиума. Ч. 1. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.

Вагин 1872 – *Вагин В.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1. – СПб., 1872.

Валеев 1998 – *Валеев Р. М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). – Казань: Изд-во КГУ, 1998.

Валеев 2002 – *Валеев Р. М.* Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность. – Казань: Изд-во КГУ, 2002.

Валеев 2004 – *Валеев Р. М.* Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). – Казань: Алма-Лит., 2004.

Варбот 1993 – *Варбот Ж. Ж.* Предисловие // Н. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т., т. 1. – М.: Рус. яз., 1993.

Васильев 1857 – *Васильев В. П.* История и древности Восточной Азии от X до XIII века. – СПб., 1857.

Васильев 1858 – *Васильев В. П.*, рец. на кн.: Нил, архиепископ. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям, обитающим в Сибири // ЖМНП. – 1858. – Ч. 100 (X–XII). – № 10–12.

Венгеров 1891 – *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 2. Вып. 22–30. – СПб., 1891.

Верба 1978 – *Верба Н. К.* Древнемонгольский комплекс с интервокальными согласными и его эквиваленты в современном монгольском языке. АКД. – М.: ИЯ АН СССР, 1978.

Вернадский 1981 – *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981.

Веселовский 1865 – *Веселовский К. С.* Историческое обозрение трудов Академии наук на пользу России в прошлом и текущем столетии. – СПб., 1865.

Веселовский 1879 – *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. – СПб., 1879.

Винокур 2000 – *Винокур Г. О.* Введение в изучение филологических наук. – М.: Высшая школа, 2000.

Висковатов 1841 – *Висковатов А. В.* Исторические описания одежды и вооружения российских войск. В 30 ч., ч. 1. – СПб.: Воен. тип., 1841.

Владимирцов 1923 – *Владимирцов Б. Я.* Предисловие // Монголо-ойратский героический эпос. – Пг., 1923.

Владимирцов 1925 – *Владимирцов Б. Я.* Березин – монголист // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее. Т. 1. – Л., 1925.

Владимирцов 1926 – *Владимирцов Б. Я.* Об окончании множественного числа в монгольском языке // Докл. АН СССР. – Л., 1926.

Владимирцов 1929 – *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – Л.: Изд-во Вост. ин-та, 1929.

Владимирцов 2002a – *Б. Я. Владимирцов.* Чингис-хан // Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2002a.

Владимирцов 2002б – *Б. Я. Владимирцов.* О прозвище «*Dayan-qaya*» // Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2002б.

Владимирцов 2003 – *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из *Rančatantra* // Работы по литературе монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2003.

Владимирцов 2005a – *Владимирцов Б. Я.* Анонимный грузинский историк XIV в. о монгольском языке // Работы по монгольскому языкознанию. – М.: Вост. лит., 2005a.

Владимирцов 2005б – *Владимирцов Б. Я.* О тибетско-монгольском словаре *ličihi gur khan* // Работы по монгольскому языкознанию. – М.: Вост. лит., 2005б.

Воробьева 1959 – *Воробьева А. И.* Монгольское грамматическое сочинение *Kelen-ū čimeg* // Проблемы востоковедения. – 1959. – № 6. – С. 148–151.

Воспоминания, отзывы, рассказы современников, ученых и общественных деятелей (XIX – начало XX в.) / сост. В. Э. Раднаев. – Улан-Удэ, 1997.

Востриков 1935 – *Востриков А. И. С. Ф.* Ольденбург и изучение Тибета // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 4. – М.; Л., 1935.

Габуев 2002 – *Габуев З. К.* Этногенетические представления древних кочевников Великой Степи: иранцы и турки. – М.: Вост. лит., 2002.

Галиев 1997 – *Галиев В.* Неопубликованные письма Доржи Банзарова // Банзаров Д. Собр. соч. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Галсан 1975 – *Галсан С.* Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика и морфология. Ч. 1. – Улан-Батор: Госиздат, 1975.

Герье 1871 – *Герье В. И.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам в Ганноверской библиотеке. – СПб., 1871.

Гируцкий 2003 – *Гируцкий А. А.* Общее языкознание. – Минск, 2003.

Гмелин 1783 – *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. – СПб., 1783.

Голстунский 1885 – *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. В 3 т. – СПб.: Литогр. А. Иконникова, 1893, 1885.

Голстунский 1938 – *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. 2-е изд. Т. 1–2. – Л., 1938.

Гольман 2004 – *Гольман М. И.* Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е и середина 90-х годов XX века. – М.: ИВ РАН, 2004.

Гомбоев 1857 – *Гомбоев Г.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Платона Карпини // Зап. Археол. о-ва. Т. 13. – СПб., 1857.

Григорьев 1842 – *Григорьев В. В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. – М., 1842.

Григорьев 1850 – *Григорьев В. В.*, рец. на кн.: О. М. Ковалевский. Монголо-русско-французский словарь. Т. 3. Казань, 1849 // Северное обозрение. – 1890. – Т. 3, кн. 1.

Григорьев 1863 – *Григорьев В. В. А. А. Бобровников* (Записка, читанная в общем собрании Археологического общества 11 октября 1863) // Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам (1816–1881). – СПб., 1887.

Григорьев 1978 – *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика. XIII–XV вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.

Григорьев 1997 – *Григорьев В. В.* Монгол с европейской ученостью // Доржи Банзаров (Воспоминания, отзывы, рассказы современников, ученых и общественных деятелей XIX – начала XX в.). – Улан-Удэ, 1997.

Грум-Гржимайло 1926 – *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. В 2 кн., кн. 2. – М., 1926.

Груссе 2000 – *Груссе Р.* Чингисхан. Покоритель вселенной / пер. с фр., вступ. слово Е. А. Соколова. – М.: Молодая гвардия, 2000.

Гумилев 1980 – *Гумилев Л. Н.* Хунну. – М.: Изд-во Вост. лит., 1980.

Гурий 1910 – *Гурий* (в миру *Степанов Н.*). Первые (дошедшие до нас) труды по исследованию калмыцкого языка. – Казань, 1910.

Д'Оссон К. 1937 – *Д'Оссон К.* История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана / предисл., примеч. и пер. Н. Н. Козьмина. – Иркутск: ОГИЗ, 1937.

Далай 1983 – *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV веках / пер. с монг. Н. Ц. Мункуева. – М.: Наука, 1983.

Даль 1991 – *Даль В. М.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т., т. 4. – М.: Рус. яз., 1991.

Дандарон, Семичев 1960 – Дандарон Б. Д., Семичев П. В. О тибетско-монгольском словаре «Источник мудрецов» // Тр. БКНИИ. – 1960. – Вып. 3.

Дандарон, Пубаев 1968 – Дандарон Б. Д., Пубаев Р. Е. Источник мудрецов. Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма. Ч. 1. Парамита и мадхьямика. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968.

Дамдинов 2001 – Дамдинов Д. Г. К вопросу об ономастике прародины монголов // Буряад Унэн. – 2001. – 12 июля.

Дарбеева 1996 – Дарбеева А. А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1996.

Дарбеева 1997 – Дарбеева А. А. Бурятский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Корейский язык. Японский язык. – М.: Индрик, 1997.

Дашиева 2001 – Дашиева Н. Б. Календарь и календарная обрядность в традиционной культуре бурят (Структурно-функциональный, культурно-семантический и историко-генетический анализ). – М., 2001.

Десницкая 1981 – Десницкая А. В. Предисловие // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. – Л.: Наука, 1981.

Джолжанов 1997 – Джолжанов М. Еще раз о титуле «чингисхан» // Хальмаг Унн. – 1997.

Дмитриев 1958 – Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. – М.: Вост. лит., 1958.

Дондуков 1958 – Дондуков У.-Ж. Ш. К истории изучения грамматического строя бурят-монгольского языка // К 35-летию Института культуры. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958.

Дондуков 1960 – Дондуков У.-Ж. Ш. Г. Ц. Цыбиков как филолог-монголист // Краеведческий сборник. Вып. 5. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960.

Дондуков 1962 – Дондуков У.-Ж. Ш. Союзы // Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М.: Вост. лит., 1962.

Дондуков 1973 – Дондуков У.-Ж. Ш. О филологических изысканиях Доржи Банзарова // Первый бурятский ученый (к 150-летию со дня рождения Д. Банзарова). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973.

Дондуков 1976 – Дондуков У.-Ж. Ш. Вклад Доржи Банзарова в филологическую науку // Байкал. – 1976. – № 5.

Дондуков 1978 – Дондуков У.-Ж. Ш. К происхождению слова-этнонима «якут» // Сов. тюркология. – 1978. – № 4.

Дондуков 1992 – *Дондуков У.-Ж. Ш.* Монгол – человек с берегов реки Мон... // Доржи Банзаров: жизнь и деятельность. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1992.

Дондуков 1997 – *Дондуков У.-Ж. Ш.* Этноним «якут» и «саха» – бурятские слова // Банзаровские чтения-2: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения Д. Банзарова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Дорджинов 1955 – *Дорджинов Н. С.* Библиография литературы о Д. Банзарове // Д. Банзаров. Собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Доржиев 1992 – *Доржиев Д.-Н. Д.* Старобурятский язык. – Улан-Удэ, 1992.

Доржиев 2003 – *Доржиев Д.-Н. Д. Г. Д. Санжеев* о структуре предложения и знаках препинания в монгольских языках // Санжеевские чтения-3: мат-лы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Г. Д. Санжеева. Ч. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. – М., 1969.

Дугаров 1996 – *Дугаров Б. С.* К вопросу о происхождении слова «чингис» // Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996.

Дугаров 2004 – *Дугаров В. Д.* Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв. (Вопросы историографии). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004.

Дугаров 2000 – *Дугаров Д. С.* К проблеме происхождения монголов // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.

Егодурова 2001а – *Егодурова В. М.* Глагол в бурятском языке: история изучения. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001.

Егодурова 2001б – *Егодурова В. М.* Глагол в ранних грамматиках по монгольскому языку // Глагол в бурятском языке: история изучения. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001.

Егодурова 2003 – *Егодурова В. М.* Бурятский глагол. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003.

Егоров 1997 – *Егоров В. Л.* Александр Невский и чингизиды // Отечественная история. – 1997. – № 2.

Ермакова 1998 – *Ермакова Т. В.* Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – I четверти XX века. – СПб.: Наука, 1998.

Жамцарано 1904 – *Жамцарано Ц.* Пайзы у монголов в настоящее время // Зап. Вост. отд-ния РАО. – Т. 22, вып. 1–2. – СПб., 1904.

Жамьян 1970 – *Жамьян Г.* Обозначение долгих в ойратском «Ясном письме» // НАА. – 1970. – № 5.

Жаргалов 1992 – *Жаргалов А. С.* Доржи Банзаров о сравнительном изучении языков // Банзаровские чтения: мат-лы науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Д. Банзарова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992.

Жиль 1847 – *Жиль А. Ф.* О татарском вооружении, хранящемся в музее в Царском Селе // Зап. археол.-нумизмат. о-ва. Т. 1–2. – СПб., 1847.

Жуковская 1970 – *Жуковская Н. Л.* К вопросу о соотношении социального титула и личного имени у монголов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Наука, 1970.

Загоскин 1865 – *Загоскин М. Н.* Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове // Сибирский вестник. – 1865. – № 42–43.

Загоскин 1904 – *Загоскин М. Н.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета за 100 лет (1804–1904). В 2 т., т. 2. – Казань, 1904.

Захарьин, Карапетьянц 2000 – *Захарьин Б. А., Карапетьянц А. М.* О постановке курса «История лингвистических учений Востока» // Востоковедное образование в университетах России: тез. докл. – М., 2000.

Заятуев 1980 – *Заятуев Г. Н. Н. Я. Бичурин и Д. Банзаров* // Исследования по культуре народов Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1980.

Знаменский 1892 – *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за I (дореформенный) период существования (1842–1870 годы). – Казань, 1892.

Зограф 1984 – *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция: язык монгольской канцелярии в Китае. – М., 1984.

Зориктуев 2000 – *Зориктуев Б. Р.* Монголы и лесные народы (события 1207 и 1217 гг.) // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12.

Зориктуев 2004 – *Зориктуев Б. Р.* Ранние монголы и проблема Эргунэ-куна // JCANAS XXXVI. Т. 2. – М.: Вост. лит., 2004.

Иакинф, о. (Н. Я. Бичурин) 1850 – *Иакинф.* Кто таковы были монголы // Москвитянин. – 1850. – № 24, кн. 2.

Ильминский 1865 – *Ильминский Н. И.* Воспоминания о Алексее Александровиче Бобровникове // Изв. и уч. зап. Казан. ун-та. – 1865. – Т. 1, кн. 5.

Иориш 1972 – *Иориш И. И.* Востоковедение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972.

Именохоев 1992 – *Именохоев Н. В.* Д. Банзаров и древнемонгольские памятники // Банзаровские чтения, посвящ. 170-летию со дня рождения Д. Банзарова: мат-лы науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992.

Камчатнов, Николина 1999 – *Камчатнов А. М., Николина Н. А.* Введение в языкознание. – М.: Флинта; Наука, 1999.

Калмыцко-русский словарь / отв. ред. Б. Д. Муниев. – М.: Рус. яз., 1977.

Кандель 1956 – *Кандель П. Л.* Немецкий ученый о Доржи Банзарове // Зап. БМНИИК. – 1956. – Вып. XXI.

Касьяненко 1968 – *Касьяненко З. К.* Современный монгольский язык. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

Кара 1972 – *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (Семь веков монгольской письменности). – М.: Наука, 1972.

Катенина, Рудой 1980 – *Катенина Т. Е., Рудой В. И.* Лингвистические знания в Древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. – Л.: Наука, 1980.

Кемпф 2009 – *Кемпф Б.* Заметки к этимологии этнонима «ойрат» // Проблемы монголоведения и алтаистических исследований: мат-лы науч. конф., посвящ. 70-летию проф. В. И. Рассадина (Элиста, 11–13 сент. 2009 г.). – Элиста: Изд-во КГУ, 2009.

Ким 1972 – *Ким Н. В.* Изучение Бурятии // Очерки истории культуры Бурятии. В 2 т., т. 1. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972.

Ким 1992 – *Ким Н. В.* Доржи Банзаров: биограф. очерк. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992.

Киселев 1965 – *Киселев С. В.* Город на р. Хирхира // Древнемонгольские города. – М.: Наука, 1965.

Кичиков 1957 – *Кичиков А. Ш.* О происхождении имени «монгол» // Учен. зап. Калмыцкого НИИЯЛИ. – 1957. – Вып. V.

Клюкин 1927 – *Клюкин И. А.* Древнейшая монгольская надпись на Хархирском (Чингисовом) камне // Тр. ДВГУ. Сер. 6. – 1927. – № 5.

Кляшторный 1993 – *Кляшторный С. Г.* Государство татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica* (к 750-летию «Сокровенного сказания монголов»). – М.: Наука, 1993.

Ковалевский 1834 – *Ковалевский О. М.* Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям в библиотеке Казанского университета хранящимся // Уч. зап. Казан. ун-та. – 1834. – Кн. 2.

Ковалевский 1835 – *Ковалевский О. М.* Краткая грамматика монгольского книжного языка. – Казань, 1835.

Ковалевский 1837 – *Ковалевский О. М.* О знакомстве европейцев с Азией. – Казань, 1837.

Ковалевский 1844, 1846, 1849а – *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. В 3 т., т. 1–3. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1844, 1846, 1849а.

Ковалевский 1849б – *Ковалевский О. М.*, рец. на кн.: А. В. Попов. Грамматика калмыцкого языка. – Казань: 1847 // 18-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. – СПб., 1849б.

Ковалевский 1851 – *Ковалевский О. М.*, рец. на кн.: А. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань: 1849 // 20-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. – СПб., 1851.

Козин 1941 – *Козин С. А.* Сокровенное сказание монголов. Монг. хроника 1240 г. Т. 1 / Введ., рус. пер., глоссарии. – М.: Изд-во АН СССР, 1941.

Кононов 1958 – *Кононов А. Н.* Востоковедение // История Академии наук СССР. В 2 т., т. 1 (1724–1803 гг.). – М.; Л.: Наука, 1958.

Кононов 1964 – *Кононов А. Н.* Востоковедение // История Академии наук СССР. В 2 т., т. 2 (1803–1917 гг.). – М.; Л.: Наука, 1964.

Корбут 1930 – *Корбут М. К.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 1. – Казань: Изд-во КГУ, 1930.

Корсункиев 1980 – *Корсункиев Ц. К.* Еще раз о дешифровке надписи на так называемом «Чингисовом» (Хирхиринском) камне // Хэл зохиол судлал. – 1980. – Т. 15, fasc. 5.

Котвич 1902 – *Котвич В. Л.* Лекции по грамматике монгольского письменного языка / изд. Э. Мауринга и Э. Беренса. – СПб., 1902.

Котвич 1915 – *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. – Пб., 1915.

Котвич 1929 – *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. – Прага, 1929.

Крамаровский 2002 – *Крамаровский М. Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник-2001. Золотая Орда и ее наследие. – М.: Наука, 2002.

Крылов 2004 – *Крылов С. А.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и сметные проблемы общей лингвистики. Ч. 1: Морфемика, морфология, элементы фонологической трансформаторики (в аспектах общей теории морфологических и морфологических моделей). – М.: Вост. лит., 2004.

Кузнецов 1925 – *Кузнецов А. К.* Развалины Кондуйского городка и его окрестностей. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1925.

Кузнецов 1965 – *Кузнецов Б. И.* О традициях изучения тибетского языка и о проблеме частей речи в тибетском языке // Тр. БКНИИ СО АН СССР. Сер. востоковедная. – 1965. – Вып. 16.

Кузьменков 1991 – *Кузьменков Е. А.* Именные классы слов в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. – Новосибирск: Наука, 1991.

Куликова, Кычанов 1990 – *Куликова А. М., Кычанов Е. И.* Востоковедение в России в 18-м столетии // История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука, 1990.

Кызласов 1975 – *Кызласов Л. Р.* Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975.

Кычанов 1980а – *Кычанов Е. И.* Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980а.

Кычанов 1980б – *Кычанов Е. И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. – Новосибирск: Наука, 1980б.

Кычанов 1995 – *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингисхан: личность и эпоха. – М.: Вост. лит., 1995.

Кычанов 1998 – *Кычанов Е. И.* Золотой век монгольской конницы // Живая история Востока. – М.: Знание, 1998.

Лауфер 1927 – *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы / пер. В. А. Казакевича, под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. – Л.: Изд-во Вост. ин-та, 1927.

Ливотова, Португаль 1966 – *Ливотова О. Э., Португаль В. Б.* Востоковедение в издании Академии наук 1726–1917. Библиография. – М.: Наука, 1996.

Лигети 1955 – *Лигети Л.*, рец. на кн.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. – М., 1953 // Вопросы языкознания. – 1955. – № 5. – С. 133–140.

Лиховицкий 1905 – *Лиховицкий А.* Просвещение в Сибири в первой половине XVII столетия // ЖМНП. – 1905. – Ч. 360.

Лобачевский 1976 – *Лобачевский Н. И.* Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма. – М.: Наука, 1976.

Ломоносов 1952 – *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Собр. соч. Т. 7, § 40. – М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Лосев 1977 – *Лосев А. Ф.* О коммуникативном значении грамматических категорий // *Имя.* – СПб., 1977.

Лувсанбалдан 1973 – *Лувсанбалдан Х.* Вопросы обозначения долгих гласных в «Ясном письме» // *Олон улсын монголч эрдэмтний II хурал. II боть.* – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1973.

Лувсанвандан 1977 – *Лувсанвандан Ш.* К проблеме долгих гласных среднемонгольского языка // *Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть.* – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1977.

Лувсанданзан 1973 – *Лувсанданзан.* Алтан тобчи / пер. с монг., введ., коммент. и примеч. Н. П. Шастиной (ППВ, X). – М.: Наука, 1973.

Лувсандэндэв 1957 – *Монгольско-русский словарь.* – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.

ЛЭС 1990 – Г. Д. Санжеев. Монгольские языки // *ЛЭС.* – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Мазитова 1972 – *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (I половина XIX в.). – Казань: Изд-во КГУ, 1972.

Максимова 2002 – *Максимова М. И.* Г. Байер (1654–1738) и русское калмыковедение // *Монголоведение. Вып. 1.* – Элиста, 2002.

Мальцева 1960 – *Мальцева Е. В.* Пятиязычный маньчжурско-тибетско-монгольско-уйгурско-китайский словарь // *Тр. БКНИИ.* – 1960. – Вып. 3 (Сер. востоковедная).

Маслов 1998 – *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. Изд. 3-е, испр. – М.: Высшая школа, 1998.

Матхеев 1973 – *Матхеев Б. В.* Доржи Банзаров и русское монголоведение I половины XIX в. // *Первый бурятский ученый (К 150-летию со дня рождения Д. Банзарова).* – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973.

Мелиоранский 1904 – *Мелиоранский П. М.* Араб-филолог о монгольском языке // *Зап. Вост. отд-ния РАО.* – 1904. – Т. XV.

Меншуткин 1996 – *Меншуткин Б. Н.* Ломоносов Михаил Васильевич // *РБС (т. Лабзина – Ященко).* – СПб.; М., 1996.

Миллер 1999 – *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. Изд. 2-е, доп. – М.: Вост. лит., 1999.

Митиров 1998 – *Митиров А. Г.* Ойраты – калмыки: века и поколения. – Элиста: КИГИ РАН, 1998.

Митрошкина 2001 – *Митрошкина А. Г.* Названия орудий в работе Д. Банзарова и их онимизация в бурятской среде // *Актуальные проблемы востоковедения: мат-лы конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б. Д. Бадараева: сб. ст.* – Улан-Удэ, 2001.

Михайлов 1955 – *Михайлов Г. И.* Вопросы филологии в трудах Д. Банзарова // К столетию со дня смерти Д. Банзарова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1955.

Михайлова, Шамов 1972 – *Михайлова С. М., Шамов Г. Ф.* Востоковедение // Казанский университет 1804–1979 гг. Очерки истории. – Казань: Изд-во КГУ, 1972.

Михайлова 1991 – *Михайлова С. М.* Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX век). – Казань: Изд-во КГУ, 1991.

Мункуев 1975 – *Мункуев Н. Ц.* Комментарий / рус. пер. с кит., введ., прил. Н. Ц. Мункуева // Мэн-да бэй лу. – М.: Наука, 1975.

Мункуев 1977 – *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах // Татары – монголы в Азии и Европе. – М.: Наука, 1977.

Мункуев 1978 – *Мункуев Н. Ц.* Чингисхан // БСЭ. – 1978. – Т. 29.

Мурзаев 1962 – *Мурзаев Э. М.* Топонимика Синьцзяна // Географические названия. – М.: Географгиз, 1962.

Мусаев 2002 – *Мусаев К. М.* Небо у алтайских народов в свете пратюркской реконструкции // Человек в зеркале языка. – М.: Ариадна, 2002.

Навроцкий 1840 – *Навроцкий М. Т.* Краткие замечания о различиях между калмыцким и монгольским языками // Уч. зап. Казан. ун-та. – 1840. – № 3.

Наделяев 1972 – *Наделяев В. М.* Тибетская грамматическая традиция в монгольской национальной грамматике // История и культура востока Азии. Т. 1. – Новосибирск: Наука, 1972.

Наделяев 1988 – *Наделяев В. М.* Современный монгольский язык. Морфология. – Новосибирск: Наука, 1988.

Найдаков 1997 – *Найдаков В. Ц.* Предисловие // Д. Банзаров. Собр. соч. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Никонов 1962 – *Никонов В. А.* Вопросы топонимики Востока // Топонимика Востока. – М.: Наука, 1962.

Никонов 1965 – *Никонов В. А.* Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965.

Орловская 1961 – *Орловская М. Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. – М.: Вост. лит., 1961.

Орловская 1992 – *Орловская М. Н.* Памятники монгольской письменности XIII–XIV вв. как источники для изучения древнемонгольского языка // Монгольский лингвистический сборник. – М.: ИЯ РАН, 1992.

Орловская 1993 – *Орловская М. Н.* Индотибетские традиции в монгольском языкознании // Исследования по истории монгольских языков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993.

Орловская 1997 – *Орловская М. Н.* Старописьменный монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. – М.: Индрик, 1997.

Очерки истории Казанского университета. – Казань: Изд-во КГУ, 2002.

Очир-Гаряев 1988 – *Очир-Гаряев В. Э.* К истории формирования калмыковедения (первые грамматики калмыцкого языка) // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988.

Паллас 1797 и 1789 – *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы Екатерины II. Т. 1. – СПб., 1797; Т. 2. – СПб., 1789.

Панкратов 1989 – *Панкратов П. И.* Об этимологии титула «чингис» // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия. Кн. 3. – М.: Наука, 1989.

Пашков 1955а – *Пашков Б. К.* Доржи Банзаров как маньчжуровед // К столетию со дня смерти Д. Банзарова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1955а.

Пашков 1955б – *Пашков Б. К.* Выступление // К столетию со дня смерти Д. Банзарова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1955б.

Пекарский 1973 – *Пекарский Э. К.* Якутско-русский словарь. – Якутск, 1973.

Петров 1943 – *Петров Л. А.* Доржи Банзаров. Первый бурят-монгольский ученый. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943.

Пизани 1956 – *Пизани В.* Этимология. История – проблемы – метод / пер. с итал. Д. Э. Розенталя; под ред. и с предисл. В. И. Абаева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956.

Позднеев 1896 – *Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы. Т. 1. – СПб.: Литограф. СПб. ун-та, 1896.

Позднеев 1897 – *Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы. Т. 2. – СПб.: Литограф. СПб. ун-та, 1897.

Полянская 2004 – *Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (I половина XIX в.) – Улан-Удэ: Изд.-полигр. компл. ВСГАКИ, 2004.

Попов 1847 – *Попов А. В.* Грамматика калмыцкого языка. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1847.

Попов 1850 – *Попов А. В.* Ответ на рецензию г-на проф. Ковалевско-го, написанную им по поручению императорской Академии наук на «Грамматику калмыцкого языка» проф. А. В. Попова // ЖМНО. – 1850. – Ч. 67, кн. 7–9. – Отд. VI.

Попов 1855 – *Попов А. В.* Краткий взгляд на развитие преподавания восточных языков в русских университетах и других учебных заведениях Министерства народного просвещения // ЖМНО. – 1855. – Ч. 88, кн. 10–12. – Отд. 11.

Поппе 1925 – *Поппе Н. Н.* Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини // Зап. коллегии востоковедов. Т. 1. – Л., 1925.

Поппе 1929 – *Поппе Н. Н.* О системах письменности, применявшихся монголами и авторами трудов о монгольском языке // Культура и письменность Востока. Кн. 5. – Баку, 1929.

Поппе 1933 – *Поппе Н. Н.* Бурят-монгольское языкознание. – Л.: Изд-во АН СССР; Ин-т культуры БМАССР, 1933.

Поппе 1937 – *Поппе Н. Н.* Современное состояние изучения монгольской литературы за границей // Зап. ИВ АН СССР. Т. VIII. – Л., 1937.

Поппе 1938а – *Поппе Н. Н.* Итоги исследования монгольского языка и монгольской литературы в СССР за двадцать лет // Изв. АН СССР. – 1938а. – Вып. 5 (Сер. обществ. наук).

Поппе 1938б – *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб». – М.: Изд-во АН СССР, 1938б.

Поппе 1940 – *Поппе Н. Н.* О частях речи в монгольском языке (Опыт классификации) // Сов. востоковедение. Вып. 1. – М.; Л., 1940.

Поппе 1941 – *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. Вып. 1. – Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1941.

Похлебкин 1999 – *Похлебкин В. В.* Все ханы Золотой Орды (1236–1484 гг.). Хронологическая таблица. – М.: Изд-во МГИМО, 1999.

Пубаев 1965 – *Пубаев Р. Е.* Тибетско-монгольский словарь бурята хуацайского рода Галсан-Жимбы Тугулдурова // Тр. БКНИИ. – 1965. – Т. 16. – Вып. 2.

Пучковский 1949 – *Пучковский Л. С.* Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна и Ульдзойту (1309) // Сов. востоковедение. – 1949. – Т. VI.

Пучковский 1960 – *Пучковский Л. С.* Александр Васильевич Игуменов (1761–1834) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 3. – М.: Вост. лит., 1960.

Пюрбеев 1969 – *Пюрбеев Г. Ц.* К вопросу об устойчивых сочетаниях и фразеологизмах // Система и уровни языка. – М.: Наука, 1969.

Пюрбеев 1972 – *Пюрбеев Г. Ц.* Глагольная фразеология монгольских языков. – М.: Наука, 1972.

Пюрбеев 1977 – *Пюрбеев Г. Ц.* Краткий очерк изучения калмыцкого синтаксиса // Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977.

Радлов 1892–1893 – *Радлов В. В.* Атлас древностей Монголии. Вып. 1. – СПб.: Тип. Импер. академии наук, 1892–1893.

Радлов 1896 – *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских языков. Т. 3, ч. 1. – СПб.: Вост. лит., 1893.

Раднаев 1976 – *Раднаев В. Э.*, рец. на кн.: Зарубежные ученые о Монголии // Азия и Африка сегодня. – 1976. – № 9.

Раднаев 2001 – *Раднаев В. Э.* Отчет о работе научной конференции, посвящ. 200-летию со дня рождения профессора О. М. Ковалевского // Восток. – 2001. – № 5.

Райс 2003 – *Райс Т. Т.* Скифы. Строители степных пирамид / пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003.

Рамстедт 1909 – *Рамстедт Г. И.* Этимология имени «ойрат» // Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. – СПб., 1909.

Рассадин 1982 – *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: Наука, 1982.

Рассадин 1995 – *Рассадин В. И.* Забытые страницы отечественного монголоведения // Правда Бурятии. – 1995. – 10 июня. – С. 3.

Рашид-ад-Дин 1946 – *Рашид-ад-Дин* Сборник летописей. Т. 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1946.

Рашид-ад-Дин 1952 – *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 1–2. – М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рерих 1945/1999 – *Рерих Ю. Н.* Кункхьен Чойджи-Одсер и происхождение монгольской письменности // Тибет и Центральная Азия. – Самара: Изд. дом «Агни», 1945/1999.

Реферовская 1996 – *Реферовская Е. А.* Философия языка и грамматические теории (из теории лингвистики). – СПб., 1996.

Ринчен 1999 – *Ринчен Ю. Б.* Писателю А. А. Бальбурову от 28 января 1965 г. Мат-лы подготовила к печати Н. Пилсуева (из фонда музея истории Бурятии) // Байкал. – 1999. – № 6.

Ромашко 1985 – *Ромашко С. А.* Методология изучения истории языкознания / ред. Ф. М. Березин. – М.: ИНИОН АН СССР, 1985.

Руднев 1905 – *Руднев А. Д.* Лекции по грамматике монгольского письменного языка. – СПб.: Литогр., 1905.

Румянцев 1941 – *Румянцев Г. Н.* Доржи Банзаров как филолог // Зап. ГИЯЛИ. – 1941. – Т. 3–4.

Румянцев 1947 – *Румянцев Г. Н.* Неизвестная рукопись О. М. Ковалевского // Зап. БМНИИКиЭ. – 1947. – Вып. 7.

Румянцев 1955 – *Румянцев Г. Н.* Примечания // Д. Банзаров. Собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Румянцев 1956 – *Румянцев Г. Н.* Баргузинские летописи. – Улан-Удэ: Бургиз, 1956.

Рыгдылон 1953 – *Рыгдылон Э. Р.* По поводу нового чтения надписи на Чингисовом камне // Эпиграфика Востока. – 1956. – Вып. 8.

Рыкин 2003 – *Рыкин П. О.* Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Евразия. Люди и мифы. – М.: Изд-во «Наталис», 2003.

Савельев 1955 – *Савельев П. С.* Список сочинений Д. Банзарова (в хронологическом порядке) // Доржи Банзаров. Собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Савельев 1997 – *Савельев П. С.* О жизни и трудах Доржи Банзарова (1855) // Доржи Банзаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Сазыкин 1990 – *Сазыкин А. Г.* Монголоведение // История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука, 1990.

Санданова 1998 – *Санданова М. Р.* Эволюция взглядов на природу и состав причастных форм глагола в монголоведении и бурятоведении // Филологический сборник. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998.

Санжеев 1940а – *Санжеев Г. Д.* Банзаров как ученый // Зап. БМНИИЯЛИ. – 1940а. – Вып. 2.

Санжеев 1940б – *Санжеев Г. Д.* Предисловие // Грамматика калмыцкого языка. – М.; Л.: Наука, 1940б.

Санжеев 1947 – *Санжеев Г. Д.* Изучение монгольского языка и литературы // Тр. Моск. Ин-та востоковедения. Сб. 5. – М.: МИВ, 1947.

Санжеев 1952 – *Санжеев Г. Д.* К проблеме частей речи в алтайских языках // Вопр. языкознания. – 1952. – № 6.

Санжеев 1953а – *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1953а.

Санжеев 1953б – *Санжеев Г. Д.* Монгольское языкознание в СССР // Lingua Posnaniensis. Т. 4. – Poznan, 1953б.

Санжеев 1955а – *Санжеев Г. Д.* Грамматический строй бурят-монгольского языка // Мат-лы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1955а.

Санжеев 1955б – *Санжеев Г. Д.* Жизнь и деятельность Доржи Банзарова // К столетию со дня смерти Д. Банзарова. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1955б.

Санжеев 1957 – *Санжеев Г. Д.* Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики // Rocznik orientalistyczny. Т. XXII. – Warszawa, 1957.

Санжеев 1959 – *Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. – М.: Вост. лит., 1959.

Санжеев 1963 – *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. Т. 2. – М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Санжеев 1964 – *Санжеев Г. Д.* Старописьменный монгольский язык. – М.: Наука, 1964.

Санжеев 1970 – *Санжеев Г. Д.* От переводчика // НАА. – 1970. – № 5.

Санжеев 1975 – *Санжеев Г. Д.* В. Л. Котвич – пионер нового направления в алтаистике // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2 (Сер. лингвистики). – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1975.

Санжеев 1977 – *Санжеев Г. Д.* Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. – Улан-Удэ, 1977.

Санжеев 1983 – *Санжеев Г. Д.* Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983.

Сенковский 1851 – *Сенковский О. И.*, рец.: Приложения «Библиотеки восточных историков» // Библиотека для чтения. – Т. 106, ч. III–IV, отд. V. – СПб., 1851.

Сердюченко 1967 – *Сердюченко Г. П.* Русская транскрипция для языков зарубежного Востока. – М.: Наука, 1967.

Сивцев 1973 – *Сивцев А. К.* Об этнонимах «саха», «якут» и «нуучча» // О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1973.

Смирнов 1909 – *Смирнов Я. И.* Восточное серебро // Атлас древней серебряной и золотой посуды. – СПб., 1909 (пайцца с надписью сфотографирована на табл. XCIV).

Содмон 2004 – *Содмон Намжавин.* «Ясное письмо» ойратов Синьцзяна КНР. АКД. – Элиста: Изд-во КГУ, 2004.

Солнцев 1955 – *Солнцев В. М.* Введение в теорию изолирующих языков. – М.: Наука, 1955.

Соссюр де 1977 – *Ф. де Соссюр*. Общий взгляд на историю лингвистики / пер. с фр. А. А. Холодовича // Труды по языкознанию. – М., 1977.

Спасский 1819 – *Спасский Г. И.* Древности Сибири // Сибирский вестник. – 1819. – Ч. IV.

Срезневский 1873 – *Срезневский И.* Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями. – СПб., 1873.

Срезневский 1854 – *Срезневский Н. Н.* Материалы к словарю диалектной лексики русского языка. Т. 1–2. – СПб., 1854.

Степанов 1975 – *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. Изд. 2-е, перераб. – М.: Просвещение, 1975.

Суник 1982 – *Суник О. П.* Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. – Л.: Наука, 1982.

Сусеева 1996 – *Сусеева Д. А.* Из первых сведений о калмыцком языке в Европе // Российское монголоведение. – 1996. – Вып. 4.

Сухэ-Батор 1976 – *Сухэ-Батор Г.* К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну) // Проблемы Дальнего Востока. – 1976. – № 1.

СЭС 1984 – Советский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во БСЭ, 1984.

Таксубаев 1970 – *Таксубаев А. И.* Заметки об анализе монгольских грамматических сочинений // НАА. – 1970. – № 4.

Таксубаев 1986 – *Таксубаев А. И.* К вопросу категории залога в монгольском языке // Исследования по филологии стран Азии и Африки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

Таскин 1986 – *Таскин В. С.* О титулах шаньюй и каган // *Mongolica*. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова (1884–1931). – М.: Наука, 1986.

Татаринцев 2002 – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2002.

Ташнинов, Эрдниев 1967 – *Ташнинов Н. Ш., Эрдниев У. Э.* Культура и быт калмыков в XVII – начале XIX в. Просвещение // Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – М.: Вост. лит., 1967.

Тенишев 2001 – *Тенишев Э. Р.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Т. 2. – М.: Вост. лит., 2001.

Тодаева 1960 – *Тодаева Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. – М.: Вост. лит., 1960.

Тодаева 1986 – *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. – М.: Наука, 1986.

Томсен 1938 – *Томсен В.* История языковедения до конца XIX века (Краткий обзор основных моментов). – М., 1938.

Трофимова 1989 – *Трофимова С. М.* Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. – Новосибирск: Наука, 1989.

Тумунов 1973 – *Тумунов Ж.* Развитие школьного образования в Агинском бурятском национальном округе (1842–1977 гг.). АКД. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1973.

Убрятова 1973 – *Убрятова Е. И.* Труд О. Н. Бётлинга «Uber die Sprache des Jakuten – 120 лет // О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1973.

Убушаев 1979 – *Убушаев Н. Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979.

Убушаев 1989 – *Убушаев Н. Н.* Происхождение этнонима «ойрат» // Владимирцовские чтения-II. – М.: ИВ АН СССР, 1989.

Убушаев 2001 – *Убушаев Н. Н.* Этимология имени Чингис // Проблемы современного калмыковедения: мат-лы конф., посвящ. 75-летию проф. А. Борманджинова. – Элиста: КИГИ РАН, 2001.

Улымжиев 1986 – *Улымжиев Д. Б.*, рец. на кн.: Г. Ф. Шамов. Профессор О. М. Ковалевский. Биогр. очерк жизни и науч. деятельности. – Казань, 1983. Страницы истории // Байкал. – 1986. – № 6.

Улымжиев 1994 – *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1994.

Успенский 1986а – *Успенский В. Л.* К истории составления тибетско-монгольского словаря «Тогбар лаба» // *Mongolica*. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова (1884–1931). – М.: Наука, 1986а.

Успенский 1986б – *Успенский В. Л.*, рец. на кн.: Г. Ф. Шамов. Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983 // НАА. – 1986б. – № 2.

Фасмер 1996 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1–4. Т. 3. – М.: Рус. яз., 1996.

Фойгт 1852 – *Фойгт К. К.* Обзорение хода и успехов исследования азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 г. по 1852 г. – Казань, 1852.

Фролов 1958 – *Фролов Е.* Вильнюсский период жизни и деятельности Осипа Михайловича Ковалевского // Уч. зап. Вильнюсского ун-та. – 1958. – Т. 4 (Сер. ист.-филол.).

Хадалов 1952 – *Хадалов П. И.* Бурятский ученый Доржи Банзаров. – М.: Знание, 1952.

Хондемир 1834 – *Хондемир*. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана / пер. с перс. Издал В. В. Григорьев. – СПб., 1834.

Хохлов 1992 – *Хохлов А. Н. А. В. Игумнов* – составитель первого в России Большого монгольско-русского словаря // VI Междунар. конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.): докл. рос. делегации. – М.: ИВ РАН, 1992.

Цултэм Н.-О. 1984 – *Цултэм Н.-О.* Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. Изд. 2-е, испр. – М.: Изобр. искусство, 1984.

Цыбиков 1915 – *Цыбиков Г. Ц.* Пособие к практическому изучению монгольского языка. – Владивосток: Изд. Вост. ин-та, 1915.

Цыбиков 1991 – *Цыбиков Г. Ц.* О монгольском переводе «Лам-рим чэн-по» // Избранные труды. В 2 т., т. 2. – Новосибирск: Наука, 1991.

Цыбиков 1930 – *Цыбиков Г. Ц.* Жизнь и труды Доржи Банзарова // Бурятоведческий сборник. – Иркутск: Облгиз, 1930.

Цыдендамбаев 1955 – *Цыдендамбаев Ц. Б.* Выступление // Мат-лы науч. конф. по вопросам бурят.-монг. языка. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1955.

Цыдендамбаев 1955а – *Цыдендамбаев Ц. Б.* Об этимологических изысканиях Доржи Банзарова // К 100-летию со дня смерти Д. Банзарова. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1955а.

Цыденжапов 1980 – *Цыденжапов Ш. Р.* К проблеме изучения одного этнонима // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980.

Цыденжапов 1990 – *Цыденжапов Ш. Р.* Чингисхан. – Улан-Удэ: Бургиз, 1990.

Цыремпилов 1989 – *Цыремпилов В. Б.* Об этнониме «ойрат» // Цыбиковские чтения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1989.

Цыремпилов 1952 – *Цыремпилов В. Б.* Этнонимы «ойрат» и «тунгус» // Средневековая культура монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1952.

Цыремпилов 1996 – *Цыремпилов В. Б.* Об этимологии этнонимов «монгол», «хори», «бурят» и «ойрат» // Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996.

Цэрэнпил 1987 – *Цэрэнпил Д.* Разделение звуков монгольского языка на гласные и согласные в комментариях к «Jirüken-ü tolta» // *Studia Mongolica*, t. XII (20), fasc. 14. – Ulan-bator: ШУА хэвлэл, 1987.

Чагдунов 1980 – *Чагдунов С. Ш.* Происхождение Гэсэриады. – Новосибирск: Наука, 1980.

Чагдуров 1999 – *Чагдуров С. Ш.* Прародина монголов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1999.

Чареков 1984 – *Чареков С. Л.* Наречные слова и частицы в системе частей речи бурятского языка // Вопросы языкознания. – 1984. – № 3.

Чареков 1999 – *Чареков С. Л.* Эволюционная морфология. Ч. 1: Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. – СПб.: Наука, 1999.

Черемисов 1973 – *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1973.

Черных 1993 – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т., т. 1. – М.: Рус. яз., 1993.

Чимитдоржиев 1987 – *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987.

Чойма 1997 – *Чойма Ш.* О суффиксе *-run/rün*, встречающемся в «Сокровенном сказании монголов» и на Чингисовом камне // Банзаровские чтения-2: мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Шавкунов 1986 – *Шавкунов Э. В.* Локализация гидронима Хэйшуй и проблемы этнической принадлежности «амурских чжурчжэней» // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР. – Владивосток: Наука, 1986.

Шавкунов 1987 – *Шавкунов Э. В.* Еще раз об этимологии этнонима «монгол» // Древний и средневековый Восток. – М.: Вост. лит., 1987.

Шагдаров 1976 – *Шагдаров Л. Д.* Г. Ц. Цыбиков как лингвист-монголовед // К столетию со дня рождения профессора Г. Ц. Цыбикова: мат-лы науч. конф. и ст. – Улан-Удэ, 1976.

Шагдаров 1997 – *Шагдаров Л. Д.* Доржи Банзаров как филолог // Банзаровские чтения-3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Шагдаров, Дондуков 1981 – *Шагдаров Л. Д., Дондуков У.-Ж. Ш.*, рец. на кн.: Ц. Д. Будаев. Лексика бурятских диалектов в сравнительном освещении. – Новосибирск, 1978 // Вопросы языкознания. – 1981. – № 5.

Шагдаров, Бураев 2004 – *Шагдаров Л. Д., Бураев И. Д.* Строй бурятского языка // Буряты. – М.: Наука, 2004.

Шагдуров, Евдокимова, Дамдинов 2000 – *Шагдуров Ю. П., Евдокимова С. В., Дамдинов А. В.* Профессор Д. Б. Улымжиев: биобиблиогр. указатель. – Улан-Удэ, 2000.

Шамов 1956 – *Шамов Г. Ф.* Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. – М.: Вост. лит., 1956.

Шамов 1982 – *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. – Казань: Изд-во КГУ, 1982.

Шастина 1952 – *Шастина Н. П.* История изучения Монгольской Народной Республики // Монгольская Народная Республика. – М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Шастина 1955 – *Шастина Н. П.* Эпиграфика в работах Д. Банзарова // К столетию со дня смерти Д. Банзарова. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1955.

Шастина 1956 – *Шастина Н. П.* Ученая корреспонденция монголо-веда О. М. Ковалевского // Сов. востоковедение. – 1956. – № 1.

Шастина 1962 – *Шастина Н. П.* Д. Банзаров // СИЭ. В 12 т., т. 2. – М.: Сов. энциклопедия, 1962.

Шафрановская 1963 – *Шафрановская Т. К.* Монголовед Иоган Иериг // Страны и народы Востока. Вып. IV. – М.: Наука, 1963.

Шведова 1990 – *Шведова Н. Ю.* Предисловие к 21-му изданию // Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1990.

Шведова 2002 – *Шведова Н. Ю. и др.* Предисловие // Русский семантический словарь. Т. 1. – М.: Рус. яз., 2002.

Шишов 2003 – *Шишов А. В.* Чингисхан // Сто великих военачальников. – М., 2003.

Шмидт 1831 – *Шмидт Я. И.* Руководство для изучения монгольского языка // Чтения Академии наук в СПб. за 1829 и 1830 годы. – СПб., 1831.

Шмидт 1832 – *Шмидт Я. И.* Грамматика монгольского языка. – СПб., 1832.

Шмидт 1835 – *Шмидт Я. И.* Монгольско-немецко-русский словарь с присовокуплением немецкого и русского алфавитных списков. – СПб., 1835.

Шмидт 1836 – *Шмидт Я. И.*, рец. на кн.: О. М. Ковалевский. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835 // ЖМНП. – 1836. – Ч. 9, кн. 3.

Шмидт 1839а – *Шмидт Я. И.* О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингисхана // Санкт-Петербургские ведомости. – 1839а. – № 224.

Шмидт 1839б – *Шмидт Я. И. и др.* Процесс о монгольской надписи на памятнике Чингисхана // Отечественные записки. – 1839б. – Т. 7.

Шмидт 1843 – *Шмидт Я. И.* Тибетско-русский словарь. – СПб., 1843.

Шофман 1956 – *Шофман А. С.* Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1956.

Шухарт 1950 – *Шухарт Г.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. А. И. Бобовича, ред., предисл. и примеч. Р. А. Будагова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950.

Щерба 1974 – *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Щербак 1997 – *Щербак А. М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи. – СПб.: Наука, 1997.

Щербатской 1916 – *Щербатской Ф. И.* Тибетский перевод сочинений Samtanantarāsiddhi Dharmakīrti Samtanantarāsiddhitika Vinitadāra вместе с тибетским толкованием, составленным Агваном-Дандар-лхарамбой. Издал Ф. И. Щербатской. – Пб., 1916.

Щукин 1838 – *Щукин Н. С.* Александр Васильевич Игумнов // Сын отечества и северный архив. – 1838. – Т. 2, кн. 3.

Щукин 1844 – *Щукин Н. С.* Поездка в Якутию. Изд. 2-е. – СПб., 1844.

Щукин 1852 – *Щукин Н. С.* Очерки Забайкальской области // ЖМВД. – 1852. – янв.

Эрдман 1844 – *Эрдман Ф. К.* К истории Чингис-хана // ЖМНП. – 1844. – Ч. 44, вып. X–XII.

Якоб 1812 – *Якоб Л. Г.* Начертания всеобщей грамматики. Ч. 2 // Курс философии для гимназий, соч. Л. Г. Якоба. – СПб., 1812.

Яхонтова 1996 – *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. – М.: Вост. лит., 1996.

Яхонтова 2006 – *Яхонтова Н. С.* Санскритская лексикографическая традиция и монгольские словари // IX междунар. конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 авг. 2006 г.): докл. рос. ученых. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2006.

На монгольском языке

Амар 1935 – *Амар А.* Монголын товч туух. – Улаанбаатар, 1935 (на старописъм. монг. яз.).

Галбаатар 2002 – *Галбаатар Д.* Чингисийн чулууны бичиг // Уран зохиолын онолын ойлголт, нэр томъёоны тайлбар толь. – Токио, 2002.

Гонгоржав 1982 – *Гонгоржав У.* Монголын эртний харвуул тэмцээн. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982.

Дамба 1975 – *Дамба Д.* Яков Иванович Шмидт // Монголыг судласан гадаадын эрдэмтэд. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975.

Дамдинсүрэн 1957 – *Дамдинсүрэн Ц.* Монголын нууц товчоо. Переложение со среднемонгольского на современный язык Ц. Дамдинсүрэна. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1957.

Дамдинсүрэн 1997 – *Дамдинсүрэн Ц.* Монголын уран зохиолын тойм. Кн. 1. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1997.

Жамбалдорж 1990 – *Жамбалдорж С.* Монгол хэмээх нэрийн уг гарлын тухай // Хэл зохиол судлал, боть 24, fasc. 3. – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1990.

Лувсанвандан 1967 – *Лувсанвандан Ш.* Орчин цагийн монгол хэлний зуй. Монгол хэлний авианы бутэц. Авиа ба хувилбар хоёр нь. 1-р дэвт. – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1967.

Лувсанвандан 1969 – *Лувсанвандан Ш.* Дөрвөлжин, тод усгийн зов бичиг дүримд монгол хэлний урт эгшигийн хэрхэн тэмдэглэсэн нь // Хэл зохиол судлал. боть VII, fasc. 2. – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1969.

Надмид 1967 – *Надмид Ж.* Монгол хэл, тууний бичгийн түүхэн хөгжлийн товч тойм. – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1967.

Намжилцэвээн 1959 – *Намжилцэвээн* Монгол гэдэг нэрийн тухай. – Улаанбаатар, 1959.

Намнандорж 1958 – *Намнандорж О.* Мөнх хааны гэрэлт хөшөө ба ордыг олж судалсан тухай. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1958.

Пагба 1957 – *Пагба Т.* «Зурхний тольтын тайлбарыг» судалсан тухай тэмдэглэл. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1957.

Пэрлээ 1956 – *Пэрлээ Х.* Монгол нийгэмлэгийн эртний хэдэн нэр томъёоны тухай. – Улаанбаатар: ШУА Академийн хэвлэл, 1956.

Пэрлээ 1958 – *Пэрлээ Х.* Нууц Товчоонд гардаг газар усны зарим нэрийг хайж олсон нь. – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1958.

Пэрлээ 1962 – *Пэрлээ Х.* Чингисын чулууны бичээс // Гурван огуулэл. – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1962.

Төмөртогō 2002 – *Төмөртогō Д.* О wa, we в «Jirüken-ü tolta» Сакьяпандиты Гунгажалцана // Төмөртогō Д. Монгол хэл шинжлэлийн онол түүхийн асуудлууд. – Улаанбаатар, 2002.

Төмөртогō 2002a – *Төмөртогō Д.* Монгол дөрвөлжин бичигийн «mönke» хэмээх угийн бичлэгийн тухай // Монгол хэлшинжлэлийн онол, түүхийн асуудалууд. – Улаанбаатар, 2002a.

Төмөртогō 2002б – *Төмөртогō Д.* Рапицийн «Асар улэмж аялгууны найман их судар» ба тууний тайлбарууд // Монгол хэлшинжлэлийн онол, түүхийн асуудалууд (1982). – Улаанбаатар, 2002б.

Төмөрцэрэн 1964 – *Төмөрцэрэн Ж.* Орчин цагийн монгол хэлний угийн сангийн судлал. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1964.

Төмөрцэрэн 1974 – *Төмөрцэрэн Ж.* Монгол хэлний угийн сангийн судлал. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1974.

Улзийсүрэн 1975 – *Улзийсүрэн Б.*, ред. Монголын судалсан гадаадын эрдэмтэд. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1975.

Хасдорж 1959 – *Хасдорж Ч.* Монгол гэдэг нэрийн мухай / ред. Ч. Далай, Н. Сэр-Оджав хоёр. – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1959.

Цэвэл 1966 – *Цэвэл Я.* Монгол хэлний тайлбар толь. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1966.

Цэрэнсодном 2002 – *Чойджиги-Одсэр.* Монгол номын «Зүрний тольт» хэмээх нэрт зуун найман үсэг. – Улаанбаатар, 2002.

Цэцэнмөнх 2002 – *Цэцэнмөнх.* Монгол гэдэгийн «гол» хэмээх нэрийн гарал уусэл (рукопись) (докл. на 8-м конгрессе монголоведов: Улан-Батор, август 2002 г.).

Шагдарсүрэн 2001 – *Шагдарсүрэн.* Монголчуудын үсэг бичигийн товчоон. – Улаанбаатар: *Urlakh erdem*, 2001.

На европейских языках

Bansarov 1848 – *Bansarov D.* Erklärung einer mongolischen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouverne ment, auf den Gütern des Herrn Barons A. Stieglitz ausgegrabenen Silberplatte. Mit einer lithographirten tafel // Bulletin de la class hist de l'Academie. – 1848. – Vol. V. – № 9.

Bira, Sükhbatar 1980 – *Bira Sh., Sükhbatar O.* On the Tibetan and Mongolian Translations of Sanskrit Grammatical Works // *Indologica Taurinensia*, t. VII. – Topuno, 1980.

Böhtlingk 1848 – *Böhtlingk O.* Nachtrag zu der in № 9 dieses Bulletins gegebenen Erklärung einer mongolischen Inschrift auf einer silberplatte // Bulletin de la classe hist-philol. – 1848. – № 12.

Böhtlingk 1851 – *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten Grammatik. Text und Wörterbuch. – SPb., 1851.

Buck 1955 – *Buck F. H.* Comparative Study of Postpositions in Mongolian Dialects and the Written Language. – Cambridge, 1955.

Buck 1970, 1973, 1983 – *Buck F. H.* Introduction // *Tibetan – English Dictionary* by Rei Sarat Chandra Das. – Delhi, 1970, 1973, 1983.

Cleaves 1949 – *Cleaves F. W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu // *HJAS*. – 1949. – Vol. 12. – № 1–2 (june).

Cleaves 1950 – *Cleaves F. W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in Memory of Chang Ying-juj // HJAS. – 1950. – Vol. 13. – № 1–2 (june).

Cleaves 1953 – *Cleaves F. W.* The Mongolian Documents in the Musee de Teheran // HJAS. – 1952. – № 1–2 (june).

Dauglas 1877 – *Douglas R. K.* The Life of Jenghiz-Khan. – L., 1877.

Dorn 1846 – *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Peterburg. – SPb., 1846.

Hambis 1960 – *Hambis L.* A propos de la «Piorre de Gengis khan // Melanges publies par l'institut des Mautes Etudes Chinoises». – Vol. 2. – Paris, 1960.

Hambis 1970 – *Hambis L.* L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'apres les sources chinoises et mongoles et la documentation conservee par Rashidu-d-din // CAJ. – 1970. – Vol. XIX. – № 1–3.

Hammer 1840 – *Hammer P.* Geschichte der Golden Horde in Kiptschak das ist: der mongolen in Russland. – Pesth, 1840.

Haenish 1957 – *Haenish E.* Sinomongolische glossare I. Das Hua-I ih-yü. – Berlin, Akad. Verl. 1957.

Hattori 1961 – *Hattori Sh.* The Dength of Vowels in Proto-monyol // Олон Улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурал. 2-р дэвт. – Улаанбаатар: ШУА хэвлэл, 1961.

Iwamura 1961 – *Iwamura Sh.* The Zirni Manuscript. A Persian-Mongolian Glossari and Grammer. – Kyoto, 1961.

Karlgren 1940 – *Karlgren B.* Grammeta serica Script and Phonetics in Chinese and Sino-Japanese. – Stockholm, 1940.

Kotwicz 1948 – *Kotwicz W.* Josef Kowalevski orientalista. – Wroclaw, 1948.

Lattimore 1973 – *Lattimore O.* A «Housing» or Case for a Paitzu of Tablet of Authority of the Mongolian Imperial Era // Олон Улсын монголч эрдэмтний II их хурал. 1-р боть. – Улаанбаатар, 1973.

Ligeti 1962 – *Ligeti L.* Un vocabulaire mongol d'Istanboul // AOH. – 1962. – Vol. 14, fasc. 1.

Ligeti 1970 – *Ligeti L.* Monuments preclassignes 1. XIIIe et XIVE siecles par L. Ligeti. – Budapest: Akademiai Kiado, 1970. Indexes verborum linguae mongolicae monumentis traditorum I.

Ligeti 1971 – *Ligeti L.* Histoire secrete des mongols. – Budapest: Akademiai Kiado, 1971.

Ligeti 1972 – *Ligeti L.* Monuments preclassignes 1. XIIIe et XIVE siecles par L. Ligeti. – Budapest: Academia Kiado, 1972. – 582 p. (Indices verborum linguae mongolicae monumentis traditorum, vol. II), 1972.

Ligeti 1973 – *Ligeti L.* A propos d'un document onigour de l'époque mongole // AOH. – 1973. – Vol. XXVII, fasc. 1.

Ligeti 1990 – *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-mongol des Yuan.: de Tche-yuan yi-yu / Ed. par G. Kara // AOH. – 1990. – Vol. 44, fasc. 3.

Misserschmidt 1962–1977 – *Misserschmidt D. A.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. – Berlin, 1962–1977.

Mostaert 1950 – *Mostaert A.* Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols // HJAS. – 1950. – Vol. 13.

Münküjev 1977 – *Münküjev H. Ts.* A new Mongolian Pai-tzü from Simferopoli // AOH. – 1977. – Vol. XXXI, fasc. 2.

Murayama 1950 – *Murayama S.* Über die Inschrift auf des «Stain des Cingis» // Oriens. – 1950. – Bd. 3. – № 1.

Pelliot 1959 – *Pelliot P.* Wotes on Marco Polo, I. Ouvrage pothume. – Paris, 1959.

Poppe 1927 – *Poppe N.* Das mongolische sprachmaterial einei Leidener Handschrift // Изв. АН СССР. – 1927. – Вып. 12–17.

Poppe 1957 – *Poppe W.* The Mongolian Monuments in Phags-pa Script (Bd. 8). – Wiesbaden, 1957.

Rachewiltz 1976 – *Rachewiltz J. de* Some Remarks on the Stele of Yisügge // Tractata Altaica. – Wiesbaden, 1976.

Rachewiltz 1989 – *Rachewiltz J. de.* The title Činggis Qan / φαγαη re-examined // Gadanke und wirkung festschrift – Zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe. – Wiesbaden, 1989.

Rachewiltz 1996 – *de Rachewiltz J. de.* The Name of the Mongols in Asia and Europe: A Reappraisal // Etudes mongols et siberiennes.

Ratschnewsky 1983 – *Ratschnewsky P.* Činggis Khan. Sein leben und Wirken // Munchener Ostasiatische Syudien. Bd. 32. – Wiesbaden, 1983.

Remusat 1822 – *Remusat J. P.*, рец. на кн.: Inscriptiones Sibiriacae: Die antiquis quibusdam Sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis; Scripsit Gr. Spassky. Petropoli: 1822 // Journal des Savans. Oct. – Vol. X. – Paris, 1822.

Remusat A. J. R. 1824 – *Remusat A. J. R.*, рец. на кн.: *Gr. Spassky.* Inscriptiones Sibiriacae: Die antiquis quibusdam Sculptures et inscriptioubas in Sibiria repertis. Petropoli, 1822 // Азиатский вестник. – 1824. – Кн. IV (рус. пер., примеч. издателя).

Rinchen 1958 – *Rinchen Y.* // CAJ. – 1958. – Vol. IV, fig. 6.

Uspenskiy 1999–2000 – *Uspenskiy V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St.-Peterburg State University Library. – Tokyo, 1999–2000.

Serruys 1982 – *Serruys H.* Mongyol, Moyal and Mangyus: Mayus // AOH. – 1982. – Vol. 36, fasc. 1/3.

Schmidt 1831 – *Schmidt J. J.* Grammatik der Mongolischen sprache. – SPb., 1831.

Schmidt 1833 – *Schmidt J.* Bericht Über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der Mongolen – Herischaf // Mem. de l'Ac. des Sciences de St. Pbg. – 1833. – VIe serie. – Vol. II, liv. 2–3.

Shott 1851 – *Shott W.* Ueber Beresins Ausgabe und Uebersetzung des Sheibaniname // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. 9, № 4. – Berlin, 1851.

Shott 1855 – *Shott W.* Ueber Bansarows Auslegung einer mongolischen Inschrift // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. 14, № 2. – Berlin, 1855.

Shott 1856 – *Shott W.* Dordji Bansarov // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. 15, № 2. – Berlin, 1856.

Tömörтогд 2002 – *Tömörтогд D.* The Ancient Indian Linguistic Worus in Mongolian Danjur (1989) // Монгол хэлшэнжлэлийн онол, түүхийн асуудлууд. – Улаанбаатар, 2002.

Список принятых сокращений

- АДД – автореферат докторской диссертации
АКД – автореферат кандидатской диссертации
АН – Академия наук
АОН – Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae – журнал Академии наук Венгрии, издается в Будапеште 3 раза в год
АРВМ – Автономный район Внутренняя Монголия
БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь
БГПИ – Бурятский государственный педагогический институт им. Доржи Банзарова
БГУ – Бурятский государственный университет
БКНИИ – Бурятский комплексный НИИ СО АН СССР
БМНИИК – Бурят-монгольский НИИ культуры
БМНИИКЭ – Бурят-монгольский НИИ культуры и экономики
БМГНИИЯЛИ – Бурят-монгольский государственный НИИ языка, литературы, истории
ВБЭС – Всемирный биографический энциклопедический словарь
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВНР – Венгерская Народная Республика (1948–1990)
ДТС – Древнетюркский словарь
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел (России)
ЖМНО – Журнал Министерства народного образования
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук
ИМБТ СО РАН – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Имп. – императорский
КГУ – Казанский государственный университет
КДА – Казанская духовная академия
КУ – Казанский университет
ЛГУ – Ленинградский государственный университет (1924–1992)
ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков
Литогр. – литография
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь
НАА – Народы Азии и Африки
НРБ – Национальная библиотека России (Санкт-Петербург)

НГУ – Новосибирский государственный университет

НИИ – Научно-исследовательский институт

ОР – отдел рукописей

РГБ – Российская государственная библиотека

РАНО – Русское археологическое нумизматическое общество

РАО – Русское археологическое общество

РНБ – Российская национальная библиотека

РСС – Русский семантический словарь

СИЭ – Советская историческая энциклопедия

СОРГО – Сибирское отделение Русского Географического общества

ства

СПбо – Санкт-Петербургское отделение ИВ РАН (ныне Санкт-Петербургский институт восточных рукописей)

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СЭС – Советский энциклопедический словарь

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов,

г. Москва (ныне РГАДА)

JCANAS – International Congress Asian North African Studies

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Развитие грамматического учения в монгольском языкознании в России I половины XIX в.: грамматики Я. И. Шмидта, А. И. Бобровникова, О. М. Ковалевского, А. В. Попова и А. А. Бобровникова	31
§ 1. Индо-тибетская, монгольская и европейские лингвистические традиции.	
Источники и составные части грамматик монгольских языков	31
1.1.1. Предпосылки зарождения грамматической теории у монголов.	
Роль индо-тибетской лингвистики в становлении монгольского языкознания.	
Истоки грамматической мысли в Монголии (XIV–XVIII вв.)	31
1.1.2. Античные, римские и латинские школы. «Грамматика Пор-Рояля».	
Лингвистические направления в Европе и их влияние на русское языкознание. Языкознание в России и его взаимосвязи с монгольским в петербургский и казанский периоды научного монголоведения	44
1.1.3. Европейский, русский и монгольский синтез в языкознании	50
§ 2. Первые сведения о лингвистических знаниях в России по монгольскому языку в XVIII – начале XIX в.	51
1.2.1. Г. З. Байер (1694–1738) как предвестник русского монголоведения. Его работы по монгольскому и калмыцкому языкам	51
1.2.2. Иоганн Иериг – автодидакт монгольского языка. Его рукописи в критике Я. И. Шмидта	53
1.2.3. Собрание лингвистического материала в XVIII–XIX вв. экспедициями Академии наук	55
§ 3. Я. И. Шмидт и А. И. Бобровников – первые грамматисты	58
1.3.1. Я. И. Шмидт	58
1.3.2. «Грамматика монгольского языка» А. И. Бобровникова и ее научное значение для современной монгольской филологии	71
§ 4. Грамматисты казанской школы монголистов О. М. Ковалевский и А. В. Попов	75
1.4.1. Профессор О. М. Ковалевский как грамматист. У истоков русской компаративистики в начале XIX в.	75
1.4.2. А. В. Попов как первый лингвист-калмыковед	89
§ 5. А. А. Бобровников и Д. Б. Банзаров – новаторы в монгольском языкознании 40–50-х гг. XIX в.	99
1.5.1. К лингвистическим взглядам Д. Банзарова	99
1.5.2. А. А. Бобровников как грамматист. Общие замечания.....	101
Глава 2. Историческая лексикология в монгольском языке в России и за рубежом, разработанная в XIX в., в контексте современного монгольского языкознания	160
§ 1. Антропонимы, этнонимы и оронимы в историко-филологических работах Д. Банзарова, идеи которого отразились на русском и зарубежном монголоведении XIX–XX вв.	160
2.1.1. Историко-филологические этюды Д. Банзарова в научной эксклюзивной критике его современников	160
2.1.2. Судьба этимологических изысканий Д. Банзарова в свете исследований монголистов и синологов мира XX в.: поиски, ошибки и научные истины	167
§ 2. Надпись на стеле Исунгге: историография дешифровки, историософия: спорное и бесспорное. Язык текста надписи: лексико-семантический и грамматический анализ....	238
2.2.1. Состояние памятника и его материалы	238

2.2.2. История исследования памятника	241
2.2.3. Исунгте в исторической памяти и хронологии Монгольской империи, а также юаньского Китая	249
2.2.4. Геотермин «Буга Сочигай» как локация знаменитого боевого игрища в истории чингисидов	252
2.2.5. Язык текста надписи на стеле Исунгте: лексико-семантический и грамматический аспекты. Фонетические и текстообразующие элементы в дешифровке памятника ..	254
2.2.6. Дата памятника	271
§ 3. Объяснения Д. Банзаровым по аналогичному содержанию текста на пайцзах: лексико-семантический и грамматический анализ. История изучения текстов пайцз	273
2.3.1. История находки и состояние памятника	273
2.3.2. Об Абдулле и его правлении в Орде и ставке Мамаю	275
2.3.3. О пайцзе и ее назначении	275
2.3.4. Язык текста пайцзы Абдуллы и аналогичных дощечек к ней	277
2.3.5. Вопросы адекватности и достоверности в переводах текстов на пайцзах как предмет переводоведения монгольской эпиграфики и герменевтики: лексико-семантические предпосылки	280
2.3.6. Тексты на пайцзах: грамматический и морфологический анализ	286
§ 4. Монголизмы, объясненные Д. Банзаровым: лексико-семантический анализ и их место в русской лексикографии	295
2.4.1. Из истории написания работы Д. Банзарова	295
2.4.2. Исторический экскурс	296
2.4.3. Названия русского оружия, толкуемые Д. Банзаровым: лексико-семантический анализ и их место в русской лексикографии	297
§ 5. Гипотеза Д. Банзарова по этимологии «саха-якут» и ее версии в бурятском и якутском языкознании	303
Глава 3. Монгольская лексикография с XIII в. по 50-е гг. XIX в.: вопросы преемственности и взаимовлияния.	309
§ 1. Монгольские лексикографические источники и глоссарии в трудах мусульманских, армянских и грузинских ученых, словари, изданные в Китае в XIII–XVI вв. при Цинской династии (1644–1911 гг.), также тибетско-монгольская лексикография	309
3.1.1. Монгольские лексикографические источники и словари в трудах мусульманских, армянских и грузинских ученых	309
3.1.2. Региональная лексикография в Китае (XIII–XVI вв.) и при Цинской династии (XVII – начало XX в.)	318
3.1.3. Тибетско-монгольская лексикография	321
§ 2. Становление и развитие монгольской лексикографии в России и Европе в XIX в. Синтез восточных и западных достижений в монгольской лексикографии	327
3.2.1. Монгольские вокабулярии, глоссарии в полиязычных словарях русской лексикографии XVIII–XX вв.	327
3.2.2. А. В. Игумнов – первый сибирский лексикограф	331
3.2.3. Я. И. Шмидт – первый российский лексикограф	333
3.2.4. О. М. Ковалевский – крупнейший лексикограф	336
3.2.5. Д. Банзаров – маньчжуровед и лексикограф	346
3.2.6. Синтез восточных и западных достижений в монгольской лексикографии ..	347
Заключение	351
Литература	357
Список сокращений	388

Владимир Эрдыниеви́ч Раднаев

Монгольское языкознание в России
в I половине XIX века: проблемы наследия
(т. 1, ч. 1)

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Редактор *Г. В. Кашина*
Художник *Д. Т. Олоев*
Корректор *Э. Ц. Цыбенова*
Верстка, макет *Н. Д. Жамбаева*

Подписано в печать 12.10.2012. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,8. Уч.-изд. л. 22,7. Тираж 300. Заказ № 84.

РИО Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

